РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Гонина Наталья Владимировна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Демидова Лариса Денисовна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ильиных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Шарапов Сергей Валерьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Шипилов Илья Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

■ Члены редакционной коллегии

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Красильников Сергей Александрович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Германия

Рынков Вадим Маркович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор **д-р ист. наук Н.В. Чернышева**
канд. ист. наук Н.В. Гонина
Ответственный секретарь **канд. ист. наук Н.А. Потапова**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2026. № 5 (49)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Сибирское отделение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 7–8

From the Editors 9–10

Поздравление Владимиру Анатольевичу Исупову от Института российской истории РАН 11

Поздравление Владимиру Анатольевичу Исупову от Института истории СО РАН 12

Жиромская В.Б., Шайдуров В.Н., Чернышева Н.В., Гонина Н.В.
На пути к познанию законов развития общества 13–19

■ Научные школы и направления в исторической демографии

Исупов В.А. Историческая демография в Сибири в первой половине XX столетия:
взлет и падение 20–27

Дашинамжилов О.Б. В.А. Исупов – ученый и организатор
историко-демографических исследований в Сибири 28–38

Кышпанаков В.А. О Н.Я. Гущине, В.А. Исупове и исторической демографии 39–51

Семенов М.А. Основные направления и тенденции изучения смертности
тылового населения СССР в годы Великой Отечественной войны 52–63

Гонина Н.В. Урбанистический переход в Сибири:
от статистического учета к междисциплинарному синтезу
(на материалах исследований СО АН СССР 1950–1970-х годов) 64–79

Тиникова Е.Е. Иркутская школа миграционных,
диаспоральных и демографических исследований 80–90

Фадеева Т.А. Научная школа Л.Л. Рыбаковского в отечественной демографии:
становление идей, исследовательская программа и значение для современной науки 91–99

Канищев В.В. Опыт использования тамбовскими историками информационных технологий
в исследованиях по исторической демографии России Нового и Новейшего времени 100–108

■ Демографические, миграционные процессы и их изучение в отечественной историографии

Кабакова Н.В. Демографические процессы рубежа XVII–XVIII веков
в отражении Дозорной книги Тарского уезда 1701 года (на примере Татмыцкой слободы) 109–120

Сидорчук С.Д. Становление системы дошкольных учреждений Западной Сибири
в 1920–1930-е годы: историография вопроса 121–128

Ажигулова А.И. Историографический обзор абортной политики
Советского государства в 1920–1930-е годы 129–136

Чернышева Н.В. Миграции населения СССР в 1939–1945 годах в историографии постсоветского периода 137–153

Кринко Е.Ф. Демографические процессы на юге РСФСР в 1941–1945 годах: итоги развития отечественной историографии 154–166

Дацышен В.Г. Проблемы изучения китайской миграции в России в 1990-е годы 167–182

Потапова Н.А. «Чуждое» явление: безработица в Сибири 1920-х годов и ее социально-демографический облик 183–191

Аблажей Н.Н., Косицын М.А. «Сдвинутые» деревни: плановое переселение и изменение локальной системы расселения при создании Бухтарминского водохранилища на р. Иртыш (1950-е годы) 192–201

■ **Семейно-демографическая динамика и здравоохранение в отечественной истории**

Запевалова Е.А. Женский контингент населения Нижегородской губернии в 1870–1890-е годы: численность, структура, уровень грамотности 202–221

Шайдуров В.Н. Финны-лютеране Санкт-Петербурга: демографическое развитие во второй половине XIX – начале XX века 222–238

Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Трансформация рождаемости на Северном Кавказе в 1930–1950-е годы: факторы, динамика, последствия 239–250

Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Здоровье и медицинская помощь населению РСФСР в 1950–1960-е годы 251–269

Кузнецова Я.А. Брачное поведение населения сибирских регионов в 1990–2000-е годы: демографический аспект 270–285

CONTENTS

From the Editors (In Rus) 7–8

From the Editors 9–10

Congratulations to Vladimir Anatolyevich Isupov from the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 11

Congratulations to Vladimir Anatolyevich Isupov from the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 12

Zhiromskaya V.B., Shaidurov V.N., Chernysheva N.V., Gonina N.V. On the Path to Understanding the Laws of Social Development 13–19

■ **Scientific Schools and Trends in Historical Demography**

Isupov V.A. Historical Demography in Siberia in the First Half of the 20th Century: Rise and Fall 20–27

Dashinamzhilov O.B. V.A. Isupov – A Scientist and an Organizer of Historical and Demographic Research in Siberia 28–38

Kyshpanakov V.A. About N.Ya. Gushchin, V.A. Isupov and Historical Demography 39–51

Semenov M.A. The Main Directions and Trends in the Study of Mortality among the Civilian Population of the USSR's Rear during the Great Patriotic War 52–63

Gonina N.V. Urban Transition in Siberia: From Statistical Accounting to Interdisciplinary Synthesis (Based on Research Materials from the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the 1950s–1970s) 64–79

Tinikova E.E. Irkutsk School of Migration, Diaspora, and Demographic Research 80–90

Fadeeva T.A. L.L. Rybakovsky's Scientific School in Russian Demography: The Development of Ideas, Research Program and Significance for Modern Science 91–99

Kanishchev V.V. The Experience of Tambov Historians in Applying Information Technology to Research on the Historical Demography of Russia in the Modern and Contemporary Periods 100–108

■ **Demographic and Migration Processes and Their Study in Russian Historiography.**

Kabakova N.V. Demographic Processes at the Turn of the 17th and 18th Centuries in the Reflection of Patrol Book of Tarsky District of 1701 (On the Example of Tatmytskaya Sloboda) 109–120

Sidorchuk S.D. The Formation of the Preschool Institution System in Western Siberia in the 1920s–1930s: A Historiographical Review 121–128

Azhigulova A.I. A Historiographical Review of the Abortion Policy of the Soviet State in the 1920 Years and 1930 years 129–136

Chernysheva N.V. Migration of the USSR Population in 1939–1945 in the Historiography of the Post-Soviet Period 137–153

Krinko E.F. Demographic Processes in the South of the RSFSR in 1941–1945: Results of the Development of Domestic Historiography 154–166

Datsyshen V.G. Problems of Studying Chinese Migration in Russia in the 1990s 167–182

Potapova N.A. An "Alien" Phenomenon: Unemployment in Siberia in the 1920s and Its Socio-Demographic Profile 183–191

Ablazhey N.N., Kositsin M.A. "Relocated" Villages: Planned Resettlement and Changes to the Local Settlement Pattern During the Creation of the Bukhtarma Reservoir 192–201

■ Family and Demographic Dynamics and Healthcare in Russian History

Zapevalova E.A. Female Population Nizhny Novgorod Province in the 1870–1890: Number, Level of Literacy 202–221

Shaidurov V.N. St. Petersburg Lutheran Finns: Demographic Development in the Second Half of the 19th – Early 20th Century 222–238

Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V. The Transformation of the Birth Rate in the North Caucasus in the 1930–1950: Factors, Dynamics, Consequences 239–250

Zhiromskaya V.B., Aralovets N.A. Health and Medical Care for the Population of the RSFSR in the 1950s and 1960s 251–269

Kuznetsova Ya.A. Marital Behavior in the Siberian Regions in the 1990s–2000s: The Demographic Dimension 270–285

2026 · № 5 (49)

Тема номера:

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ: ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

ОТ РЕДАКТОРОВ

Историческая демография − одно из самых актуальных и сложных направлений в современной исторической науке. Интерес к ней постоянно растет, что обусловлено демографическими проблемами в стране и в мире, а также нарастающим пониманием их глубокой исторической природы. Полидисциплинарность данной отрасли знания требует от исследователя серьезной подготовки, знания математики, статистики, медицины и антропологии, работы с большими объемами данных. На данный момент в сфере исторической демографии опубликован ряд фундаментальных трудов и написано большое количество статей. В то же время это достаточно молодое направление научных исследований и его историография еще только формируется. Существуют нерешенные проблемы и ряд дискуссионных вопросов. Поэтому очень важно показать и оценить достигнутые результаты и наметить пути дальнейшей работы.

В данном выпуске журнала собраны материалы, позволяющие познакомиться с историей изучения отечественной исторической демографии в различных научных и образовательных центрах нашей страны. Размещение статей осуществлено по проблемно-хронологическому принципу. В первом блоке содержатся статьи об историко-демографических научных школах и направлениях. Тему открывает коллективная статья, посвященная юбилею известного ученого В.А. Исупова, в которой рассказывается о биографии исследователя и его вкладе в науку. За ней следует статья самого Владимира Анатольевича, раскрывающая историю сибирской исторической демографии первой половины XX века. В это время осуществляется изучение непосредственных демографических последствий Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Период 1920-х − начала 1930-х гг. автор характеризует как «золотой век» сибирской науки о народонаселении. Показан быстро растущий поток исследований по проблемам численности и изменения состава населения, а главное − по вопросам воспроизводства населения. Далее в статье уделяется внимание выявлению причин свертывания демографических исследований во второй половине 1930-х гг. Следующие статьи посвящены становлению и развитию новосибирской и иркутской научных школ демографических исследований, наследию Л.Л. Рыбаковского и опыту применения информационных технологий в исторической демографии.

Второй блок объединил статьи, изучающие отдельные вопросы воспроизводства и миграции населения и их отражение в отечественной историографии. Статья Н.В. Кабаковой раскрывает тонкости источниковой базы XVII−XVIII вв. Дозорная книга Тарского уезда 1701 года содержит ценные сведения, касающиеся разных сторон жизнедеятельности населения указанного региона. В ней представлена информация о миграционном движении в пределы слободы. Дозорная книга позволяет охарактеризовать фамильный и семейный состав жителей. Выявлено, что, несмотря на обширную информацию, включенную в Дозорную книгу, этот документ не дает полной картины протекания демографических событий, поскольку не содержит данных о представительницах женского пола, не показывает возраст мужчин − глав семей, не предоставляет сведений о рождаемости и смертности. Другие статьи представляют результаты изучения историографии

населения СССР и РСФСР 1920−1930-х гг., периода Великой Отечественной войны, специфики миграционного движения в советский и постсоветский периоды.

Третий блок включает статьи, посвященные исследованию семейно-демографической динамики и здравоохранения в отечественной истории. Его открывает статья Е.А. Запеваловой, в которой представлены результаты изучения женского населения в Нижегородской области во второй половине XIX в. В статье исследовано семейное положение женщин, возраст вступления женщин в брак, число разводов. Было установлено, что в период с 1870 по 1890 г. произошли значительные изменения в сословном составе женского населения. Развитие системы земских школ в сельской местности и муниципальных школ в городах способствовало улучшению показателей грамотности.

В статье В.Б. Жиромской и Н.А. Араловец на основе использования архивных данных текущей, медицинской и санитарной статистики, а также опубликованных сведений рассматривается состояние здоровья населения РСФСР, изучается организация медицинской помощи и ее результаты в 1950−1960-е гг. Авторы отмечают, что в рассматриваемое десятилетие в РСФСР и в целом в СССР действовала государственная система здравоохранения, обеспечивавшая социальную защищенность населения и бесплатную медицинскую помощь. В то же время показаны негативные тенденции в развитии системы здравоохранения и неблагоприятные факторы, снижающие качество здоровья населения.

В других статьях рассматриваются демографические процессы у финнов-лютеран г. Санкт-Петербурга во второй половине XIX − начале XX в., трансформация рождаемости на Северном Кавказе в 1930−1950-е гг., воспроизводство, брачность и разводимость на Крайнем Севере и в Сибири.

Выпускающие редакторы:
доктор исторических наук
Наталья Викторовна Чернышева,
кандидат исторических наук
Наталья Владимировна Гонина

Выпускающие редакторы **д-р ист. наук Н.В. Чернышева**
канд. ист. наук Н.В. Гонина
Ответственный секретарь **канд. ист. наук Н.А. Потапова**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

2026 · No. 5 (49)

The Theme of the Issue:

RUSSIAN HISTORICAL DEMOGRAPHY: SCHOOLS AND TRENDS

FROM THE EDITORS

Historical demography is one of the most relevant and complex areas in modern historical science. Interest in it is constantly growing, owing to demographic problems in the country and the world, as well as to a growing understanding of their deep historical roots. The interdisciplinary nature of this area requires serious training from researchers, knowledge of mathematics, statistics, medicine, and anthropology, as well as the ability to work with large amounts of data. To date, a number of fundamental works on historical demography have been published and a large number of articles have been written. The field of scientific research is constantly evolving, and the history of its study is still in its early stages. Unresolved problems and controversial issues remain, so it is important to demonstrate and evaluate the results achieved and to outline ways for further work.

This issue of the journal contains materials that allow readers to become acquainted with the history of the study of Russian historical demography at various scientific and educational centers in our country. The articles are arranged according to a problem-chronological principle. The first block contains articles on historical-demographic scientific schools and trends, including a collective article dedicated to the anniversary of the renowned scholar V.A. Isupov. This article describes the researcher's biography and contribution to science and is followed by an article by Vladimir Anatolyevich himself. That article examines the history of Siberian historical demography in the first half of the 20th century. During this period, the immediate demographic consequences of World War I, the revolution, and the Civil War were studied. The author characterizes the period from the 1920s to the early 1930s as the "golden age" of Siberian population science. The article emphasizes the growing body of research on population dynamics and demographic shifts and explores population reproduction. It then investigates the reasons behind the decline of demographic research in the latter half of the 1930s. The following articles are devoted to the formation and development of the Novosibirsk and Irkutsk scientific schools of demographic research, as well as to the legacy of L.L. Rybakovsky and the use of information technologies in historical demography.

The second block includes articles that examine specific issues related to population reproduction and migration, and their reflection in Russian historiography. N.V. Kabakova's article reveals the intricacies of the source base from the 17th–18th centuries, such as the 1701 *Dozornaya kniga* (cadastral survey book / land survey book) of Tara District, which contains valuable information on various aspects of the life of the population in that region, including migration movements within settlements. The *Dozornaya kniga* allows one to learn about the family and household structure of the inhabitants. However, despite the vast amount of information included in this document, it does not provide a complete picture of demographic events. This is because it does not include data on women, does not specify the age of men who are heads of households, and does not provide information about fertility and mortality rates. Other articles discuss the history of the population in the USSR and the RSFSR during the 1920s and 1930s, as well as during the Great Patriotic War, and particular aspects of migration in the Soviet and post-Soviet eras.

The third section includes articles about family and demographic changes, as well as healthcare in Russian history. The section begins with an article by E.A. Zapevalova that presents the results of her study on the female population in Nizhny Novgorod in the second half of the 19th century. This article examines the marital status, age at marriage, and divorce rates of women in that period. The study found that there were significant changes in class composition between 1870 and 1890. The development of zemstvo (local self-government) schools in rural areas and urban municipal schools contributed to increased literacy rates.

The article by V.B. Zhiromskaya and N.A. Aralovets, based on archival data from contemporary medical and sanitary statistics as well as published data, examines the health status of the population in the RSFSR during the 1950s and 1960s. The authors note that during this period the RSFSR had a social security system that provided free medical care for its population. However, they also point out negative trends in healthcare development and factors that led to a decrease in the quality of healthcare.

Other articles examine demographic processes among Lutheran Finns in St. Petersburg during the second half of the 19th and early 20th centuries, as well as the transformation of fertility in the North Caucasus in the 1930s and 1950s. They also examine reproduction, marriage, and divorce rates in the Far North and Siberia.

Executive editors:
Doctor of Historical Sciences
Natalya Viktorovna Chernysheva,
Candidate of Historical Sciences
Natalya Vladimirovna Gonina

Executive editor	**Doctor of Historical Sciences N.V. Chernysheva** **Candidate of Historical Sciences N.V. Gonina**
Executive secretary	**Candidate of Historical Sciences N.A. Potapova**
Corrector	**T.V. Soboleva**
Layout designer	**V.V. Vvedenskiy**
Web designer	**K.A. Vasil’ev**

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ!
ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ЮБИЛЕЕМ!

Ваша профессиональная и научная деятельность по праву занимает значимое место в отечественной исторической науке. Ваши исследования, посвященные истории населения России XX века, вносят весомый вклад в развитие научного знания и углубление понимания демографических трансформаций российского общества.

Высокий академический уровень Ваших научных достижений сочетается с ответственным отношением к делу. Вы много лет руководили историко-демографическими исследованиями, а также занимались подготовкой квалифицированных научных кадров.

Мы ценим плодотворное сотрудничество с Институтом российской истории Российской академии наук, в частности с Центром изучения истории территории и населения России. Ваш профессионализм, открытость к диалогу, доброжелательное отношение к коллегам заслуженно вызывают признание и искреннее уважение в коллективе.

Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, новых научных достижений, успешной реализации профессиональных замыслов, а также счастья и гармонии!

Доктор исторических наук,
исполняющий обязанности директора
Института российской истории РАН
Денис Николаевич Гергилев

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ!

Коллектив Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук сердечно поздравляет Вас с 75-летием!

Почти 40 лет Вашей научной деятельности вписаны в историю нашего Института. Вы обосновали и развили новое исследовательское направление, связанное с исторической реконструкцией динамики численности, состава и воспроизводства населения Сибири. Благодаря Вашим трудам была создана сибирская историко-демографическая школа. Учреждение Сибирской секции Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии в 2009 г. подтвердило и закрепило этот результат. Мы с гордостью отмечаем, что именно под Вашим руководством в Институте истории СО РАН был создан и 10 лет плодотворно работал сектор историко-демографических исследований.

Среди научных трудов, подготовленных в период Вашей работы в Институте, выделяется «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.)» (Новосибирск, 2017). Ваша многолетняя работа на посту ответственного редактора сборника научных трудов «Проблемы исторической демографии Сибири» и организация конференции «Демографическое пространство Азии» позволили объединить вокруг Института исследователей со всей страны, создав настоящую творческую лабораторию. Ваш вклад в подготовку научных кадров трудно переоценить: под Вашим руководством выросло целое поколение специалистов, способных работать с самыми сложными массивами исторической информации.

Вы принадлежите к плеяде выдающихся ученых, чья научная интуиция, фундаментальная подготовка и преданность призванию определили облик современной российской исторической демографии. Сегодня Вы по праву считаетесь одним из основателей этого направления в России. Ваши труды, и прежде всего фундаментальные монографии «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века» (Новосибирск, 2000) и «Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)» (Новосибирск, 2008), стали настольными книгами для нескольких поколений исследователей.

Ваш научный метод уникален: за сухими цифрами архивной статистики Вы всегда видите человеческие судьбы. Вы показали истинные масштабы потерь населения в периоды Первой мировой и Гражданской войны, голода 1930-х годов и Великой Отечественной войны, разрушили многие устоявшиеся мифы и продемонстрировали обществу реальную цену исторических потрясений. Разработанная Вами концепция демографической модернизации Сибири, в центре которой находится теория демографического перехода, стала органичной частью российской исторической науки.

В этот знаменательный день мы хотим поблагодарить Вас за Вашу неизменную научную честность, за смелость в постановке самых острых проблем отечественной истории XX века и за ту интеллектуальную щедрость, которой Вы делитесь с коллегами и учениками.

От всей души желаем Вам, Владимир Анатольевич, несокрушимого здоровья, неисчерпаемого вдохновения, благополучия, новых ярких публикаций и талантливых последователей! Пусть Ваш исследовательский интерес к человеку в потоке истории никогда не угасает, а впереди будут новые научные открытия и свершения!

С глубоким уважением и признательностью,
директор Института истории СО РАН,
члены Ученого совета,
сотрудники и аспиранты Института

В.Б. Жиромская
В.Н. Шайдуров
Н.В. Чернышева
Н.В. Гонина*

НА ПУТИ К ПОЗНАНИЮ ЗАКОНОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-1
УДК 929ИсуповВ.А.

Выходные данные для цитирования:
Жиромская В.Б., Шайдуров В.Н., Чернышева Н.В., Гонина Н.В. На пути к познанию законов развития общества // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 13–19. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-01.pdf

V.B. Zhiromskaya
V.N. Shaidurov
N.V. Chernysheva
N.V. Gonina*

ON THE PATH TO UNDERSTANDING THE LAWS OF SOCIAL DEVELOPMENT

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-1

How to cite:
Zhiromskaya V.B., Shaidurov V.N., Chernysheva N.V., Gonina N.V. On the Path to Understanding the Laws of Social Development // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 13–19. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-01.pdf]

Abstract. The article, dedicated to the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Anatolyevich Isupov, examines the life path, scientific and teaching career, and research work of the scholar. A significant part of his life and scientific activity is inextricably linked with Siberia. From 1981 to 2021, he worked at the Institute of History of the SB RAS (Novosibirsk). He rose from a junior researcher to the chief researcher, organizer, and head of the Sector of Historical and Demographic Research. Since the mid-1980s, V.A. Isupov focused on the demographic history of the USSR and its individual regions during the Second World War. A wide range of sources on the demographic history of Russia was introduced into scientific circulation, the possibility of using some of them was substantiated, and an assessment of demographic changes at certain stages of the development of Russian statehood in the first half of the 20th century was given. Since 2021, V.A. Isupov's scientific work has been associated with the Pushkin Leningrad State University. In his scientific works, V.A. Isupov substantiated and developed a new research area related to the historical reconstruction of the dynamics of the population size, composition, reproduction, and migration in the Siberian region and Russia as a whole. He made a significant contribution to the study of the main trends, mechanisms, forms, scale, and consequences of Siberia's urbanization in the 20th century. He identified the main parameters of demographic catastrophes and crises in Russia. He contributed to the calculations of demographic losses of the population of the Soviet Union during the Second World War. He determined the main

* **Валентина Борисовна Жиромская,** доктор исторических наук, профессор, лауреат Премии Российской академии наук им. В.О. Ключевского, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: zhyromskaya@yandex.ru

Valentina Borisovna Zhiromskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor, Winner of the V.O. Klyuchevsky Prize of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: zhyromskaya@yandex.ru

Владимир Николаевич Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: S-w-n@mail.ru

Vladimir Nikolaevich Shaidurov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: S-w-n@mail.ru

Наталья Викторовна Чернышева, доктор исторических наук, доцент, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: natiche84@mail.ru

Natalya Viktorovna Chernysheva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: natiche84@mail.ru

Наталья Владимировна Гонина, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nvg7@mail.ru

Natalya Vladimirovna Gonina, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nvg7@mail.ru

parameters of population reproduction (birth rate, marriage rate, mortality, life expectancy) in Siberia in the 1920s−1950s. He clarified the dynamics of population size and changes in the age and gender composition of the population in 1939−1945, characterized the main trend of state demographic policy in the 1930s−1940s, and identified the features of the epidemiological transition in Russia. He revealed the main trends in the migration movement of the population in Siberia in 1926−1959, put forward and substantiated the thesis about quasi-urbanization in Western Siberia in the 1920s−1940s. He characterized the most important parameters of the demographic transition process in Siberia and introduced the idea of "flickering" demographic transition in the eastern regions of the country in the 20th century into scientific circulation.

Keywords: V.A. Isupov, biography, history demography, Siberia, demographic transition, reproduction, the Great Patriotic War, quasi-urbanization.

The article has been received by the editor on 06.07.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье, посвященной юбилею доктора исторических наук, профессора Владимира Анатольевича Исупова, рассматривается жизненный путь, научная и преподавательская карьера, исследовательская работа ученого. Большая часть его жизненного пути и научной деятельности неразрывно связана с Сибирью. С 1981 до 2021 г. он работал в Институте истории СО РАН (Новосибирск), прошел путь от младшего до главного научного сотрудника, организатора и руководителя сектора историко-демографических исследований. С середины 1980-х годов В.А. Исупов сосредоточился на демографической истории СССР и его отдельных регионов в годы Второй мировой войны. Был введен в научный оборот широкий круг источников по демографической истории России, обоснована возможность использования некоторых из них, дана оценка демографических изменений на отдельных этапах развития российской государственности в первой половине XX в. С 2021 г. научная работа В.А. Исупова связана с Ленинградским государственным университетом им. А.С. Пушкина. В своих научных трудах В.А. Исупов обосновал и развил новое исследовательское направление, связанное с исторической реконструкцией динамики численности, состава, воспроизводства и миграции населения Сибирского региона и России в целом; внес значительный вклад в изучение основных тенденций, механизмов, форм, масштабов и последствий урбанизации Сибири в XX в., выявил основные параметры демографических катастроф и кризисов в России. Внес вклад в расчеты демографических потерь населения Советского Союза в период Второй мировой войны; определил основные параметры воспроизводства (рождаемость, брачность, смертность, продолжительность жизни) населения Сибири в 1920−1950-е гг. Выяснил динамику численности и изменения половозрастного состава населения в 1939−1945 гг., охарактеризовал основной тренд государственной демографической политики в 1930−1940-е гг., выявил особенности эпидемиологического перехода в России. Вскрыл основные тенденции миграционного движения населения Сибири в 1926−1959 гг., выдвинул и обосновал тезис о квазиурбанизации в Западной Сибири в 1920−1940-е гг. Охарактеризовал важнейшие параметры процесса демографического перехода в Сибири, ввел в научный оборот идею «мерцательности» демографического перехода в восточных районах страны в XX веке.

Ключевые слова: В.А. Исупов, биография, историческая демография, Сибирь, демографический переход, воспроизводство, Великая Отечественная война, квазиурбанизация.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026 г.

Пути развития исторической демографии в нашей стране никогда не были простыми. В настоящее время складывается ситуация, когда данная отрасль науки, с одной стороны, активно развивается и интерес к ней постоянно растет, как и число исследователей, а с другой стороны – возникают новые ограничения и сдерживающие факторы. В таких нелегких условиях мы должны обращаться к опыту и наследию профессионалов, заложивших основы современной историко-демографической науки.

В ноябре 2026 г. юбилей отмечает доктор исторических наук, профессор Владимир Анатольевич Исупов. Большая часть его жизненного пути и научной деятельности неразрывно связана с Сибирью. Владимир Анатольевич родился в 1951 г. в Дудинке Красноярского края. В 1971 г. он поступил на гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, который окончил в 1976 г. по специальности «История». На протяжении многих лет Владимир Анатольевич сочетал научную и педагогическую деятельность в Alma mater. С 1981 до 2021 г. работал в Институте истории СО РАН (Новосибирск), прошел путь от младшего до главного научного сотрудника, организатора и руководителя сектора историко-демографических исследований.

Интерес к исторической демографии проявился у Владимира Анатольевича после окончания университета во время обучения в аспирантуре. Первый этап его научной деятельности на данной стезе относится к 1980-м гг. В это время были определены область изучения и методология, собрана источниковая база. В 1981 г. свет увидела небольшая публикация в сборнике «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем», в которой был дан анализ источников роста городского населения Сибири в 1926−1932 гг.[1] Научным руководителем Владимира Анатольевича был доктор исторических наук, профессор А.С. Московский, который поддержал выбранную аспирантом тему. В 1982 г. в диссертационном совете Института истории, филологии и философии СО АН СССР Владимиром Анатольевичем успешно защищена диссертация «Формирование городского населения Сибири в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР».

На базе диссертации в 1984 г. в соавторстве с А.С. Московским была издана первая в сибирской историографии специальная монография по историко-демографической тематике «Формирование городского населения Сибири (1926−1939 гг.)»[2]. Монография получила положительную оценку не только в СССР, но и за рубежом[3]. Был сделан шаг от традиционного для советской историографии изучения рабочего класса к исследованию демографических процессов в период урбанизации.

С середины 1980-х годов В.А. Исупов сосредоточился на демографической истории СССР и его отдельных регионов в годы Второй мировой войны. В 1986 г. опубликована монография «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны», вышедшая в соавторстве с В.В. Алексеевым[4]. Данный труд до сих пор является основой для изучения не только демографической ситуации в Сибири, но и иных территорий РСФСР, создавая каркас для региональных историко-демографических исследований периода Великой Отечественной войны.

Интенсификация историко-демографических исследований в связи с перестроечными процессами, снятием идеологических «табу» и открытием архивов обусловила расширение границ научного поиска и определила цели и масштабы второго этапа научной деятельности Владимира Анатольевича, развернувшегося в 1990-е гг. В 1991 г. Владимиром Анатольевичем защищена докторская диссертация на тему «Развитие городского населения Сибири. 1939−1959 гг.». В этот период В.А. Исупов активно занимался руководством научной работой аспирантов и докторантов в Институте истории. Среди учеников В.А. Исупова −

[1] *Исупов В.А.* Источники роста городского населения Сибири (1926−1932 гг.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. II: Сибирь социалистическая. Новосибирск, 1981. С. 26−28.
[2] *Московский А.С., Исупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926−1939 гг.). Новосибирск, 1984.
[3] *Taylor P.R.* The American Historical Review. 1986. Vol. 91, No. 1. Feb. P. 157.
[4] *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.

М.П. Беленко, В.Н. Лапердин, Н.С. Коробейникова, кандидатские диссертации которых посвящены историко-демографическим проблемам Сибири.

В Новосибирском государственном университете он девять лет (1991−2000) заведовал кафедрой гуманитарных дисциплин Высшего колледжа информатики, а затем (2000−2014) кафедрой гуманитарных дисциплин факультета информационных технологий. В 2013 г. получил ученое звание профессора. В 2017−2020 гг. Владимир Анатольевич сотрудничал с кафедрой социально-политической истории XX в., а затем и кафедрой истории России. На гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета он преподавал курс «Историческая демография».

Весомым вкладом в историографию и началом нового этапа научной деятельности Владимира Анатольевича стало издание получившей широкую известность монографии «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки» (Новосибирск, 2000)[5]. Был введен в научный оборот широкий круг источников по демографической истории России, обоснована возможность использования некоторых из них, дана оценка демографических изменений на отдельных этапах развития российской государственности в первой половине XX в. Ученый вышел на уровень общероссийских исследований.

Через год в составе авторского коллектива под редакцией доктора исторических наук, профессора, академика Юрия Александровича Полякова и доктора исторических наук Валентины Борисовны Жиромской был издан второй том труда «Население России в XX веке: Исторические очерки. 1940−1959»[6]. В.А. Исупов совместно с коллегами подготовил главу 6 «Демографические процессы в тыловых районах России». Впоследствии он вошел в число ответственных редакторов третьего тома «Население России в XX веке: Исторические очерки. Книга 3. 1991–2000»[7].

Труды В.А. Исупова являются для начинающих исследователей опорой как в понимании, анализе и интерпретации источников историко-демографических исследований, так и в теоретико-методологической составляющей. В контексте демографической модернизации и ее специфики, обоснованной в работах В.Б. Жиромской[8], историк исследует эпидемиологическую составляющую[9]. В.А. Исупов отмечает: «Всякий раз, когда в России разворачивался процесс эпидемиологического перехода, страна в силу особенностей своей социально-политической истории оказывалась на пороге мощного кризиса, следствием которого оказывалось увеличение смертности, а в структуре причин смертности возрастал удельный вес экзогенного компонента»[10].

В следующем десятилетии плодотворным было научное сотрудничество руководителя Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН, доктора исторических наук, профессора Валентины Борисовны Жиромской, заведующего Центром экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН, доктора исторических наук, профессора Геннадия Егоровича Корнилова и нашего юбиляра − доктора исторических наук, профессора Владимира Анатольевича Исупова. В ведущих научных журналах России вышла серия статей, которая определила новый вектор развития историко-демографических исследований 1939−1945 годов[11]. Пред-

[5] *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.
[6] Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 2: 1940−1959 гг. М., 2001.
[7] Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 3: 1991−2000 гг. М., 2012.
[8] *Жиромская В.Б.* Особенности демографической модернизации в России [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3, вып. 7. С. 24−25. URL: https://history.jes.su/s207987840000201-0-1/ (дата обращения: 25.05.2026); *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012.
[9] *Исупов В.А.* Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 82−92.
[10] *Исупов В.А.* Эпидемиологический переход в России: взгляд историка… С. 83.
[11] *Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939−1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 46−53; *Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Население России в 1939−1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3−17.

ставленная в работах динамика численности населения РФСР и ее регионов, а также комплексный анализ населения России в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны составляют основу для определения региональной специфики демографического развития оккупированных полностью территорий, частично оккупированных и тыловых. В 2019 г. на основе ранее введенных и обоснованных для использования в научных исследованиях источников статистики населения СССР Владимиром Анатольевичем Исуповым определена специфика половозрастного дисбаланса сельского населения РСФСР[12]. На данном этапе научной деятельности В.А. Исупов выступает как один из ведущих историко-демографов страны.

С 2021 г. научная работа В.А. Исупова связана с Ленинградским государственным университетом им. А.С. Пушкина. Будучи главным научным сотрудником Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа, возглавляемого доктором исторических наук, доцентом В.Н. Шайдуровым, Владимир Анатольевич продолжает заниматься проблемами исторической демографии. В 2021 г. свет увидела монография, вышедшая в Москве − Берлине: «Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны»[13]. Исследовательская работа Владимира Анатольевича вышла на международный уровень.

С 2023 г. он является членом диссертационного совета 72.2.005.03 по шифру научной специальности 5.6.1. − «Отечественная история (исторические науки)», работающего на базе Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. В этом году состоялись две успешные защиты докторских диссертаций, консультирование которых осуществлял В.А. Исупов: Н.В. Чернышевой «Население Волго-Вятского региона в 1939−1945 годы: историко-демографическое исследование» (ЛГУ им. А.С. Пушкина) и О.Б. Дашинамжилова «Демографическое развитие городского населения Западной Сибири (конец 1950-х − 1980-е гг.)» (Институт истории Сибирского отделения РАН).

Всего В.А. Исупов опубликовал свыше 250 научных трудов, среди которых 10 индивидуальных монографий, 11 коллективных монографий, 8 учебных пособий, 4 брошюры, 2 сборника документов, 3 рецензии, 226 тезисов и статей. Кроме того, 4 статьи переведены на английский язык.

Творческая научная деятельность В.А. Исупова отмечена рядом государственных наград, ведомственных медалей и грамот, среди которых Государственная премия Новосибирской области (2018).

В своих научных трудах В.А. Исупов обосновал и развил новое исследовательское направление, связанное с исторической реконструкцией динамики численности, состава, воспроизводства и миграции населения Сибирского региона и России в целом. Внес значительный вклад в изучение основных тенденций, механизмов, форм, масштабов и последствий урбанизации Сибири в XX в. Выявил основные параметры демографических катастроф и кризисов в России. Внес вклад в расчеты демографических потерь населения Советского Союза в период Второй мировой войны; определил основные параметры воспроизводства населения Сибири (рождаемость, брачность, смертность, продолжительность жизни) в 1920−1950-е гг.; выяснил динамику численности и изменения половозрастного состава населения в 1939−1945 гг., охарактеризовал основной тренд государственной демографической политики в 1930−1940-е гг., выявил особенности эпидемиологического перехода в России; вскрыл основные тенденции миграционного движения населения Сибири в 1926−1959 гг., выдвинул и обосновал тезис о квазиурбанизации в Западной Сибири в 1920−1940-е гг. Охарактеризовал важнейшие параметры процесса демографического перехода в Сибири, ввел в научный оборот идею «мерцательности» демографического перехода в восточных районах страны в XX веке.

[12] *Исупов В.А.* Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939−1945 гг.) // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 32−49.

[13] *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Берлин, 2021.

Литература

Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1986. 230 с.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Жиромская В.Б. Особенности демографической модернизации в России [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3, вып. 7. С. 24–25. URL: https://history.jes.su/s207987840000201-0-1/ (дата обращения: 25.05.2026).

Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17.

Исупов В.А. Источники роста городского населения Сибири (1926–1932 гг.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. II: Сибирь социалистическая. Новосибирск: Ротапринт Управления делами СО АН СССР, 1981. С. 26–28.

Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 82–92.

Исупов В.А. Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 32–49.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 400 с.

Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 46–53.

Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1984. 167 с.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959 гг. / отв. ред. В.Б. Жиромская; Рос. акад. наук. 416 с.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 3: 1991–2000 гг. / отв. ред. В.Б. Жиромская, В.А. Исупов. 399 с.

Taylor P.R. The American Historical Review. 1986. Vol. 91, № 1. P. 157.

References

Alekseev, V.V., Isupov, V.A. (1986). *Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Nauka. 230 p.

Isupov, V.A. (1981). Istochniki rosta gorodskogo naseleniya Sibiri (1926–1932 gg.) [Sources of Urban Population Growth in Siberia (1926–1932)]. In *Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem. Vypusk II: Sibir' sotsialisticheskaya.* Novosibirsk, Rotaprint Upravleniya delami SO AN SSSR, pp. 26–28.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 244 p.

Isupov, V.A. (2016). Epidemiologicheskiy perekhod v Rossii: vzglyad istorika [Epidemiological Transition in Russia: A Historian's View]. In *Demograficheskoe obozrenie.* Vol. 3, No. 4, pp. 82–92.

Isupov, V.A. (2019). Gendernyy disbalans sel'skogo naseleniya Rossii (RSFSR) v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.) [Gender Imbalance of the Rural Population of Russia (RSFSR) during the Second World War (1939–1945)]. In *Demograficheskoe obozrenie.* Vol. 6, No. 1, pp. 32–49.

Isupov, V.A. (2021). *Glavnyy resurs Pobedy. Formirovanie i ispol'zovanie lyudskikh resursov Zapadnoy Sibiri v period Vtoroy mirovoy voyny* [The Main Resource of Victory. Formation and Use of Human Resources in Western Siberia during World War II]. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow, Berlin, Direktmedia Pablishing. 400 p.

Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2017). Chislennost' naseleniya Rossii v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939−1945 gg.) [The Population of Russia during the Second World War (1939−1945)]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik.* No. 4, pp. 46−53.

Moskovskiy, A.S., Isupov, V.A. (1984). *Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri (1926−1939 gg.)* [Formation of the Urban Population of Siberia (1926−1939)]. Novosibirsk, Nauka. 167 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2001). *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki. Tom 2: 1940−1959 gg*. [The Population of Russia in the 20th Century. Historical Essays. Vol. 2: 1940−1959]. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2012). *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki. Tom 3: 1991−2000 gg*. [The Population of Russia in the 20th Century. Historical Essays. Vol. 3: 1991−2000]. Moscow, ROSSPEN. 399 p.

Taylor, P.R. (1986). *The American Historical Review.* Vol. 91, No. 1, p. 157.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 320 p.

Zhiromskaya, V.B. (2012). Osobennosti demograficheskoy modernizatsii v Rossii [Features of Demographic Modernization in Russia]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 3, Iss. 7, pp. 24−25. Available at: URL: https://history.jes.su/s207987840000201-0-1/ (date of access 25.05.2026).

Zhiromskaya, V.B., Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2019). Naselenie Rossii v 1939−1945 gg. [The Population of Russia in 1939−1945]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 3−17.

В.А. Исупов*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-2
УДК 314.148(571.1/.5)"1901/1950"

Выходные данные для цитирования:
Исупов В.А. Историческая демография в Сибири в первой половине XX столетия: взлет и падение // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 20−27
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-02.pdf

V.A. Isupov*

HISTORICAL DEMOGRAPHY IN SIBERIA IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: RISE AND FALL

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-2

How to cite:
Isupov V.A. Historical Demography in Siberia in the First Half of the 20th Century: Rise and Fall // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 20−27.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-02.pdf]

Abstract. The article discusses the issues of the formation, evolution and subsequent decline of historical and demographic research in Siberia. Thus, the article is devoted to currently infrequently analyzed historiographical issues. The article outlines the initial stage of demographic research in Siberia in the first years after the end of the revolution and the Civil War. Considerable attention is paid to the actual emergence of the first historical, demographic and statistical studies in the Siberian region as a peculiar stage of studying the immediate demographic consequences of the First World War, the Revolution and the Civil War. A large part of the article is devoted to a detailed description of the rapid rise of historical and demographic science during the NEP years and in the early 1930s. The causes and scientific consequences of this complex process are carefully identified. The author characterizes the period of the 1920s and early 1930s in historiography as the “golden age” of Siberian population science. The author demonstrates a rapidly growing stream of research on the problems of population size and composition change, and most importantly, on issues of population reproduction. At the same time, the article pays great attention to identifying the reasons for the curtailment of demographic research in the second half of the 1930s. In this aspect, much attention is paid in the article to the process of qualitative transformation of historical and demographic research from the period of rise to the period of stagnation and decline after the 1937 census. The transition from solving scientific problems to the dominance of propaganda goals is analyzed.

Keywords: historiography, population statistics, demographic research, population size and composition, fertility, marriage, mortality.

The article has been received by the editor on 08.06.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления, эволюции и последующего упадка историко-демографических исследований в Сибири. Таким образом, статья посвящена ныне нечасто анализируемым историографическим вопросам. Очерчивается начальный этап становления демографических исследований

* **Владимир Анатольевич Исупов,** доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург − Пушкин, Россия, e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru
Vladimir Anatolyevich Isupov, Doctor of Historical Sciences, Pushkin Leningrad state University, St. Petersburg − Pushkin, Russia, e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru

в Сибири в первые годы после завершения революции и Гражданской войны. Значительное внимание уделяется собственно возникновению первых историко-демографических и статистических исследований в Сибирском регионе как своеобразной стадии изучения непосредственных демографических последствий Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Значительное место отводится детальной характеристике бурного подъема историко-демографической науки в годы нэпа и в начале 1930-х гг., тщательно выявляются причины и научные следствия этого сложного процесса. Период 1920-х − начала 1930-х гг. в историографии автор характеризует как «золотой век» сибирской науки о народонаселении. Автор демонстрирует быстро растущий поток исследований по проблемам численности и изменения состава населения, а главное − по вопросам воспроизводства населения. В статье подробно разбираются причины свертывания демографических исследований во второй половине 1930-х гг. Особое внимание уделено процессу качественного перерастания историко-демографических исследований от периода подъема к периоду застоя и падения после проведения переписи 1937 г. Анализируется переход от решения научных задач к доминированию целей пропагандистского характера.

Ключевые слова: историография, статистика населения, демографические исследования, численность и состав населения, рождаемость, брачность, смертность.

Статья поступила в редакцию 08.06.2026 г.

К началу XX столетия демографические исследования в России получили значительное развитие. В стране работали выдающиеся ученые, которых по праву можно именовать основателями отечественной демографии − В.Я. Буняковский, С.А. Новосельский, А.А. Чупров и др. В годы Первой мировой войны интенсивность демографических исследований сократилась. В полной мере они возобновились только после завершения периода военных и революционных катаклизмов. Как и следовало ожидать, в эти годы научная деятельность сосредоточилась на выявлении понесенных страной людских потерь. В течение 1920−1925 гг. увидели свет работы Вл. Аврамова, В.И. Бинштока, Л.И. Сазонова В.П. Ефремова, С.А. Новосельского[1].

В 1925 г. ЦСУ СССР опубликовал сборник статей «Россия в мировой войне 1914−1918 года», где было размещено приложение, состоящее из нескольких десятков таблиц, содержащих сведения о количестве призванных, погибших, раненых и пленных. Таблицы включали статистические сведения и по отдельным губерниям Сибири[2]. Исследование демографических последствий Первой мировой и Гражданской войн затруднялось ограниченностью источниковой базы. Управляющий ЦСУ советской России П.И. Попов отмечал: «Статистика минувшей войны чрезвычайно скудна <…>»[3]. И если статистики, работавшие в европейской части России, указывали на недостатки источниковой базы, то что же говорить о сибирской периферии? Д.Н. Мерхалев, один из первых исследователей, обратившихся к теме демографических последствий революционных событий в Сибири, образно писал: «Сейчас имеется больше данных о “рождаемости” у отдельных видов домашних

[1] *Аврамов Вл.* Жертвы империалистической войны в России // Известия Народного комиссариата здравоохранения. 15 марта 1920 г. № 1−2. С. 39−42; *Бинштоκ В.И.* Военные потери России в войну 1914−1918 гг. // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914−1920 гг. Вып. I. М.; Пг., 1923. С. 135−151; *Сазонов Л.И.* Потери России в войну 1914−1918 гг. // Труды комиссии по обследованию… С. 153−179; *Ефремов В.П.* Мировая война и ее последствия // Россия в мировой войне 1914−1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 3−10; *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию… С. 47−120.

[2] Россия в мировой войне 1914−1918 года… С. 21, 32, 49.

[3] *Попов П.* Предисловие // Россия в мировой войне… С. 1.

животных, чем о рождаемости населения»[4]. Автор для выявления демографического тренда, доминировавшего в годы войны и революции, использовал не статистические сведения, полученные в результате регистрации родившихся и умерших, а материалы переписи 1920 г. о половозрастном составе населения в одногодичных группировках возрастов. Помимо этого, Д.Н. Мерхалев одним из первых обратил внимание на изменение модели репродуктивного поведения населения. Сокращение рождаемости он видел не только в снижении доли мужчин в населении, но и в распространении мер контроля над рождаемостью[5].

Значительную роль в исследовании демографической катастрофы в годы Гражданской войны (на материалах Томска) сыграла статья А. Сергеева[6]. Автор определил основные параметры демографической катастрофы 1920 г. и выявил дифференциацию показателей смертности по гендерному и возрастному признакам. Обсуждение демографической динамики в первом десятилетии XX в., а также в годы Первой мировой и Гражданской войн оказалось в центре внимания первого съезда врачей Восточной Сибири, состоявшегося в Иркутске в августе 1924 г. По его итогам были опубликованы научные труды. В статье А.А. Корчагина были раскрыты такие важные аспекты демографического развития, как динамика рождаемости, брачности и смертности в Иркутской губернии начиная с 1912 г. и до 1923 г.[7] И. Голенецкий установил специфику естественного движения бурятского населения[8]. Сильный импульс демографическим исследованиям придала городская перепись городского населения, проведенная по состоянию на 15 марта 1923 г. Одной из публикаций о населении Сибири, основанных на материалах переписи городского населения 1923 г., стала статья А. Мельникова, в которой дана характеристика самой переписи и методов ее организации, а также показана численность и состав городского населения Сибири по полу, возрасту и социальному положению[9].

По возможности все многообразие статистических материалов, опубликованных до мая 1925 г., было использовано в монографии Л.И. Лубны-Герцыка[10]. В книге предпринята результативная попытка свести воедино статистические данные о движении населения страны в период социальных и политических потрясений военно-революционного времени. Монография Л.И. Лубны-Герцыка фактически завершила этап становления и первоначального развития первых советских статистико-демографических исследований, развернувшихся в начале 1920-х гг.

Период новой экономической политики по праву можно обозначить как «золотой век» советской демографической статистики. Переход к мирному строительству выдвинул на авансцену политики большевистского правительства идею планового развития экономики, в связи с чем большую ценность приобрела информация о трудовых ресурсах. Отныне очень важно было располагать по возможности полными и точными сведениями о количественных параметрах и половозрастном составе населения, о процессах урбанизации и источниках изменения численности городского и сельского населения. Это потребовало усиления работы по организации переписей населения, которые в свою очередь придали импульс развитию демографических исследований. В 1920-е гг. демографяия еще не выдели-

[4] *Мерхалев Дм.* Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск, 1922. Т. II, вып. 7. С. 95.
[5] Там же.
[6] *Сергеев А.* Город Томск в 1920 г. на экране санитарной статистики (по материалам Томского Губстатбюро, Губзакса и других источников) // Сибирский медицинский журнал. 1923. № 1. С. 85–90.
[7] *Корчагин А.А.* Естественное движение населения Иркутской губернии за 1920–1923 гг. // Труды I съезда врачей Восточной Сибири в гор. Иркутске 20–25 августа 1924 г. Иркутск, 1925. С. 194–197.
[8] *Голенецкий И.* Особенности естественного движения населения среди бурят // Труды I съезда врачей… С. 184–186.
[9] *Мельников А.* Городское население Сибири по данным демографической и профессиональной переписи 1923 года // ЦСУ. Сибирское статистическое управление. Статистический бюллетень. Октябрь, 1924. № 1. Новониколаевск, 1924. С. 3–8.
[10] *Лубны-Герцык Л.И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926.

лась из состава статистической науки и не сформировала самостоятельную предметную область исследований. Но публикация работ демографического, в том числе и историко-демографического характера, после проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. интенсифицировалась. Обнародование материалов переписи 1926 г. отличалось оперативностью и полнотой. Предварительные итоги переписи 1926 г. были опубликованы уже в 1927 г., а окончательные итоги были изданы в 56 томах в 1928−1933 гг.

Издание материалов переписи 1926 г. послужило стимулом для публикации статей М.П. Красильникова, А.И. Петрова, С.М. Пушкарева, Б. Тихомирова о численности и составе населения Сибири[11]. Значительное внимание после проведения переписи 1926 г. уделялось анализу изменений этнической структуры населения Сибири. В 1928 г. увидела свет совместная монография А.Р. Шнейдера и Л.Н. Добровой-Ядринцевой, в которой исследователи на основе материалов переписи населения 1926 г. выявили характерные для Сибирского края изменения численности и состава этнических групп[12]. Анализ изменений численности и этнической структуры по отдельным территориям Сибирского края (округам и городским поселениям) за 1926−1930 гг. провел А.Р. Шнейдер[13].

Интенсивно развивались исследования, посвященные демографическому развитию национальных районов Сибири. Так, А.И. Ярхо обратился к такой сложной проблематике, как естественное движение туземного населения Алтая[14]. В Бурят-Монгольской АССР в конце 1920-х − начале 1930-х гг. вышло в свет сразу несколько крупных публикаций о динамике населения республики[15]. Развитию населения, территории и хозяйства Бурятии был посвящен специальный выпуск журнала «Жизнь Бурятии», издаваемого ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР[16]. Динамика народонаселения Якутской АССР нашла отражение в статьях И.И. Майнова[17], П.Е. Тарлецкого[18] и А. Марголина[19]. Изменения численности городского и сельского населения Хакасии в период между переписью 1926 г. и началом 1929 г. подверглись анализу в монографии, подготовленной специалистами Хакасской областной плановой комиссии[20].

Издание материалов переписи 1926 г. стимулировало публикацию сведений не только о численности и составе народонаселения, полученных в ходе переписи, но и обнародование информации о естественном движении населения, которая не включается в материалы переписей[21]. Но для нас важно, что в 1930 г. после тщательной подготовки, но с вполне объяснимым временным отставанием, характерным для провинции, Сибирский краевой статистический отдел Сибкрайисполкома обнародовал статистический справочник, содержащий

[11] *Пушкарев С.М.* Население Сибирского края по предварительным итогам демографической переписи 1926 г. // Предварительные итоги демографической переписи 1926 года в Сибирском крае. Новосибирск, 1927; *Петров А.И.* Перепись городского населения Сибири // Северная Азия. 1927. Кн. 3. С. 37−42; *Красильников М.П.* Население Урала и Северной Азии (Из итогов Всесоюзной переписи 1926 г.) // Северная Азия. 1929. Кн. 3. С. 55−82; *Тихомиров Б.* Проблемы роста городов в Кузнецком округе // Жизнь Сибири. 1929. № 2−3. С. 82−95.

[12] *Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н.* Население Сибирского края (русские и туземцы). Новосибирск, 1928.

[13] *Шнейдер А.Р.* Округа и районы Сибирского края. Новосибирск, 1930.

[14] *Ярхо А.И.* Несколько данных о естественном движении туземного населения Алтая // Северная Азия. 1929. Кн. 3. С. 126−129.

[15] Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет. Экономический обзор и статистический справочник (1923−1932 гг.). Верхнеудинск, 1933; *Карасев И.* Советская Бурятия к 10-летию Октября // Жизнь Бурятии. 1927. № 10. С. 15−27; *Плужников.* Территория Бурятии // Жизнь Бурятии. 1928. № 4−6. С. 142−154; *Зверьков С.* Население Бурятии по самодеятельности, положению в главном занятии и отраслям труда // Жизнь Бурятии. 1928. № 1−3. С. 5−15.

[16] Жизнь Бурятии. 1931. № 1−2. С. 1−152.

[17] *Майнов И.И.* Население Якутии // Якутия: сб. ст. Л., 1927. С. 323−420.

[18] *Тарлецкий П.Е.* Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 гг.). Л., 1932.

[19] *Марголин А.* Население ЯАССР в 1933 году (Статистико-экономический очерк) // Советская Якутия. 1933. № 6−7. С. 51−59.

[20] Хакасская Автономная Область − индустриальный район Западной Сибири. Минусинск, 1931.

[21] Естественное движение населения Союза ССР. 1923−1925. М., 1928; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. Т. I; и др.

детальные сведения о естественном движении населения Сибирского края за 1925−1927 гг.[22] Табличная часть издания включала 30 таблиц, охватывающих практически все аспекты естественного движения населения в их гендерном и возрастном контексте. Не будет преувеличением утверждение, что для Сибири второй половины 1920-х гг. такого рода публикация стала серьезным достижением.

Чрезвычайно важным, на наш взгляд, является обширное текстовое вступление к справочнику, созданное заведующим секцией социальной статистики Сибкрайстатотдела А.И. Слуцким[23]. Автор охарактеризовал качество используемого статистического материала, определил тенденции динамики численности сельского и городского населения Сибири в первой четверти XX в., выявил основные изменения рождаемости, брачности, смертности населения, охарактеризовал причины смертности городского населения Сибири в 1926 г. (в сопоставлении с аналогичными данными по городам европейской части РСФСР). Отметим, что А.И. Слуцкий внес значительный вклад в изучение демографических процессов в Сибири в годы нэпа. На страницах журнала «Статистика Сибири» он опубликовал несколько статей по разным направлениям демографического развития Сибири в конце 1920-х − 1930-х гг.[24]

В коллективной работе сибирских экономистов, в которой дана характеристика развитию населения, крупный раздел создал заведующий Сибкрайстатотделом Н.К. Солоницын[25]. На основе материалов, опубликованных в этом труде, Н.К. Солоницын издал брошюру, в которой охарактеризовал не только развитие экономики края, но и динамику численности его населения, главным образом городского[26].

Характеризуя развитие статистико-демографических исследований, нельзя не отметить как значительное научное достижение второй половины 1920-х гг. небольшую по объему, но глубокую по содержанию монографию В.Е. Клячкина[27]. В монографии характеризуются процессы демографической динамики одного из крупнейших городов Сибири − Омска в годы Первой мировой, Гражданской войны и революции. В монографии, используя разнообразные статистические материалы, автор восстановил динамику численности населения города за 1913−1926 гг., выявил тренд рождаемости, брачности и смертности и, что чрезвычайно важно, показал степень воздействия событий военных лет на динамику воспроизводства населения Омска, включая изменения детской смертности. Автору удалось измерить уровень внебрачной рождаемости как специфический феномен демографической динамики военных лет. Помимо этого, В.Е. Клячкин сумел определить возрастные параметры смертности мужского населения, а также выявить основные причины смертности городского населения в 1913−1916 гг. Решение столь сложных задач выдвигает книгу В.Е. Клячкина на одно из первых мест в историко-демографической литературе. Как указывал К. Гречищев в предисловии к рецензируемой монографии, «работа В.Е. Клячкина одна из редких и притом удачных попыток осветить вопрос об особенностях естественного движения во время империалистической войны, а также и вопрос о его отличительных особенностях за три периода − довоенного, военного и послереволюционного»[28]. К сходному выводу пришел в своем отзыве на книгу и П. Владимирский[29].

---

[22] Естественное движение населения в Сибкрае за 1925−27 г.г. Новосибирск, 1930.

[23] Естественное движение населения в Сибкрае за 1925−27 г. / А.И. Слуцкий // Естественное движение населения. Новосибирск, 1930. С. 1−33.

[24] *Слуцкий А.И.* Предварительные итоги естественного движения населения в Сибкрае за 1928−29 гг. // Статистика Сибири: сб. ст. и мат-лов. Вып. 2. Новосибирск, 1930. С. 136−138; *Слуцкий А.И.* К вопросу о постановке учета механического движения населения по горпоселениям // Статистика Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 1930. С. 106−108; *Слуцкий А.И.* Причины смертности по городам Сибкрая // Статистика Сибири… Вып. 3. С. 60−69.

[25] Западно-Сибирский край. Материалы по экономике края. Новосибирск, 1932.

[26] *Солоницын Н.* Народное хозяйство Западно-Сибирского края за период с 1928 по 1931 год. Новосибирск, 1932.

[27] *Клячкин В.Е.* Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923−1926 гг. Омск, 1928.

[28] *Гречищев К.* Предисловие // Клячкин В.Е. Естественное движение населения… С. 2.

[29] *Владимирский П.* Рецензия на книгу В.Е. Клячкина // Омский медицинский журнал. 1929. № 1−2. С. 79.

Большую роль в развитии историко-демографических исследований сыграла монография Е.З. Волкова[30]. В ней раскрыта динамика народонаселения Российской империи и СССР за 1850−1930 гг. Е.З. Волков создал сквозные динамические ряды численности сельского и городского населения за 80 лет, что нашло отражение в завершающей сводной таблице. Для нас чрезвычайно важно, что Е.З. Волков определил региональные параметры динамики населения, в том числе и по Сибири. Монографию предваряет предисловие академика С.Г. Струмилина, который высоко оценил труд Е.З Волкова, но отметил, что при ограниченности статистических материалов, которые были в распоряжении автора, «нельзя ручаться за полную безошибочность всех его построений»[31].

В конце 1920-х − начале 1930-х гг. Советский Союз вступил в полосу форсированных изменений параметров демографического развития. В стране нарастала смертность, сокращалась рождаемость, а миграции приобрели не только масштабный, но и хаотичный характер. Быстрыми темпами изменялись структурные характеристики населения. В этих условиях материалы переписи 1926 г. быстро устарели. Возникла необходимость провести новую всесоюзную перепись. Но организация переписи откладывалась. Актуальным способом, позволявшим получить необходимые сведения о населении, оказались локальные (местные) переписи. В 1931 г. локальные переписи были проведены в Крыму, Азербайджане и Армении. В Сибири 15 января 1931 г. Статистическим сектором Запсибкрайплана была организована перепись городского населения Кузбасса. Перед организаторами переписи стояла цель − определить воздействие форсированной индустриализации на численность и состав населения. Эта проблема послужила краеугольным камнем статьи Н.К. Солоницына, предварявшей публикацию табличных итогов переписи[32]. Опираясь на данные городской переписи 1923 г. и Всесоюзной переписи 1926 г., автор выявил форсированные сдвиги в численности городского населения Кузбасса, провел анализ сдвигов социального состава населения городов, а также определил изменения семейной структуры горожан.

В 1932 г. Управление народно-хозяйственного учета Западно-Сибирского края наметило провести несколько локальных переписей, которые охватили бы самые крупные города края. Первая и единственная перепись была организована в Новосибирске 15 февраля 1932 г. В статье К. Нелюбина, предварявшей публикацию табличных материалов переписи, были зафиксированы фантастически высокие темпы роста населения Новосибирска, выявлено размещение населения города по его районам, показаны изменения его социальной структуры, определен состав населения города по самодеятельности[33].

Рост популярности демографической тематики обусловил публикацию статьи «Население» в Сибирской советской энциклопедии. В статье в энциклопедически сжатой форме нашли освещение такие вопросы, как динамика численности городского и сельского населения Сибири, этнический, гендерный, возрастной и семейный состав населения, характеристика брачности и естественного движения населения[34]. В первом томе Сибирской советской энциклопедии помещена также статья «Города», имеющая принципиальное значение для развития демографических, в том числе и исторических исследований в регионе[35].

В 1935 г. увидела свет небольшая по объему, но содержательная брошюра К.И. Романова[36]. На основе данных переписи 1926 г. и информации загсов автор определил общие коэффициенты смертности населения крупных городов Восточной Сибири, в том числе

[30] *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. 273 с.
[31] *Струмилин С.Г.* Предисловие к книге Е.З. Волкова «Динамика народонаселения СССР…». С. 4.
[32] *Солоницын Н.* Динамика численности и социального состава населения городов Кузбасса // Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931.
[33] *Нелюбин К.* Итоги жилищно-коммунальной переписи г. Новосибирска в феврале 1932 года. Новосибирск, 1932. С. 5−20.
[34] Население // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. 3.
[35] Города // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1.
[36] *Романов К.И.* Смертность и продолжительность жизни населения городов Восточной Сибири за 1926−1927 гг. (Иркутск, Чита, Красноярск). Иркутск, 1935.

и в гендерном аспекте, но самое важное − рассчитал параметры средней продолжительности жизни городского населения Восточной Сибири для 1926−1927 гг.

Одним из известных сибирских статистиков, экономистов и демографов начала 1930-х гг. был А.И. Чураев. В 1933 г. вышел в свет главный труд исследователя − монография «Население Восточной Сибири»[37]. Автор пришел к выводу об огромном значении демографической проблематики для исследования процесса формирования трудовых ресурсов. В монографии А.И. Чураев подверг анализу динамику численности городского населения Восточной Сибири за период с 1897 по 1933 г., выявил территориальные источники роста населения Восточной Сибири, определил степень воздействия миграций на изменение численности населения региона. Но самое важное в монографии − анализ естественного движения населения. Исследование рождаемости и смертности автор начинает с середины XIX в., обращается к периоду Первой мировой и Гражданской войны, а затем к процессам, происходившим в годы новой экономической политики и в первые годы форсированной индустриализации. Автор привел данные, подтверждавшие тезис, что колебания рождаемости и смертности в 1929−1931 гг. приняли турбулентный характер. Однако А.И Чураев по понятным причинам «уклонился» от характеристики процессов рождаемости и смертности в 1932 г. под предлогом отсутствия «твердых данных». Вместе с тем значительное место в монографии отведено такой проблеме, как возрастная и гендерная структура населения Восточной Сибири.

В 1936 г. А.И. Чураев занял пост руководителя Восточно-Сибирского областного Бюро переписи населения, проведение которой намечалось на январь 1937 г. После вступления в должность он опубликовал две статьи по проблемам организации переписи[38]. Но, как известно, материалы переписи 1937 г. были объявлены дефектными, а организаторы переписи обвинены в преднамеренном искажении ее результатов. Начавшиеся репрессии затронули не только центральные, но и региональные статистические органы. В феврале 1937 г. А.И. Чураев был арестован, а в июне 1938 г. расстрелян.

Демографическая наука вступила в новый этап своей истории. Отныне перед исследователями ставились не столько научные, сколько пропагандистские задачи. Как писал заместитель начальника ЦУНХУ СССР Д.Я. Бозин, главная задача советской статистики «отразить в точных цифрах всемирно-исторические победы социализма <…> достигнутые под руководством партии Ленина-Сталина <…>»[39]. Серию публикаций пропагандистского характера открыл председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. Его статье, помещенной в «Правде», был придан директивный статус[40]. Это был образчик казенного толкования социально-демографического развития: рождаемость при социализме оставалась перманентно высокой, смертность неизменно сокращалась. В таком ключе были написаны работы Д.Я. Бозина, Л. Дубровицкого, С.И. Сулькевича и всех других авторов[41]. Шаблонность подходов вылилась в нелепость − работы разных авторов публиковались под одним названием[42].

В Сибири, как и во всей стране, основным результатом усилившегося идеологического давления стало издание книг «правильного» содержания. Авторы всеми возможными способами уклонялись от научного анализа динамики населения, для которой в реальности были свойственны кризисные явления. Таким образом, чтобы «отразить в точных цифрах всемирно-исторические победы социализма», необходимо было избегать объективного науч-

[37] *Чураев А.* Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933.
[38] *Чураев А.* Перепись населения 1937 г. // Народное хозяйство Восточно-Сибирского края. 1936. № 3. С. 98−102; *Чураев А.* К переписи населения // Народное хозяйство Восточно-Сибирского края. 1936. № 6−7. С. 82−84.
[39] Известия. 1938. 6 сент.
[40] Правда. 1938. 2 июня.
[41] *Бозин Д., Дубровицкий Л.* Первые итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Плановое хозяйство. 1939. № 6. С. 18−33; *Дубровицкий Л.* Народонаселение Советского Союза (К итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г.). Сталинград, 1939; *Сулькевич С.* Территория и население СССР. М., 1940.
[42] *Саутин И.* Население страны социализма // Партийное строительство. 1939. № 12. С. 24−30; *Бузин Д.* Население страны социализма // Проблемы экономики. 1939. № 5. С. 35−46; *Писарев И.* Население страны социализма (К итогам переписи 1939 г.) // Плановое хозяйство. 1940. № 5. С. 12−21.

ного анализа демографических процессов. Авторы сосредоточились на поверхностном описании изменений численности населения, в основном городского[43]. Демографические исследования были ввергнуты в состояние застоя. Их научное качество упало. Сведения о населении и его динамике за 1940−1941 гг. носили приблизительный характер. Это обусловило появление отрицательных последствий практического характера. Великая Отечественная война началась при отсутствии достоверных данных о численности и составе населения, что в свою очередь привело к ошибкам при проведении воинских и трудовых мобилизаций.

[43] *Богорад Д.* Якутская АССР. М., 1939; *Кассин П.* Иркутская область (очерки). Иркутск, 1939; *Колобков М.* Кузбасс. Новосибирск, 1939; *Тверской К.* Красноярский край в трех сталинских пятилетках. Красноярск, 1940; Советское Забайкалье. Чита, 1940; Омская область сегодня. Омск, 1940; и др.

О.Б. Дашинамжилов*

В.А. ИСУПОВ − УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРИ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-3
УДК 314.148(571.1/.5):929Исупов В.А.

Выходные данные для цитирования:
Дашинамжилов О.Б. В.А. Исупов − ученый и организатор историко-демографических исследований в Сибири // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 28−38. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-03.pdf

O.B. Dashinamzhilov*

V.A. ISUPOV − A SCIENTIST AND AN ORGANIZER OF HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC RESEARCH IN SIBERIA

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-3

How to cite:
Dashinamzhilov O.B. V.A. Isupov − A Scientist and an Organizer of Historical and Demographic Research in Siberia // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 28−38. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-03.pdf]

Abstract. The paper is dedicated to Doctor of History, Professor V.A. Isupov, one of the main scholars in historical demography in Russia whose works about historical demography in our country are important at international level. His biography, career and professional development, creation of the group focused on the historical demographic research in the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences are described in the paper. In addition, his mentoring and teaching experience are enlightened. The key directions of his scientific research during his career have been analyzed, and his most important works has been considered. His endowment for Russian and Siberian historical science is highly important. During Soviet and post-Soviet periods V.A. Isupov has built up numerous statistical material and, on this basis, independently characterized almost the entire range of problems of historical demography. In the paper great attention is paid to his painstaking research of the number, reproduction and migration of the population of Russia and Siberia during the Revolution, the Civil War and the Great Patriotic War, the socialist reconstruction of the national economy, and the post-war reconstruction period. These materials helped the scholar to find answers to the key questions about the birth rate and mortality of the population, its losses during social disasters and crises, to assess research materials and historiography of historical and demographic works. V.A. Isupov has analyzed the demographic transition, and develeoped his own theoretical approach where the historical context of the society development plays the key role. It is concluded that V.A. Isupov has created fundamental scientific works that supplemented the national fund of historical knowledge, which laid a solid foundation for further research in this field.

Keywords: historical demography, Russian historians, biography, historiography, Institute of History SB RAS.

The article has been received by the editor on 08.07.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Одон Борисович Дашинамжилов,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: Odon@bk.ru

Odon Borisovich Dashinamzhilov, Doctor of Historical Science, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: Odon@bk.ru

** Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX − начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was prepared as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th − Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and the Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. Статья посвящена доктору исторических наук, профессору В.А. Исупову − одному из крупнейших специалистов в области исторической демографии в России, внесшему большой вклад в развитие этой дисциплины в нашей стране. Показаны основные этапы биографии, служебного и профессионального роста ученого, создавшего научную школу демографических исследований в Институте истории СО РАН, рассмотрена его организационная и педагогическая деятельность, определены ключевые направления его научных поисков на протяжении ряда лет, проанализировано содержание важнейших трудов. В статье отмечено, что деятельность ученого оставила заметный след в российской и сибирской исторической науке. Несмотря на трудности изучения демографических процессов, особенно в советское время, В.А. Исупову удалось собрать большой статистический материал и на этой основе самостоятельно охарактеризовать практически весь спектр проблем исторической демографии. Много внимания в статье уделено его кропотливой работе по изучению численности, воспроизводства и миграции населения России и Сибири в годы революции, гражданской и Великой Отечественной войны, социалистической реконструкции народного хозяйства, послевоенного восстановительного периода. Этот материал дал возможность ученому найти ответы на актуальные вопросы о рождаемости и смертности населения, его потерях во время социальных катастроф и кризисов, дать оценку источникам и историографии историко-демографических исследований. Ученый смог значительно продвинуться вперед в анализе демографического перехода, пополнив эту теорию новыми элементами, учитывающими конкретные этапы развития общества. Сделан вывод о том, что В.А. Исуповым были созданы фундаментальные труды, пополнившие отечественный фонд исторических знаний, которые заложили прочную основу для дальнейших демографических исследований.

Ключевые слова: историческая демография, российские историки, биография, историография, Институт истории СО РАН.

Статья поступила в редакцию 08.07.2026 г.

В 2026 г. исполнилось 75 лет доктору исторических наук, профессору Владимиру Анатольевичу Исупову − крупному ученому и главному научному сотруднику Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Юбиляр родился 19 ноября 1951 г. в городе Дудинке Красноярского края. В 1976 г. окончил Новосибирский государственный университет (НГУ). Отслужил в Советской армии. В 1980 г. стал аспирантом Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Начало творческого пути юбиляра по счастливому стечению обстоятельств совпало по времени с расцветом сибирской науки. Государство уделяло много внимания ее развитию, что способствовало быстрому росту многих видных сибирских ученых, в том числе и в гуманитарной сфере. В 1982 г. Владимир Анатольевич занимает должность младшего научного сотрудника института и последовательно проходит все этапы пути до главного научного сотрудника.

В течение ряда лет (с 2000 по 2007 г.) В.А. Исупов руководил кафедрой гуманитарных дисциплин факультета информационных технологий НГУ, а также осуществлял преподавательскую деятельность на кафедре истории России, где читал курс лекций по исторической демографии.

В 1982 г. юбиляр успешно защитил кандидатскую диссертацию. Население Сибири на долгие годы станет для него основным объектом исследования. Ранее население и его динамику рассматривали в общеисторическом контексте или в рамках работ по истории рабочего класса или крестьянства. В общероссийском, тем более в региональном плане оно было изучено тогда очень слабо. Демографическую статистику обычно привлекали

в качестве дополнительного, главным образом иллюстративного материала, своего рода «довеска», необходимого для объяснения количественных изменений в основном объекте исследования.

Как отдельную отрасль исторической науки со своими методами, теоретическими подходами, собственным объектом и предметом исследования, оригинальной источниковой базой историческую демографию еще мало кто рассматривал. Долгое время статья А.С. Московского о городском населении Сибири 1930-х гг. была единственной, написанной в данном ключе[1].

В начале 1980-х гг. перед ученым были поставлены сложные исследовательские задачи, и В.А. Исупов с честью с ними справился, очень скоро став ведущим специалистом в новой области исторической науки. В отсутствие других крупных специалистов и научной школы ему пришлось самостоятельно дать обстоятельную характеристику почти всему спектру проблем этого зарождающегося направления исторических исследований. В условиях широко распространенной секретности, когда материалы о народонаселении объявлялись «закрытыми», ученый сумел получить в свое распоряжение необходимую статистическую информацию, которая стала основой для анализа количественных и качественных изменений в населении.

Зарекомендовав себя талантливым и перспективным ученым, юбиляр продолжил свою научную работу и в 1991 г. защитил докторскую диссертацию «Развитие городского населения Сибири. 1939−1959 гг.». Его изыскания нашли применение не только в науке, но и в педагогической деятельности. В сотрудничестве с доктором исторических наук И.С. Кузнецовым было подготовлено несколько учебно-методических пособий по истории Сибири, в которых основное внимание было уделено специфике положения региона в составе России.

В начале 2000-х гг. интерес к демографии в нашей стране усилился. В центральных государственных органах появилось понимание важности научного осмысления существующих демографических затруднений как главных препятствий успешного развития российского общества. Обострение демографической ситуации в стране, необходимость в основательном предметном изучении динамики населения Сибири способствовали реализации организационных усилий В.А. Исупова по созданию в 2009 г. в составе Института истории СО РАН самостоятельного научного подразделения − сектора историко-демографических исследований. На протяжении 11 лет Владимир Анатольевич возглавлял новое структурное подразделение и играл ведущую роль в его деятельности.

Создание сектора позволило интегрировать усилия видных ученых для решения масштабных и требующих оперативного решения задач. В его коллектив вошли такие крупные специалисты, как В.А. Зверев, В.Г. Дацышен, А.А. Кисельников, А.А. Бурматов. В состав сектора влились и талантливые энергичные молодые ученые − О.Б. Дашинамжилов, Н.В. Гонина, М.А. Семенов, Н.С. Коробейникова. Таким образом, новая структурная единица активно включилась в работу и под руководством Владимира Анатольевича ее сотрудники стали участвовать в общеинститутских научных мероприятиях, публиковать монографии, статьи, сборники научных работ. Было выпущено несколько номеров альманаха «Проблемы исторической демографии Сибири» − первого подобного издания в Сибири[2].

Начиная с 2010-х гг. сектор активно взаимодействовал с Институтом российской истории РАН, Институтом истории и археологии УрО РАН, Институтом демографии НИУ ВШЭ, Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, Хакасским НИИ языка, литературы и истории и другими научными подразделениями страны.

[1] *Московский А.С.* Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1966. № 5. С. 73−79.

[2] Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. I. Новосибирск, 2010; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. II. Новосибирск, 2011; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. III. Новосибирск, 2013; Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. IV. Новосибирск, 2015.

Владимир Анатольевич продемонстрировал высокий профессионализм как организатор и участник многочисленных научных конференций разного уровня, выступил инициатором создания сибирской секции Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии.

Ученый опубликовал более чем 260 научных публикаций, среди которых 10 индивидуальных и 12 коллективных монографий, и стал одним из признанных специалистов в этой области в стране. Выступил ответственным редактором и рецензентом значительного числа монографий и сборников научных трудов. Вошел в состав редакционной коллегии и работал над созданием опубликованного в 2009 г. капитального трехтомного издания «Историческая энциклопедия Сибири».

В.А. Исупов стал руководителем раздела о населении планируемой к изданию четырехтомной «Истории Сибири». Принимал деятельное участие в научно-исследовательской работе Института истории СО РАН в составе его Ученого и Диссертационного советов. В настоящее время является членом Диссертационного совета Санкт-Петербургского государственного университета им. А.С. Пушкина. Под его руководством защищены кандидатские диссертации С.Н. Иванова, М.П. Беленко, Н.С. Коробейниковой, В.Б. Лапердина, докторская диссертация О.Б. Дашинамжилова.

За значительный вклад в исследование демографических процессов в Сибири, а также за крупные достижения в научно-организационной и педагогической деятельности В.А. Исупов был удостоен Почетной грамоты СО РАН (2011).

Ученый был руководителем нескольких крупных проектов, поддержанных различными научными фондами. Так, итогом трехлетнего плодотворного сотрудничества с Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН стало издание под его редакцией солидной коллективной монографии «Миграции населения Азиатской России: конец XIX − начало XXI в.» (Новосибирск, 2011).

Изучение демографических катаклизмов первой половины XX в. стало одним из приоритетных направлений его научной деятельности. До этого момента в российской историографии по объективным причинам не существовало длительной традиции исследования данной темы. Это потребовало от ученого использования специальных архивных и статистических источников, новых методик обработки данных и концептуальных подходов. Результаты научных изысканий обобщены им в многочисленных публикациях[3].

Книга «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны» (1986), написанная в соавторстве с академиком В.В. Алексеевым, стала по существу отправным пунктом для многих историков, занимающихся вопросами демографии этого сложного периода. Высокую ценность работе придает комплексный и системный подход к анализу изучаемого предмета. В ней авторы динамику численности населения в предвоенное время и в военный период раскрыли в тесной связи с рождаемостью, смертностью и миграцией. Причем они проанализировали ее в городских поселениях и сельской местности, отдельно в Западной и Восточной Сибири, с учетом социально-экономических и иных условий.

В книге «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки» (Новосибирск, 2000) В.А. Исупов пролил свет на такую важную, но еще недостаточно изученную тему демографических потерь, возникших в результате экстраординарных событий первой половины XX в. В исследовании с опорой на мощную эмпирическую базу дана объективная оценка людской убыли России, возникшей в результате войн, революций, социальной и экономической трансформации общества. Данное исследование заложило прочную основу дальнейшим научным изысканиям в этой области.

Огромное количество актуальной информации содержится в монографиях «Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны» (Новосибирск, 2008) и «Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины

[3] См. напр.: *Исупов В.А.* Демографические катастрофы в России // ЭКО. 1993. № 7. С. 93−100; *Исупов В.А.* Сталинский демографический ренессанс: иллюзия или реальность (1934−1940) // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 30−37.

(1941–1945 гг.)» (Новосибирск, 2010). В этих и других работах по данной теме юбиляром широко привлекались исторические сведения не только по Сибири, но и России в целом[4]. В них он проанализировал формирование и механизмы использования людских ресурсов в годы войны. Владимир Анатольевич продемонстрировал хорошее понимание изучаемых материалов и рассматриваемой эпохи, дав оценку демографическим последствиям войны для сибирского общества. Монография «Главный ресурс Победы» вышла вторым изданием в 2021 г. в крупном издательстве «Директмедиа Паблишинг» в Москве − Берлине, что является свидетельством международного признания автора[5].

Как известно, стремительная урбанизация в корне изменила российский социум, города вобрали в себя бóльшую часть населения, превратившись в центры экономической, научной и культурной жизни. Книга В.А. Исупова «Формирование городского населения Сибири (1926−1939 гг.)» (Новосибирск, 1984), написанная в соавторстве с А.С. Московским, стала, без преувеличения, первым монографическим исследованием о Сибирском регионе, написанным в русле исторической демографии. Здесь авторы все еще широко трактуют предмет демографии, включив в него социально-классовую структуру общества.

С этого времени история формирования городского населения Сибири стала важным объектом исследования ученого. В этой работе впервые в исторических исследованиях озвучены особенности демографического развития края: повышенные темпы роста численности городского населения; высокая рождаемость, превосходившая средние показатели по стране. Авторы не обошли стороной важные вопросы пространственных перемещений и выявили более значительную роль механического прироста в формировании контингентов горожан, бóльшую приживаемость новоселов, высокую долю молодежи в возрастной структуре.

В представленном научном труде на основе анализа значительного массива статистических источников сформулирован ряд важных тезисов о значении рождаемости, смертности и миграций в росте населения восточных регионов страны. Выявлены ключевые территориальные источники пополнения трудовых ресурсов, роль собственно сибирских районов в увеличении численности местного городского населения.

Итоги исследования темы были изложены в монографии «Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х − конец 50-х гг.)» (Новосибирск, 1991), заслуженно получившей высокую оценку среди ученых. В ней В.А. Исупов довел анализ демографических аспектов урбанизации до конца 1950-х гг. До этого момента, как по объему, так и по фактическому материалу, эти годы были представлены явно недостаточно. В книге осуществлена серьезная попытка проанализировать в комплексе демографическое развитие Сибири в годы завершения социалистической реконструкции народного хозяйства, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода. Здесь автором впервые использована методология демографического перехода, хорошо зарекомендовавшая себя высокими познавательными возможностями.

Ученый, опираясь на большой массив источников, ответил на ряд малоизученных вопросов развития городской сети первой половины XX столетия. Выявленные им тенденции в развитии урбанистических процессов продолжали усиливаться и в последующие десятилетия. В частности, В.А. Исупов заметил, что в сибирских регионах, в отличие от европейской части страны, существенными градообразующими факторами стали месторождения разнообразных полезных ископаемых. Обрабатывающая промышленность сосредоточилась преимущественно в старых индустриальных центрах. По примеру центральных районов Советского Союза началось формирование агломераций. Причем демографические характеристики формирования городского населения в послевоенный период достаточно серьезно

[4] *Исупов В.А.* Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины // Вестник Академии военных наук. 2008. № 3. С. 166−172; *Исупов В.А.* Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство // Российская история. 2010. № 4. С. 69−83; *Исупов В.А.* Рождаемость населения России в 1939−1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3−18.

[5] *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Берлин, 2021.

изменились. Существенно замедлились темпы роста численности городских жителей, началось сокращение населения в отдельных городах и поселках городского типа, усилился миграционный отток из Сибири, еще более окрепла роль крупных городских центров.

Научная деятельность юбиляра отнюдь не исчерпывалась только отмеченными работами. Владимир Анатольевич стал одним из авторов целой серии получивших широкую известность коллективных монографий, среди них: «Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940−1959» (М., 2001); «Население Западной Сибири в XX веке» (Новосибирск, 1997); «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX − XX в.)» (Новосибирск, 2017). Эти основополагающие труды в значительной степени заполнили существовавшие лакуны в историко-демографических знаниях о нашей стране.

Ученый доказал, что при наличии сходных с европейскими районами черт в Сибири существовала своя специфика воспроизводства населения. Несмотря на то, что здесь тоже возникла дифференциация в рождаемости у разных социальных слоев общества и в городских поселениях различной величины, ее общий коэффициент оказался примерно на 20,0 % выше, чем в среднем по СССР.

Исследователь обратился к оригинальному методу анализа репродуктивного поведения, впервые применив предложенный В.А Борисовым коэффициент гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР). С его помощью ученый установил, что в Сибири уровень реализации естественной рождаемости превысил среднероссийские показатели. К сожалению, данная методика не получила дальнейшего применения в отечественной исторической науке.

Впервые сформулирован концептуальный подход к изучению смертности сибирского населения. В советское время обозначилось серьезное отставание в изучении данного направления демографической науки, поэтому эта тема давно нуждалась в основательной научной проработке с привлечением новых данных. Еще в коллективной монографии «Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.)» отмечена сравнительно высокая смертность сибиряков. Особенно значительной она оказалась у трудоспособного населения, вследствие чего средняя продолжительность жизни горожан к концу 1950-х гг. оказалась ниже среднесоюзных показателей примерно на два года[6].

Обобщая статистические сведения и широко используя материалы архивов, В.А. Исупов провел детальный анализ исторических факторов смертности, в том числе становления советской системы здравоохранения, динамики общественного благосостояния, состояния коммунального хозяйства, экологической обстановки, изучил изменения в законодательстве в области охрана труда, материнства и детства. Владимир Анатольевич подверг пересмотру некоторые сложившиеся исторические стереотипы, которые рассматривали динамику смертности исключительно в позитивном ключе, подчеркнув ее сложность[7].

В результате исследований ученый пришел к важным теоретическим выводам, которые вполне применимы для объяснения динамики смертности в других регионах Советского Союза и в странах Восточной Европы. Повышение продолжительности жизни за счет совершенствования системы здравоохранения и способности общества противостоять внешним тенденциям давало только временный и ограниченный эффект. Лишь путем широкого и комплексного преобразования условий жизнедеятельности человека, его культуры и быта можно было бы добиться более существенного прогресса в деле снижения смертности и повышения продолжительности жизни. Однако этому направлению в нашей стране было уделено намного меньше внимания. Именно в результате недооценки его важности процесс сокращения смертности не смог выйти дальше определенных рамок.

---

[6] *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х − конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 118.

[7] *Исупов В.А.* Смертность гражданского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны как социокультурный феномен // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 2. С. 41−52; *Исупов В.А.* Эпидемии сыпного тифа как фактор сверхсмертности городского населения Западной Сибири (1932−1933 гг.) // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 90−95.

В научной литературе 1960−1980-х гг. неоднократно поднимался вопрос о необходимости изучения исторических особенностей миграций. Иногда различные аспекты этой темы затрагивались в статьях и сборниках, не получая детальной разработки. В публикациях В.А. Исупова проливается свет и на эту в то время еще мало исследованную проблематику[8].

В годы социалистической реконструкции народного хозяйства приток населения в города принял огромные размеры. Ученый сделал важные шаги для определения масштабов сельско-городских и межгородских миграций в годы первых пятилеток, выявил их региональные особенности. Исследователь обратил внимание на существенное снижение их интенсивности в послевоенный период, хотя общий их итог для Сибири оказался положительным. В результате ему удалось, поставив и решив сложные задачи, сформировать представление о миграции как о целостном историческом явлении со своими закономерностями и особенностями.

Многогранная деятельность В.А. Исупова не ограничивалась изучением исключительно эмпирических или практических аспектов демографии. Живой интерес у него вызывали концептуальные вопросы воспроизводства населения. К тому моменту уже появилась крупная и содержательная методология общеисторического плана − теория демографического перехода, разработанная А.Г. Вишневским. Она возникла вследствие ограниченности формационного подхода, с которым было невозможно снять ряд вопросов, касающихся закономерностей демографических процессов. При этом демографический переход изначально был отображен в общей форме, подчеркнуто на концептуально «высоком уровне»[9].

Несмотря на то, что большинство ученых были единодушны в его существовании в нашей стране, тем не менее для историков было очевидно, что особенности эпох вносили в этот процесс весьма существенные коррективы. Именно поэтому В.Б. Жиромская и В.А. Исупов, посвятившие много лет изучению сталинского периода, заметили, что если рождаемость в процессе демографической модернизации последовательно снижалась, то сокращение смертности носило прерывистый характер.

Усилия исследователя были направлены на то, чтобы дать объяснение этому явлению. Итоги его работы были изложены в нескольких ключевых тезисах. Возникновение социальных или военных кризисов нарушало естественное движение эпидемиологического перехода, вновь приводя к повышению смертности от экзогенных причин. Тем самым надолго консервировалась традиционная структура причин смертности населения. Ученым был дополнен и уточнен механизм «прерывистости» перехода и выделено несколько вариантов «фальстарта» в предвоенной истории.

Из них лишь последняя попытка, начавшаяся во время Великой Отечественной войны, завершилась удачно. Интересно, что историк выдвинул смелую и инновационную идею о наличии в Сибири в 1920-е гг. демографического взрыва[10]. Такой исторический подход к анализу демографического перехода дает возможности для более глубокого понимания этой органичной части модернизации общества.

Методология демографического перехода дала возможность членам сектора историко-демографических исследований опубликовать серию трудов о воспроизводстве населения в Сибири и ее регионах в конце XIX − XX столетии. Опираясь на созданный задел, В.А. Исупов продолжает работу над данной теорией и ее отдельными элементами[11].

Ослабление идеологического контроля и облегчение доступа к архивным данным вызвали всплеск интереса к источникам историко-демографических исследований. В 2011 г. Владимиром Анатольевичем выпущена небольшая брошюра, посвященная статистике

[8] См., напр.: *Исупов В.А.* К вопросу о типах миграций и их соотношение в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 1. С. 12−17.

[9] *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М., 1976.

[10] *Исупов В.А.* Редкое явление в демографической истории Сибири: демографический взрыв во второй половине 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 4. С. 79−84.

[11] *Исупов В.А.* Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2017. № 4. С. 82−92; *Исупов В.А.* Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 36−42.

периода Великой Отечественной войны[12]. Это редкий в современной историографии случай, когда подобной проблеме была посвящена специальная работа. Он творчески подошел к решению непростой задачи и впервые детально описал формы текущего учета населения, их нумерацию и содержание табличной информации, оценил точность и полноту представленных в них цифровых данных. Не были обойдены вниманием и другие документальные материалы статистического характера[13].

В.А. Исупов − один из инициаторов изучения историографии демографических исследований в Сибири. Из-под его пера вышло несколько публикаций, проливающих свет на прежде неизвестные страницы истории развития демографической науки, выявлены пробелы, которые настоятельно требовали изучения на разных этапах[14].

Как видим, до появления трудов В.А. Исупова состояние изучения демографических процессов в Сибири было явно неудовлетворительным, историки очевидно отстали в разработке этой важной тематики, а население долго не рассматривалось в качестве самостоятельного объекта исследования. Уже только это определило высокую значимость и важность начатой юбиляром научной работы. В нашем кратком обзоре мы постарались дать характеристику самым известным публикациям ученого. Но даже исходя из изложенного, видно, что он дал обстоятельную характеристику почти всему комплексу демографических вопросов первой половины XX столетия, продемонстрировал глубокое погружение в характер изучаемых материалов и новаторский подход к решению поставленных целей. В его работах оригинально и интересно обобщен исторический опыт миграции и воспроизводства сибирского населения.

Особенно актуальным представляется проделанный им анализ людских потерь в годы социальных катаклизмов. Основательный статистический материал, обработанный Владимиром Анатольевичем, до сих пор служит историкам серьезной опорой при изучении этого периода. В результате появились фундаментальные труды, пополнившие отечественный фонд исторических знаний, которые не потеряют свое значение и в будущем.

На сегодняшний день В.А. Исупов является крупным и известным в России и за рубежом специалистом по исторической демографии. Он является одним из основателей этого направления и автором новых подходов к исследованию демографической истории нашей страны. Ученый продолжает изучать социально-исторические условия и факторы, региональные и субрегиональные особенности, историческое значение воспроизводственного процесса.

Литература

Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.

Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х − конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.

Исупов В.А. Демографические катастрофы в России // ЭКО. 1993. № 7. С. 93−100.

Исупов В.А. Сталинский демографический ренессанс: иллюзия или реальность (1934−1940) // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 30−37.

[12] *Исупов В.А.* Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны: доклад на пленарном заседании I Междунар. науч. конф. по исторической демографии и исторической географии. Сыктывкар, 2011.

[13] *Исупов В.А.* «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации статистических источников в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 32−36; *Исупов В.А.* Статистические источники по изучению военно-мобилизационного и трудового потенциала Западной Сибири (1939−1948 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 129−134; *Исупов В.А.* Текущая статистика населения как источник по демографической истории Западной Сибири: проблемы становления // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 86−94; *Исупов В.А.* Паспортная статистика как источник по истории миграции в России (РСФСР) в годы Великой Отечественной войны // Демис. 2025. № 1. С. 26−39.

[14] *Исупов В.А.* Историческая демография в Сибири: проблемы историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 3−8; *Исупов В.А.* Проблемы и перспективы историко-демографических исследований в Сибири // Историческая демография. Научный журнал. 2011. № 1. С. 51−55.

Исупов В.А. Смертность гражданского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны как социокультурный феномен // Культурологические исследования в Сибири. 2007. № 2. С. 41−52.

Исупов В.А. Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины // Вестник Академии военных наук. 2008. № 3. С. 166−172.

Исупов В.А. «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации статистических источников в 1930-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 32−36.

Исупов В.А. Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство // Российская история. 2010. № 4. С. 69−83.

Исупов В.А. Проблемы и перспективы историко-демографических исследований в Сибири // Историческая демография. Научный журнал. 2011. № 1. С. 51−55.

Исупов В.А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны: доклад на пленарном заседании I Междунар. науч. конф. по исторической демографии и исторической географии. Сыктывкар, 2011. 20 с.

Исупов В.А. Историческая демография в Сибири: проблемы историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 3−8.

Исупов В.А. Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 36−42.

Исупов В.А. Статистические источники по изучению военно-мобилизационного и трудового потенциала Западной Сибири (1939−1948 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 129−134.

Исупов В.А. Эпидемии сыпного тифа как фактор сверхсмертности городского населения Западной Сибири (1932−1933 гг.) // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 90−95.

Исупов В.А. Рождаемость населения России в 1939−1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3−18.

Исупов В.А. Текущая статистика населения как источник по демографической истории Западной Сибири: проблемы становления // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 86−94.

Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношение в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 1. С. 12−17.

Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2017. № 4. С. 82−92.

Исупов В.А. Редкое явление в демографической истории Сибири: демографический взрыв во второй половине 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 4. С. 79−84.

Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. 400 с.

Исупов В.А. Паспортная статистика как источник по истории миграции в России (РСФСР) в годы Великой Отечественной войны // Демис. 2025. № 1. С. 26−39.

Московский А.С. Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1966. № 5. С. 73−79.

Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926−1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.

Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. I / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2010. 297 с.

Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. II / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 288 с.

Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. III / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2013. 344 с.

Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. IV / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Апельсин, 2015. 387 с.

References

Isupov, V.A. (1991). *Gorodskoe naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh − konets 50-kh gg.)* [Urban Population of Siberia: From Disaster to Rebirth (Late 30s − Late 50s)]. Novosibirsk, Nauka. 291 p.

Isupov, V.A. (1993). Demograficheskie katastrofy v Rossii [Demographic Catastrophes in Russia]. In *EKO*. No. 7, pp. 93−100.

Isupov, V.A. (1998). Stalinskiy demograficheskiy renessans: illyuziya ili real'nost' (1934−1940) [Stalin's Demographic Renaissance: Illusion or Reality (1934–1940)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 30−37.

Isupov, V.A. (2007). Smertnost' grazhdanskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny kak sotsiokul'turnyy fenomen [Mortality of the Civilian Population of Western Siberia during the Great Patriotic War as a Socio-Cultural Phenomenon]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 2, pp. 41−52.

Isupov, V.A. (2008). "Eto byla fantastika, esli ne khuzhe": metody fal'sifikatsii statisticheskikh istochnikov v 1930-e gg." ["It Was Fantastic, if Not Worse": Methods of Falsification of Statistical Sources in the 1930s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 32−36.

Isupov, V.A. (2008). Mobilizatsiya lyudskikh resursov Zapadnoy Sibiri na zashchitu Rodiny [Mobilization of Human Resources of Western Siberia to Defend the Motherland]. In *Vestnik Akademii voennykh nauk*. No. 3, pp. 166−172.

Isupov, V.A. (2010). Naselenie Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: chislennost', sostav, vosproizvodstvo [The Population of Western Siberia during the Great Patriotic War: Number, Composition, Reproduction]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 4, pp. 69−83.

Isupov, V.A. (2011). Problemy i perspektivy istoriko-demograficheskikh issledovaniy v Sibiri [Problems and Prospects of Historical and Demographic Research in Siberia]. In *Istoricheskaya demografiya*. *Nauchnyy zhurnal*. No. 1, pp. 51−55.

Isupov, V.A. (2011). *Statisticheskie istochniki po demograficheskoy istorii Rossii perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [Statistical Sources on the Demographic History of Russia during the Great Patriotic War]. Syktyvkar. 20 p.

Isupov, V.A. (2012). Istoricheskaya demografiya v Sibiri: problemy istoriografii [Historical Demography in Siberia: Problems of Historiography]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 3−8.

Isupov, V.A. (2013). Zapadnaya Sibir' v kontekste demograficheskoy modernizatsii: pervaya polovina XX stoletiya [Western Siberia in the Context of Demographic Modernization: The First Half of the 20th Century]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 36−42.

Isupov, V.A. (2014). Epidemii sypnogo tifa kak faktor sverkhsmertnosti gorodskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri (1932−1933 gg.) [Epidemics of Typhus as a Factor of Over-Mortality of the Urban Uopulation of Western Siberia (1932−1933)]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3, pp. 90−95.

Isupov, V.A. (2014). Statisticheskie istochniki po izucheniyu voenno-mobilizatsionnogo i trudovogo potentsiala Zapadnoy Sibiri (1939−1948 gg.) [Statistical Sources on the Study of Military Mobilization and Labor Potential of Western Siberia (1939−1948)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 388, pp. 129−134.

Isupov, V.A. (2015). Rozhdaemost' naseleniya Rossii v 1939−1945 gg. [The Birth Rate of the Russian Population in 1939−1945]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 1, pp. 3−18.

Isupov, V.A. (2015). Tekushchaya statistika naseleniya kak istochnik po demograficheskoy istorii Zapadnoy Sibiri: problemy stanovleniya [Current Population Statistics as a Source on the Demographic History of Western Siberia: Problems of Formation]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4, pp. 86−94.

Isupov, V.A. (2016). K voprosu o tipakh migratsiy i ikh sootnoshenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Issue of Types of Migrations and Their Correlation during the Great Patriotic War]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 12−17.

Isupov, V.A. (2017). Epidemiologicheskiy perekhod v Rossii: vzglyad istorika [Epidemiological Transition in Russia: A Historian's View]. In *Demograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 82−92.

Isupov, V.A. (2019). Redkoe yavlenie v demograficheskoy istorii Sibiri: demograficheskiy vzryv vo vtoroy polovine 1920-kh gg. [A Rare Phenomenon in the Demographic History of Siberia: the Demographic Explosion in the Second Half of the 1920s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp. 79−84.

Isupov, V.A. (2021). *Glavnyy resurs Pobedy. Formirovanie i ispol'zovanie lyudskikh resursov Zapadnoy Sibiri v period Vtoroy mirovoy voyny* [The Main Resource of Victory. Formation and use of Human Resources in Western Siberia during the Second World War]. Moscow, Berlin, Direktmedia Publishing. 400 p.

Isupov, V.A. (2025). Pasportnaya statistika kak istochnik po istorii migratsii v Rossii (RSFSR) v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Passport Statistics as a Source on the History of Migration in Russia (RSFSR) during the Great Patriotic War]. In *Demis*. No. 1, pp. 26−39.

Isupov, V.A. (Ed.). (2010). *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri* [Problems of Historical Demography of Siberia]. Iss. I. Novosibirsk, Parallel'. 297 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2011). *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri* [Problems of Historical Demography of Siberia]. Iss. II. Novosibirsk, Parallel'. 288 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2013). *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri* [Problems of Historical Demography of Siberia]. Iss. III. Novosibirsk, Parallel'. 344 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2015). *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri* [Problems of Historical Demography of Siberia]. Iss. IV. Novosibirsk, Apel'sin. 387 p.

Moskovskiy A.S. (1966). Rost gorodskogo naseleniya Sibiri v gody pervoy pyatiletki [The Growth of the Urban Population of Siberia during the First Five-Year Plan]. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR*. No. 5, pp. 73−79.

Moskovskiy A.S., Isupov, V.A. (1984). *Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri (1926−1939 gg.)* [Formation of the Urban Population of Siberia (1926−1939)]. Novosibirsk, Nauka. 168 p.

Vishnevskiy, A.G. (1976). *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic Revolution]. Moscow, Statistika. 240 p.

В.А. Кышпанаков*

О Н.Я. ГУЩИНЕ, В.А. ИСУПОВЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-4
УДК 314.148:929Гущин Н.Я.
+929Исупов В.А.

Выходные данные для цитирования:
Кышпанаков В.А. О Н.Я. Гущине, В.А. Исупове и исторической демографии // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 39−51.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-04.pdf

V.A. Kyshpanakov*

ABOUT N.YA. GUSHCHIN, V.A. ISUPOV AND HISTORICAL DEMOGRAPHY

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-4

How to cite:
Kyshpanakov V.A. About N.Ya. Gushchin, V.A. Isupov and Historical Demography // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 39−51.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-04.pdf]

Abstract. This essay-based article provides an overview of the author's path to becoming a leading scholar and describes his encounters with individuals who shaped or significantly influenced his subsequent research aspirations in the field of historical demography, a field he has been directly involved in for at least forty years of his life. These include renowned Siberian historians Nikolai Yakovlevich Gushchin and Vladimir Anatolyevich Isupov, who founded the Siberian studies branch of historical demography. A key role in this was played by Nikolai Yakovlevich Gushchin, Doctor of Historical Sciences and Professor, who for many years headed the History Sector at the Institute of Historical Physics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, and later at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. A brilliant agricultural historian, he pioneered a new research direction in the sector in the late 1980s and early 1990s − historical and demographic issues. Later, Doctor of Historical Sciences and Professor V. A. Isupov became the organizer of the Historical and Demographic Research Sector at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (2009−2020). It was during his leadership of the sector that the most significant scientific results were achieved and new chapters were written in the demographic history of Western Siberia. Nevertheless, many gaps remain that require and await research. This is especially relevant following the reorganization of the Agrarian and Demographic History Sector and the formation of research groups within it in various fields. It is concluded that scientific efforts need to be coordinated with historians and demographers from peripheral regions of Siberia and scientists from the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences to develop a concept and research topic for Eastern Siberia. The lack of large-scale, comprehensive historical and demographic studies in this region continues to create a certain imbalance in the existing research topics.

Keywords: N.Ya. Gushchin, V.A. Isupov, path to science, Institute of History of the Siberian branch of the RAS, historical demography, Siberia, Khakasia.

The article has been received by the editor on 29.07.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Владимир Алексеевич Кышпанаков,** кандидат экономических наук, доктор исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: vak_2026@mail.ru
Vladimir Alekseevich Kyshpanakov, Candidate of Economic Sciences, Doctor of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: vak_2026@mail.ru

Аннотация. В статье, написанной в форме эссе, дается обзор пути автора в большую науку, описываются встречи с людьми, которые определили или во многом повлияли на его дальнейшие научные устремления в области исторической демографии, непосредственно которой он занимается не менее сорока лет. Это известные сибирские историки Николай Яковлевич Гущин и Владимир Анатольевич Исупов, положившие начало сибиреведческому направлению исторической демографии. Громадную роль в этом сыграл Николай Яковлевич Гущин, доктор исторических наук, профессор, долгое время руководивший сектором истории в Объединенном институте истории, филологии и философии СО АН СССР (ОИФФ СО АН СССР), а затем в Институте истории СО РАН (ИИ СО РАН). Блестящий историк-аграрник, он в конце 1980-х − начале 1990-х гг. положил начало новому направлению исследований в секторе − историко-демографической проблематике. Позднее доктор исторических наук, профессор В.А. Исупов становится организатором сектора историко-демографических исследований в ИИ СО РАН (2009−2020). Именно в годы его руководства сектором были достигнуты наиболее крупные научные результаты и вписаны новые страницы в демографическую историю Западной Сибири. Тем не менее остается еще немало «лакун», требующих и ждущих своего исследователя. Это особенно актуально после реорганизации сектора аграрной и демографической истории и образования внутри него научных групп разных направлений. Сделан вывод о необходимости координации научных сил с историками и демографами из периферийных районов Сибири с учеными ИИ СО РАН с целью выработки концепции и разработки темы исследования по Восточной Сибири. Отсутствие больших обобщающих работ по историко-демографическому направлению по этому региону до сих пор вносит определенный дисбаланс в сложившуюся тематику исследований.

Ключевые слова: Н.Я. Гущин, В.А. Исупов, путь в науку, Институт истории СО РАН, историческая демография, Сибирь, Хакасия.

Статья поступила в редакцию 29.07.2026 г.

Пролог. Большое видится на расстоянии − так звучит известная поговорка. Но я бы сказал по-другому: по прошествии многих лет и маленькое становится большим. Вот через такую призму лет и хотелось бы в настоящей статье-размышлении, своего рода эссе, высказать свои мысли о зарождении исторической демографии в Хакасии, ее сегодняшних проблемах и немного заглянуть в будущее этой науки в нашей республике. Поскольку в статье много воспоминаний о прошлом, статья будет нести явный оттенок публицистики и мемуаристики, не утрачивая все же, как я полагаю, главного − проблемной части, касающейся самой науки − исторической демографии в Сибири и Хакасии в частности.

Начало. В настоящей статье хотелось бы поделиться мыслями воспоминаниями не только потому, что с достижением определенных возрастных рубежей «человеку разумному» свойственно подводить итоги своей жизни, размышлять о прошлом и думать о будущем, а еще и потому, что все это оценивается сквозь призму межличностных отношений. В жизни каждого из нас встречались люди, во многом определившие или повлиявшие на выбор жизненного пути, в данном случае дороги в науку. Той самой, о которой классик говорил, что она не столбовая, надо не страшась усталости карабкаться по ее каменистым тропам, чтобы достичь сияющих вершин. Но это как у альпинистов. Казалось, покорил одну вершину, другую, но все равно тянет в горы. И даже тот, кто покорил Эверест, снова и снова штурмует его.

Таких людей в моей жизни было четверо. Это Виктор Львович Бобровник, заведующий сектором экономики Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Хакасского НИИЯЛИ), где я в октябре 1976 г. начинал свой путь в науке в годы

формирования на юге Красноярского края Саянского территориально-производственного комплекса. В период учебы в аспирантуре Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР моим научным руководителем был доктор экономических наук, профессор Ефим Степанович Русанов − заведующий Центральной научно-исследовательской лабораторией трудовых ресурсов Госкомтруда РСФСР, один из ведущих экономистов-трудовиков Советского Союза. Под его научным руководством в 1985 г. в СОПСе я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Формирование и использование трудовых ресурсов в промышленности Восточно-Сибирского экономического района». Казалось, так и идти мне по этой дороге в том же секторе экономики, куда я вернулся после аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в СОПСе. Но жизнь подготовила мне крутой поворот в сторону Института истории СО АН СССР/СО РАН. И об этом периоде с дальнейшими событиями вплоть до сегодняшних дней − ниже.

Н.Я. Гущин, В.А. Исупов и другие. В моей трудовой книжке в разделе «Сведения о работе» есть запись, характеризующая новый этап в моей жизни − учеба в докторантуре Института истории СО АН СССР/РАН в 1991−1994 гг.

Этому предшествовало следующее обстоятельство. В 1989 г. на крупной Всесоюзной научной конференции в новосибирском Академгородке я познакомился с человеком, во многом определившим мою дальнейшую судьбу. Эта конференция называлась «Исторический опыт социально-демографического развития Сибири», проводилась ИИФФ СО АН СССР под эгидой Научного совета по программе «Исторический опыт освоения Сибири» и проходила 12−14 декабря 1989 г. в Доме ученых СО АН СССР. А человек этот был Николай Яковлевич Гущин.

Николай Яковлевич выделялся среди других участников конференции. К нему как нельзя лучше подходили слова другого классика: «Экая глыба! Экий матерый человечище!». Грузный, с большой залысиной и крупным носом, в толстых роговых очках и низким властным голосом, он сразу производил впечатление человека, казалось, недосягаемого для простого общения с обычными кандидатами наук из неакадемических кругов. К концу 80-х − началу 90-х годов сектор аграрной истории Института истории, филологии и философии СО АН СССР, которым руководил д-р ист. наук, профессор Н.Я. Гущин, определил новый вектор своих научных исследований − историческую демографию. Николай Яковлевич стратегически верно уловил это направление и, не сворачивая с главной темы − аграрной истории Сибири, развернул сектор в этом направлении, точнее, расширил. И попал в самую точку, что наилучшим образом характеризует многогранный талант Николая Яковлевича, глубину его научного мышления. После многих лет работы по историко-сельскохозяйственной тематике он пришел к пониманию того, что невозможно исследовать проблемы аграрной истории громадного макрорегиона, не занимаясь проблемами исторической демографии Сибири. Именно эта конференция стала во многом определяющей с точки зрения выбора направления научных исследований Н.Я. Гущина.

Я уже знал о Николае Яковлевиче Гущине со слов своего коллеги, с которым мы вместе работали в Хакасском НИИЯЛИ, Александра Шекшеева, впоследствии известного историка и краеведа Хакасии и юга Красноярского края, который ранее закончил аспирантуру в ИИФФ, а научным руководителем был у него именно Николай Яковлевич. Шекшеев на той же конференции представил меня своему бывшему «шефу». С этого момента началось мое знакомство с Николаем Яковлевичем Гущиным вплоть до его скоропостижной кончины в феврале 1996 г.

Я кратко рассказал ему о своих научных интересах, о своей тематике исследований и подарил свою только что вышедшую в Абакане первую монографию «Население и трудовые ресурсы Хакасии». У меня уже тогда сформировалась мысль о том, что надо двигаться дальше. В разговоре я узнал от Николая Яковлевича, что у них в институте есть докторантура. Это и определило мою цель и положило конец сомнениям, так как я все же занимался экономической демографией и региональной экономикой.

И вот я уже в Новосибирске, в ИИФФ СО АН СССР, который был головным учреждением гуманитарного направления в Сибирском отделении Академии наук СССР. Его возглавляли выдающиеся ученые мирового уровня − археолог и историк академик А.П. Окладников (не раз, кстати, бывавший с экспедициями в Хакасии), а после его смерти в 1983 г. его преемник − академик А.П. Деревянко.

В ту пору еще были живы, активны и вполне трудоспособны маститые ученые, создававшие научную славу Институту истории, среди которых были ветераны и участники Великой Отечественной войны, доктора наук, профессора Иван Иванович Комогорцев, Варлен Львович Соскин, Алексей Степанович Московский…

Среднее звено в институте составляли уже известные ученые, доктора наук Владимир Александрович Ламин, в 2000-х гг. член-корреспондент РАН, директор Института истории СО РАН, ныне отмечающий свое 90-летие, его коллега и друг Михаил Макарович Ефимкин, автор ряда монографий по истории рабочего класса, Владимир Иванович Шишкин, Дмитрий Яковлевич Резун и др.

Их, что называется, подпирали выходившие на защиту докторских диссертаций или уже защитившиеся Владимир Ильиных, Владимир Исупов, Сергей Букин, Виктор Исаев, Александр Николаев, Алексей Долголюк и др. (здесь я привожу фамилии тех, кого я хотя бы относительно знал). Возглавлял институт в 90-е гг. член-корреспондент РАН Леонид Михайлович Горюшкин, руководивший сектором истории дооктябрьского периода.

И, конечно, сектор аграрной истории под руководством Н.Я. Гущина, в котором, кроме В.А. Ильиных и А.А. Николаева, работали женщины − кандидаты наук Т.М. Бадалян, И.Б. Карпунина и А.П. Мелентьева. Можно сказать, что они были не только научные сотрудники, каждая из которых внесла свой вклад в развитие сектора, его научного потенциала, но еще они обеспечивали тот неповторимый быт и уют, придавая кабинету, в которой находился сектор, какую-то особую ауру. Сюда периодически заглядывали сотрудники из других секторов, в том числе и Владимир Исупов в пору совместной работы с ними по коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке».

С Николаем Яковлевичем Гущиным − моим научным консультантом по докторской диссертации, по традиции именовавшимся «шефом», мы сразу определили ее тему, а с планом было чуть дольше − требовалось определенное время для его шлифовки. Самое трудное пришлось на выбор методологической части работы. В этом-то и есть главное отличие докторской диссертации от кандидатской − не только объем, т.е. ширина, но и методология − глубина. И, разумеется, с точки зрения научной новизны здесь не должно быть никаких претензий.

Николай Яковлевич слыл очень требовательным научным руководителем, которому был свойственен достаточно жесткий стиль руководства. Когда он заходил в сектор, то сразу как-то ощущалось легкое напряжение. Вспоминается эпизод, когда что-то надо было обсуждать по моей диссертации. Гущин, сидя за рабочим столом, громко сказал: «Так, сектор!». И сразу все пришло в движение. Им всегда двигал научный интерес, буквально какая-то жадность до всего нового в исторической (да и не только) науке. Жил он в просторной квартире неподалеку от института. Однажды во время очередного приезда в Академгородок я побывал у него дома. Меня поразило обилие книг в кабинете и на рабочем столе, где они лежали вперемешку с исписанными листами бумаги.

Н.Я. Гущин внес большой вклад в изучение аграрной истории Сибирского региона. Пятитомная «История Сибири» (1967−1969), в которой он был членом редколлегии и автором разделов по истории крестьянства и сельского хозяйства, в 1974 г. была удостоена Государственной премии СССР.

С начала 1990-х гг. Николай Яковлевич Гущин стал разрабатывать проблемы исторической демографии как макрорегиона в целом, так и в региональных аспектах, вынашивая идею о написании капитального труда о населении Сибири. Под его руководством разрабатывалась научно-исследовательская программа «Формирование и развитие населения Сибири в XX веке».

Однако скоропостижная смерть Н.Я. Гущина 19 февраля 1996 г. прервала эти планы. Завершать эту программу пришлось его ученикам, сотрудникам сектора, коллегам. В 1997 г. в Новосибирске, в издательстве РАН, вышла монография «Население Западной Сибири в XX веке»[1], которую они закончили в память о Николае Яковлевиче Гущине. Основная нагрузка в подготовке этой книги к изданию легла на плечи В.А. Исупова, о котором я хотел бы поделиться воспоминаниями к его большому юбилею − 75-летию со дня рождения.

С Владимиром Анатольевичем Исуповым я познакомился близко в годы обучения в докторантуре Института истории. К тому времени он уже был известным сибирским историком-демографом. Трудовую деятельность он начал в ИИФФ СО АН СССР, последовательно пройдя все ступени должностного роста: от младшего научного сотрудника до главного (1998). В 1991 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Развитие городского населения Сибири (1939−1959)». Параллельно с научной работой В.А. Исупов плодотворно занимался преподавательской деятельностью в новосибирских вузах, заведовал кафедрами, с 2013 г. − профессор. В 2009 г. Владимир Анатольевич становится заведующим сектором историко-демографических исследований в Институте истории СО РАН, созданным при его непосредственном участии. В этой должности он проработал по 2020 год. Таковы основные вехи его жизненного пути в Новосибирске. Но за ними стоит активная и многогранная деятельность Владимира Анатольевича Исупова по развитию еще относительно новой в те годы отрасли науки − исторической демографии, а более конкретно − написанию демографической истории Сибири.

Более тесные научные, творческие, да и просто человеческие отношения у меня с ним выстроились при подготовке докторской диссертации и монографии по ней, по которой В.А. Исупов был рецензентом[2]. Позднее, много лет спустя, Владимир Анатольевич был рецензентом по другой моей монографии[3].

Его замечания и советы во многом помогли мне при подготовке книги к печати, которая стала первым научным изданием во вновь образованном издательстве университета. Вот что говорится о ней в справочнике, посвященном 10-летию Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова: «Первые книги <…>. Их немного. И о них хочется сказать особо, ибо рождались они в незабываемых творческих муках. Те, кто стоял у истоков создания издательства, никогда не забудут, как набиралась, редактировалась, печаталась и собиралась вручную накануне нового, 1995 года, монография В.А. Кышпанакова “Население Хакасии”, ставшая впоследствии раритетом местного масштаба»[4].

2 декабря 1996 г. на заседании специализированного совета Института истории СО РАН я защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности «Отечественная история» на тему «Население Хакасии: историко-демографическое исследование (1926−1989 гг.)». Официальными оппонентами были известные историки и демографы: д-р ист. наук, профессор В.А. Зверев (Новосибирский государственный педагогический университет), д-р ист. наук, профессор В.А. Базаржапов (Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ) и д-р экон. наук, профессор С.В. Соболева (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск). Жизнь еще раз свела меня со Светланой Владимировной Соболевой спустя много лет, уже во время пандемии Ковида. Я обратился к ней с просьбой принять участие в работе по гранту РФФИ «Население Хакасии в XX−XXI вв.: историко-демографическое исследование». Первоначально рассчитывал на В.А. Исупова, он дал согласие и вопрос о его участии фактически был решен, но далее у него началась эпопея с переездом в Санкт-Петербург и возникла необходимость его замены. С.В. Соболева со своей постоянной помощницей и соавтором О.В. Чудаевой, научным сотрудником ИЭОПП СО РАН, взяла на себя направление по демографической безопасности Хакасии

[1] Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.
[2] *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии. 1917−1990-е гг. Абакан, 1995.
[3] *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии: из прошлого к современности (1897−2022). Абакан, 2022.
[4] 10 лет Хакасскому государственному университету им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 2004. С. 54.

(в масштабе СибФО они занимались этой проблемой у себя в институте) и активно включилась в работу. Уже после окончания работы по гранту я с глубокой скорбью воспринял весть о ее кончине. Нет в живых и В.Б. Базаржапова − одного из ведущих в то время историков Бурятии. Но отрадно видеть и читать публикации ныне здравствующего В.А. Зверева, кстати, моего земляка, родом из с. Белый Яр в Хакасии.

Совет под председательством директора института, члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина единогласно проголосовал за присуждение соискателю искомой ученой степени. Это была, по сути, первая защита полноценной диссертации в истории недавно образованного Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (1994). Она проходила, как я уже говорил, без моего научного консультанта Н.Я. Гущина, но тот путь, который мне пришлось пройти после его смерти и до защиты, я преодолел во многом благодаря его незримому присутствию в моем сознании. Реальную поддержку на финальном этапе подготовки к защите мне оказал Владимир Иванович Шишкин, взявший на себя все сложные организационные моменты с ведущей организацией, которой стал Институт истории и археологии УрО РАН в Екатеринбурге. Его возглавлял академик В.В. Алексеев, чья научная жизнь первоначально была связана с ИИФФ СО АН СССР, где он в 1980-е гг. руководил отделом истории советского общества. Пришлось ехать в Екатеринбург за отзывом.

Вениамин Васильевич встретил меня доброжелательно. Должен сказать, что мне впервые представилась возможность побывать в кабинете у академика, директора такого крупного академического института. Он уже был в курсе моих дел, кто я и что. Так что разговор состоялся. Кроме того, В.В. Алексеев рассказал мне о главном на тот момент событии − изданной книге об обстоятельствах гибели царской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. − и показал мне ее. В то время это была одна из самых обсуждаемых тем в России − шел октябрь 1996 г.

Сектор историко-демографических исследований стал важной структурной и научной единицей в Институте истории СО РАН. В разные годы в нем работали Владимир Александрович Ламин, Владимир Александрович Зверев, Одон Борисович Дашинамжилов, Яна Александровна Кузнецова, Михаил Александрович Семенов, Надежда Сергеевна Коробейникова, а в последнее время − Наталья Владимировна Гонина. Фактически сектор продолжил развивать то, что было начато Н.Я. Гущиным, выделившись в самостоятельную единицу, а сектор аграрной истории продолжил работать по своей тематике. Пожалуй, только один Владимир Анатольевич знает, чего ему стоило создание сектора. Но историческая демография уже доказала свою важность и значимость как научное направление исторической науки.

Классики советской литературы всегда ставили человека труда на первое место, воспевали его производственные достижения. Но как живет человек, в каких исторических условиях происходит его воспроизводство, какие факторы влияют на этот бесконечный процесс и почему одни народы исчезают, другие существуют на первобытном уровне до сих пор, а численность третьих растет чуть ли не в геометрической прогрессии? Как внешние ограничения могут и влияют на популяцию человека? На самом ли деле индустриализация и промышленное освоение Сибири привели к процветанию гигантского макрорегиона и как это сказалось на коренных народах и на вновь прибывшем населении? Данная проблема многоплановая, междисциплинарная и требует участия в исследованиях представителей разных отраслей наук. Многие годы ею занимались ученые Института философии, Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР/РАН. Здесь уже границы исследования лежали на стыке экономики, демографии, экономической социологии и социальной философии.

Еще в советские годы В.В. Переведенцев и Ж.А. Зайончковская, академик Т.И. Заславская активно изучали миграционные процессы в Сибири, а первой моей настольной книгой по населению Сибири стала монография новосибирских ученых-экономистов Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова, в которой они рассмотрели целый спектр демографических и социально-экономических аспектов в условиях промышленного освоения макрорегиона, большое

внимание также уделив проблемам миграции[5]. Подобных вопросов было множество, и все они так или иначе лежали в русле исторической демографии. И конечно же, перед новой структурной единицей института стояли большие исследовательские задачи. Одна из них легла на плечи молодого научного сотрудника О.Б. Дашинамжилова, результатом решения которой стала защита им докторской диссертации в сентябре 2023 г. в стенах Института истории СО РАН Мне довелось быть одним из оппонентов и было приятно увидеться со старыми знакомыми − сотрудниками института тех еще лет. Научным консультантом по этой работе был Владимир Анатольевич Исупов. К слову сказать, 2023 год был чрезвычайно плодотворным для В.А. Исупова в плане подготовки научных кадров высшей квалификации. В мае того же года в Ленинградском государственном университете им. А.С. Пушкина также успешно защитила докторскую диссертацию его другая «подопечная» − Н.В. Чернышева, активно работающая сегодня по историко-демографической тематике.

Спектр задач, стоявших перед сектором историко-демографических исследований, ставил вопрос об оптимальном распределении немногочисленных научных сил, ведь такой объем был по плечу лишь крупной структурной единице − отделу или центру. Поэтому правильным было решение выделить приоритетные «цели», распределить силы своего небольшого коллектива точечно, по отдельным, но важным и актуальным проблемам, а с точки зрения выпуска научной продукции − готовить регулярно издаваемые сборники научных трудов под общим названием «Проблемы исторической демографии Сибири». Именно по такому пути и пошел В.А. Исупов.

…На моем рабочем столе один из таких сборников, изданный по гранту РГНФ за 2015 г., выпуск IV под редакцией В.А. Исупова. Представительный состав редколлегии, рецензентов и, конечно, авторов, в числе которых В.Б. Жиромская − ведущий российский историк-демограф. Сборник весьма солидного объема − 386 с., что характерно и для других сборников этой серии. Это тоже черта исследователя В.А. Исупова − основательность, компетентность, масштабность, а в отношении источников − я бы даже сказал педантичность, что для историка и демографа очень важно. Этим отличаются и его научные труды, монографии, среди которых одна из первых − «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны», вышедшая в соавторстве с В.В. Алексеевым [6].

Истины ради надо отметить, что первенство в исследовании формирования городского населения принадлежит А.С. Московскому[7] и его научной школе, однако конкретно и системно формированием населения Сибири впоследствии стал заниматься В.А. Исупов, развивая, расширяя и углубляя эту тему.

Разумеется, многое уже изменилось в методологическом подходе к оценкам тех далеких событий, но остается образцом для молодых исследователей четкая постановка авторами монографии цели и задач работы, оформление и использование справочного аппарата. Такое образцово-скрупулезное отношение к источникам − фирменная черта Исупова-исследователя. При этом не просто механическое их использование, а вдумчиво-критическое, аналитическое. Ведь любой историк знает, что архивные материалы прошлых лет, особенно 20−40-х гг., требуют именно такого отношения, поскольку уровень грамотности тех, кто составлял справки, таблицы и пр., был довольно низким, как правило, не выше 7 классов, и качество этой документации оставляло желать много лучшего. Об этом, кстати, пишет В.В. Кондрашин в упомянутом выше сборнике [8].

Пожалуй, апофеозом в организационной работе сектора историко-демографических исследований стало проведение в июле 2017 г. в новосибирском Академгородке крупнейшего в России международного научного семинара по проблемам смертности и заболеваемости, в котором приняли участие видные ученые историки, демографы, преподаватели

[5] *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Население Сибири. М., 1976.
[6] *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.
[7] *Московский А.С.* Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1965. № 5, вып. 2. С. 73−79.
[8] *Кондрашин В.В.* Документы архивов ЗАГС как исторический источник о трагедии советской деревни в 1933 г. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. IV. Новосибирск, 2015. С. 181−196.

ведущих университетов из 20 стран мира[9]. Решающую роль в его организации и проведении сыграл Владимир Анатольевич Исупов, без которого такое важнейшее и, прямо можно сказать, уникальное событие, к тому же учитывая международную обстановку, было бы невозможно. Ни до ни после аналогичных форумов в истории института не было. И только В.А. Исупов знает, чего это ему стоило.

Другим важным событием в научной жизни института и сектора историко-демографических исследований стал выход в свет коллективной монографии «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX − XX вв.)»[10]. Авторы (коллектив сектора и приглашенные исследователи, работавшие в рамках проекта РГНФ) не только дали оценку состояния демографического воспроизводства населения региона, но и показали его динамику в историческом контексте векового развития.

Несмотря на то, что 90-е годы отражены в монографии в общем плане (это тема для отдельного исследования − население в годы депопуляции. − *В. К.*), данная монография, как пишет в своей рецензии на этот труд доктор исторических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева Л.Н. Славина, «является серьезным вкладом не только в сибирскую, но и в отечественную историографии. Она, без преувеличения, − образец и стимул для подобных исследований в других регионах России, конечно, прежде всего в Восточной Сибири»[11].

В преддверии знаменательной даты − 80-летия Победы Советского Союза над фашистской Германией − в Республике Хакасия прошла презентация двухтомного издания «Хакасия в годы Великой Отечественной войны (1941−1945)»[12]. Данный проект был начат за три года до этого знаменательного события.

Как редактор второго тома «Население и хозяйство», я понимал всю сложность ситуации. Об этом меня предупреждала в телефонном разговоре и Людмила Николаевна Славина, с которой я не раз общался до и в ходе работы над монографией. У меня было представление о том, каким должно быть содержание нашего труда, в отличие от изданных в советскую и постсоветскую эпоху коллективных монографий[13]. Поэтому я обратился к Владимиру Анатольевичу с предложением участвовать в нашем деле на правах ведущего соавтора и попросил его взять на себя подготовку раздела по населению Хакасии в годы войны. Он согласился, и это было очень важным моментом для нашего предприятия, потому что мне удалось полностью сосредоточиться на других крупных разделах проекта по народному хозяйству Хакасии. В своих предыдущих работах Владимир Анатольевич так или иначе освещал вопросы о населении Хакасии в контексте общесибирского исследования. Здесь же задача была в том, чтобы дать оценку демографического потенциала конкретного региона, показать изменение численности населения за годы войны, характер и тип его воспроизводства. Особое внимание уделялось вопросам смертности. Отдельный параграф был посвящен вопросам эвакуации и реэвакуации населения. Мы созванивались, переписывались, я отправлял ему информацию по главе, обсуждали текущие моменты и т.д.

…Когда пришла машина с грузом из Кемерово, где печатался тираж, я не сразу решился вскрыть увесистую пачку в пергаментной бумаге− просто не верилось, что наконец материализовались идеи, воплощенные в этих томах. Я очень благодарен Владимиру Анатольевичу Исупову за его участие в нашем проекте, ибо без него он был бы труднореализуем

[9] Исторические и современные тренды смертности и заболеваемости. Международный научный семинар в Новосибирском Академгородке [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 2017. № 743−744. 9−22 окт. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0743/nauka01.php (дата обращения: 10.06.2026 г.).

[10] Демографическая история Западной Сибири (конец XIX − XX вв.). Новосибирск, 2017.

[11] *Славина Л.Н.* Население Западной Сибири в XX столетии. Рецензия на книгу «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX − XX в.)» // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 3. С. 152−156.

[12] Хакасия в годы Великой Отечественной войны 1941−1945 гг.: монография: в 2 т. Абакан, 2025. Т. 1: Боевой вклад Хакасии в Победу в Великой Отечественной войне 1941−1945 гг.; Т. 2: Население и хозяйство.

[13] Очерки истории Хакасии советского периода. 1917−1961 годы. Абакан, 1963; Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярк, 1987; Очерки истории советской Хакасии (1917−1991 гг.). Абакан, 2019.

или во всяком случае не стал бы таким, каким получился. Но жизнь не стоит на месте и требуется продолжение[14].

Вместо эпилога. Как же выглядят историко-демографические исследования в Хакасии в свете изучения демографических процессов в Сибири в историческом контексте?

Говоря об изучении демографической истории Сибири, тогда еще кандидат исторических наук В.А. Исупов выделил такие сложные аспекты истории населения Сибирского региона, как специфика проявления демографической революции, эволюция рождаемости и смертности, отмечая, что [демографический] анализ ведется на уровне лишь общих коэффициентов воспроизводства населения, нет исследований изменения структуры причин смертности, не изучаются сдвиги половозрастного состава населения, не показана роль различных регионов страны в формировании населения Сибири, в том числе городского и сельского, миграция и др.[15]

Среди других «белых пятен» в демографической истории Сибири В.А. Исупов выделил следующие: население региона в годы гражданской войны и нэпа, в годы коллективизации и в период после завершения Великой Отечественной войны, в послевоенный период.

Проецируя обозначенные Владимиром Анатольевичем Исуповым проблемы на Хакасию, сейчас, 40 лет спустя, выскажу свое мнение о состоянии и проблемах исторической демографии в нашей республике и сопредельных регионах.

Начну с последнего. К большому сожалению, в соседних с Хакасией республиках Алтай и Тыва демографические исследования в Институте алтаистики им. С.С. Суразакова и Тувинском институте гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ) практически и целенаправлено не ведутся. Оба института занимаются основным направлением своей научной деятельности − алтае- и тувиноведением соответственно.

Проводимое в 1970-х гг. новосибирскими учеными из Института философии СО РАН обследование городского населения Тувинской АССР носило социологический характер, а позднее, уже в следующем столетии, этносоциологическими исследованиями занимается историк-востоковед З.В. Анайбан. На наш взгляд, назрела идея о написании демографической истории населения Саяно-Алтая, к работе над которой можно было бы привлечь ученых из смежных с историей отраслей науки как из академических институтов РАН, так и из имеющегося научного потенциала республик Алтай, Тыва и Хакасия. Хронологический период очевиден: это XX − первая четверть XXI века, в котором произошли судьбоносные события для народов Саяно-Алтая. Вопрос, разумеется, упирается в финансирование, однако его можно решить через гранты. Учитывая значимость и актуальность темы, перспективы вполне зримые.

Оценивая состояние историко-демографических исследований в Хакасии за минувшие годы, можно констатировать, что здесь в целом ситуация намного лучше, чем в соседних республиках, если судить по количественному критерию − публикациям. Начало демографическим исследованиям было положено с выходом в свет монографии В.А. Кышпанакова, в которой были рассмотрены как историко-демографические аспекты развития населения Хакасии, так и экономические аспекты использования трудовых ресурсов автономной области в условиях формирования Саянского ТПК[16].

В 2000-е гг., особенно начиная с 2010 г. в Хакасии резко повышается интенсивность публикаций по историко-демографической тематике. Остается она востребованной и сегодня, особенно в этнодемографическом плане, поскольку переписи населения показывают стремительное сокращение численности коренного населения республики. И все же,

[14] *Славина Л.Н.* Требуется продолжение. Рец. на книгу: «Хакасия в годы Великой Отечественной войны 1941−1945»: моногр.: в 2 т. / ред. В.Н. Тугужекова, В.А. Кышпанаков. Абакан: Хакас. Кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2025 // Гуманитарные науки в Сибири. 2026. Т. 33, № 1. С. 101−105.

[15] *Исупов В.А.* Проблемы изучения демографических процессов Советской Сибири // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Секции I, II, III: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. «Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири» (Новосибирск, 2−4 ноября 1987 г.). Новосибирск, 1987. С. 99.

[16] *Кышпанаков В.А.* Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан, 1989.

несмотря на «всплеск» интереса к историко-демографической тематике в республике, большое количество публикаций в разных изданиях, многие темы до сих пор остаются «белыми пятнами». К ним относятся мало или совсем неисследованные периоды Гражданской войны 1918−1920 гг. и первой половины 1920-х гг., когда началось национально-государственное строительство и образование первых форм национальной автономии − Хакасского уезда и округа. Сюда же относится и период нэпа. Практически совсем не исследованы демографические процессы в годы коллективизации в Хакасии. Открытым остается вопрос о голоде в регионе, какова была естественная убыль населения по этнической принадлежности и прежде всего коренного населения − хакасов, поскольку скотоводство у них исторически было традиционной отраслью хозяйства. Первичные данные показывают, что естественная убыль была, но необходимы конкретные исследования.

Другой лакуной в демографической истории Хакасии является период индустриализации и все 1930-е гг. в целом вплоть до конца десятилетия. Завершение строительства железной дороги Ачинск-Абакан в 1925 г., наличие богатых природных ресурсов, массовое освоение которых положило начало индустриальному развитию автономной области, привели к мощному миграционному притоку и быстрому росту всего населения, в котором коренное население стало «растворяться». За 1926−1939 гг. общая численность населения Хакасии увеличилась более чем в три раза, тогда как хакасов лишь на 3,6 %, что привело к трехкратному снижению их доли с 50 до 17 % (округленно).

Если население Хакасии в годы Великой Отечественной войны 1941−1945 гг. в целом изучено уже достаточно, хотя и требуются еще дополнительные исследования, то послевоенный период в годы 4-й восстановительной пятилетки 1946−1950 гг. все еще остается лакуной. Предстоит большая работа по анализу численности населения и динамики воспроизводственных процессов в эти годы с учетом факторов, оказавших на них влияние: половозрастная структура (дисбаланс), смертность и эпидемиологическая обстановка, голод 1946−1947 гг., миграция, в том числе сельхозпереселение и демобилизация из армии, промышленное освоение области и урбанизация. Положение осложняется состоянием, качеством и широтой источников, ведь первая послевоенная перепись населения в СССР была проведена, как известно, с большим опозданием − лишь в 1959 г. Тем не менее послевоенный период остается до сих пор малоизученным в истории Хакасии и в целом. Очевидно, то же самое можно сказать и о 1950−1960-х гг. и особенно о целинной эпопее и ее влиянии на сельское население региона.

Период с начала XXI в. и по наши дни представляет другое не менее интересное поле для исследований по исторической демографии в Хакасии, как и демографии в целом. Новая парадигма развития России в свете реализации демографических проектов ставит вопрос об их эффективности в условиях продолжающегося снижения численности населения и возрастания демографических угроз. Ответ на поставленные временем вопросы автор этих строк попытался дать в монографии «Население Хакасии в постсоветском периоде»[17], уделив особое внимание проблемам эпидемиологического перехода и смертности, демографической безопасности республики за 30-летний период с момента ее образования.

К сожалению, большинство современных работ по демографии в Хакасии носит описательный характер, представляя, по сути, кальку статистических ежегодников по разделу «Население», больше напоминая отчеты статистических ведомств о демографической ситуации в регионе, а историческая «подоплека» является лишь своего рода канвой для помещения данного труда в «ложе» исторической демографии, либо отсутствует вовсе.

Крайне важным вопросом, приобретшим особую актуальность в последние годы текущего XXI в., стало изучение этнодемографических и этносоциальных процессов в Хакасии, что определяется резким снижением численности коренного населения за период между переписями 2002−2020 гг. Проблема настолько остра, что находится в центре внимания правительства республики, Совета старейшин хакасского народа.

[17] *Кыштанаков В.А.* Население Хакасии в постсоветском периоде (1922−2022 годы). Абакан, 2022.

И, наконец, о географическом аспекте историко-демографических исследований, на что, на наш взгляд, следует обратить внимание. Налицо явный перекос в территориально-тематическом направлении работ. Практически все внимание ученых Института истории СО РАН было сосредоточено на Западной Сибири[18]. Все публикации и диссертации ограничивались территориальными рамками Западно-Сибирского региона, а Восточная Сибирь как крупнейший экономический район оставался вне зоны внимания исследователей. Может, наверное, потому, что территориально институт находится в Новосибирске? Но ведь Новосибирск − административный центр **Сибирского** федерального округа, а Институт истории входит в состав **Сибирского** отделения РАН. Поэтому давно назрел вопрос об устранении такого дисбаланса в историко-демографических исследованиях в ИИ СО РАН. С выходом двух крупных монографий по Западной Сибири при наличии многих диссертаций по ней необходимо, с нашей точки зрения, разворачивать вектор работ на восток. Учитывая отсутствие сектора историко-демографических исследований как структурной единицы в институте, сил одной группы демографической истории на сегодня явно недостаточно. Выход видится в интеграции с научными работниками, занимающимися такой проблематикой в Восточной Сибири, определении конкретной темы исследования и грантовой поддержке РНФ. Думается, это перспективное направление, а демографическая история Саяно-Алтая, о чем говорилось выше, вовсе не альтернатива, а дополнение к труду по такому громадному региону, как Восточная Сибирь[19]. Здесь также немало препятствий, главное из которых − дефицит квалифицированных кадров, как уже говорилось выше, на Алтае, в Тыве, Иркутске, но есть исследователи в Хакасии, Красноярске. Надеюсь, и Владимир Анатольевич Исупов «тряхнет стариной» − какие наши годы?! А написанные им книги, преимущественно по Западно-Сибирскому региону, − это мощный задел для всего проекта. Демографическая история Восточной Сибири все еще ждет своего исследования, о чем и говорила в своей рецензии Л.Н. Славина.

В заключение хотелось бы привести слова академика Ю.А. Полякова, много сделавшего для становления исторической демографии в СССР и современной России, − в каждом демографическом событии видеть исторические корни. По сути дела это эпиграф для всех историко-демографических исследований.

Литература

Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 231 с.

Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория. Курс лекций. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2019. 368 с.

Воробьев В.В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск: Наука, 1977. 159 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX − XX вв.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 238 с.

10 лет Хакасскому государственному университету им. Н.Ф. Катанова. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. 96 с.

Исупов В.А. Проблемы изучения демографических процессов Советской Сибири // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири. Секции I, II, III: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. «Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири» (Новосибирск, 2−4 ноября 1987 г.). Новосибирск, 1987. С. 99.

[18] За исключением ранних работ В.А. Исупова «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны» (в соавт. с В.В. Алексеевым) и «Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х − конец 50-х гг.).

[19] Здесь важно отметить монографию В.В. Воробьева «Население Восточной Сибири. Современная динамика и вопросы прогнозирования». Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. 159 с. Но эта книга носит выраженный экономико-географический характер, рассматривая движение населения Восточной Сибири в связи с развитием экономики региона.

Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х − конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 291 с.

Кондрашин В.В. Документы архивов ЗАГС как исторический источник о трагедии советской деревни в 1933 г. // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Вып. IV. Новосибирск, 2015. С. 181−196.

Кышпанаков В.А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1989. 185 с

Кышпанаков В.А. Население Хакасии. 1917−1990-е гг. Абакан: Издательство ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1995. 348 с.

Кышпанаков В.А. Население Хакасии в постсоветском периоде (1992−2022 годы). Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», 2022. 172 с.

Кышпанаков В.А. Население Хакасии: из прошлого к современности (1897−2022). 2-е изд., доп. и расшир. Абакан: Хак. кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2022. 320 с.

Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976, 166 с.

Московский А.С. Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1965. № 5, вып. 2. С. 73−79.

Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н.Я. Гущин, В.А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.

Очерки истории советской Хакасии (1917−1991 гг.) / отв. ред. М.Г. Степанов. Абакан, 2019. 252 с.

Очерки истории Хакасии советского периода. 1917−1961 годы / ред. П.Н. Мешалкин. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1963. 419 с.

Очерки истории Хакасской областной организации КПСС / сост. и науч. ред. П.Н. Мешалкин. Красноярк, 1987. 359 с.

Славина Л.Н. Население Западной Сибири в XX столетии. Рецензия на книгу «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX − XX в.)» // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 3. С. 152−156.

Славина Л.Н. Требуется продолжение. Рец. на книгу «Хакасия в годы Великой Отечественной войны 1941−1945»: моногр.: в 2 т / ред. В.Н. Тугужекова, В.А. Кышпанаков. Абакан: Хак. кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2025 // Гуманитарные науки в Сибири. 2026. Т. 33, № 1. С. 101−105.

Хакасия в годы Великой Отечественной войны 1941−1945: монография в 2 т. / В.Н. Тугужекова, М.Г. Степанов, В.В. Топчеев, В.В. Филиппов. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2025. Т. 1: Боевой вклад Хакасии в Победу в Великой Отечественной войне 1941−1945 гг. 288 с.

Хакасия в годы Великой Отечественной войны 1941−1945: монография в 2 т. / В.Н. Тугужекова, М.Г. Степанов, В.В. Топчеев, В.В. Филиппов. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2025. Т. 2: Население и хозяйство. 448 с.

References

Alekseev, V.V., Isupov, V.A. (1986). *Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Nauka. 231 p.

(2004). *10 let Khakasskomu gosudarstvennomu universitetu im. N.F. Katanova* [10 Years of Khakassian University named after N.F. Katanov. Abakan: Khakass State University Publishing House]. Abakan. 96 p.

Gushchin, N.Ya., Isupov, V.A. (Eds.). (1997*). Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX veke* [Population of Western Siberia in the 20th Century]. Novosibirsk. 170 p.

Isupov, V.A. (1987). Problemy izucheniya demograficheskikh protsessov Sovetskoy Sibiri [Problems of Studying Demographic Processes in Soviet Siberia]. In *Velikiy Oktyabr' i sotsialisticheskie preobrazovaniya v Sibiri. Sektsii I, II, III. Tezisy dokladov i soobshcheniy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk, p. 99.

Isupov, V.A. (1991). *Gorodskoe naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh − konets 50-kh gg.)* [Urban Population of Siberia: From Catastrophe to Revival (Late 1930s − Late 1950s)]. Novosibirsk, Nauka. 291 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX − XX vv.).* [Demographic History of Western Siberia (late 19th − 20th Centuries)]. Novosibirsk, II SO RAN. 238 p.

Kondrashin, V.V. (2015). Dokumenty arkhivov ZAGS kak istoricheskiy istochnik o tragedii sovetskoy derevni v 1933 g. [Documents from the Civil Registry Office Archives as a Historical Source on the Tragedy of the Soviet Village in 1933]. In *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri. Sbornik nauchnyh trudov*. Iss. IV. Novosibirsk, pp. 181−196.

Kyshpanakov, V.A. (1989). *Naselenie i trudovye resursy Khakasii* [Population and Labor Resources of Khakassia]. Abakan, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Khakasskoe otdelenie. 185 p.

Kyshpanakov, V.A. (1995). *Naselenie Khakasii. 1917−1990-e gg*. [Population of Khakassia. 1917−1990s]. Abakan. 348 p.

Kyshpanakov, V.A. (2022). *Naselenie Khakasii v postsovetskom periode (1992−2022 gody).* [Population of Khakassia in the Post-Soviet Period (1992−2022)]. Abakan. 172 p.

Kyshpanakov, V.A. (2022). *Naselenie Khakasii: iz proshlogo k sovremennosti (1897−2022)* [Population of Khakassia: From the Past to the Present (1897−2022)]. 2-e izdanie, dopolnennoe i rasshirennoe. Abakan. 320 p.

Malinin, E.D., Ushakov, A.K. (1976). *Naselenie Sibiri* [Population of Siberia]. Moscow. 166 p.

Meshalkin, P.N. (Ed.). (1963). *Ocherki istorii Khakasii sovetskogo perioda. 1917−1961 gody* [Essays on the History of Khakassia during the Soviet Period. 1917−1963]. Abakan. 419 p.

Meshalkin, P.N. (Ed.). (1987). *Ocherki istorii Khakasskoy oblastnoy organizatstsii KPSS.* [Essays on the History of the Khakass Regional Organization of the CPSU]. Krasnoyarsk. 359 p.

Moskovskiy, A.S. (1965). Rost gorodskogo naseleniya Sibiri v gody pervoy pyatiletki [Growth of the Urban Population of Siberia during the First Five-Year Plan]. In *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. No. 5, Iss. 2, pp. 73−79.

Slavina, L.N. (2019). Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX stoletii. Retsenziya: Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX − XX v.) [Demographic History of Western Siberia (Late 19th − 20th Centuries)]. In *Demograficheskoe obozrenie.* Vol. 6, No. 3, pp. 152−156.

Slavina, L.N. (2026). Trebuetsya prodolzhenie. Retsenziya: Hakasiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941−1945: monogr.: v 2 t. / red. V.N. Tuguzhekova, V.A. Kyshpanakov [Review of the book: Khakassia during the Great Patriotic War 1941−1945. In 2 volumes. Abakan: Khakass state university named after N.F. Katanov, 2025]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 33, No. 1, pp. 101−105.

Stepanov, M.G. (2019). *Ocherki istorii sovetskoy Khakasii (1917−1991 gg.)* [Essays on the History of Soviet Khakassia (1917−1991)]. Abakan. 252 p.

Tuguzhekova, V.N., Stepanov, M.G., Topcheev, V.V., Filippov, V.V. (2025). *Khakasiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941−1945. Monografiya v 2 tomakh. Tom 2: Naselenie i khozyaystvo* [Khakassia during the Great Patriotic War of 1941−1945. In 2 vol. Vol 2: Population and Economy]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni V.M. Torosova. 448 p.

Tuguzhekova, V.N., Stepanov, M.G., Topcheev, V.V., Filippov, V.V. (2025). *Khakasiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941−1945. Monografiya v 2 tomakh. Tom 1: Boevoy vklad Kakasii v Pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941−1945* [Khakassia during the Great Patriotic War of 1941−1945. In 2 volumes. Vol 1: The Combat Contribution of Khakassia to the Victory in the Great Patriotic War of 1941−1945]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni V.M. Torosova. 288 p.

Vishnevskiy, A.G. (2019). *Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya. Kurs lektsiy* [Demographic History and Demographic Theory. Lecture Course]. Moscow, Izdatel'skiy Dom VShE. 368 p.

Vorob'ev, V.V. (1979). *Naselenie Vostochnoy Sibiri (sovremennaya dinamika i voprosy prognozirovaniya)* [Population of Eastern Siberia (Modern Dynamics and Forecasting Issues)]. Novosibirsk, Nauka. 159 p.

М.А. Семенов*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СМЕРТНОСТИ ТЫЛОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-5
УДК 314.4:94(571.1/.5)"1941/1945"

Выходные данные для цитирования:
Семенов М.А. Основные направления и тенденции изучения смертности тылового населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 52−63.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-05.pdf

M.A. Semenov*

THE MAIN DIRECTIONS AND TRENDS IN THE STUDY OF MORTALITY AMONG THE CIVILIAN POPULATION OF THE USSR'S REAR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-5

How to cite:
Semenov M.A. The Main Directions and Trends in the Study of Mortality among the Civilian Population of the USSR's Rear during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 52−63.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-05.pdf]

Abstract. During the Great Patriotic War, mortality underwent a number of dramatic transformations, which provides a unique opportunity to study its mechanisms. Over time, many different explanations have been put forward for the changes in the direction, nature, and scale of mortality. This paper attempts to identify the main research approaches that explain the movement of mortality among the population in the rear during the war period. Three stages in the development of the historiography of the issue have been identified: 1) From 1944 to 1985; 2) From 1986 to 2001; 3) From 2001 to the present. It has been noted that at the first stage, several concepts were proposed to explain the decline in mortality, particularly child mortality, among the rear population: the impact of healthcare activities in general, the impact of new medications, and the impact of demographic changes in the population structure through various mechanisms. The results of the second stage include the accumulation of data that makes it possible to define the contours of the most important demographic processes, including mortality, at the level of the USSR and the RSFSR, as well as in individual macro-regions such as Siberia and the Urals. During this period, theoretical foundations for the study of mortality were introduced into scientific discourse: the theories of demographic and epidemiological transitions, the concepts of endogenous and exogenous mortality; V.A. Isupov developed the concept of adaptive demographic policy. A distinctive feature of the third stage is the tendency to develop two research approaches to explaining the problem of mortality dynamics. The first of these, the medical-social approach, seeks to explain the dynamics of mortality primarily through the lens of healthcare activities and the overall social situation. The second approach, the demographic-statistical one, is based on the idea that a change in the age-sex structure makes a decisive contribution to the reduction in overall mortality, as does the impact of declining birth rates on changes in social practices related to childcare, which has led to a reduction in child mortality.

* **Михаил Александрович Семенов,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: pihterek@yandex.ru
Mikhail Alexandrovich Semenov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: pihterek@yandex.ru

** Статья выполнена по теме государственного задания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX − начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).
The article is on the topic of the state assignment "Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th − Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

Keywords: mortality, morbidity, historical demography, historiography, rear areas, the Great Patriotic War.

The article has been received by the editor on 01.10.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Во время Великой Отечественной войны смертность претерпела ряд резких трансформаций, что дает уникальную возможность изучения ее механизмов. За прошедшее время было высказано множество различных объяснений изменений вектора, характера и масштабов смертности. В данной работе предпринята попытка выделить основные исследовательские подходы, объясняющие движение смертности тылового населения в военный период. Выделены три этапа развития историографии вопроса: 1) с 1944 по 1985 г.; 2) с 1986 по 2001 г.; 3) с 2001 г. по настоящее время. Отмечено, что на первом этапе было предложено несколько концепций, объясняющих снижение смертности, в частности детской, у тылового населения: влияние деятельности здравоохранения в целом, новых лекарственных препаратов, демографических изменений в структуре населения посредством различных механизмов. К результатам второго этапа можно отнести накопление данных, позволяющих определить контуры важнейших демографических процессов, в том числе смертности, на уровне СССР и РСФСР, отдельных макрорегионов, таких как Сибирь и Урал. В это время были введены в научный оборот теоретические основания для изучения смертности: теории демографического и эпидемиологического переходов, понятия эндогенной и экзогенной смертности, В.А. Исуповым была разработана концепция адаптивной демографической политики. К особенностям третьего этапа относится тенденция к формированию двух исследовательских подходов к объяснению проблемы динамики смертности. Первый из них − медико-социальный − пытается объяснить динамику смертности прежде всего через призму деятельности здравоохранения и социальной ситуации в целом. Второй подход − демографическо-статистический − связан с представлением о решающем вкладе в снижение общей смертности фактора изменения половозрастной структуры, а также влияния снижения рождаемости на изменение социальных практик по уходу за детьми, что привело к снижению детской смертности.

Ключевые слова: смертность, заболеваемость, историческая демография, историография, тыловые районы, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 01.10.2026 г.

Великая Отечественная война стала временем масштабных изменений демографической сферы общества. Несмотря на сравнительно короткие временные рамки, за этот период демографические процессы претерпели ряд резких трансформаций, что дает уникальную возможность изучения их движущих сил. В годы войны смертность тылового населения прошла через два этапа: 1) нарастание смертности в 1941 − первой половине 1942 г.; 2) снижение смертности во второй половине 1942 − 1945 г. Разумеется, стоит учитывать, что имелись значительные отклонения от этой картины. Масштаб изменений смертности и дважды менявшийся за короткий период вектор ее развития определили внимание исследователей. За прошедшее время было высказано множество различных объяснений изменений вектора, характера и масштабов смертности.

В данной статье предпринята попытка выделить среди большого количества работ, прямо или косвенно затрагивающих демографическую ситуацию военных лет, основные исследовательские подходы, объясняющие движение смертности тылового населения в воен-

ный период. Данный очерк не претендует на полное освещение исследований указанной проблемы, сосредотачиваясь на наиболее показательных, по мнению автора, работах.

В историографии данной проблемы можно выделить несколько этапов.

Изучение смертности тылового населения с 1944 по 1985 г. Уже в аналитических материалах Центрального статистического управления, органов медицинской статистики военных лет содержались первые предположения о причинах изменения смертности тылового населения, ставшие в дальнейшем важными элементами последующих концепций. Однако закрытый характер подобных документов не позволяет говорить о формировании исследовательских направлений в подлинно историографическом смысле.

Первые публичные оценки сложившейся в годы войны ситуации со смертностью появились еще в ее ходе. В крупной работе «Двадцать пять лет советского здравоохранения», изданной под редакцией наркома здравоохранения СССР Г.А. Митерева в 1944 г., было указано: «В течение многих десятилетий считалось доказанным, что всякая война сопровождается огромной смертностью <…>. Трудности, определявшие высокую заболеваемость и смертность <…> в условиях настоящей (Великой Отечественной. − *М. С.*) войны не только не уменьшились, но значительно увеличились и усложнились. Все это увеличивало ответственность, которая была возложена на работников здравоохранения нашей страны <…>. Подводя итоги деятельности органов здравоохранения за два года Великой Отечественной войны, нужно сказать, что с этими задачами советские медицинские работники справились»[1].

Основой успешной борьбы с негативным воздействием войны авторы работы считали совокупность разносторонних усилий «органов здравоохранения, санитарных, противоэпидемических и лечебно-профилактических учреждений, научных институтов, всех медицинских работников»[2]. При этом особо подчеркивалось эффективное проведение противоэпидемических мероприятий.

Учитывая время, необходимое для подготовки и анализа материалов, очевидно, что столь высокая оценка была дана в работе буквально по горячим следам только начавшегося снижения смертности и авторы не имели возможности увидеть действительные результаты и масштабы продолжающегося снижения смертности, т.е. во многом данная оценка выдана «авансом». Однако дальнейшее развитие событий, казалось бы, подтвердило ее правомерность.

Само определение причин достигнутых успехов как результата работы всей системы здравоохранения в целом наиболее устраивало высшее руководство Наркомздрава. Неудивительно, что в последующие годы главными выразителями данной точки зрения на причины снижения смертности оставались высшие медицинские руководители.

Вышедший в 1957 г. фундаментальный труд «Сорок лет советского здравоохранения» под редакцией министра здравоохранения СССР М.Д. Ковригиной продолжил данное направление объяснения снижение смертности в военные годы как результат комплексных усилий системы здравоохранения при подчеркивании особой значимости противоэпидемической деятельности здравоохранения и роста качества лечебной работы[3].

Данная позиция подкреплялась многочисленными данными о росте медицинской сети, успешно преодоленным кризисам в лекарственном, кадровом и финансовом положении здравоохранения военных лет, улучшении организации противоэпидемической и лечебной работы, в том числе для наиболее уязвимых категорий населения − материнства и детства.

В то же время непосредственный механизм влияния этих процессов на снижение смертности не был выявлен. Появление тысячи новых больниц может привести к снижению смертности, а может и не привести: все зависит от конкретного влияния деятельности этих учреждений на непосредственные причины смертности. В отсутствие же подобного анализа

[1] Двадцать пять лет советского здравоохранения (1918−1943). М., 1944. С. 18−19.
[2] Там же. С. 19.
[3] Сорок лет советского здравоохранения: К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 1917−1957. М., 1957.

мы можем лишь постулировать определенную корреляционную связь между развитием системы здравоохранения и снижением смертности. Но корреляционная связь не является связью причинной.

Уже в первые годы после войны появились первые печатные работы, содержащие альтернативные точки зрения, значительно снижающие роль здравоохранения в снижении смертности.

Стоит отметить, что в центре внимания на этом этапе оказалось изучение детской смертности. В предвоенный период детская смертность вносила наибольший вклад в смертность общую. Поэтому, говоря об одном явлении и причинах изменения его динамики, также подразумевалось и его влияние на другое.

Основоположник советской медицины Н.А. Семашко, комментируя снижение детской смертности, отмечал: «К сожалению, мы до сих пор не имеем статистических работ, в которых вопрос о детской смертности был бы изучен дифференцированно в отношении местных и прибывших детей <…>. У меня большое опасение, что мы столь же необоснованно пугали высокими цифрами детской смертности, как и радовались резким снижением ее»[4]. Подразумевая, что динамика детской смертности военных лет во многом может быть статистическим феноменом, вызванным изменением половозрастной структуры населения за счет прибытия эвакуированных контингентов.

Другие исследователи, не отрицая реального снижения детской смертности, указывали на его происхождение от независящих от деятельности здравоохранения демографических причин. Так, известная ученая-медик О.А. Рикман считала, что снижение детской смертности было обусловлено снижением заболеваемости детей, а снижение заболеваемости, в свою очередь, произошло по следующим причинам: а) высокой заболеваемости детей в начальный период войны, вызвавшей большую долю невосприимчивых, в силу приобретенного к болезням иммунитета, детей и б) резкого снижения рождаемости, сократившего количество новых, еще не обладающих иммунитетом, детей. Сочетание этих двух факторов в 1943−1945 гг. обусловило крайние сложности для распространения возбудителей детских инфекций и привело к резкому снижению заболеваемости, а следовательно, и к снижению смертности детей[5].

Точка зрения О.А. Рикман строится на трех крайне спорных допущениях: а) главенствующей роли детских инфекций в детской смертности, что не подтверждается данными о причинах смерти детского населения; б) должно подтверждаться общим снижением заболеваемости различными детскими инфекциями, чего опять же не происходит. Инфекции развиваются разнонаправленно: часть демонстрирует снижение, другие − наоборот, рост и в конце войны; в) иммунитет переболевших детей специфический, т.е. нацелен на определенную инфекцию. Например, иммунитет против дифтерии не поможет защититься от заболевания скарлатиной.

Еще один подход к объяснению причин снижения детской смертности сформулировала Р.И. Сифман. С ее статьей, посвященной данному вопросу, широкая общественность познакомилась в 1979 г. Однако стоит отметить, что в значительной степени данная работа опиралась на анализ, проделанный Р.И. Сифман еще в сороковые годы.

В своей работе Роза Иосифовна в качестве решающего фактора снижения смертности обозначает «широкое внедрение в лечебную практику сульфаниламидотерапии, приведшее к сокращению летальности» от желудочно-кишечных болезней и пневмонии, являвшихся основными причинами смерти у детей[6]. Улучшение лечебно-профилактической помощи детям Р.И. Сифман рассматривает как положительный, но второстепенный фактор. Таким образом, «сульфаниламидная» теория объясняет снижение детской смертности через

[4] Цит. по: *Коробейникова Н.С.* Обратная сторона войны: брак, семья и рождаемость в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939−1945 гг.). Новосибирск, 2016. С. 173.

[5] *Рикман О.А.* Детские инфекции в годы Великой Отечественной войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: труды 2-й конф.: в 2 т. (17−19 декабря 1946 г.). М., 1948. Т. 1. С. 150.

[6] *Сифман Р.И.* К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М., 1979. С. 60.

во многом случайный фактор: конкретные характеристики нового лекарственного средства, оказавшиеся крайне эффективными в борьбе с болезнями, служившими основной причиной смертности.

Необходимо отметить, что в небольшой по размеру статье Р.И. Сифман удалось достичь невероятной концентрации материала. Значение ее для дальнейших исследований смертности военных лет сложно переоценить. Так, она выделяет главные непосредственные причины снижения смертности − сокращение смертности от желудочно-кишечных болезней и пневмонии, отмечает возможность низкой смертности при ухудшении здоровья населения, позволяет объяснить отсутствие повышения смертности, но не объясняет ее снижение[7].

Р.И. Сифман приводит серьезные аргументы против концепции О.А. Рикман и «метеорологической» гипотезы[8]. Однако в отношении связи снижения смертности со снижением рождаемости, предполагающей возможность различных по своей природе связей (возможность лучшего ухода за детьми, изменение социального состава родившихся), она констатирует неясность этого вопроса и необходимость дальнейших его исследований. Указывая на отсутствие корреляционной связи между уровнем рождаемости и уровнем смертности, Р.И. Сифман отмечает, что в условиях повсеместного снижения рождаемости и не менее повсеместного снижения детской смертности коэффициент корреляции не может использоваться для оценки взаимосвязей явлений в силу отсутствия значительной их вариации[9].

Таким образом, к началу 1980-х годов было предложено несколько концепций, объясняющих снижение смертности, в частности детской, у тылового населения: влияние деятельности здравоохранения в целом, влияние новых лекарственных препаратов, влияние демографических изменений в структуре населения посредством различных механизмов (снижение смертности как статистический феномен, снижение смертности за счет уменьшения слоя восприимчивого населения, снижение смертности за счет уменьшившейся контактности детей, снижение за счет улучшившегося ухода за младенцами). Характерным является то, что корни всех этих концепций уходят в годы войны и первых послевоенных лет, отражая результаты анализа динамики смертности, проводившегося для конкретных практических целей.

Стоит отметить, что если данные подходы можно считать порождением исследовательской мысли сороковых годов, то дальнейшие несколько десятилетий практически ничего не прибавили к осмыслению данного вопроса. Тема, потеряв непосредственное практическое значение для медиков, для историков фактически была табуирована.

Изучение смертности тылового населения с 1986 по 2001 г. Новый всплеск исследовательского интереса произойдет уже во второй половине 1980-х гг. Выросший во время перестройки интерес к демографическим проблемам Советского Союза в первой половине двадцатого века настойчиво нуждался в удовлетворении. В этой обстановке историко-демографические исследования получили значительный импульс.

Взлет демографических исследований пришелся на сложные для нашей Родины годы: в скором времени произошел распад Советского Союза, крушение всеобъемлющих теоретико-идеологических конструкций предыдущего времени, серьезные социально-экономические трудности как общества в целом, так и научной сферы.

Ситуация теоретического вакуума сопровождалась резким ростом доступности исторических источников, требующих осмысления. Историческая наука в целом и бурно развивающаяся историческая демография в частности лихорадочно пытались найти объясняющие прошлое гипотезы. Это было время активного научного поиска.

Достаточно быстро стало понятно, что имеющаяся фактологическая база, сложившаяся в предшествующий период, недостаточна не только для обоснования новых гипотез, но и для создания хотя бы рамочного описания происходивших во время войны демографических

[7] *Сифман Р.И.* К вопросу о причинах снижения детской смертности… С. 52, 55.
[8] Там же. С. 54−57.
[9] Там же. С. 59.

процессов. Достаточно указать, что к 1985 г. не было известно даже научно обоснованной цифры общих потерь СССР в годы войны.

Дополнительно усложняли ситуацию сложные политико-экономические условия этого периода. Спавшие цензурные ограничения, активное политическое противостояние, шок от начавшегося широкого обсуждения долгое время замалчиваемых негативных сторон советской истории иногда вызывали ситуацию тотального отрицания прошлых успехов. Например, В.Ф. Зима, отмечая лишь присущие этому периоду проблемы, в своей работе[10] в принципе не замечал снижения смертности военных лет, несмотря на известную к моменту написания его статьи статистику смертности.

К счастью, многие историки даже в сложных условиях переходного периода сохранили подлинно научное взвешенное отношение к изучению проблем военного времени.

Примером подобного ученого является выдающийся исследователь, основоположник сибирской историко-демографической школы Владимир Анатольевич Исупов. Его написанная совместно с В.В. Алексеевым работа «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны»[11] стала первым в стране крупным историко-демографическим исследованием, посвященным Великой Отечественной войне, на долгие годы ставшим эталоном подобных работ.

В данной работе авторы отмечают, что ключевыми причинами нарастания смертности в первый период войны были, помимо общего ухудшения условий жизни людей: а) массовое перемещение людей, что создавало «возможность перемещения инфекций из одного района в другие»; б) наличие почти бесконтрольного распространения инфекции среди немецко-фашистской армии и на оккупированных территориях[12]. В качестве причин ее снижения в 1943−1945 гг. обозначались санитарные успехи (прежде всего на транспорте), полная госпитализация больных, которая способствовала предотвращению распространения болезней, восстановление системы здравоохранения на освобожденных территориях, улучшение качества лечебной работы и «внедрение в медицинскую практику новых лекарственных препаратов»[13]. Таким образом, снижение смертности тылового населения в 1943−1945 гг. рассматривалось как производная от снижения заболеваемости и летальности, произошедших в результате комплексной работы всей государственной системы и, в том числе, деятельности здравоохранения.

В дальнейших работах В.А. Исупов развивает свои идеи. В статье «Демографическая сфера в эпоху сталинизма»[14] он отмечает, что в основе повышения смертности первых военных лет лежит рост детской смертности. Помимо ранее высказанных причин, он останавливается на критической неготовности противоэпидемических служб к работе в условиях массового перемещения населения[15].

В работе «Городское население Сибири»[16] В.А. Исупов начинает использовать деление факторов смертности на экзогенные, прежде всего обусловленные инфекционной заболеваемостью, и эндогенные, определяемые уровнем и образом жизни населения. В соответствии с данной классификацией, он отмечает необходимость различных средств для борьбы с разными причинами смертности и развивает идею о наличии тактического и стратегического направления демографической политики в снижении смертности, направленных против экзогенной и эндогенной смертности соответственно[17]. В соответствии с этими методологическими основаниями он указывает, что снижение смертности военных лет связано с успехами тактического адаптивного направления, а конкретным механизмом ее снижения

[10] *Зима В.Ф.* О смертности сельского населения в советском тылу (по архивным сводкам 1941−1945 гг.) // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С. 160−164.
[11] *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.
[12] Там же. С. 131−132.
[13] Там же. С. 134−137.
[14] *Исупов В.А.* Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 180−201.
[15] Там же. С. 192.
[16] *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х − конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.
[17] Там же. С. 99−100, 144−145.

В.А. Исупов считает снижение летальности от инфекционных заболеваний. В то же время, говоря о причинах снижения летальности, он избегает упрощенного объяснения его причин введением в медицинскую практику сульфаниламида и прямо пишет, что в поисках причин снижения смертности «на наш взгляд, вряд ли правомерен поиск какого-то одного решающего фактора»[18].

Достаточно близкую позицию в оценке причин снижения смертности тылового населения в 1943–1945 гг. занимала известная московская исследовательница Н.А. Араловец, объяснявшая его влиянием «всех проводимых мер социального порядка на снижение смертности людей»[19]. При этом Н.А. Араловец отмечала, что «более сильное воздействие на сокращение смертности горожан, очевидно, могли оказать такие явления, как выпуск новых сульфопрепаратов <…>, а также проводимые противоэпидемические мероприятия»[20].

Другим крупным центром демографических исследований стал Урал, где главную роль играли работы известного ученого Г.Е. Корнилова. В вышедшей в 1990 г. работе «Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» Г.Е. Корнилов в качестве основного фактора, вызвавшего снижение смертности в конце войны, также отмечал работу органов здравоохранения: «Несмотря на трудные условия жизни и быта, общая смертность среди сельского населения Урала не увеличивалась <…>. Это достигалось бесплатностью и расширением сети здравоохранения и частично нейтрализовало неизбежное ухудшение условий жизни сельских жителей в военные годы»[21].

В то же время в своих последующих работах Г.Е. Корнилов скорректировал свою точку зрения. В работе «Уральское село и война. Проблемы демографического развития»[22] он поддержал гипотезу о связи снижения смертности со снижением рождаемости и, как следствие, усиления ухода за младенцами. В коллективной работе «Население Урала. XX век» основным фактором снижения смертности обозначается окончательное завершение эпидемиологического перехода в предвоенные и военные годы, чему способствовало «применение сульфидных препаратов и антибиотиков»[23].

Особую позицию занимает в эти годы О.М. Вербицкая, указывавшая, что в феномене снижения смертности «отразилась природная сила регуляции демографических процессов»[24], отмечая, что динамика общего коэффициента смертности зависит от изменений половозрастного состава населения. Снижение смертности О.М. Вербицкая связывала с уменьшением в составе населения доли маленьких детей и младенцев, а следовательно, и соответствующего уменьшения вклада детской и младенческой смертности. Стоит отметить, что указанная зависимость снижения рождаемости и уменьшения детской смертности распространяется только на абсолютные значения этого показателя. Снижение относительных коэффициентов детской смертности, также имевшее место во второй период войны, данная позиция объяснить не может принципиально.

К началу 2000-х гг. достигнутые исторической демографией успехи потребовали создания работ, сводящих воедино новые сведения о демографическом развитии страны. Крупной вехой стал выпуск ИРИ РАН многотомного труда, призванного дать общую картину развития населения России в XX веке. Второй том данной серии, вышедший под редакцией известной ученой В.Б. Жиромской[25], освещал, в том числе, и период Великой Отечественной войны. Здесь, пожалуй, впервые были подробно рассмотрены разнообразные демографиче-

[18] *Исупов В.А.* Городское население Сибири… С. 106.
[19] *Араловец Н.А.* Смертность городского населения тыловых районов России, 1941–1945 гг. // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С. 157.
[20] Там же.
[21] *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 185–186.
[22] *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.
[23] Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 13.
[24] *Вербицкая О.М.* О некоторых особенностях демографического развития городского и сельского населения в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С. 150.
[25] Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940–1959.

ские проблемы военных лет: людские потери в годы войны, эвакуация, влияние войны на послевоенную демографическую сферу и т.д. Для работы над этим исследованием были привлечены наиболее крупные исследователи этого времени. Однако при рассмотрении вопроса о причинах динамики смертности тылового населения достичь единой точки зрения не удалось.

К итогам этого этапа можно отнести накопление данных, позволяющих определить контуры важнейших демографических процессов, в том числе смертности, на уровне СССР и РСФСР, отдельных макрорегионов, таких как Сибирь и Урал. В это время были введены в научный оборот теоретические основания для изучения смертности: теории демографического и эпидемиологического переходов, понятия эндогенной и экзогенной смертности, В.А. Исуповым была разработана концепция адаптивной демографической политики.

В то же время стало очевидно, что дальнейшее изучение проблем смертности требует качественно иного подхода к анализу материалов, позволяющего вскрыть непосредственные механизмы движения смертности. Как справедливо отмечал В.А. Исупов в своей статье, посвященной динамике детской смертности: «историки, занимающиеся проблемами исторической демографии, в своих попытках объяснить пертурбационные сдвиги воспроизводства населения сосредоточились не на конкретных причинах, непосредственно воздействующих на смертность, а на факторах, так или иначе влиявших на динамику детской смертности, но не прямо, а опосредованно <…>. На современном (статья написана в 2000 г. − *М. С.*) от исследователей требуется углубленный <…> анализ причин смерти, непосредственно определявших колебания смертности»[26]. Думается, что мнение В.А. Исупова вполне распространялось не только на изучение детской смертности, но и на смертность в целом.

Изучение смертности тылового населения после 2001 г. В 2000-е гг. количество демографических исследований резко возрастает. При этом если на предыдущем этапе исследовательские позиции были нестабильны и часто подвергались значительным корректировкам по мере введения в научный оборот новых материалов, то теперь можно говорить о тенденции к формированию двух исследовательских подходов к объяснению проблемы динамики смертности. Грань между этими направлениями достаточно условна, большинство исследователей, выдвигая на первый план одну из причин, как правило, не отрицают влияние других, отводя им менее значимую роль.

Первый из них − медико-социальный, он пытается объяснить динамику смертности прежде всего через призму деятельности здравоохранения и социальной ситуации в целом. Ключевую причину снижения смертности ученые данного направления видят в снижении смертности от желудочно-кишечных болезней и пневмонии. В свою очередь их снижение связывается как со снижением летальности от этих болезней, так и заболеваемости ими, обусловленных разносторонней деятельностью органов здравоохранения. При этом как минимум часть снижения летальности обусловливается введением в медицинскую практику сульфаниламидов, а как максимум − определяется ими. Центральную роль в данном направлении играют работы В.А. Исупова. В 2008 г. выходит фундаментальный труд «Главный ресурс Победы»[27], в котором анализ движения смертности выходит на новый уровень. Владимир Анатольевич подробно анализирует причины общей и детской смертности, возрастные коэффициенты смертности, движение смертности у отдельных групп населения, ее территориальный разрез. В 2017 г. под редакцией В.А. Исупова выходит коллективная работа «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX − XX в.)»[28], в которой несколько скорректированы выводы о причинах снижения смертности в конце войны и большее внимание уделяется снижению смертности по причине спада заболеваемости болезнями определенных групп. Схожая позиция выражена и в работах других исследо-

[26] *Исупов В.А.* Демографическое «чудо»: сокращение детской смертности в Сибири в 1943−1945 годах (на материалах Алтайского края) // Сибирь в XVII−XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999−2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 177−178.

[27] *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939−1945 гг.). Новосибирск, 2008.

[28] Демографическая история Западной Сибири (конец XIX − XX в.). Новосибирск, 2017.

вателей: Н.А. Араловец[29], Н.В. Чернышевой[30], Н.С. Коробейниковой[31], А.А. Бурматова[32], М.П. Беленко[33] и др.

Второй подход − демографическо-статистический − связан с представлением о решающем вкладе в снижение общей смертности фактора изменения половозрастной структуры, а также влияния снижения рождаемости на изменение социальных практик по уходу за детьми, что привело к снижению детской смертности. К работам данного направления можно отнести труды О.М. Вербицкой[34], Г.Е. Корнилова[35], В.П. Попова[36] и др.

Результатом исследований на этом этапе стало значительно более глубокое понимание как движущих сил изменения смертности, так и отдельных ее аспектов. Проделанная работа вплотную подвела историческую демографию к возможности осуществления формализованного факторного анализа динамики смертности, позволяющего однозначно установить вклад различных причин в изменения смертности военных лет. Однако для его осуществления необходимо серьезное количественное приращение данных о демографических показателях как на уровне страны, так и регионов в их полной совокупности за все военные годы. Данная задача представляется сложной, но вполне выполнимой. Стоит отметить, что ряд ученых уже ведет работу в этом направлении[37].

Литература

Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 230 с.

Араловец Н.А. Смертность городского населения тыловых районов России, 1941−1945 гг. // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 154−159.

Араловец Н.А. Здравоохранение тыла в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2019. № 3. С. 36−43.

Араловец Н.А. Инфекционная опасность в тыловых районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Регионы России в военной истории страны. Вып. V: сб. мат-лов V Всерос. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 15−16 ноября 2023 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 195−204.

Беленко М.П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири социально-демографический аспект (1941−1943 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 24 с.

Бурматов А.А. Смертность населения Новосибирской области в 1941−1945 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 2. С. 36−41.

[29] *Араловец Н.А.* Здравоохранение тыла в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2019. № 3. С. 36−43; *Араловец Н.А.* Инфекционная опасность в тыловых районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Регионы России в военной истории страны: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2023. С. 195−204.

[30] *Чернышева Н.В.* Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012; *Чернышева Н.В.* Население Волго-Вятского региона в 1939−1945 гг.: историко-демографическое исследование : автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2023.

[31] *Коробейникова Н.С.* Обратная сторона войны…

[32] *Бурматов А.А.* Смертность населения Новосибирской области в 1941−1945 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 2. С. 36−41.

[33] *Беленко М.П.* Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири социально-демографический аспект (1941−1943 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.

[34] *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939−1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002.

[35] *Корнилов Г.Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX века // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80−89.

[36] *Попов В.П.* Демографические перемены в СССР в 1940-х − начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 49−64.

[37] *Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Население России в 1939−1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3−17; *Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939−1945 гг.). // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 46−53.

Вербицкая О.М. О некоторых особенностях демографического развития городского и сельского населения в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 147–153.

Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М.: ИРИ РАН, 2002. 318 с.

Двадцать пять лет советского здравоохранения (1918–1943) / под ред. Г.А. Митерева. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1944. 294 с.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 347 с.

Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17.

Зима В.Ф. О смертности сельского населения в советском тылу (по архивным сводкам 1941–1945 гг.) // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 160–164.

Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 180–201.

Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 288 с.

Исупов В.А. Демографическое «чудо»: сокращение детской смертности в Сибири в 1943–1945 годах (на материалах Алтайского края) // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 177–186.

Исупов В.А. Главный ресурс Победы людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.

Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 46–53.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 173 с.

Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половин XX века // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80–89.

Коробейникова Н.С. Обратная сторона войны: брак, семья и рождаемость в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Апельсин, 2016. 224 с.

Население Урала. XX век. История демографического развития / А.И. Кузьмин, Г.Е. Корнилов, С.В. Голикова, А.Г. Оруджиева, Е.Ю. Алферова. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 212 с.

Попов В.П. Демографические перемены в СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 49–64.

Рикман О.А. Детские инфекции в годы Великой Отечественной войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: труды 2-й конф. в 2 т. (17–19 декабря 1946 г.). М.: Акад. мед. наук СССР, 1948. Т. 1. С. 145–165.

Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М.: Статистика, 1979. С. 50–60.

Сорок лет советского здравоохранения: К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 1917–1957 / под ред. М.Д. Ковригиной. М.: Медгиз, 1957. 662 с.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. 416 с.

Чернышева Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во Вятского гос. гум. ун-та, 2012. 203 с.

Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939−1945 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2023. 36 с.

References

Alekseev, V.V., Isupov, V.A. (1986). *Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 230 p.

Aralovets, N.A. (1995). Smertnost gorodskogo naseleniya v tylovykh rayonakh Rossii, 1941−1945 gg. [Mortality of the Urban Population in the Rear Regions of Russia, 1941−1945]. In *Lyudskie poteri SSSR v period Vtoroy mirovoy voyny*. St. Petersburg, Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr “Blits”, pp. 154−159.

Aralovets, N.A. (2019). Zdravookhranenie tyla v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Healthcare in the Rear during the Great Patriotic War]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 36−43.

Aralovets, N.A. (2023). Infektsionnaya opasnost v tylovykh rayonax RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Infectious Hazards in the Rear Areas of the RSFSR during the Great Patriotic War]. In *Regiony Rossii v voennoy istorii strany: sbornik materialov V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Yoshkar-Ola, 15−16 noyabrya 2023 goda).* Yoshkar-Ola. Vol. V, pp. 195−204.

Belenko, M.P. (2011). *Evakuirovannoe grazhdanskoe naselenie v Zapadnoy Sibiri: sotsialno-demograficheskiy aspekt (1941−1943 gg.)* [Evacuated Civilian Population in Western Siberia: Socio-Demographic Aspect (1941−1943)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 24 p.

Burmatov, A.A. (2015). Smertnost’ naseleniya Novosibirskoy oblasti v 1941−1945 gg. [Mortality of the Population of the Novosibirsk Region in 1941−1945]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* Vol. 22, No. 2, pp. 36−41.

Chernysheva N.V. (2012). *Sotsialno-demograficheskie protsessy v Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Socio-Demographic Processes in the Kirov Region during the Great Patriotic War]. Kirov, Izdatel’stvo Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 203 p.

Chernysheva, N.V. (2023). *Naselenie Volgo-Vyatskogo regiona v 1939−1945 gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of the Volga-Vyatka Region in 1939−1945: Historical and Demographic Research], Dr. hist. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 36 p.

Isupov, V.A. (1990). Demograficheskaya sfera v epokhu stalinizma [The Demographic Sphere in the Era of Stalinism]. In *Aktualnye problemy istorii sovetskoy Sibiri*. Novosibirsk, pp. 180−201.

Isupov, V.A. (1991). *Gorodskoe naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh − konets 50-kh gg.)* [Urban Population of Siberia: From Catastrophe to Revival (Late 1930s − Late 1950s)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 288 p.

Isupov, V.A. (2002). Demograficheskoe “chudo”: sokrashchenie detskoy smertnosti v Sibiri v 1943−1945 godakh (na materialakh Altayskogo kraya) [The Demographic “Miracle”: The Reduction of Child Mortality in Siberia in 1943−1945 (Based on Materials from the Altai Territory)]. In *Sibir v XVII−XX vekax: Problemy politicheskoy i sotsialnoy istorii: Bakhrushinskie chteniya 1999−2000 gg.* Novosibirsk, NGU, pp. 177−186.

Isupov, V.A. (2008). *Glavnyy resurs Pobedy lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939−1945 gg.)* [The Main Resource of Victory: The Human Potential of Western Siberia during the Second World War (1939−1945)]. Novosibirsk, Sova. 378 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX − XX v.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th − 20th Centuries)]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 350 p.

Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2017). Chislennost naseleniya Rossii v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939−1945 gg.) [The Population of Russia During the Second World War (1939−1945)]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (57), pp. 46−53.

Kornilov, G.E. (1990). *Uralskaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941−1945 gg.)* [Ural Village during the Great Patriotic War (1941−1945)]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Uralskogo universiteta. 223 p.

Kornilov, G.E. (1993). *Uralskoe selo i voyna. Problemy demograficheskogo razvitiya* [The Ural Village and the War. Problems of Demographic Development]. Yekaterinburg, Uralagro-press. 173 p.

Kornilov, G.E. (2014). Evolyutsiya mladencheskoy smertnosti na Urale v pervoy polovine XX veka [The Evolution of Infant Mortality in the Urals in the First Half of the 20th Century]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 3 (44), pp. 80−89.

Korobeynikova, N.S. (2016). *Obratnaya storona voyny: brak, semya i rozhdaemost v gorodakh Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939−1945 gg.)* [The Reverse Side of War: Marriage, Family, and Fertility in the Cities of Western Siberia during the Second World War (1939−1945)]. Novosibirsk, Apelsin. 224 p.

Kovrigina, M.D. (Ed.). (1957). *Sorok let sovetskogo zdravookhraneniya: K 40-letiyu Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii. 1917−1957* [Forty Years of Soviet Healthcare: On the 40th Anniversary of the Great October Socialist Revolution. 1917−1957]. Moscow, Medgiz. 662 p.

Miterev, G.A. (Ed.). (1944). *Dvadtsat pyat let sovetskogo zdravookhraneniya (1918−1943)* [Twenty-Five Years of Soviet Healthcare (1918−1943)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoy literatury. 294 p.

Kuzmin, A.I., Kornilov, G.E., Golikova S.V., Orudzhieva, A.G., Alferova, E.Yu. (1996). *Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya* [The Population of the Urals. The 20th Century. The History of Demographic Development]. Yekaterinburg, Ekaterinburg. 212 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays]. In 3 vol. Vol. 2: 1940−1959. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Popov, V.P. (2019). Demograficheskie peremeny v SSSR v 1940-kh − nachale 1950-kh gg. [Demographic Changes in the USSR in the 1940s − Early 1950s]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 49−64.

Rikman, O.A. (1948). Detskie infektsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Childhood Infections during the Great Patriotic War]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii: Trudy 2-y konferentsii (17−19 dekabrya 1946 g.).* Moscow. Vol. 1, pp. 145−165.

Sifman, R.I. (1979). K voprosu o prichinakh snizheniya detskoy smertnosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Question of the Reasons for the Decline in Infant Mortality during the Great Patriotic War]. In *Prodolzhitelnost zhizni: analiz i modelirovanie.* Moscow, Statistika, pp. 50−60.

Verbitskaya, O.M. (1995). O nekotorykh osobennostyakh demograficheskogo razvitiya gorodskogo i selskogo naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On Some Features of the Demographic Development of Urban and Rural Populations during the Great Patriotic War]. In *Lyudskie poteri SSSR v period Vtoroy mirovoy voyny*. St. Petersburg, Rusko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr "Blits", pp. 147−153.

Verbitskaya, O.M. (2002). *Naselenie rossiyskoy derevni v 1939−1959 gg. Problemy demograficheskogo razvitiya* [The Population of the Russian Village in 1939−1959. Problems of Demographic Development]. Moscow, IRI RAN. 318 p.

Zhiromskaya, V.B., Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2019). Naselenie Rossii v 1939−1945 gg. [The Population of Russia in 1939−1945.]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 3−17.

Zima, V.F. (1995). O smertnosti selskogo naseleniya v sovetskom tylu (po arkhivnym svodkam 1941−1945 gg.) [On the Mortality Rate of the Rural Population in the Soviet Rear (Based on Archival Reports from 1941−1945)]. In *Lyudskie poteri SSSR v period Vtoroy mirovoy voyny*. St. Petersburg, Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr "Blits", pp. 160−164.

Н.В. Гонина*

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД В СИБИРИ: ОТ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМУ СИНТЕЗУ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ СО АН СССР 1950−1970-Х ГОДОВ)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-6
УДК 94(47+57)"1950/1970":314.148

Выходные данные для цитирования:
Гонина Н.В. Урбанистический переход в Сибири: от статистического учета к междисциплинарному синтезу (на материалах исследований СО АН СССР 1950−1970-х годов) // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 64−79. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-06.pdf

N.V. Gonina*

URBAN TRANSITION IN SIBERIA: FROM STATISTICAL ACCOUNTING TO INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS (BASED ON RESEARCH MATERIALS FROM THE SIBERIAN BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE 1950S−1970S)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-6

How to cite:
Gonina N.V. Urban Transition in Siberia: From Statistical Accounting to Interdisciplinary Synthesis (Based on Research Materials from the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the 1950s−1970s) // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 64−79. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-06.pdf]

Abstract. The article presents a thorough analysis of the development of urban history and historical demography in Russia in the 1950s and 1970s. This period of time became an important stage in the development of scientific knowledge about cities, as it marked the transition from descriptive approaches to theoretical concepts and an interdisciplinary approach. The article examines the evolution of research methods and techniques used during this time. In the 1950s, interest in social history increased. The works of A.G. Rashin played a significant role in this. At the same time, this field of science began to strengthen. In the 1960s, there was a shift towards an interdisciplinary approach, while conservatism continued to play a role. Cities were studied mainly through the prism of economics and class approach. In the 1970s, there was a methodological shift associated with the publication of works such as “Urban Revolution” by A. Lefebvre and “Demographic Transition” by A. Vishnevsky introduced the academic community to the concepts of urbanization and demographic transition, radically changing perceptions of society. In practice, the 1970s were marked by the emergence of regional scientific schools. The author claims that the period from 1950 to 1980 laid the foundations for modern urban studies. The unique experience of the Soviet Union, and especially Siberia, is that it provides an opportunity to observe urbanization processes in real-time. The study shows that urbanization research in the USSR followed global trends, despite ideological and terminological differences. This led to the development of unique academic schools, such as the Siberian branch of the Academy of Sciences.

* **Наталья Владимировна Гонина,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nvg7@mail.ru
Natalya Vladimirovna Gonina, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nvg7@mail.ru

** Статья выполнена по теме государственного задания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX − начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).
The article is on the topic of the state assignment “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th − Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Keywords: historical urban studies, historical demography, urbanization, urban transition, Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, interdisciplinary research.

The article has been received by the editor on 26.10.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу процесса становления и развития отечественной исторической урбанистики и исторической демографии в период с 1950-х по 1970-е годы. Автор рассматривает данный временной отрезок как ключевой этап институционализации научного знания о городе, в ходе которого произошел переход от узкодисциплинарных описательных практик к фундаментальным теоретическим концепциям и междисциплинарному синтезу. В работе последовательно раскрывается эволюция исследовательских подходов. В 1950-е годы происходит возрождение интереса к социальной истории. Фундаментальное значение в этот период имели труды А.Г. Рашина. Параллельно начинается институциональное оформление науки. 1960-е годы характеризуются как время междисциплинарного поворота. Автор отмечает, что в этот период сохранялся парадигмальный консерватизм: город изучался преимущественно через призму экономической истории и классового подхода. 1970-е годы определяются как время методологического прорыва. Выход работ А. Лефевра («Урбанистическая революция») и А.Г. Вишневского («Демографическая революция») вводит в науку концепции тотальной урбанизации и универсального демографического перехода, которые радикально изменили взгляд на эволюцию общества. В прикладном плане 1970-е годы стали временем расцвета региональных школ. Автор делает вывод, что период 1950−1970-х годов заложил прочный фундамент для современной урбанистики. Уникальность советского (и в особенности сибирского) опыта заключалась в возможности наблюдать процессы урбанизации в режиме реального времени. Исследование демонстрирует, что изучение урбанизации в СССР, несмотря на специфические идеологические и терминологические ограничения, развивалось в русле мировых тенденций, формируя уникальные научные школы, наиболее ярким примером которых стало Сибирское отделение Академии наук СССР.

Ключевые слова: историческая урбанистика, историческая демография, урбанизация, урбанистический переход, Сибирское отделение АН СССР, междисциплинарные исследования.

Статья поступила в редакцию 26.10.2026 г.

Исследование урбанизации является одним из актуальных направлений научной мысли во многих отраслях научного знания. Это связано в первую очередь со стремительным ростом городского населения во всем мире и вызванным им нарастающим комплексом проблем. Изучение городов с самого начала носило полидисциплинарный характер. Свое веское слово в нем сказали и историки (Г. Чайлд, Ф. Бродель). Тем не менее историческая урбанистика как самостоятельное направление развивалась достаточно медленно, уступая географии, экономике, социологии и архитектуре. В то же время серьезные научные труды как географов, так и архитекторов не обходятся без исторического анализа. В отечественной науке термины «урбанизация», «урбанистический переход» долгое время не использовались. Вместо них применялось понятие «рост городов и городского населения».

В 1950-х гг. в условиях «оттепели» и беби-бума, наряду с активным строительством новых городов и быстрым ростом городского населения, развивается интерес к социальной истории. В это время была опубликована самая известная работа А.Г. Рашина «Население

России за 100 лет (1811−1913 гг.)», где прослежены динамика численности и размещение населения, рост городов, рождаемость и смертность, охарактеризован профессиональный и социальный состав жителей крупных городов[1]. А.Г. Рашин одним из первых выявил и обосновал взаимосвязь между демографическими процессами и условиями жизни человека. Немногим позже вышла в свет книга «Формирование рабочего класса России»[2], которая, с одной стороны, подвела итог нескольких десятилетий научно-исследовательской работы ученого, а с другой − стала основой целого направления в исторических исследованиях. Хронологические рамки работы охватывают период 1861−1917 гг. Автор рассмотрел не только динамику численности и половозрастной состав рабочих всех отраслей, но и проанализировал их территориальное размещение. Труды А.Г. Рашина до сих пор остаются одним из наиболее авторитетных источников сведений о демографическом развитии России в XIX веке.

В конце 1950-х гг. в отечественном историческом знании стала складываться современная научная терминология. Как утверждают Б.М. Денисенко и И.А. Троицкая, в это время в научной литературе появилось понятие «историческая демография»[3]. В 1957 г. в русском переводе доклада «Мировое социальное положение» ООН в СССР впервые встречается термин «урбанизация»[4]. В том же году был сделан серьезный шаг в развитии сибирской науки: началась работа Сибирского отделения Академии наук (СО АН) СССР с центром в Новосибирске. В его состав вошли Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский филиалы АН СССР. В Восточно-Сибирском филиале в Иркутске работал географ В.В. Воробьев, ученик Н.Н. Баранского[5]. В 1958 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Города южной части Восточной Сибири (Историко-географические очерки)». Территориальные рамки работы включали Иркутскую и Читинскую области, Бурят-Монгольскую АССР и юг Красноярского края. В ходе ее подготовки и после защиты было опубликовано несколько монографий[6]. В этих работах показано освоение Сибири и строительство городов с XVII по XX век. Автор показал исторический процесс формирования сети городских поселений и ее местную специфику, проанализировал динамику численности и состава городского населения. Была разработана типология городов Восточной Сибири. Материалы ЦСУ и Госплана были строго засекречены, поэтому ссылки на них не ставились, но их использование в работе очевидно. Понятие «урбанистика» в это время еще не используется.

В 1961 г. под руководством В.В. Воробьева в Институте географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР был создан сектор географии населения и исторической географии. Уже в 1962 г. был издан сборник статей «География населения Восточной Сибири», в котором приняли участие специалисты со всей страны. В статьях излагались изменения в географии населения Восточной Сибири за 1939−1959 гг., далее рассматривалось население отдельных регионов, проблемы миграций населения и трудовых ресурсов в связи с развитием производства[7].

---

[1] *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811−1913 гг.). М., 1956.

[2] *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России. М., 1958.

[3] *Денисенко Б.М., Троицкая И.А.* Предисловие // Историческая демография. М., 2008. Вып. 14. С. 5.

[4] Резолюция 663 (XXIV) Экономического и Социального Совета ООН «Мировое социальное положение» (Принята 31.07.1957 на 994-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН).

[5] *Обедков А.П.* История географического изучения городов России // Историческая демография. 2007. Вып. 2. С. 23−24; *Киселева Г.* Выдающийся географ Сибири // Наука в Сибири. 2000. 22 окт. № 42. 22 окт. С. 7; *Шувалов В.Е.* Университетское экономико-географическое образование: традиции и современность (к 80-летию кафедры экономической и социальной географии России) // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2009. № 6. С. 90−93; Воробьев Владимир Васильевич // Российская академия наук. Сибирское отделение: персональный состав. Новосибирск, 2007. С. 58−59.

[6] *Воробьев В.В.* Изменения в географии городов юга Восточной Сибири за 40 лет Советской власти. Иркутск, 1957; *Воробьев В.В.* Города южной части Восточной Сибири. (Ист.-геогр. очерки): автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 1958; *Воробьев В.В.* Формирование городской сети юга Восточной Сибири. Иркутск, 1958; *Воробьев В.В.* Города южной части Восточной Сибири: историко-географические очерки. Иркутск, 1959.

[7] *Воробьев Н.В.* География населения Сибири, в Сибири и для Сибири: прошлое и настоящее // География и природные ресурсы. 2024. Т. 45, № 5. С. 27.

В Новосибирске в составе СО АН в 1957 г. был открыт Институт экономики и статистики, который в 1958 г. переименовали в Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП). В данный период главную роль сыграли исследователи, изучающие процесс миграционного движения населения, трудообеспеченность экономики Сибири и условия жизни людей. В стране разворачивалось массовое переселение из деревни в город, чему способствовала, с одной стороны, более мягкая государственная политика, а с другой стороны − потребность государства переместить рабочие руки к активно строящимся производственным объектам. Решение о строительстве городов в зонах нового освоения было принято еще в сталинский период, однако наибольшие масштабы были достигнуты именно в 1950−1960-е гг. в Сибири. Большой интерес в этом плане представляют труды кандидата экономических наук В.И. Переведенцева и кандидата географических наук Ж.А. Зайончковской. Стоит подчеркнуть, что они закончили географический факультет МГУ по кафедре экономической географии.

В.И. Переведенцев и Ж.А. Зайончковская были одними из пионеров в исследовании внутренних миграционных процессов. В.И. Переведенцев работал в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР с 1958 по 1966 г. В 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Миграция населения Сибири», по которой в дальнейшем опубликовал монографию[8]. В.И. Переведенцев разработал методы исследования миграции, изучил текучесть кадров в Сибири и выявил ее связь с миграцией, установил факт превышения оттока населения из Сибири над притоком[9].

Дипломная работа Ж.А. Зайончковской по миграции населения в Красноярском крае была опубликована в 1964 г. в виде брошюры и до сих пор востребована исследователями[10]. В 1968 г. Ж.А. Зайончковская защитила в МГУ кандидатскую диссертацию «Приживаемость новоселов в городах Сибири», и опубликовала монографию[11]. Была проделана колоссальная работа − изучено 80 из 108 городов Сибири, имеющихся на начало 1965 г. В основу исследования положен авторский метод оценки закрепляемости кадров на местах. В работах Ж.А. Зайончковской было доказано, что низкая приживаемость новоселов в сибирских городах объясняется суровым климатом и неразвитостью городской инфраструктуры. Полученные результаты серьезно повлияли на развитие сибирского градостроения[12], а также на все работы гуманитариев о советском городе.

Как вспоминает дочь Ж.А. Зайончковской и В.И. Переведенцева, в институте были созданы хорошие условия для работы: каждый мог заниматься тем, что ему интересно, командировки для сбора материала и для работы в столичных библиотеках оплачивались, подписка на ведущие профессиональные журналы осуществлялась[13]. Кроме того, как показывают фонды библиотеки ИЭиОПП, для сотрудников института был не только открыт доступ к данным ЦСУ и Госплана, находящихся под грифом «для служебного пользования», но и осуществлялись подборка и издание материалов для нужд исследования. Большое значение имела созданная в НГУ в 1962 г. лаборатория по применению статистических и математических методов[14]. Она способствовала повышению качества результатов и создавала основу для разработки новых исследовательских методик. В 1963 г. в институт пришла

[8] *Переведенцев В.И.* Современная миграция населения в Западной Сибири. Новосибирск, 1965.
[9] *Вишневский А.* Умер Виктор Иванович Переведенцев [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 2009. № 377−378. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0377/nauka01.php (дата обращения: 22.10.2026 г.).
[10] *Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И.* Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964.
[11] *Зайончковская Ж.А.* Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М., 1972.
[12] *Полян П.М.* Мягкая сила. О жизни и творчестве Жанны Антоновны Зайончковской [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2026. Т. 13, № 2. С. 169−184. URL: https://demreview.hse.ru/ru/article/view/38799 (дата обращения: 22.10.2026 г.).
[13] К годовщине смерти Ж.А. Зайончковской. Интервью с дочерью Ж.А. Зайончковской и В.И. Переведенцева Александрой Переведенцевой // ДемоскопWeekly. 2022. № 965−966. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0965/nauka02.php (дата обращения: 22.10.2026 г.).
[14] Официальный сайт Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ieie.su/about/history.html (дата обращения: 22.10.2026 г.).

на работу Т.И. Заславская[15]. Под ее руководством была создана новосибирская экономико-социологическая школа. В фокусе внимания находилась миграция из деревни в город и текучесть кадров.

1960-е гг. стали важной вехой в развитии отечественной демографии. Весной 1963 г. при ЦСУ СССР создан Научно-исследовательский институт по проектированию вычислительных центров и систем экономической информации (НИИ статистики). Известный советский статистик и демограф профессор А.Я. Боярский назначен его директором. Осенью того же года в Институте образован сектор демографии и трудовых ресурсов (в апреле 1965 г. преобразован в Отдел демографии). Основные направления исследований: изучение закономерностей воспроизводства населения и его компонентов, разработка методов сбора и анализа данных о демографических процессах и их социальных факторах, демографический анализ, прогнозирование и моделирование[16]. В 1969 г. Научно-методический Совет при ЦСУ СССР созвал конференцию «Демография и демографическая статистика». Участники конференции заслушали и поддержали доклады Д.И. Валентея и А.Я. Боярского, в которых утверждался статус демографии как комплексной науки о населении[17].

В развитии исторической урбанистики 1960-е годы занимают особое место. В рассматриваемый период произошел междисциплинарный поворот. Историки активно заимствовали методы исследования у демографов, экономистов и социологов. В научный оборот стали массово вводиться статистические источники, материалы переписей населения, фонды местных органов власти. В 1963 г. Д. Джиббс выделил пять стадий урбанистического перехода: от медленного развития к стремительному росту, а затем стагнации и субурбии[18]. Эта теоретическая модель объясняла, как меняется пространственное распределение населения по мере экономического развития общества, и позволяла сделать процесс прогнозируемым и управляемым. В 1967 г. вышло в свет первое издание книги Ф. Броделя «Материальная цивилизация и капитализм»[19]. В этой работе город выступает как трансформатор и главный двигатель прогресса. Автор видел в урбанизации не следствие экономического роста, а его первопричину. Новые подходы стимулировали исследовательский интерес и научный поиск.

В Советском Союзе с иностранными работами были знакомы преимущественно через обзоры зарубежной литературы, фрагментарные публикации в журналах и материалы конференций. Только немногие специалисты могли прочитать эти тексты в оригинале[20]. И тем не менее резонанс был значительным. Интерес к изучению города и городского населения резко возрос, что стимулировалось продолжающимся ростом городов и осуществлением урбанистического перехода − численность городского населения превысила сельское. Свою роль продолжало играть относительное смягчение политического контроля, а также расширение доступа к источникам и возможность открытых научных дискуссий. Поэтому неудивительно, что число городских исследований увеличилось. В 1960-е гг. опубликованы первые научные работы А.Г. Вишневского, посвященные изучению урбанизации[21].

[15] Заславская Татьяна Ивановна // Официальный сайт Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ieie.su/persons/zaslavskaya-ti.html (дата обращения: 22.10.2026 г.).

[16] К 40-летию Отделения демографии НИИ статистики Госкомстата России [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 2003. № 125−126. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0125/nauka01.php (дата обращения: 22.10.2026 г.).

[17] *Волков А.Г.* Существует ли наука «Демография»? К 95-летию со дня рождения А.Я. Боярского (1906−1985) [Электронный ресурс] // URL: https://www.demoscope.ru/weekly/041/nauka01.php (дата обращения: 22.10.2026 г.).

[18] *Gibbs J.P.* The Evolution of Population Concentration // Economic Geography. 1963. Vol. 39, No. 2. P. 119.

[19] *Braudel F.* Civilisationmatérielle et capitalisme (XVe−XVIIIe siècle). Paris, 1967.

[20] Например, обмену научной литературой способствовала работа двусторонних комиссий историков на основе соглашений, подписанных между государствами и академиями наук, в том числе между академиями СССР и Польши, и в рамках СЭВ (*Марней Л.П.* Академия наук СССР и Польская академия наук в 1960-е годы: создание Комиссии историков двух стран // Славяне и Россия. Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию основания Института славяноведения. М., 2023. С. 139−253).

[21] *Вишневский А.Г.* Понятие и границы городских агломераций // Градостроительство. Вопросы расселения. Киев, 1966. С. 26−37; *Вишневский А.Г.* Экономические проблемы крупных городов и городских агломераций

В 1967 г. в Ученом совете Института экономики АН СССР в Москве он защитил кандидатскую диссертацию «Городские агломерации и экономическое регулирование их роста (на примере Харьковской агломерации)»[22].

Историки также не остались в стороне от указанных тенденций. В этот период опубликовано несколько сборников по городам Средневековья и Нового времени[23]. В Институте истории АН СССР в 1960-х гг. была создана специальная группа, которая вела исследования по истории советского рабочего класса[24], по сути продолжая дело А.Г. Рашина. Были подготовлены первые обобщающие сборники трудов и коллективные монографии[25]. Тема получила широкое распространение и труды по истории рабочего класса выходили до конца 1980-х гг. по всей стране. Другие социальные группы городского населения стали исследовать позже. В данном направлении было достаточно много идеологизированных работ, но это не мешало профессиональным исследователям анализировать динамику численности, половозрастной состав, отраслевое и территориальное размещение, бюджеты и образование рабочих. А так как рабочие составляли большинство городского населения, а промышленные предприятия − основу городской экономики, то с определенными оговорками можно рассматривать это направление в русле городских исследований. Однако нужно учитывать, что демографическая составляющая в этих работах была, как правило, незначительной, преимущественно речь шла о динамике численности и реже о половозрастном составе.

В 1961 г. в структуре ИЭиООП был сформирован сектор истории промышленности. В 1962 г. сектор переименовали в Отдел гуманитарных исследований. В это время стал складываться коллектив ученых. Первым научным сотрудником стал выпускник ЛГУ В.Л. Соскин. В 1956 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Роль шефства города над деревней в борьбе КПСС за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в восстановительный период (1921−1925 гг.)»[26]. В 1961 г. в составе сектора были О.Н. Вилков, Г.А. Докучаев, А.С. Московский. О.Н. Вилков, специалист по социально-экономической истории Сибири конца XVI − начала XVIII века, выпускник исторического факультета МГУ, ученик С.В. Бахрушина. В 1965 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Тобольск в системе складывающегося всероссийского рынка в XVII веке»[27], на основании которой была подготовлена монография «Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.»[28]. В работе рассматривалось экономическое развитие сибирских городов. В декабре 1963 г. сотрудником отдела стал выпускник ЛГУ Н.Я. Гущин.

В 1966 г. отдел был преобразован в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (ИИФФ). При этом сотрудничество с Институтом экономики и ориентир на изучение экономической истории сохранялись. Одной из главных задач нового института было изучение истории социалистического строительства в СССР. Тема рабочего класса разраба-

---

на Украине // Экономика Советской Украины. 1968. № 11. С. 74−78; *Вишневский А.Г., Курман М.В.* О некоторых демографических аспектах развития городской агломерации (на материалах Харькова) // Материалы Харьковского отделения географического общества Украины. Вып. 3. М., 1968. С. 157−163; *Курман М.В., Лебединский И.В.* Население большого социалистического города. М., 1968. С. 77−96.

[22] Анатолию Григорьевичу Вишневскому 70 лет [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 2025. № 197−198. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/nauka01.php (дата обращения: 22.10.2026 г.).

[23] Города феодальной России: сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М., 1966; Русский город: историко методологический сборник:. Вв 2 т. М., 1976.

[24] *Панкратова А.М.* Формирование пролетариата в России. М., 1963; *Матюгин А.А.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. 1921−1925, М., 1962; *Сенявский С.Л.* Рост рабочего класса СССР. М., 1966.

[25] Формирование и развитие советского рабочего класса (1917−1961 гг.): сб. ст. М., 1964; Краткая история советского рабочего класса. 1917−1967. М., 1968.

[26] Варлен Львович Соскин (1925−2021) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Новосибирского государственного университета. URL: http://www.nsu.ru/n/humanities-institute/60-years/history/RusHist/soskin-vl/ (дата обращения: 22.10.2026 г.).

[27] Памяти Олега Никандровича Вилкова [Электронный ресурс] // Сибирская Заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: http://zaimka.ru/pamyati-vilkova (дата обращения: 22.10.2026 г.).

[28] *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

тывалась рядом научных сотрудников как часть данного направления. В 1969 г. в Институте были защищены две докторские диссертации: А.С. Московского «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма» и Г.А. Докучаева «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны»[29]. По ним были подготовлены монографии[30]. Относительно интересующей нас темы в работах соответственно рассматривались источники формирования, динамика численности и состава рабочего класса за 1917−1937 гг. и в 1941−1945 гг.

Главной работой, осуществленной в 1960-х гг., стала многотомная «История Сибири»[31]. В ее создании приняли участие историки Москвы, Ленинграда и всей Сибири. В 5-м томе сотрудничали экономисты из ИЭиОПП[32]. Достаточно много места в этом издании занимает история сибирских городов и городского населения. Города рассматриваются преимущественно как административные, экономические и культурные центры, а население − с точки зрения классового подхода. При этом ранние исторические этапы представлены более разнообразным и информационно насыщенным материалом, а в советском периоде внимание было сфокусировано вокруг военных, политических событий и промышленного строительства. И все равно труд вызвал критику со стороны партийных чиновников как недостаточно комплементарный[33].

В 1969 г. в Институте истории был проведен первый симпозиум по истории рабочего класса Сибири. Он был посвящен общим проблемам истории рабочего класса Сибири, а также конкретному вопросу − источникам и формам его пополнения в период социализма[34]. Об этом написали статьи Г.А. Докучаев, А.С. Московский, Ю.А. Шпарог, З.Г. Карпенко, К.А. Заболотская и В.В. Алексеев. В работах показано, что основным источником формирования рабочего класса на ранней стадии было сибирское крестьянство, а также малоимущие и неимущие слои городского населения. Затем большее место стали занимать мигранты из других регионов, определенную роль играло и самовоспроизводство. В Сибири стали складываться рабочие династии.

Таким образом, 1950−1960-е гг. стали важным этапом развития отечественных городских исследований. Для него характерны сохранение преемственности, институционализация, регионализация и актуализация науки. В то же время сохранялись ограничения в виде политического контроля и парадигмального консерватизма. Классовый подход был определяющим в работах по социальной истории, а город изучался через призму экономической истории. Историки оказались более стеснены в своих исследовательских возможностях, чем географы, социологи и философы, которые активно разрабатывали понятие «урбанизация» как применительно к капиталистическом странам, так и в контексте изучения советского города[35].

---

[29] *Кузнецов И.С.* Значение преемственности в преподавании и исследовании отечественной истории в Новосибирском государственном университете (1960-е − первая четверть XXI века) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 164−186. URL: http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-12.pdf (дата обращения: 22.10.2026 г.).

[30] *Московский А.С.* Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968; *Московский А.С.* Рост творческой активности рабочего класса в борьбе за построение социализма. Новосибирск. 1968; *Докучаев Г.А.* Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны. М.. 1973.

[31] История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968−1969.

[32] Например, В.А. Калмык.

[33] *Кузнецов И.С.* Значение преемственности в преподавании и исследовании отечественной истории в Новосибирском государственном университете…

[34] Проблемы истории советского общества Сибири. Материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Вып. I. История рабочего класса. Новосибирск, 1970.

[35] *Покшишевский В.В., Гохман В.М.* Проблема гиперурбанизации в развитых капиталистических странах и ее географические аспекты // Научные проблемы географии населения, М., 1967; *Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н.* Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 44−56.

1970-е гг. определяются несколькими фундаментальными трудами, которые радикально изменили научный мир. В 1970 г. вышла книга А. Лефевра «Урбанистическая революция»[36]. Согласно идее автора, урбанизация представляется как «взрывной процесс». А. Лефевр выдвинул концепцию тотально урбанизированного пространства. Он отметил взаимосвязь урбанистического и демографического переходов: переселяясь в города, люди переходили к малодетной семье. Не менее значимым событием стала публикация сначала статьи, а затем монографии А.Г. Вишневского «Демографическая революция»[37], которая была во многом революционной. Она вводила универсальную теорию демографического перехода − модернизация общества способствует снижению смертности, следствием чего является снижение рождаемости, которая не делала различий между классами и экономическими системами, что противоречило устоявшимся в СССР взглядам. Автору пришлось вносить в текст различные оговорки, чтобы книгу допустили к печати[38]. В 1973 г. на русском языке вышла «Апология истории» М. Блока[39]. Его тезис о необходимости «вернуть человека в историю» и призыв к полидисциплинарности нашли отклик не только у историков, но и у специалистов из других отраслей научного знания.

В 1975 г. в издательстве МГУ под редакцией О.В. Лармина и А.Я. Боярского вышла в свет коллективная монография «Место демографии в системе наук»[40], которая мало упоминается специалистами, но при этом имеет важнейшее значение для дальнейшей гуманитаризации демографических исследований. Виднейшие специалисты-демографы рассуждали о взаимосвязях демографии и социологии, экономики, географии, психологии, права, медицины, математики. Отдельная статья, написанная д-ром ист. наук В.И. Козловым, называлась «Демография и система исторических наук». Очень осторожно, почти не выходя за рамки марксистской парадигмы, автор говорит о перспективах и значении историко-демографических исследований и намечает возможные пути работы. Наряду с историей рассматривались возможности взаимодействия демографии с археологией и этнографией. В конце статьи сделан вывод о необходимости «углубленной методологически правильной разработки стыковых проблем, которая будет весьма благоприятной для дальнейшего плодотворного развития каждой из наук»[41].

1970-е гг. шли под знаком активного изучения сибирского населения. В Институте географии СО АН (Иркутск) складывается сибирская школа географии населения. В.В. Воробьев в 1974 г. защитил докторскую диссертацию «Географические особенности и проблемы формирования населения Восточной Сибири». На ее основе он опубликовал несколько монографий[42], раскрывающих процессы формирования и динамики населения, в том числе городского. Исторический материал по-прежнему занимал важное место в его исследованиях. Процесс эволюции расселения рассмотрен от XVII в. и до 1970-х гг. включительно. Фундаментальный подход и всестороннее изучение темы делают эти книги значимыми и в наше время. В.В. Воробьев на большом объеме статистических данных убедительно показал, что в 1960-е гг. происходит сокращение темпов естественного прироста населения Сибири. Он оперировал терминами «процесс урбанизации», «формирование систем расселения», «рост городского населения» и «промышленное освоение». Не используя понятие «урбанистический переход», он при этом фактически писал о нем

[36] *Lefebvre H.* La révolutionurbaine,. Paris,; Gallimard, 1970.
[37] *Вишневский А.Г.* Демографическая революция // Вопросы философии. 1973. № 2. С. 53−64; *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М., 1976; *Вишневский А.Г.* Мировой демографический взрыв и его проблемы. М., 1978.
[38] *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. М., Наука, 2005. С. 203−205.
[39] *Гуревич А.Я.* Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 170−208.
[40] Место демографии в системе наук. М., 1975.
[41] Там же. С. 254.
[42] *Воробьёв В.В.* Формирование населения Восточной Сибири: географические особенности и проблемы. Новосибирск, 1975; *Воробьёв В.В.* Население Восточной Сибири: современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск, 1977.

и доказал закономерность процесса перехода на новый режим воспроизводства населения. В работах по географии населения в 1970-х гг. В.В. Воробьев показал, что произошедшие изменения роли миграций и сокращение миграционного прироста населения Сибири отражают существующие территориальные различия в уровне жизни. В связи с этим был сделан вывод, что для закрепления населения нужно обеспечить в Сибири более высокий, чем в обжитых районах, жизненный уровень[43]. В.В. Воробьев подготовил более двадцати кандидатов наук и трех докторов наук. Как правило, они также занимались изучением населения Сибири[44].

В ИЭиОПП в 1970-х гг. достигает расцвета школа экономико-социальных наук. Применение междисциплинарного подхода (экономика, социология, экономическая география, статистика), масштабные полевые и экспедиционные исследования в Сибири, использование статистических и математических методов и разработка моделей позволили получить комплексное знание о сути происходящих процессов. Полученные результаты были опубликованы в виде ряда монографий и статей. В книге Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова «Население Сибири»[45] была рассмотрена динамика сибирского населения, в том числе городского в период конца 1950-х − первой половины 1970-х гг. Особое внимание уделено миграционному движению. Показаны социально-экономические проблемы закрепления населения. Представленный материал, позволял проследить взаимосвязь процессов урбанизации и изменений в демографических характеристиках сибирского населения.

Ф.М. Бородкин и С.В. Соболева в 1970-е гг. исследовали социально-демографическую и миграционную динамику населения в процессе взаимообмена города и села. Была создана математическая модель динамики городского населения с учетом миграции[46].

В Институте истории продолжалось изучение рабочего класса Сибири под руководством А.С. Московского, который в 1971−1981 гг. был заведующим отделом истории советского общества. В это время стали появляться отдельные тексты по социально-демографической истории. Например, в 1973 г. опубликована статья Б.Л. Борисова «Основные социальные изменения состава населения Западной Сибири (1950−1960 гг.)»[47], в которой приведены сводные данные материалов переписей 1939−1970 гг., показан рост городского населения и числа городов. Автор отмечает установившееся преобладание городского населения над сельским. Причиной этого явления называется индустриализация. Проведено сравнение динамики сибирского населения со странами Восточной Европы. В 1979 г. вышла в свет монография А.С. Московского «Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920−1937»[48]. А.С. Московский стал основателем научной школы, в рамках которой исследовались вопросы формирования городского населения, быта и образа жизни рабочих[49].

Итак, 1970-е стали временем методологического прорыва в социальных науках и многообразия направлений исследований у гуманитариев. Методологический консерватизм отечественной исторической науки постепенно уступал новым веяниям. Городские исследования были далеки от политики, а их результаты отвечали запросам времени,

[43] *Воробьев Н.В.* География населения Сибири, в Сибири и для Сибири… С. 29.
[44] *Киселева Г.* Выдающийся географ Сибири…
[45] *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Население Сибири. М., 1976.
[46] *Бородкин Ф.М., Соболева С.В.* Прогнозирование численности населения городов в зависимости от изменения уровня капиталовложений // Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе: мат-лы Всесоюзн. конф. (г. Киев, 6−8 декабря 1973 г.). Киев, 1973. С. 583−588; *Соболева С.* Взаимосвязи демографических и социально-демографических характеристик города и села // Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней: тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. М.осква, 1975. Вып. 4. С. 584−686; *Бородкин Ф.М., Соболева С.В., Сухарев В.А.* Модель динамики населения города с учетом миграции // Методы и модели регионального анализа: мат-лы II Советско-Польского симпозиума «Модели территориальных социально-экономических систем». Новосибирск, 1977. С. 147−159.
[47] *Борисов Б.Л.* Основные социальные изменения состава населения Западной Сибири (1950−1960 гг.) // Проблемы истории советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 1973. С. 292−304.
[48] *Московский А.С.* Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920−1937. Новосибирск, 1979.
[49] Алексей Степанович Московский [Электронный ресурс]. URL: http://www.history.nsc.ru/about/history/ad_memoriam/moskovsky.html (дата обращения: 22.10.2026 г.).

поэтому потребность в них и интерес к ним возрастали. 1970-е гг. стали рубежом, когда накопленный потенциал позволял сделать следующий шаг к историко-демографическим исследованиям урбанизации, что и было осуществлено в 1980-х гг. В.А. Исуповым.

Рассмотренный период 1950−1970-х гг. стал временем формирования отечественной урбанистики и исторической демографии, в ходе которого произошел переход от отдельных статистических описаний к фундаментальным теоретическим концепциям и комплексному междисциплинарному анализу. Одним из ключевых центров, где междисциплинарный диалог приобрел наиболее продуктивный характер, стало Сибирское отделение АН СССР. Создание в Новосибирске и Иркутске профильных институтов (ИЭиОПП, ИГ, ИИФФ) позволило объединить усилия экономистов, географов, социологов и историков. Уникальность сибирского опыта заключалась в возможности изучать урбанизацию в режиме реального времени − на фоне массового планового переселения и строительства новых городов в зонах освоения. Это потребовало разработки специфических методик и изменило подходы в государственной социальной политике и градостроительстве.

Важно отметить значение тесных научных и наставнических связей, которые прослеживаются между столичными вузами, научными центрами и сибирскими исследователями. Без этого сотрудничества и взаимообмена было бы невозможно достичь высокого уровня и продуктивности научной деятельности в целом. Все это вместе позволило создать в Сибири полноценный научный центр.

Труды исследователей СО АН (В.В. Воробьева, А.С. Московского, Ж.А. Зайончковской и др.) доказали, что изучение города невозможно в рамках одной дисциплины. Исторический анализ был необходим географам и экономистам для понимания генезиса систем расселения, а демографические и социологические методы стали незаменимым инструментом для историков, позволив им выйти за рамки традиционного классового подхода к изучению социально-демографических процессов и явлений.

Потенциал подходов, заложенных в 1960−1970-е гг., до сих пор не исчерпан. Несмотря на сдерживающие факторы, советская наука смогла сформировать мощную базу данных и собственный методологический аппарат. Исторические данные о феномене «аграризации» городов и проблемах закрепления населения в суровых климатических условиях сохраняют высокую ценность для современного стратегического планирования развития российских территорий, в том числе Арктики и Дальнего Востока.

Литература

Денисенко Б.М., Троицкая И.А. Предисловие // Историческая демография. М., 2008. Вып. 14. С. 5−12.

Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 44−56.

Борисов Б.Л. Основные социальные изменения состава населения Западной Сибири (1950−1960 гг.) // Проблемы истории советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 1973. С. 292−304.

Бородкин Ф.М., Соболева С.В. Прогнозирование численности населения городов в зависимости от изменения уровня капиталовложений // Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе: материалы Всесоюзной конференции (Киев, 6−8 декабря 1973 г.). Киев, 1973. С. 583−588.

Бородкин Ф.М., Соболева С.В., Сухарев В.А. Модель динамики населения города с учетом миграции // Методы и модели регионального анализа: материалы второго советско-польского симпозиума «Модели территориальных социально-экономических систем». Новосибирск, 1977. С. 147−159.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.

Вишневский А.Г. Понятие и границы городских агломераций // Градостроительство. Вопросы расселения. Киев: Будівельник, 1966. С. 26−37.

Вишневский А.Г. О некоторых демографических аспектах развития городской агломерации (на материалах Харькова) // Материалы Харьковского отделения географического общества Украины. Вып. 3. М., 1968. С. 157−163.

Вишневский А.Г. Экономические проблемы крупных городов и городских агломераций на Украине // Экономика Советской Украины. 1968. № 11. С. 74−78.

Вишневский А.Г. Демографическая революция // Вопросы философии. 1973. № 2. С. 53−64.

Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 240 с.

Вишневский А.Г. Мировой демографический взрыв и его проблемы. М.: Знание, 1978. 64 с.

Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. М.: Наука, 2005. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. 366 с.

Волков А.Г. Существует ли наука «Демография»? К 95-летию со дня рождения А.Я. Боярского (1906−1985) [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 2001. № 41−42. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/041/nauka01.php (дата обращения: 22.10.2026).

Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л.: Госиздат, 1930. 272 с.

Воробьев В.В. Изменения в географии городов юга Восточной Сибири за 40 лет Советской власти. Иркутск, 1957. 32 с.

Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (Ист.-геогр. очерки): автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 1958. 18 с.

Воробьев В.В. Формирование городской сети юга Восточной Сибири. Иркутск, 1958. 26 с.

Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири: историко-географические очерки. Иркутск: Кн. изд-во, 1959. 147 с.

Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. 259 с.

Воробьев В.В. Население Восточной Сибири: современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск: Наука, 1977. 160 с.

Воробьев Н.В. География населения Сибири, в Сибири и для Сибири: прошлое и настоящее // География и природные ресурсы. 2024. Т. 45, № 5. С. 26−35.

Города феодальной России: сб. ст. памяти Н.В. Устюгова / отв. ред. В.И. Шунков. М.: Наука, 1966. 563 с.

Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. С. 170−208.

Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в период Великой Отечественной войны. М., 1973. 423 с.

Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М.: Мысль, 1987. 221 с.

Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика, 1972. 164 с.

Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. 105 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968−1969.

Краткая история советского рабочего класса. 1917−1967 / под ред. Ю.С. Борисова и др. М.: Политиздат, 1968. 430 с.

Кузнецов И.С. Значение преемственности в преподавании и исследовании отечественной истории в Новосибирском государственном университете (1960-е − первая четверть XXI века) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2025. № 1 (39). С. 164−186. URL: http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-12.pdf (дата обращения: 22.10.2026).

Курман М.В., Лебединский И.В. Население большого социалистического города. М.: Статистика, 1968. 200 с.

Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 165 с.

Марней Л.П. Академия наук СССР и Польская академия наук в 1960-е годы: создание Комиссии историков двух стран // Славяне и Россия. Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию основания Института славяноведения. М.: ИСл РАН, 2023. С. 139–253.

Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. 1921–1925, М.: АН СССР, 1962. 364 с.

Место демографии в системе наук: сб. ст. / отв. ред. О.В. Лармина, А.Я. Боярский. М.: Изд-во МГУ, 1975. 255 с.

Московский А.С. Рост творческой активности рабочего класса в борьбе за построение социализма. Новосибирск: Наука, 1968. 170 с.

Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука, 1968. 300 с.

Московский А.С. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920–1937. Новосибирск: Наука, 1979. 349 с.

Обедков А.П. История географического изучения городов России// Историческая демография. 2007. Вып.2. С. 22–27.

Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России. М.: АН СССР, 1963. 491 с.

Переведенцев В.И. Современная миграция населения в Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 96 с.

Покшишевский В.В., Гохман В.М. Проблема гиперурбанизации в развитых капиталистических странах и ее географические аспекты // Научные проблемы географии населения, М., 1967. С. 151–163.

Полян П.М. Мягкая сила. О жизни и творчестве Жанны Антоновны Зайончковской [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2026. Т. 13, № 2. С. 169–184. URL: https://demreview.hse.ru/ru/article/view/38799 (дата обращения: 22.10.2026).

Проблемы истории советского общества Сибири / отв. ред. А.С. Московский (Материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири). Вып. I. История рабочего класса. Новосибирск, 1970. 180 с.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М.: Соцэкгиз, 1958. 623 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение: персональный состав / сост. Е.Г. Водичев и др. Новосибирск: Наука, 2007. С. 58–59.

Русский город: историко-методологический сборник: в 2 т. / под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 1976. 296 с.

Сенявский С.Л. Рост рабочего класса СССР. М.: Наука, 1966. 279 с.

Соболева С. Взаимосвязи демографических и социально-демографических характеристик города и села // Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней: тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. М., 1975. Вып. 4. С. 584–686.

Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961 гг.): сб. ст. / отв. ред. Р.П. Дадыкин. М.: Наука, 1964. 402 с.

Шувалов В.Е. Университетское экономико-географическое образование: традиции и современность (к 80-летию кафедры экономической и социальной географии России) // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2009. № 6. С. 90–93.

Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. T. 1–3. Paris: Armand Colin, 1979. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 600. p.; Vol. 3. 607 p.

Childe V.G. The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. Vol. 21, No. 1. P. 3–17.

Gibbs J.P. The Evolution of Population Concentration // Economic Geography. 1963. Vol. 39, No. 2. P. 119–129.

Lefebvre H. La Révolution urbaine. Paris: Gallimard, 1970. 256 p.

References

Akhiezer, A.S., Kogan, L.B., Yanitskiy, O.N. (1969). Urbanizatsiya, obshchestvo i nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya [Urbanization, Society and Scientific-Technical Revolution]. In *Voprosy filosofii.* № 2, pp. 44−56.

Borisov, B.L. (1973). Osnovnye sotsial'nye izmeneniya sostava naseleniya Zapadnoy Sibiri (1950−1960 gg.) [Main Social Changes in the Population Composition of Western Siberia (1950−1960)]. In *Problemy istorii sovetskoy Sibiri: sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, pp. 292−304.

Borisov, Yu.S. (Ed.). (1968). *Kratkaya istoriya sovetskogo rabochego klassa. 1917−1967* [A Brief History of the Soviet Working Class. 1917−1967]. Moscow, Politizdat. 430 p.

Borodkin, F.M., Soboleva, S.V. (1973). Prognozirovanie chislennosti naseleniya gorodov v zavisimosti ot izmeneniya urovnya kapitalovlozheniy [Forecasting the Population of Cities Depending on the Change in the Level of Capital Investments]. In *Metodologicheskie problemy izucheniya narodonaseleniya v sotsialisticheskom obshchestve: materialy Vsesoyuznoy konferentsii (g. Kiev, 6−8 dekabrya 1973 g.).* Kiev, pp. 583−588.

Borodkin, F.M., Soboleva, S.V., Sukharev, V.A. (1977). Model' dinamiki naseleniya goroda s uchetom migratsii [A Model of City Population Dynamics Taking into Account Migration]. In *Metody i modeli regional'nogo analiza: materialy vtorogo sovetsko-pol'skogo simpoziuma "Modeli territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem"*. Novosibirsk, pp. 147−159.

Braudel, F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe* siècle. T. 1−3. Paris, Armand Colin. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 600. p.; Vol. 3. 607 p.

Childe, V.G. (1950). The Urban Revolution. In *Town Planning Review.* Vol. 21, No. 1, pp. 3−17.

Dadykin, R.P. (Ed.). (1964). *Formirovanie i razvitie sovetskogo rabochego klassa (1917−1961 gg.)* [Formation and Development of the Soviet Working Class (1917−1961)]. Moscow, Nauka. 402 p.

Denisenko, B.M., Troitskaya, I.A. (2008). Predislovie [Preface]. In *Istoricheskaya demografiya.* Moscow. Vyp. 14, pp. 5−12.

Dokuchaev, G.A. (1973). *Rabochiy klass Sibiri i Dal'nego Vostoka v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Working Class of Siberia and the Far East during the Great Patriotic War]. Moscow. 423 p.

Drobizhev, V.Z. (1987). *U istokov sovetskoy demografii* [At the Origins of Soviet Demography]. Moscow, Mysl. 221 p.

Gibbs, J.P. (1963). The Evolution of Population Concentration. In *Economic Geography*. Vol. 39, No. 2, pp. 119−129.

Gurevich, A.Ya. (1973). Blok i "Apologiya istorii" [Blok and "Apology of History"]. In *Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika.* Moscow, Nauka, pp. 170−208.

Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 t. [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day: in 5 vols.]. Leningrad. (1968−1969).

Kurman, M.V., Lebedinskiy, I.V. (1968). Naselenie bol'shogo sotsialisticheskogo goroda [The Population of a Large Socialist City]. Moscow, Statistika. 200 p.

Kuznetsov, I.S. (2025). Znachenie preemstvennosti v prepodavanii i issledovanii otechestvennoy istorii v Novosibirskom gosudarstvennom universitete (1960-e − pervaya chetvert' XXI veka) [The Importance of Continuity in Teaching and Researching National History at Novosibirsk State University (1960s − First Quarter of the 21st Century)]. In *Istoricheskiy kurier.* No. 1 (39), pp. 164−186. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-1-12.pdf (date of access 22.10.2026).

Larmina, O.V., Boyarskiy , A.Ya. (Eds.). (1975). Mesto demografii v sisteme nauk: sbornok statey [The Place of Demography in the System of Sciences: Collection of Articles]. Moscow, MGU. 255 p.

Lefebvre, H. *La Révolution urbaine.* Paris, Gallimard. 256 p.

Malinin, E.D., Ushakov, A.K. (1976). *Naselenie Sibiri* [Population of Siberia]. Moscow, Statistika. 165 p.

Marney, L.P. (2023). Akademiya nauk SSSR i Pol'skaya akademiya nauk v 1960-e gody: sozdanie Komissii istorikov dvukh stran [The USSR Academy of Sciences and the Polish Academy of Sciences in the 1960s: Creation of the Commission of Historians of the Two Countries]. In *Slavyane i Rossiya. Istoricheskoe slavyanovedenie i balkanistika. K 75-letiyu osnovaniya Instituta slavyanovedeniya.* Moskow, ISl RAN,pp. 139−253.

Matyugin, A.A. (1962). *Rabochiy klass SSSR v gody vosstanovleniya narodnogo khozyaystva. 1921−1925* [The Working Class of the USSR during the Years of Economic Recovery. 1921−1925]. Moscow, AN SSSR. 364 p.

Moskovskiy, A.S. (1968). *Formirovanie i razvitie rabochego klassa Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [Formation and Development of the Working Class of Siberia during the Period of Socialist Construction]. Novosibirsk, Nauka. 300 p.

Moskovskiy, A.S. (1968). *Rost tvorcheskoy aktivnosti rabochego klassa v bor'be za postroenie sotsializma* [Growth of the Creative Activity of the Working Class in the Struggle for the Construction of Socialism]. Novosibirsk, Nauka. 170 p.

Moskovskiy, A.S. (1979). *Rost kul'turno-tekhnicheskogo urovnya rabochikh Sibiri. 1920 − 1937* [Growth of the Cultural and Technical Level of Workers in Siberia. 1920−1937]. Novosibirsk, Nauka. 346 p.

Moskovskiy, A.S. (Ed.). (1980). Problemy istorii sovetskogo obshchestva Sibiri. Materialy noyabrskogo 1969 g. simpoziuma po istorii rabochego klassa i krest'yanstva Sibiri. Vypusk I. Istoriya rabochego klassa [Problems of the History of Soviet Society of Siberia. Materials of the November 1969 Symposium on the History of the Working Class and Peasantry of Siberia. Issue I. History of the Working Class]. Novosibirsk. 180 p.

Obedkov, A.P. (2007). Istoriya geograficheskogo izucheniya gorodov Rossii [History of the Geographical Study of Russian Cities]. In *Istoricheskaya demografiya.* Iss. 2, pp. 22−27.

Pankratova, A.M. (1963). *Formirovanie proletariata v Rossii* [Formation of the Proletariat in Russia]. Moscow, AN SSSR. 491 p.

Perevedentsev, V.I. (1965). *Sovremennaya migratsiya naseleniya v Zapadnoy Sibiri* [Modern Migration of the Population in Western Siberia]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 96 p.

Pokshishevskiy, V.V., Gokhman, V.M. (1967). Problema giperurbanizatsii v razvitykh kapitalisticheskikh stranakh i ee geograficheskie aspekty [The Problem of Hyperurbanization in Developed Capitalist Countries and its Geographical Aspects]. In *Nauchnye problemy geografii naseleniya.* Moscow, pp. 151−163.

Polyan. P.M. (2013). Myagkaya sila. O zhizni i tvorchestve Zhanny Antonovny Zayonchkovskoy [Soft Power. On the Life and Work of Zhanna Antonovna Zayonchkovskaya]. In *Demograficheskoe obozrenie.* Vol. 13, No. 2, pp. 169−184. Available at: URL: http://demreview.hse.ru/ru/article/view/38799 (date of access 22.10.2026).

Rashin, A.G. (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811−1913 gg.): statisticheskie ocherki [Population of Russia for 100 Years (1811−1913): Statistical Essays]. Moscow, Gosstatizdat. 623 p.

Rashin, A.G. (1958). *Formirovanie rabochego klassa Rossii* [Formation of the Working Class of Russia]. Moscow, Sotsegiz. 623 p.

Senyavskiy, S.L. (1966). *Rost rabochego klassa SSSR* [Growth of the Working Class of the USSR]. Moscow, Nauka. 279 p.

Shunkov, V.I. (Ed.). (1966). *Goroda feodal'noy Rossii: sbornik statey pamyati N.V. Ustyugova* [Cities of Feudal Russia: Collection of Articles in Memory of N.V. Ustyugov]. Moscow, Nauka. 563 p.

Shuvalov, V.E. (2009). Universitetskoe ekonomiko-geograficheskoe obrazovanie: traditsii I sovremennost' (k 80-letiyu kafedry ekonomicheskoy i sotsialnoy geografii Rossii) [University Economic and Geographical Education: Traditions and Modernity (on the 80th Anniversary of the Department of Economic and Social Geography of Russia)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya.* No. 6, pp. 90−93.

Soboleva, S.V. (1975). Vzaimosvyazi demograficheskikh i sotsial'no-demograficheskikh kharakteristik goroda i sela [Interrelations of Demographic and Socio-Demographic Characteristics of the City and Village]. In *Problemy preodoleniya sotsial'no-ekonomicheskikh razlichiy mezhdu gorodom i derevney: tezisy dokladov Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii.* Moskow. Iss. 4, pp. 584−686.

Vilkov, O.N. (1967). *Remeslo i torgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [Crafts and Trade of Western Siberia in the 17th Century]. Moscow, Nauka. 324 p.

Vishnevskiy, A.G. (1966). Ponyatie i granitsy gorodskikh aglomeratsiy [The Concept and Boundaries of Urban Agglomerations]. In *Gradostroitel'stvo. Voprosy rasseleniya.* Kiev, Budivel'nik, pp. 26−37.

Vishnevskiy, A.G. (1968). Ekonomicheskie problemy krupnykh gorodov i gorodskikh aglomeratsiy na Ukraine [Economic Problems of Large Cities and Urban Agglomerations in Ukraine]. In *Ekonomika Sovetskoy Ukrainy.* No. 11, pp. 74−78.

Vishnevskiy, A.G. (1973). Demograficheskaya revolyutsiya [Demographic Revolution]. In *Voprosy filosofii.* No. 2, pp. 53−64

Vishnevskiy, A.G. (1976). *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demographic Revolution]. Moscow, Statistika. 240 p.

Vishnevskiy, A.G. (1978). Mirovoy demograficheskiy vzryv i ego problemy [World Demographic Explosion and its Problems]. Moscow, Znatie. 64 p.

Vishnevskiy, A.G. (2005). *Izbrannye demograficheskie trudy. T.1. Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya* [Selected Demographic Works. Vol. 1: Demographic Theory and Demographic History]. Moscow, Nauka. 366 p.

Vishnevskiy, A.G., Kurman, M.V. (1968). O nekotorykh demograficheskikh aspektakh razvitiya gorodskoy aglomeratsii (na materialakh Khar'kova) [On Some Demographic Aspects of the Development of Urban Agglomeration (based on Kharkov materials)]. In *Materialy Khar'kovskogo otdeleniya geograficheskogo obshchestva Ukrainy*. Iss. 3. Moscow, Nedra, pp. 157−163.

Vodichev, E.G. (Comp.). (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: personalnyy sostav* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Personnel]. Novosibirsk, Nauka, pp. 58−59.

Volkov, A.G. (2001). Sushchestvuet li nauka "Demografiya"? K 95-letiyu so dnya rozhdeniya A.Ya. Boyarskogo (1906−1985) [Does the Science of "Demography" Exist? On the 95th Anniversary of the Birth of A.Ya. Boyarsky (1906−1985)]. In *DemoskopWeekly.* No. 41−42. Available at: URL: https://www.demoscope.ru/weekly/041/nauka01.php (accessed: 22.10.2026).

Volkov, E.Z. (1930). Dinamika narodonaseleniya SSSR za vosem'desyat let [Dynamics of the USSR Population over Eighty Years]. Moscow, Leningrad, Gosizdat. 272 p.

Vorob'ev, N.V. (2024). Geografiya naseleniya Sibiri, v Sibiri i dlya Sibiri: proshloe i nastoyashchee [Geography of the Population of Siberia, in Siberia and for Siberia: Past and Present] In *Geografiya i prirodnye resursy.* Vol. 45, No.5, pp. 26−35.

Vorob'ev, V.V. (1957). *Izmeneniya v geografii gorodov yuga Vostochnoy Sibiri za 40 let Sovetskoy vlasti* [Changes in the Geography of Cities of the South of Eastern Siberia over 40 Years of Soviet Power]. Irkutsk. 32 p.

Vorob'ev, V.V. (1958). *Formirovanie gorodskoy seti yuga Vostochnoy Sibiri* [Formation of the Urban Network of the South of Eastern Siberia]. Irkutsk. 26 p.

Vorob'ev, V.V. (1958). *Goroda yuzhnoy chasti Vostochnoy Sibiri (Istoriko-geograficheskie ocherki)* [Cities of the Southern Part of Eastern Siberia (Historical and Geographical Essays)]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow, MGU. 18 p.

Vorob'ev, V.V. (1959). *Goroda yuzhnoy chasti Vostochnoy Sibiri* (Istoriko-geograficheskie ocherki) [Cities of the Southern Part of Eastern Siberia (Historical and Geographical Essays)]. Irkutsk, Irkutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 147 p.

Vorob'ev, V.V. (1975). *Formirovanie naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Formation of the Population of Eastern Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1975. 259 p.

Vorob’ev, V.V. (1977). *Naselenie Vostochnoy Sibiri: Sovremennaya dinamika i voprosy prognozirovaniya* [Population of Eastern Siberia: Modern Dynamics and Forecasting Issues]. Novosibirsk, Nauka. 160 p.

Yanin, V.L. (Ed.). (1976). *Russkiy gorod: istoriko-metodologicheskiy sbornik. V 2 tomakh* [Russian City: Historical-Methodological Collection: In 2 vols.]. Moscow, MGU.

Zayonchkovskaya, Zh.A. (1972). *Novosely v gorodakh (metody izucheniya prizhivaemosti)* [New Settlers in Cities (Methods of Studying Acclimatization)]. Moscow, Statistika. 164 p

Zayonchkovskaya, Zh.A., Perevedentsev, V.I. (1964). *Sovremennaya migratsiya naseleniya Krasnoyarskogo kraya* [Modern Migration of the Population of Krasnoyarsk Krai]. Novosibirsk. 105 p.

Е.Е. Тиникова*

ИРКУТСКАЯ ШКОЛА МИГРАЦИОННЫХ, ДИАСПОРАЛЬНЫХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-7
УДК 314.7:314.148(571.53)(091)

Выходные данные для цитирования:
Тиникова Е.Е. Иркутская школа миграционных, диаспоральных и демографических исследований // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 80–90. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-07.pdf

E.E. Tinikova*

IRKUTSK SCHOOL OF MIGRATION, DIASPORA, AND DEMOGRAPHIC RESEARCH

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-7

How to cite:
Tinikova E.E. Irkutsk School of Migration, Diaspora, and Demographic Research // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 80–90.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-07.pdf]

Abstract. The article is devoted to the development of the scientific school of migration, diaspora, and demographic research in Irkutsk, the founder of which is Professor V.I. Dyatlov. The main focus is on the contribution of Irkutsk scientists to the study of ethnomigration processes and the demographic dynamics of the region, especially in the context of suburb and suburbanization. The concept of “diasporality”, introduced by V.I. Dyatlov, plays an important role; it emphasizes the dynamism and adaptation of diaspora communities. The conceptualization of the Russian suburb was developed by K.V. Grigorichev. The main research areas of the Laboratory of Historical and Political Demography of Irkutsk State University are identified. Modern research covers migration, the demographic development of suburb, as well as the adaptation of migrants. The research of Irkutsk scientists is characterized by an interdisciplinary approach. They are a vivid example of a successful combination of methods of history, sociology, anthropology, and demography. The publication shows that Irkutsk School of Migration, Diaspora, and Demographic Researchhas made a significant contribution to the study of ethnomigration processes and features of demographic dynamics in the Siberian region.

Keywords: historical demography, diaspora, suburbanization, suburb, migration, ethnic adaptation.

The article has been received by the editor on 01.06.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена развитию научной школы миграционных, диаспоральных и демографических исследований в Иркутске, основоположником которой является профессор В.И. Дятлов. Основное внимание уделяется вкладу иркутских ученых в изучение этномиграционных процессов и особенностей демографической динамики региона, особенно в контексте пригорода и субурбанизации. Важную роль играет концепция «диаспоральности», введенная В.И. Дятловым, подчеркивающая динамичность и адаптацию диаспорных сообществ. Концептуализацию российского пригорода разработал К.В. Григоричев. Выявлены основные направления исследований Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета. Современные исследования охватывают темы миграции, демографического развития пригородов, а также адаптации мигрантов. Для исследований иркутских ученых характерен междисциплинарный подход. Они являются ярким примером удачного сочетания методов истории, социологии, антропологии и демографии. В публикации показано, что иркутская

* **Елена Евгеньевна Тиникова,** кандидат исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru
Elena Evgenievna Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

школа миграционных, диаспоральных и демографических исследований внесла значительный вклад в изучение этномиграционных процессов и особенностей демографической динамики Сибирского региона.

Ключевые слова: историческая демография, диаспора, субурбанизация, пригород, миграция, этническая адаптация.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026 г.

Развитие сибирской науки последних десятилетий отмечено значительным вкладом ученых Иркутской области в изучение миграционных процессов, функционирование этнических сообществ и особенностей демографической динамики региона. Появление уникальной исследовательской школы в Иркутске произошло неслучайно. Этот город является крупным культурным и образовательным центром Восточной Сибири, исторически оказавшим значительное влияние на развитие российских регионов Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского пространства. У истоков формирования иркутской школы миграционных и диаспоральных исследований стоял В.И. Дятлов.

Одним из первых на востоке нашей страны к исследованию диаспоральности и миграции обратился профессор Иркутского государственного университета Виктор Иннокентьевич Дятлов. Первоначально сфера его научных интересов была связана с изучением стран Азии и Африки, но так или иначе касалась вопросов миграционных потоков и связанных с ними проблем. В 1995 г. в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова он защитил докторскую диссертацию «Торговые меньшинства стран Арабского Востока и тропической Африки»[1]. Однако резкое изменение политической ситуации в России, распад СССР и произошедшие в связи с этим трансформации в области международной и межрегиональной миграции подтолкнули В.И. Дятлова сфокусироваться на исследовании данных процессов на российском материале. Несколько сотен научных публикаций на русском, английском и арабском языках, вышедших из-под пера профессора, получили широкую известность и разошлись на цитаты не только среди представителей отечественной, но и зарубежной науки.

Одной из первых тем, к которой обратился В.И. Дятлов, стала еврейская проблематика[2]. Ученый смог заразить своими идеями учеников. Совместно в первой половине − середине 1990-х гг. ими были выпущены тематические сборники о судьбах евреев в Сибири[3]. Как отмечают сам профессор и его коллега К.В. Григоричев, «Для того времени, с его атмосферой табу на подобного рода исследования и публикации, это было преодолением общественно-политического, профессионального и психологического барьеров»[4].

В 1994 г. в Иркутске была организована одна из первых конференций, объектом исследования которой стали диаспоры и национальная ситуация в Восточной Сибири. По результатам ее работы вышел сборник статей[5], общий тон которому был задан вступительной статьей В.И. Дятлова «Диаспора как исследовательская проблема»[6].

[1] *Кальянова Т.П.* Столица и провинция в судьбе профессора Дятлова // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2010. № 1 (4). С. 191.

[2] *Дятлов В.И.* Судьба еврейских общин стран Магриба в колониальный период: вторая половине XIX − первая половина XX века // Восток в прошлом и настоящем: тез. докл. к регион. конф. (Иркутск, 14−17 мая 1992 г.). Иркутск, 1992. С. 144−147.

[3] Сибирский еврейский сборник. № 1. Иркутск, 1992; Сибирский еврейский сборник. № 2. Иркутск, 1996; Сибирь. Евреи. Россия. Иркутск, 1998.

[4] *Григоричев К.В., Дятлов В.И.* От исследовательского центра к исследовательской сети: этномиграционные и диаспоральные исследования в НОЦ МИОН при ИГУ // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9), ч. 2. С. 6.

[5] Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 1994.

[6] *Дятлов В.И.* Диаспора как исследовательская проблема // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 1994. С. 10−14.

В последующих публикациях теоретико-методологические разработки диаспоральной концепции В.И. Дятлова были продолжены и получили окончательное оформление. Ученый исследует диаспору как важную составляющую социального и культурного пространства современного мира. Он подчеркивает, что диаспора является особым типом человеческой организации, объединенной общим происхождением, культурой и практиками взаимодействия, направленными на поддержание национальной идентичности и активное взаимодействие с окружающим обществом[7]. При этом непременными признаками диаспоры являются проживание части народа за пределами своей исторической родины (рассеяние), сохранение общностью этнокультурной идентичности на протяжении нескольких поколений, а также наличие тесной эмоциональной связи с родиной[8]. В.И. Дятлов вводит понятие «диаспоральность», подчеркивая, что диаспора − это не статичная категория, а динамичное сообщество, подверженное изменениям и зависящее от множества факторов, включая исторический контекст, геополитические изменения и общественные настроения принимающего сообщества. С учетом этого «диаспоральность» понимается автором как новые качества и свойства, которые наряду с самоорганизацией и самодостаточностью приобретаются диаспорой в результате рассеяния: способность адаптироваться и интегрироваться в новую среду путем освоения профессиональных навыков, приобретение необходимых компетенций и установление социальных контактов, обеспечивающих успешное выполнение трудовых обязанностей и принятие социальных ролей в принимающей обществе. Этому способствуют такие особые культурные и психологические характеристики, характерные для диаспор, как подвижность, динамизм и предприимчивость.

Использование концептуального аппарата, включающего понимание «диаспоры» и «диаспоральности», открыло широкие перспективы для изучения этномиграционных процессов в Сибири.

Идеи В.И. Дятлова вскоре были подхвачены его учениками и коллегами. Благодаря их совместной деятельности Иркутск стал признанным центром изучения миграционных процессов. Иркутские ученые были вовлечены в целый ряд международных коллективных исследовательских проектов.

Институционализация коллектива исследователей под началом В.И. Дятлова произошла в 2003 г. Сначала был создан АНО Исследовательский центр «Внутренняя Азия». Затем основан научно-образовательный центр «Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском государственном университете». В 2007−2009 гг. реализовано масштабное межрегиональное исследование «Трансграничные мигранты и принимающее сообщество: стратегии и практики взаимной адаптации». В 2009−2011 г. осуществлен исследовательский проект «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX − начало XXI века». В 2009−2013 гг. в рамках гранта федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» осуществлялись исследования «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX−XX и XX−XXI вв.», а также «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX−XX и XX−XXI вв.». В 2012 г. была создана Лаборатория исторической и политической демографии Иркутского государственного университета под руководством К.В. Григоричева. В ее состав вошли члены коллектива, которые на протяжении многих лет уже работали совместно над названными выше проектами. Таким образом, институционализация Иркутской школы миграционных, диаспоральных и демографических исследований была завершена.

О масштабах деятельности сложившегося научного коллектива свидетельствуют следующие факты. В период с 2008 по 2013 г. на базе Межрегионального института общественных наук, лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного

[7] *Дятлов В.И.* Диаспоры: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126−139.

[8] *Дятлов В.И., Мелконян Э.Л.* Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван, 2009. С. 19.

университета и исследовательского центра «Внутренняя Азия» было «реализовано более десяти крупных проектов, по результатам которых опубликованы пять коллективных монографий, несколько проблемных сборников и десятки статей в российских и зарубежных изданиях»[9].

Одной из центральных тем, исследуемых Иркутской школой в эти годы, стали проблемы взаимной адаптации трансграничных мигрантов и принимающего российского общества. Ученые доказали, что успешность адаптации зависит от степени различий между культурой мигрантов и принимающим обществом. Особенно высоки риски и сложности в процессе адаптации мигрантов в ситуациях, когда мигранты отличаются по языку, культуре и традициям. Кроме того, практики адаптации мигрантов варьируются в зависимости от региона. В одних регионах доминирует ограничительная политика, в других − стремление к поощрению миграции. При этом ключевую роль в адаптации мигрантов играют механизмы посредничества, такие как образовательные учреждения, этнические рынки и неофициальные сети[10].

Особое внимание исследователи обращали на изучение влияния миграционных процессов, на развитие городских пространств Сибири и Дальнего Востока. Появление мигрантов и их жизнедеятельность сформировали новые сегменты городского пространства, воздействуя на физическую среду, экономику и социальные структуры городов. Ключевыми характеристиками этих изменений явились специализированные места сосредоточения мигрантов (например, рынки, этнические кварталы), новые социальные и экономические сети и отношения, формируемые мигрантами, воздействие на восприятие городской среды, ее символическое и информационное пространство. Эти процессы привели к возникновению нового вида городского пространства, характеризующегося наличием «этнического измерения». Исследователи подчеркивали необходимость развития междисциплинарных исследований, объединяющих историю, социологию, экономику и другие науки, которые бы позволили глубже понимать динамику формирования и развития переселенческого общества на востоке страны. Исследовательские задачи не ограничивались исключительно миграционной проблематикой, также исследовались вопросы этнической экономики и «экономических анклавов», «чайнатаунов» и рисков анклавизации, факторов формирования пригородного пространства[11].

С 2012 г. Лабораторией исторической и политической демографии Иркутского государственного университета под руководством К.В. Григоричева осуществилась целая череда интересных исследовательских проектов, поддержанных различными научными фондами. В 2012−2013 гг. в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» осуществлялось исследование «Развитие пригородов крупных городов Восточной Сибири как пространства социальной модернизации во второй половине XX − начале XXI века». К.В. Григоричев первым в России стал рассматривать пригород в качестве самостоятельного пространства, находящегося между городом и селом. По мнению ученого, пригород представляет собой социальную локальность с подвижными территориальными границами, выходящими за пределы административной черты между городом и селом. Это создает необходимость сочетания двух подходов к изучению пригорода: как географической и как социальной локальности. Особенностями российской субурбанизации является высокая доля временных форм владения собственностью за городом (дачи, садоводства, загородные базы отдыха), в то время как постоянные

[9] *Григоричев К.В., Дятлов В.И., Козлов Д.В.* Перекресток исследовательских пространств: от исторической памяти до диаспор и миграций // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 7.

[10] Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: коллективная монография. Екатеринбург, 2009.

[11] Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX−XX и XX–XXI веков: коллективная монография. Иркутск, 2013.

формы субурбанизации характеризуются активным изменением традиционной сельской среды и быта, создавая своеобразный синтез городской и сельской культуры[12].

В 2016−2018 гг. Российским гуманитарным научным фондом был поддержан проект «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города». Исследование было посвящено изучению феномена открытых рынков («базаров») и их роли в формировании и изменении постсоветского города. Авторский коллектив Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета пришел к выводу, что специфической чертой рынков в постсоветский период стало то, что по сути они являлись средством выживания и источником быстрой социальной мобильности. Рынки стали основой формирования новых классов предпринимателей и символом трансграничных связей. Они повлияли на формирование нового городского пространства, выступая в роли активных агентов изменений, вводя новые элементы в ландшафт и архитектуру города. При этом этническая характеристика рынка формирует особый имидж, который влияет на отношение к рынку как в позитивном, так и негативном аспекте[13].

В эти же годы Российским фондом фундаментальных исследований был поддержан еще один проект лаборатории − «Неформальная экономика пригорода: развитие социально-экономического пространства пригородной зоны восточносибирского города (на материалах г. Иркутска)». В рамках реализации данного проекта К.В. Григоричев объяснил сложный социальный и культурный феномен китайских теплиц, раскрывая их роль в процессах модернизации и интеграции пригородных районов[14].

Несомненной заслугой К.В. Григоричева является концептуализация российских пригородов. Российская административная система не признает пригород как отдельную социальную категорию, что создает сложности для научного анализа. Кроме того, российские пригороды в сравнении с американскими и европейскими формируются быстрее и сложнее и включают элемент как городского, так и сельского образа жизни. Значительную роль ученый отводит неофициальным социальным практикам, которые создают и поддерживают пригородные сообщества и отличаются от традиционных моделей развития «город − деревня». В связи с этим пригороды предлагается рассматривать как «транслокальные пространства», соединяющие городские и сельские области, но не принадлежащие ни к одной из них целиком[15].

В 2017−2018 гг. сотрудники Лаборатории также занимались исследованием проекта «Мигрантские локальности и городские мобильности (на примере Иркутска)», осуществляемым на средства Российского гуманитарного научного фонда.

В 2020−2022 гг. фокус внимания исследовательского коллектива сместился в сторону частного сектора региональных столиц Сибири и Дальнего Востока. Проект был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований и направлен на изучение структуры и практики повседневности «негородских» сообществ в городе.

Итогом многолетней работы Лаборатории исторической и политической демографии стал выход в свет монографии «Частный сектор: не-городские пространства и сообщества российского города»[16]. К.В. Григоричев, В.И. Дятлов, Д.О. Тимошкин раскрыли проис-

[12] *Григоричев К.В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск, 2013; *Григоричев К.В.* Между городом и селом: пригород как исследовательское поле // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: междунар. науч. конф., программа и тез. (Томск, 14−15 октября 2014 г.). Томск, 2014. С. 125−127; *Григоричев К.В.* Многообразие пригорода: субурбанизация в Ссибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1, № 2 (3). С. 7−23.

[13] Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015; *Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брязгина Д.Е.* Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск, 2019.

[14] *Григоричев К.В.* «Они есть, но их нет»: «китайские» теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 137−153.

[15] *Григоричев К.В.* Между городом и селом: концептуализируя сибирский пригород // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: сб. ст. Вып. 2. Омск, 2016. С. 149−162.

[16] *Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О.* «Частный сектор»: не-городские пространства и сообщества российского города. Иркутск, 2023.

хождение и природу феномена «частного сектора» в российских городах, подчеркивая его связь с советской урбанистической политикой. Авторы рассмотрели не только пространственные характеристики, но и социальную реальность таких районов. Особое внимание они уделили отношениям власти и жителей, культуре повседневной жизни, практике соседства и экономике дарообмена. Исследователям удалось изучить традиционные аграрные практики и роль реципрокности − обмена услугами и товарами, создающего особые социальные связи в таких сообществах. Кроме того, авторскому коллективу удалось провести анализ столкновений интересов власти, бизнеса и жителей в отношении использования и обновления «частного сектора».

«Демографические эффекты субурбанизации в Сибирском регионе» – следующий проект, реализованный Лабораторией под руководством К.В. Григоричева и получивший финансирование Российского научного фонда.

Константин Вадимович провел анализ демографических изменений, произошедших в пригородах за последние полтора десятка лет, сравнивая их с ситуацией в самом городе (прежде всего на примере Иркутска) и сельской местности. Отмечается, что субурбанизационные процессы в Иркутской области связаны со значительным увеличением численности пригородов именно за счет миграции горожан.

Обращаясь к традиционной демографической проблематике смертности населения, К.В. Григоричев обозначил следующие ее особенности в пригородной зоне Иркутска. Во-первых, уровень смертности в пригородах значительно ниже, чем в среднем по региону, причем эта разница наиболее ярко выражена в молодом и среднем возрастах. Во-вторых, продолжительность жизни в пригородах выше, чем в центральных частях города и сельских регионах. В-третьих, основные причины снижения смертности включают более активный переход к здоровому образу жизни, сокращение потребления алкоголя и уменьшение количества случаев травматизма и заболеваний сердечно-сосудистой системы. Этому способствуют улучшение качества жизни и повышение доступности медицинских услуг[17].

Отличительной чертой рождаемости в субурбанизированной зоне Иркутской агломерации является заметное повышение общего уровня рождаемости − фактически до уровня простого воспроизводства. Это происходит на фоне сохранения в целом модерновой рождаемости[18].

Изучение демографических процессов в регионах Сибири остается одним из приоритетных направлений деятельности Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета. Интересное наблюдение о развитии исторической демографии в России В.К. Григоричев дал в 2017 г. своим барнаульским коллегам в ходе проведения исследования Алтайским государственным университетом. Ученый отметил, что историческая демография в нашей стране пока находится «в процессе формирования, в поисках корректного научного языка и подходов», историки пока слабо владеют методами демографии, а специалисты других отраслей научного знания не всегда знакомы со спецификой работы с историческими источниками[19].

Сфера научных интересов сотрудников лаборатории сегодня весьма разнообразна. Константин Вадимович Григоричев продолжает заниматься пригородами, их социальным пространством, этническими миграциями и мигрантами, переехавшими в пригородную зону. В одной из своих последних теоретических работ он показал разнообразие моделей пригородного роста. Их наличие требует разработки гибких аналитических инструментов и подходов для понимания феномена субурбанизации России, открывая новые перспективы для дальнейших исследований в этой области[20].

[17] *Григоричев К.В.* Специфика смертности населения в субурбанизированной зоне (случай пригородного района Иркутской агломерации) // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 3. С. 82−102.

[18] *Григоричев К.В.* Специфика воспроизводства населения в субурбанизированной зоне (на примере Иркутской агломерации) // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 38−51.

[19] *Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С.* Традиционная и новая историческая демография: взгляд специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 99−105.

[20] *Григоричев К.В.* Между «глобальным Севером» и «глобальным Югом»: так какой же может быть субурбанизация на востоке России? // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33, № 4. С. 44−65.

«Визитной карточкой» Виктора Иннокентьевича Дятлова продолжает оставаться диаспоральная проблематика. Кроме того, в последние годы ученый сосредоточил свое внимание на изучении формирования китайской диаспоры в России, а также положении выходцев с Кавказа и из Средней Азии в российской провинции. Связаны с этим также исследования в области мигрантофобии и этнофобии. Отражением страха перед «китайской экспансией» стал символ «чайна-тауна» в России. Причем этот образ в восприятии россиян основан на стереотипах и фрагментарных восприятиях, таких как смутные знания о китайских кварталах дореволюционной России или образ западных чайна-таунов, воспринятые через американскую массовую культуру. Между тем подобных реальных чайна-таунов в российских городах нет. Это связано с советским наследием организации городского пространства, отсутствием условий для образования анклавов и высокой степенью адаптивности китайских мигрантов. Поэтому неудивительно, что в последние годы страх перед китайской экспансией сменился обычной мигрантофобией. Термин «чайна-таун» сегодня утратил свое первоначальное значение и превратился в метафору, символизирующую любые проявления китайской активности[21].

Проблемами этнических рынков в разное время в лаборатории занимались Я.С. Гузей[22] и Д.Е. Брязгина[23]. Предметом исследований Д.О. Тимошкина является массовый текст как азбука успешной социализации. Отдельным направлением его работы стало изучение фиксации и трансформации социальных стереотипов в массовом тексте[24].

Таким образом, иркутская школа миграционных, диаспоральных и демографических исследований внесла значительный вклад в изучение этномиграционных процессов и особенностей демографической динамики Сибирского региона. Основными усилиями авторитетных ученых В.И. Дятлова и К.В. Григоричева школа успешно развивала оригинальные подходы к осмыслению феноменов диаспоры и субурбанизации. Коллективные проекты, выполненные Лабораторией исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, внесли существенный вклад в осмысление современных демографических процессов. Выявленные закономерности рождаемости и смертности в субурбанизированных зонах демонстрируют преимущества проживания вне центральной части города, что подтверждает важность дальнейшего изучения факторов успешного развития пригородных территорий.

Литература

Брязгина Д.Е. «Этнические» рынки в системе транспортных коммуникаций Иркутска: конструирование и трансформация городского пространства // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 87–100.

Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. Традиционная и новая историческая демография: взгляд специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 99–105.

Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.

[21] *Дятлов В.И., Дятлова Е.В.* Чайна-таун в России: судьба символа «китайской экспансии» // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 251–271.

[22] *Гузей Я.С.* «Раша-таун» в центре Пекина: российская этнизация восточного рынка // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 154–165.

[23] *Брязгина Д.Е.* «Этнические» рынки в системе транспортных коммуникаций Иркутска: конструирование и трансформация городского пространства // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 87–100.

[24] *Тимошкин Д.О.* «Вас здесь больше не живет»: внутренняя колонизация и городские политические режимы Иркутска и Красноярска в городских медиа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 1 (96). С. 98–116; *Тимошкин Д.О.* Мигранты и пространственная маргинальность в городских цифровых медиа (на примере Иркутска) // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 1. С. 124–147; *Тимошкин Д.О.* Как бы есть, но пока больше виртуально: репрезентации диаспор на мигрантских цифровых коммуникационных площадках // Социология власти. 2022. Т. 34, № 3–4. С. 227–246.

Григоричев К.В. Между городом и селом: пригород как исследовательское поле // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: программа и тез. междунар. науч. конф. (Томск, 14−15 октября 2014 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 2014. С. 125−127.

Григоричев К.В. Между городом и селом: концептуализируя сибирский пригород // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: сб. ст. Вып. 2. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2016. С. 149−162.

Григоричев К.В. Многообразие пригорода: субурбанизация в Сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1, № 2 (3). С. 7−23.

Григоричев К.В. «Они есть, но их нет»: «китайские» теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 137−153.

Григоричев К.В. Специфика воспроизводства населения в субурбанизированной зоне (на примере Иркутской агломерации) // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 38−51.

Григоричев К.В. Специфика смертности населения в субурбанизированной зоне (случай пригородного района Иркутской агломерации) // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 3. С. 82−102.

Григоричев К.В. Между «глобальным Севером» и «глобальным Югом»: так какой же может быть субурбанизация на востоке России? // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33, № 4. С. 44−65.

Григоричев К.В., Дятлов В.И. От исследовательского центра к исследовательской сети: этномиграционные и диаспоральные исследования в НОЦ МИОН при ИГУ // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9), ч. 2. С. 5−12.

Григоричев К.В., Дятлов В.И., Козлов Д.В. Перекресток исследовательских пространств: от исторической памяти до диаспор и миграций // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 7−14.

Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О. «Частный сектор»: не-городские пространства и сообщества российского города. Иркутск: Оттиск, 2023. 128 с.

Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брязгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.

Гузей Я С. «Раша-таун» в центре Пекина: российская этнизация восточного рынка // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 154−165.

Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Издательство ИГУ, 1994. 201 с.

Дятлов В.И. Судьба еврейских общин стран Магриба в колониальный период: вторая половине XIX − первая половина XX века // Восток в прошлом и настоящем: тез. докл. к регион. конф. (Иркутск, 14−17 мая 1992 г.). Иркутск: ИГУ, 1992. С. 144−147.

Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. С. 10−14.

Дятлов В.И. Диаспоры: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126−139.

Дятлов В.И., Дятлова Е.В. Чайна-таун в России: судьба символа «китайской экспансии» // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 251−271.

Дятлов В.И., Мелконян Э.Л. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван: Институт Кавказа, 2009. 207 с.

Кальянова Т.П. Столица и провинция в судьбе профессора Дятлова // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2010. № 1 (4). С. 185−192.

Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX−XX и XX−XXI веков: коллективная монография / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.

Сибирский еврейский сборник. № 1 / отв. ред. В.И. Дятлов, А.Я. Якобсон. Иркутск: Арком, 1992. 146 с.

Сибирский еврейский сборник. № 2 / отв. ред. В.И. Дятлов, А.Я. Якобсон. Иркутск: Арком, 1996. 138 с.

Сибирь. Евреи. Россия. Иркутск: Арком, 1998. 184 с.

Тимошкин Д.О. «Вас здесь больше не живет»: внутренняя колонизация и городские политические режимы Иркутска и Красноярска в городских медиа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 1 (96). С. 98−116.

Тимошкин Д.О. Как бы есть, но пока больше виртуально: репрезентации диаспор на мигрантских цифровых коммуникационных площадках // Социология власти. 2022. Т. 34, № 3−4. С. 227−246.

Тимошкин Д.О. Мигранты и пространственная маргинальность в городских цифровых медиа (на примере Иркутска) // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 1. С. 124−147.

Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: коллективная монография / И.Т. Абдулова, М.Н. Балдано, Е.С. Баразгова и др. Екатеринбург: УрГУ им. А.М.Горького, 2009. 396 с.

Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.

References

Abdulova, I.T., Baldano, M.N., Barazgova, E.S. et al. (2009). *Transgranichnye migratsii i prinimayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoy adaptatsii: kollektivnaya monografiya* [Cross-Border Migration and the Host Society: Mechanisms and Practices of Mutual Adaptation: A Collective Monograph]. Yekaterinburg, UrGU imeni A.M. Gor’kogo. 396 p.

Bryazgina, D.E. (2019). “Etnicheskie” rynki v sisteme transportnykh kommunikatsiy Irkutska: konstruirovanie i transformatsiya gorodskogo prostranstva [“Ethnicities” in the Systems of Transport Communications of Irkutsk: The Construction and Transformation of the Gorodsk Expanse]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 87−100.

Dyatlov, V.I. (1992). Sud’ba evreyskikh obshchin stran Magriba v kolonial’nyy period: vtoraya polovine XIX − pervaya polovina XX veka [The Fate of the Jewish Communities in the Maghreb Countries during the Colonial Period: Second Half of the 19th Century − First Half of the 20th Century]. In *Vostok v proshlom i nastoyashchem: Tezisy dokladov k regional’noy konferentsii (Irkutsk, 14−17 maya 1992 g.)*. Irkutsk, IGU, pp. 144−147.

Dyatlov, V.I. (1994). Diaspora kak issledovatel’skaya problema [Diaspora as a Research Problem]. In *Diaspory v istoricheskom vremeni i prostranstve. Natsional’naya situatsiya v Vostochnoy Sibiri: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Izdatel’stvo IGU, pp. 10−14.

Dyatlov, V.I. (1994). *Diaspory v istoricheskom vremeni i prostranstve. Natsional’naya situatsiya v Vostochnoy Sibiri: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Diasporas in Historical Time and Space. The National Situation in Eastern Siberia: Abstracts of Reports from the International Scientific and Practical Conference]. Irkutsk, Izdatel’stvo IGU. 201 p.

Dyatlov, V.I. (2004). Diaspory: ekspansiya termina v obshchestvennuyu praktiku sovremennoy Rossii [Diasporas: Expansion of the Term into the Social Practice of Modern Russia]. In *Diaspory*. No. 3, pp. 126−139.

Dyatlov, V.I., Dyatlova, E.V. (2024). “Chayna-taun” v Rossii: sud’ba simvola “kitayskoy ekspansii” [“China Town” in Russia: The Fate of a Symbol of “hinese Expansion”]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 251−271.

Dyatlov, V.I., Grigorichev, K.V. (Eds.). (2013). *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX−XX i XX−XXI vekov* [The Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, and Communities. The Boundaries of the 19th−20th and 20th−21st Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 624 p.

Dyatlov, V.I., Grigorichev, K.V. (Eds.). (2015). *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic Markets in Russia: Bargaining Space and Meeting Place]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 343 p.

Dyatlov, V.I., Melkonyan, E.L. (2009). *Armyanskaya diaspora: ocherki sotsiokul'turnoy tipologii* [The Armenian Diaspora: Essays on Sociocultural Typology.]. Erevan, Institut Kavkaza. 207 p.

Dyatlov, V.I., Yakobson, A.Ya. (Eds.). (1992). *Sibirskiy evreyskiy sbornik* [Siberian Jewish Collection]. No. 1. Irkutsk, Arkom. 146 p.

Dyatlov, V.I., Yakobson, A.Ya. (Eds.). (1996). *Sibirskiy evreyskiy sbornik* [Siberian Jewish Collection]. No. 2. Irkutsk, Arkom. 138 p.

Grigorichev, K.V. (2013). *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of the Big City: The Social Space of the Suburbs]. Irkutsk, Ottisk. 248 p.

Grigorichev, K.V. (2014). Mezhdu gorodom i selom: prigorod kak issledovatel'skoe pole [Between the City and the Countryside: The Suburb as a Research Field]. In *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i social'noy adaptacii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya: mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, programma i tezisy (Tomsk, 14−15 oktyabrya 2014 g.).* Tomsk, Izdatel'stvo TGU, pp. 125−127.

Grigorichev, K.V. (2016). "Oni est', no ikh net": "kitayskie" teplitsy v prostranstve prigoroda ["They are There, but They are Not There": "Chinese" Greenhouses in the Suburban Space]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 137−153.

Grigorichev, K.V. (2016). Mezhdu gorodom i selom: kontseptualiziruya sibirskiy prigorod [Between the City and the Countryside: Conceptualizing the Siberian Suburb]. In *Social'nye instituty v istorii: retrospektsiya i real'nost': sbornik statey*. Iss. 2. Omsk, OmGU imeni F.M. Dostoevskogo, pp. 149−162.

Grigorichev, K.V. (2016). Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizatsiya v Sibirskom regione (sluchay Irkutska) [The Diversity of the Suburbs: Suburbanization in the Siberian Region (the Case of Irkutsk)]. In *Gorodskie issledovaniya i praktiki*. Vol. 1, No. 2 (3), pp. 7−23.

Grigorichev, K.V. (2023). Spetsifika smertnosti naseleniya v suburbanizirovannoy zone (sluchay prigorodnogo rayona Irkutskoy aglomeratsii) [Specifics of Population Mortality in a Suburban Area (the Case of the Irkutsk Agglomeration Suburban District)]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 10, No. 3, pp. 82−102.

Grigorichev, K.V. (2023). Spetsifika vosproizvodstva naseleniya v suburbanizirovannoy zone (na primere Irkutskoy aglomeratsii) [Specifics of Population Reproduction in the Suburbanized Zone (on the Example of the Irkutsk Agglomeration)]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 38−51.

Grigorichev, K.V. (2024). Mezhdu "global'nym Severom" i "global'nym Yugom": tak kakoy zhe mozhet byt' suburbanizatsiya na vostoke Rossii? [Between the "Global North" and the "Global South": So What Kind of Suburbanization Can There Be in Eastern Russia?]. In *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. Vol. 33, No. 4, pp. 44−65.

Grigorichev, K.V., Dyatlov, V.I. (2012). Ot issledovatel'skogo tsentra k issledovatel'skoy seti: etnomigratsionnye i diasporal'nye issledovaniya v NOC MION pri IGU [From a Research Center to a Research Network: Ethnomygrational and Diasporic Research at the Research Center for Migration Studies at Irkutsk State University]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 2 (9), part 2, pp. 5−12.

Grigorichev, K.V., Dyatlov, V.I., Kozlov, D.V. (2013). Perekrestok issledovatel'skikh prostranstv: ot istoricheskoy pamyati do diaspor i migratsiy [The Crossroads of Research Spaces: From Historical Memory to Diasporas and Migrations]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 2 (11), part 2, pp. 7−14.

Grigorichev, K.V., Dyatlov, V.I., Timoshkin, D.O. (2023). *“Chastnyy sektor”: ne-gorodskie prostranstva i soobshchestva rossiyskogo goroda* [“The Private Sector”: Non-Urban Spaces and Communities of the Russian City]. Irkutsk, Ottisk. 128 p.

Grigorichev, K.V., Dyatlov, V.I., Timoshkin, D.O., Bryazgina, D.E. (2019). *Bazar i gorod: lyudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and City: People, Spaces, and Images.]. Irkutsk, Ottisk. 288 p.

Guzey, Ya.S. (2014). “Rasha-taun” v tsentre Pekina: rossiyskaya etnizatsiya vostochnogo rynka [“Rasha-Town” in the Center of Beijing: Russian Ethnicization of the Eastern Market]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. Vol. 10, pp. 154−165.

Kal’yanova, T.P. (2010). Stolitsa i provintsiya v sud’be professora Dyatlova [The Capital and the Province in the Fate of Professor Dyatlov]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (4), pp. 185−192.

(1998). *Sibir’. Evrei. Rossiya* [Siberia. Jews. Russia]. Irkutsk, Arkom. 184 p.

Timoshkin, D.O. (2020). “Vas zdes’ bol’she ne zhivet”: vnutrennyaya kolonizatsiya i gorodskie politicheskie rezhimy Irkutska i Krasnoyarska v gorodskikh media [“You don’t Live Here Anymore”: Internal Colonization and Urban Political Regimes in Irkutsk and Krasnoyarsk in the Urban Media]. In *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*. No. 1 (96), pp. 98−116.

Timoshkin, D.O. (2021). Migranty i prostranstvennaya marginal’nost’ v gorodskih tsifrovykh media (na primere Irkutska) [Migrants and Spatial Marginality in Urban Digital Media (Case Study of Irkutsk)]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie.* Vol. 20, No. 1, pp. 124−147.

Timoshkin, D.O. (2022). Kak by est’, no poka bol’she virtual’no: reprezentatsii diaspor na migrantskikh tsifrovykh kommunikatsionnykh ploshchadkakh [As It Is, but So Far More Virtual: Representations of Diasporas on Migrant Digital Communication Platforms]. In *Sotsiologiya vlasti*. Vol. 34, No. 3−4, pp. 227−246.

Vladimirov, V.N., Sarafanov, D.E., Shchetinina, A.S. (2019). Traditsionnaya i novaya istoricheskaya demografiya: vzglyad spetsialistov [Traditional and New Historical Demography: Experts’ Perspective]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 443. pp. 99−105.

Т.А. Фадеева*

НАУЧНАЯ ШКОЛА Л.Л. РЫБАКОВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИИ: СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕЙ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-8
УДК 314(470)(091)

Выходные данные для цитирования:
Фадеева Т.А. Научная школа Л.Л. Рыбаковского в отечественной демографии: становление идей, исследовательская программа и значение для современной науки // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 91–99.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-08.pdf

T.A. Fadeeva*

L.L. RYBAKOVSKY'S SCIENTIFIC SCHOOL IN RUSSIAN DEMOGRAPHY: THE DEVELOPMENT OF IDEAS, RESEARCH PROGRAM AND SIGNIFICANCE FOR MODERN SCIENCE

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-8

How to cite:
Fadeeva T.A. L.L. Rybakovsky's Scientific School in Russian Demography: The Development of Ideas, Research Program and Significance for Modern Science // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 91–99.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-08.pdf]

Abstract. This article analyzes L.L. Rybakovsky's scientific school as one of the most significant areas of Russian demographic science in the second half of the 20th and early 21st centuries. The main stages of this school's development are identified, its research is characterized, and its place in the development of Russian demography is determined. The focus is on the theoretical and applied aspects of L.L. Rybakovsky's scientific legacy, as well as the circle of his students and followers who ensured the continuity of this research tradition. The article demonstrates that the formation of L.L. Rybakovsky's scientific school occurred at the intersection of demography, labor economics, regional studies, and historical-demographic research. Particular attention is given to his early works devoted to the labor force and population of the Far East, where key features of his scientific approach were already evident: an interest in the regional specifics of demographic processes, the integration of population analysis with the objectives of economic development of the territory, and a desire to develop forecasting tools. L.L.'s contributions are discussed. Rybakovsky's contribution to the development of migration theory, particularly his role in developing the concept of the three stages of the migration process, as well as in the formation of conceptual frameworks related to the study of migration, factors of demographic behavior, and migration potential. This article provides a description of Rybakovsky's work on demographic policy, regional development, and historical demography. It emphasizes that his research combined fundamental theoretical analysis with a practical focus and influenced the development of state concepts in the fields of demographic and migration policy. It is shown that Rybakovsky's scientific school was realized not only in his own works but also in the work of his students and followers, who continued to explore issues of migration, ethnodemographic processes, demographic policy, and regional population differentiation. Rybakovsky's scientific school represents a sustainable research tradition that has played an important role in the institutional and substantive development of Russian demography. Its significance is determined both by its contribution to the theory and methodology of demographic research and by its impact on the practice of demographic management in contemporary Russia.

* **Тамара Андреевна Фадеева,** кандидат экономических наук, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: fadeevatoma@gmail.com
Tamara Andreevna Fadeeva, Candidate of Economic Sciences, Institute of Social Demography of Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: fadeevatoma@gmail.com

Keywords: Russian demography, scientific school, L.L. Rybakovsky, population migration, demographic development.

The article has been received by the editor on 28.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу научной школы Л.Л. Рыбаковского как одного из значимых направлений отечественной демографической науки второй половины XX − начала XXI века. Выявлены основные этапы становления этой школы, дана характеристика ее исследованиям и определено место в развитии российской демографии. В центре внимания находятся теоретические и прикладные аспекты научного наследия Л.Л. Рыбаковского, а также круг его учеников и последователей, обеспечивших преемственность исследовательской традиции. В статье показано, что формирование научной школы Л.Л. Рыбаковского происходило на стыке демографии, экономики труда, регионалистики и историко-демографических исследований. Особое внимание уделено его ранним трудам, посвященным трудовым ресурсам и населению Дальнего Востока, где уже обозначились ключевые черты его научного подхода: интерес к региональной специфике демографических процессов, соединение анализа населения с задачами хозяйственного освоения территории и стремление к разработке инструментов прогнозирования. Рассматривается вклад Л.Л. Рыбаковского в развитие теории миграции, прежде всего его роль в разработке концепции трех стадий миграционного процесса, а также в формировании понятийного аппарата, связанного с изучением миграции, факторов демографического поведения и миграционного потенциала. В статье приведена характеристика работ Л.Л. Рыбаковского по демографической политике, региональному развитию и исторической демографии. Подчеркивается, что его исследования сочетали фундаментальный теоретический анализ с практической ориентированностью и оказывали влияние на подготовку государственных концепций в области демографической и миграционной политики. Показано, что научная школа Л.Л. Рыбаковского реализовывалась не только в его собственных трудах, но и в деятельности учеников и последователей, продолживших разработку проблем миграции, этнодемографических процессов, демографической политики и региональной дифференциации народонаселения. Научная школа Л.Л. Рыбаковского представляет собой устойчивую исследовательскую традицию, сыгравшую важную роль в институциональном и содержательном развитии отечественной демографии. Ее значение определяется как вкладом в теорию и методологию демографических исследований, так и воздействием на практику демографического управления в современной России.

Ключевые слова: отечественная демография, научная школа, Л.Л. Рыбаковский, миграция населения, демографическое развитие.

Статья поступила в редакцию 28.05.2026 г.

Леонид Леонидович Рыбаковский занимает особое место в истории отечественной демографии. Значение его научной школы определяется не только масштабом личности самого ученого, но и тем, что в ее рамках сложилась целостная исследовательская программа, объединившая демографию, миграцию, экономику труда, регионалистику и прикладное прогнозирование. В историографическом отношении школа Л.Л. Рыбаковского представляет большой интерес как пример устойчивой научной традиции, сумевшей соединить фундаментальные концептуальные разработки с практикой государственного управления демографическими и миграционными процессами. Именно эта особенность позволяет

рассматривать ее не просто как совокупность трудов крупного исследователя, а как самостоятельное направление в отечественной науке о народонаселении.

Формирование научной школы Л.Л. Рыбаковского происходило в период, когда советская, а затем и российская демография проходила этап активного институционального и методологического становления. Профессиональная биография ученого пришлась на время возрастания интереса к проблемам народонаселения, трудовых ресурсов, миграции и регионального развития. Свое научное внимание Леонид Леонидович сосредоточил на процессах территориального движения населения и на социальных механизмах, определяющих масштабы, направления и последствия миграции. Уже в ранних работах ученый использует не только описательный подход, но и разрабатывает теоретический аппарат для анализа текущей демографической ситуации, позволяющий прогнозировать будущие демографические процессы. Заметное место в становлении научной школы заняли исследования трудовых ресурсов. В ранних работах Л.Л. Рыбаковского большое внимание уделялось вопросам формирования и использования рабочей силы, особенно в восточных районах страны. Леонид Леонидович делал акцент на том, что расчет трудовых ресурсов не может сводиться только к фиксации наличного населения. В работах подчеркивается необходимость изучения механического движения населения (т.е. миграции), а также составление прогнозов состава и численности населения с прогнозами количества трудовых ресурсов на территории. Таким образом, демографические процессы должны изучаться в качестве фактора социально-экономического развития, а не только в рамках хозяйственного планирования. Такой подход существенно расширял возможности прикладной демографии и создавал методологическую основу для территориального прогнозирования.

К числу ранних работ, позволяющих проследить становление научной проблематики Л.Л. Рыбаковского, относится издание «Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока» (Хабаровск, 1965), подготовленное под его общей редакцией совместно с П. Тарасовым. Значение этого труда заключается в том, что он отражает начальный этап исследовательского пути ученого, когда демографические процессы рассматривались в тесной связи с хозяйственным освоением территории, обеспеченностью региона рабочей силой и вопросами перспективного баланса трудовых ресурсов. Уже в этой работе проявляются те методологические черты, которые позднее станут характерными для научной школы Рыбаковского: внимание к региональной специфике, стремление соединить анализ населения с задачами социально-экономического развития и интерес к прогнозированию как инструменту научного осмысления демографических процессов[1].

Одной из важнейших особенностей школы Л.Л. Рыбаковского стало обоснованное соединение демографического и регионального подходов. Для него население никогда не выступало абстрактной статистической совокупностью. Оно рассматривалось в конкретном пространственном, социально-экономическом и историческом контексте. Именно поэтому в центре его научных интересов оказались Дальний Восток, северные и восточные территории страны, регионы с дефицитом трудовых ресурсов и сложными условиями воспроизводства населения. Одной из значимых монографий является «Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет» (1969), в которой отразился устойчивый интерес к проблемам заселения, формирования и демографического освоения восточных территорий страны[2]. Эта научная работа важна в качестве самостоятельного исследования, а также как этап становления научного вектора: в ней обозначается регионально-демографический ракурс, который получит развитие в последующих трудах по миграции, трудовым ресурсам и населению Дальнего Востока. Монография представляет интерес как одна из ранних попыток рассмотреть демографическую историю макрорегиона в длительной временной перспективе, изучив и показав связь динамики численности населения с хозяйственным освоением территории, миграционными процессами и особенностями пространственного развития. Впоследствии эта исследовательская работа была продолжена и расширена в более позднем

[1] Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока. Хабаровск, 1965.
[2] *Рыбаковский Л.Л.* Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М., 1969.

труде ученого – «Население Дальнего Востока за 150 лет» (1990), что позволяет рассматривать монографию 1969 г. как важную отправную точку в изучении дальневосточной проблематики в научной школе Рыбаковского.

Региональный подход в изучении демографических процессов позволяет показать, что последние развиваются неравномерно, их закономерности зависят от сочетания различных факторов: экономических, социальных, географических, политических. Эти проблемы были актуальны для СССР и остались актуальны после его распада. Тем самым школа Рыбаковского изначально ориентировалась на выявление территориальной дифференциации демографических процессов различных территорий. Именно в рамках этих исследований оформилась одна из ключевых черт школы Рыбаковского − стремление к разработке аналитических инструментов, позволяющих измерять и сопоставлять региональные процессы. Один из наиболее известных таких примеров − разработка коэффициента интенсивности межрайонных миграционных связей (КИМС). Этот показатель имел важное значение для изучения пространственной структуры миграции, так как позволял оценивать не только сам факт миграционного обмена, но и степень связанности территорий между собой[3]. В отечественной науке это было принципиально новым шагом, поскольку открывало возможности для более точного анализа миграционных потоков и их места в региональном развитии. Благодаря таким разработкам школа Л.Л. Рыбаковского внесла серьезный вклад в математизацию и формализацию демографических исследований, не утратив при этом содержательной глубины.

Наиболее известным и, пожалуй, наиболее значительным вкладом Л.Л. Рыбаковского в отечественную демографию стала разработка вместе с Т.И. Заславской концепции трех стадий миграционного процесса[4]. Эта концепция занимает центральное место в его научной школе и во многом определяет ее лицо. Принципиальная новизна данного подхода состояла в отказе от узкого понимания миграции как одномоментного переселения. Было предложено рассматривать миграцию как процесс, включающий: во-первых, формирование миграционной подвижности и готовность к перемещению; во-вторых, собственно акт переселения; в-третьих, адаптацию и приживаемость новоселов в новой социальной и природно-географической среде[5]. Эта схема позволяла видеть миграцию как сложное социальное явление, имеющее предысторию, внутреннюю динамику и отдаленные последствия. Именно данная концепция стала одним из тех теоретических достижений, благодаря которым имя Л.Л. Рыбаковского прочно вошло в историю отечественной демографической мысли. Трехстадийная концепция миграции выросла из многолетних наблюдений над реальными миграционными потоками и из необходимости объяснить, почему одни переселения оказываются успешными, а другие нет. Главный вывод миграционных исследований Рыбаковского заключался в том, что конечный результат миграции нельзя оценивать только числом прибывших или выбывших. Для понимания миграционных процессов важно понимать, как мигрант включается в новую среду, закрепляется ли он на новой территории, становится ли постоянным жителем, как изменяются его социальные связи, трудовое поведение и демографические установки. Тем самым в центре внимания научной школы находились как потоки населения, так и индивидум в миграции, а также длительные последствия перемещения для общества и территории. Такой подход заметно опередил свое время и сохранил методологическую ценность до настоящего момента.

Еще одной существенной особенностью научной школы Л.Л. Рыбаковского была разработка категориального аппарата демографии. Ученый уделял большое внимание определениям, условиям, факторам и причинам демографических явлений. В его интерпретации фактор – это часть среды, реально воздействующая на конкретный процесс, тогда как причина связана с переходом от внешнего воздействия к действию субъекта, к принятию

[3] *Рыбаковский Л.Л.* Региональный анализ миграций. М., 1973. С. 59−61.

[4] *Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л.* Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56−66.

[5] *Рыбаковский Л.Л.* История и теория миграции населения. Книга третья: Теория трех стадий миграционного процесса. М., 2019. С. 21.

решения[6]. Для анализа миграции такое определение имело особое значение, поскольку позволяло объяснять, почему одни и те же внешние обстоятельства вызывают разную реакцию у разных людей и групп. Таким образом, миграция понималась не как автоматический отклик на неблагоприятные условия, а как результат взаимодействия объективных обстоятельств и субъективной мотивации. Подобная трактовка свидетельствует о высоком теоретическом уровне школы Рыбаковского и ее стремлении преодолеть упрощенные детерминистские модели.

Существенный вклад научной школы состоит и в изучении миграционного потенциала. Эта проблематика приобрела особую значимость в постсоветский период, когда перед Россией встали новые задачи в области миграционной политики и демографического воспроизводства[7]. Л.Л. Рыбаковский одним из первых поставил вопрос о том, что для понимания реальных возможностей миграционного притока недостаточно фиксировать численность соотечественников или этнически близких групп за пределами страны. Необходимо определить ту часть потенциальных мигрантов, которая действительно способна и готова к перемещению и соответствует определенным социальным и экономическим критериям[8]. Такой подход позволял переходить от абстрактных оценок к более реалистичному анализу ресурсов миграционной политики. Л.Л. Рыбаковский и его коллеги предлагали подход и методологию для обсуждения одной из самых острых проблем постсоветской демографии. Развитие идей о миграционном потенциале тесно связано в работах представителей школы с этнодемографической проблематикой[9]. Здесь особенно заметно стремление Леонида Леонидовича учитывать, помимо численности населения, и его национальный состав, историческую укорененность, формы адаптации и самоидентификации. Для отечественной демографии это имело большое значение, поскольку позволяло анализировать миграционные процессы в связи с этнической консолидацией, депопуляцией отдельных групп, постсоветскими трансформациями населения и изменением роли русского населения в странах нового зарубежья. Подобный подход не сводился к этнической статистике: он был направлен на выявление более сложных механизмов взаимодействия миграции, национальной структуры и демографического развития. В этом проявлялась междисциплинарная широта школы Рыбаковского, умевшей соединять демографический, социологический и исторический анализ.

Важное место в научном наследии Л.Л. Рыбаковского занимают исследования демографической политики. Принципиально значимо, что он не ограничивался научным наблюдением, а активно участвовал в разработке прикладных документов стратегического характера. Под его руководством и при его непосредственном участии создавались концепции демографического развития, программы для отдельных регионов, предложения по совершенствованию миграционной политики. Особенно показательно участие ученого в подготовке Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., в разработке Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., а также Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Это позволяет говорить о школе Рыбаковского как о редком примере научной школы, оказывавшей прямое влияние на формирование государственной демографической и миграционной повестки. При этом практическая ориентированность его работ не умаляла их теоретической значимости. Напротив, именно сочетание теории и прикладного знания стало одним из главных отличительных признаков данной школы. Л.Л. Рыбаковский

[6] *Рыбаковский Л.Л.* История и теория миграции населения. Книга вторая: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. М., 2017. С. 110.

[7] *Рыбаковский Л.Л.* Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 31–41.

[8] *Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л.* Миграционный потенциал России в новом зарубежье. М., 2016. С. 20.

[9] *Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И.* Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 108−116.

исходил из того, что демографическая наука не должна замыкаться в статистическом описании процессов; ее задача – выявлять закономерности, предлагать инструменты прогноза и формировать основания для принятия решений. Такая установка проявлялась и в его региональных исследованиях, и в анализе трудовых ресурсов, и в разработке миграционной политики. Благодаря этому школа Л.Л. Рыбаковского выступала и как исследовательское направление, и как интеллектуальная платформа для обсуждения путей демографического развития страны.

Особого внимания заслуживает педагогическая и организационная роль Л.Л. Рыбаковского – им было подготовлено свыше 100 докторов и кандидатов наук, работающих как в России, так и за ее пределами[10]. Однако научная школа измеряется не только количеством учеников. Гораздо важнее, что вокруг ученого сложилось устойчивое профессиональное сообщество, объединенное общими исследовательскими принципами, тематическими интересами и высокой культурой научной работы. Леонид Леонидович умел создать атмосферу интеллектуальной свободы и одновременно не забывал о требовательности к качеству исследования. Он не подавлял коллег и учеников авторитетом, а поощрял самостоятельность, поддерживал публикационную активность, способствовал профессиональному росту молодых исследователей. Именно такая научная среда и является важнейшим условием подлинной школы.

Значение школы Л.Л. Рыбаковского проявилось и в работе диссертационного совета, через который прошли многие специалисты, впоследствии ставшие известными демографами, социологами и экономистами. Вокруг Л.Л. Рыбаковского сложился широкий круг исследователей, развивавших различные направления его научной программы. В Институте социологических исследований АН СССР (с 1974 г.), а после преобразований – в Институтах социологии, Институте социально-политических исследований, а также Институте демографических исследований с Л.Л. Рыбаковским неизменно работали его ученики и последователи: Н.В. Тарасова, Л.В. Макарова, Н.И. Кожевникова, А.Г. Гришанова, Г.Ф. Морозова, Т.И. Борзунова, Е.П. Сигарева и др. С.В. Рязанцев (доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН) занимает заметное место среди продолжателей научной школы Леонида Леонидовича Рыбаковского. В рамках этой традиции получили развитие работы, посвященные миграционным процессам, этнической миграции, демографической политике и региональным аспектам народонаселения. В этом смысле школа Рыбаковского представляет собой не только совокупность трудов ее основателя, но и устойчивое профессиональное сообщество, обеспечившее преемственность проблематики, методологических установок и исследовательских подходов. Ее влияние проявляется в публикациях и концептуальных разработках, а также в воспроизводстве научных кадров, формировании исследовательских стандартов и культуры научной аргументации. Это позволяет рассматривать научную школу Л.Л. Рыбаковского как один из значимых институциональных центров развития отечественной демографической науки конца XX − начала XXI века.

Еще одной характерной чертой школы является обращение к крупным историческим сюжетам, влияющим на демографическое развитие. Л.Л. Рыбаковский изучал людские потери в Великой Отечественной войне, разрабатывал этнодемографический метод их оценки для отдельных частей государства. Эти исследования важны с точки зрения исторической демографии как пример соединения демографического анализа с проблемами исторической памяти, национальной судьбы и государственного развития. Монография «Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне» (2001; 2-е изд. 2010) − одна из ключевых работ Рыбаковского для исторической демографии. В центре исследования − количественная и методологическая реконструкция потерь СССР и России в годы войны[11]. Сам Леонид Леонидович считал эту работу одним из наиболее значимых своих

[10] Демографическое развитие России: становление и эволюция научной школы Л.Л. Рыбаковского: монография, посвященная памяти выдающегося ученого в области демографии, д.э.н., профессора Леонида Леонидовича Рыбаковского. Ярославль, 2025. С. 5.

[11] *Рыбаковский Л.Л.* Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М., 2001.

трудов. Ее значение в том, что она переводит тему войны из сферы общих мемориальных оценок в сферу демографически обоснованного анализа: сколько людей страна и Россия потеряли, как эти потери считать и почему обычные прямые или балансовые методы не всегда достаточны. Другой научный труд по этой же тематике − «Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы Победы» (2020) является книгой о самой войне, ее особенностях, масштабах потерь и причинах Победы. Здесь Л.Л. Рыбаковский уже выступает не только как демограф, но и как человек, который пытается осмыслить войну как «величайшую драму», пережитую народом[12]. Таким образом, демографический анализ соединяется с историко-философским и общественно-политическим осмыслением войны. Монография «Политический террор. 1937−1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР)» особенно важна для понимания Леонида Леонидовича как исследователя исторической демографии, потому что она обращена к другому типу демографической катастрофы − не военной, а внутриполитической. Книга представляет собой глубокое исследование одного из самых трагических периодов в истории СССР. В ней рассматриваются причины, масштабы и последствия репрессий 1937−1938 гг., анализируются политические, социальные и экономические факторы массовых арестов, казней и депортаций, используется широкий круг архивных материалов и свидетельств очевидцев[13]. Для исторической демографии эта работа значима, потому что репрессии у Рыбаковского рассматриваются не как политическая тема, а как процесс, имевший катастрофические демографические и социальные последствия[14]. Иными словами, речь идет не просто о репрессивной политике государства, а о деформации населения, семейных и трудовых структур, человеческого потенциала страны. Именно такой угол зрения и делает эту тему частью историко-демографического поля.

В историографическом плане школа Л.Л. Рыбаковского интересна еще и тем, что ее исследовательская программа остается актуальной. Многие вопросы, поднятые ученым, сегодня звучат с новой силой: каковы реальные ресурсы демографического развития России; как соотносятся естественное воспроизводство и миграционный прирост; где проходят границы эффективности миграционной политики; как учитывать региональные различия в демографических процессах; каким образом демографическая наука может влиять на государственные решения. Современная ситуация показывает, что многие идеи Леонида Леонидовича не утратили значения, а напротив, приобрели новое звучание в условиях депопуляции, изменения миграционных потоков, старения населения и усиливающейся территориальной неравномерности расселения.

Школа Рыбаковского важна и как пример продуктивного расширения предметных границ демографии. В его работах демографическое знание постоянно взаимодействует с социологией, экономикой, историей, политикой и географией. Такой междисциплинарный подход не был внешним заимствованием – он вытекал из самой природы изучаемых проблем. Миграция, трудовые ресурсы, воспроизводство населения, этнодемографические изменения не могут быть полноценно поняты в пределах одной дисциплины. В этом отношении школа предвосхитила многие современные установки на комплексный анализ социально-демографических процессов. Ее опыт показывает, что сила научной школы определяется не только количеством разработанных тем, а также способностью выстраивать между ними внутренние связи. В научной школе Л.Л. Рыбаковского сочетались строгая исследовательская логика и выраженная гражданская позиция. Для него демография не была нейтральной областью знания. Она осмыслялась как наука, напрямую связанная с будущим страны, с ее трудовым, культурным и человеческим потенциалом. Отсюда постоянный интерес к вопросам демографического возрождения России, к возможностям стабилизации численности населения, к роли государственной политики в поддержке семьи, снижении смертности, регулировании миграции.

[12] *Рыбаковский Л.Л.* Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы. М., 2020. С. 7.
[13] *Рыбаковский Л.Л.* Политический террор. 1937−1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР). М., 2013.
[14] Там же. С. 108.

Выводы. Таким образом, научная школа Л.Л. Рыбаковского представляет собой одно из наиболее значительных направлений в отечественной демографии второй половины XX − начала XXI века. Ее специфика заключалась в комплексности подхода, соединении фундаментальной теории с прикладными задачами, внимании к миграции как к многостадийному социальному процессу, разработке инструментов регионального анализа, участии в формировании демографической и миграционной политики, а также в создании широкой сети учеников и последователей. История этой школы − это одновременно история развития целого ряда ключевых направлений отечественной науки о народонаселении. Поэтому обращение к наследию Леонида Леонидовича важно не только как акт научной памяти, но и как необходимое условие дальнейшего осмысления путей развития исторической демографии, демографической политики и миграционных исследований в современной России.

Литература

Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. М.: Экон-Информ, 2016. 183 с.

Демографическое развитие России: становление и эволюция научной школы Л.Л. Рыбаковского: монография, посвященная памяти выдающегося ученого в области демографии, д.э.н., профессора Леонида Леонидовича Рыбаковского / Т.К. Ростовская, С.В. Рязанцев и др.; отв. ред. Т.К. Ростовская. Ярославль: Филигрань, 2025. 208 с.

Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56−66.

Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока / под общ. ред. Л. Рыбаковского, П. Тарасова. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1965. 240 с.

Рыбаковский Л.Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М.: Наука, 1969. 180 с.

Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.

Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 31–41.

Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Каталог, 2001. 192 с.

Рыбаковский Л.Л. Политический террор. 1937−1938 гг. (к 75-летию сталинских репрессий в СССР). М.: Экон-Информ, 2013. 245 с.

Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Книга вторая: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. М.: ЭконИнформ, 2017. 234 с.

Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Книга третья: Теория трех стадий миграционного процесса. М.: Экон-Информ, 2019. 218 с.

Рыбаковский Л.Л. Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы. М.: Экон-Информ, 2020. 251 с.

Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 108−116.

References

Grishanova, A.G., Kozhevnikova, N.I., Rybakovskiy, L.L. (2016). *Migratsionnyy potentsial Rossii v novom zarubezh’e* [Russia’s Migration Potential in the New Abroad]. Moscow, Ekon-Inform. 183 p.

Rostovskaya, T.K., Ryazantsev, S.V. et al., Rostovskaya, T.K. (Ed.). (2025). *Demograficheskoe razvitie Rossii: stanovlenie i evoliutsiya nauchnoy shkoly L.L. Rybakovskogo* [Demographic Development of Russia: Formation and Evolution of L.L. Rybakovskii’s Scientific School]. Yaroslavl, Filigran’. 208 p.

Rybakovskiy, L., Tarasov, P. (Eds.). (1965). *Ispol’zovanie trudovykh resursov v rayonakh Dal’nego Vostoka* [Use of Labor Resources in the Regions of the Far East]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel’stvo. 240 p.

Rybakovskiy, L.L. (1969). *Narodonaselenie Dal'nego Vostoka za 100 let* [Population of the Far East over 100 Years]. Moscow, Nauka. 180 p.

Rybakovskiy, L.L. (1973). *Regional'nyi analiz migratsii* [Regional Analysis of Migration]. Moscow, Statistika. 159 p.

Rybakovskiy, L.L. (1996). Migratsionnyy potentsial russkogo naseleniya v stranakh novogo zarubezh'ya [Migration Potential of the Russian Population in the Countries of the New Abroad]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya.* No. 11, pp. 31−41.

Rybakovskiy, L.L. (2001). *Liudskie poteri SSSR i Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Human Losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War]. Moscow, Katalog. 192 p.

Rybakovskiy, L.L. (2013). *Politicheskiy terror. 1937−1938 gg. (k 75-letiyu stalinskikh repressiy v SSSR)* [Political Terror, 1937−1938 (On the 75th Anniversary of Stalinist Repressions in the USSR)]. Moscow, Ekon-Inform. 245 p.

Rybakovskiy, L.L. (2017). *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kniga 2: Migratsiya naseleniya: yavlenie, ponyatie, determinanty* [History and Theory of Population Migration. Book 2: Population Migration: Phenomenon, Concept, Determinants]. Moscow, Ekon-Inform. 234 p.

Rybakovskiy, L.L. (2019). *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kniga 3: Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protsessa: yavlenie, ponyatie, determinanty* [History and Theory of Population Migration. Book 3: Theory of Three Stagiest of Migration Process: Phenomenon, Concept, Determinants]. Moscow, Ekon-Inform. 218 p.

Rybakovskiy, L.L. (2020). *Velikaya Otechestvennaya. Osobennosti. Lyudskie poteri. Faktory pobedy* [The Great Patriotic War. Specific Features. Human Losses. Factors of Victory]. Moscow, Ekon-Inform. 251 p.

Rybakovskiy, L.L., Kozhevnikova, N.I. (2019). Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya Rossii: obmen naseleniem so stranami novogo zarubezh'ya [International Migration of Russia's Population: Population Exchange with the Countries of the New Abroad]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 9, pp. 108−116.

Zaslavskaya, T.I., Rybakovskiy, L.L. (1978). Protsessy migratsii i ikh regulirovanie v sotsialisticheskom obshchestve [Migration Processes and Their Regulation in Socialist Society]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 56−66.

В.В. Канищев*

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТАМБОВСКИМИ ИСТОРИКАМИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ РОССИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-9
УДК 314.148:004(470.3)

Выходные данные для цитирования:
Канищев В.В. Опыт использования тамбовскими историками информационных технологий в исследованиях по исторической демографии России Нового и Новейшего времени // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 100–108. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-09.pdf

V.V. Kanishchev*

THE EXPERIENCE OF TAMBOV HISTORIANS IN APPLYING INFORMATION TECHNOLOGY TO RESEARCH ON THE HISTORICAL DEMOGRAPHY OF RUSSIA IN THE MODERN AND CONTEMPORARY PERIODS**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-9

How to cite:
Kanishchev V.V. The Experience of Tambov Historians in Applying Information Technology to Research on the Historical Demography of Russia in the Modern and Contemporary Periods // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 100–108. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-09.pdf]

Abstract. The article provides examples of studying demographic processes in Russian society in the modern and contemporary periods using information technologies: creating electronic databases, geoinformation resources, cluster groupings, and modeling indicators of natural population movement. The study was conducted using materials at different levels (micro level: persons, families, settlements; meso level: Tambov Governorate (region) and the Central Black Earth Region; macro level: the European part of Russia). We consider the experience of creating and analyzing sample (cohort) and parish wide data from the parish registers of Orthodox churches to be particularly valuable. The analysis of these databases made it possible to study long series of demographic primary data, to construct various tables and graphs that reflected trends in changes in birth rates, marriage rates, mortality rates, and migration movements at the micro-level, and to generalize these observations at broader levels. Special attention was paid not only to the sequential course of demographic modernization but also to identifying the crisis and "non-linear" effects of demographic processes. The use of methods for reconstructing family history based on census records and confessional sheets made it possible to demonstrate the transition from the traditional to the modern small family. Geoinformation technologies, cluster and fractal groupings contributed to the visual cartographic and graphical representation of demographic processes and to a clear depiction of the specific features of the historical demography of individual territories. Approaches of socio natural history, in synergy with various studies of socio economic and socio cultural factors in demographic processes, have shown changes in the level of dependence of population movement on natural and cosmic conditions.

Keywords: historical demography, information technology, electronic database, geographic information systems, quantitative methods.

* **Валерий Владимирович Канищев,** доктор исторических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия, e-mail: valcan@mail.ru
Valery Vladimirovich Kanishchev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, e-mail: valcan@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Изучение исторических антропогенных ландшафтов средствами дистанционного зондирования Земли» (№ 25-18-00310).
The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation entitled "Exploring Historical Anthropogenic Landscapes Using Remote Sensing of the Earth" (No. 25-18-00310).

The article has been received by the editor on 27.05.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье приведены образцы изучения демографических процессов в российском обществе в Новое и Новейшее время с применением информационных технологий: создание электронных баз данных, геоинформационных ресурсов, кластерных группировок, моделирование показателей естественного движения населения. Исследование проводилось на материалах разных уровней (микроуровень: отдельные индивиды, семьи, населенные пункты; мезоуровень: Тамбовская губерния (область) и Центральное Черноземье; макроуровень: Европейская часть России). Особенно ценным мы считаем опыт создания и анализа выборочных (когортных) и общеприходских сведений метрических книг православных церквей. Анализ этих баз данных позволил изучить длинные ряды демографической первичной информации, построить разнообразные таблицы и графики, отразившие тренды изменений рождаемости, брачности смертности, миграционного движения на микроуровне, и обобщить эти наблюдения на более широких уровнях. Особое внимание уделялось не только последовательному ходу демографической модернизации, но и выявлению кризисных и «нелинейных» эффектов демографических процессов. Использование методов восстановления истории семьи на основе ревизских сказок и исповедных ведомостей дало возможность показать переход от традиционной к современной малой семье. Геоинформационные технологии, кластерные и фрактальные группировки способствовали наглядному картографическому и графическому отображению демографических процессов, четкому показу особенностей исторической демографии отдельных территорий. Подходы социоестественной истории в синергетической связке с разнообразным изучением социально-экономических и социально-культурных факторов демографических процессов показали изменения уровня зависимости движения населения от природно-космических условий.

Ключевые слова: историческая демография, информационные технологии, электронные базы данных, геоинформационные системы, количественные методы.

Статья поступила в редакцию 27.05.2026 г.

Исследования по исторической демографии с использованием современных технологий тамбовские историки начали проводить в 1990-е гг. в рамках ряда международных проектов. Использование стандартных компьютерных программ и авторских методик обработки массовых источников учета населения позволило создать базы данных о жизненном пути отдельных личностей, общих показателях рождаемости, брачности, смертности населения отдельных приходов. Данные микроуровня сопоставлялись с данными мезоуровня (волости, уезды, губернии), служили основой для определения типичных и уникальных признаков демографического поведения индивидов и малых групп населения[1].

Изучение разных групп источников показало, что демографический переход в Тамбовской области завершился не ранее середины XX в. Основные демографические показатели крестьянского населения до Великой Отечественной войны соответствовали нормам традиционного аграрного общества: громадная зависимость от природных и физиологических

[1] *Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Мизис Ю.А.* Соотношение когортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX − начала XX в. (по материалам прихода с. Малые Пупки Тамбовской губернии) // Социально-демографическая история России XIX−XX вв. Тамбов, 1998. С. 60−71; *Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Морозова Э.Б.* Технология комплексной обработки баз данных по исторической демографии России XIX в. // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 2000. С. 151−152.

факторов, высокая младенческая и детская смертность, ранние браки, географическая и сословная замкнутость брачного партнерства. Анализ созданных баз данных позволил В.Л. Дьячкову выявить природно-демографические циклы в жизни аграрного общества, которые особенно проявились в связи с колебаниями урожайности главных зерновых культур и деревенских рождений, прироста населения, динамики числа браков. Уровень зачатий, сохранность беременностей, выживаемость младенцев были связаны не столько с состоявшимся, сколько с предстоявшим урожаем. В дальнейшем мы стремились развивать синергетический подход к построению иерархии этих факторов[2].

На новых этапах исследований мы стали создавать и геоинформационные ресурсы о сети населенных пунктов Тамбовской губернии[3]. Комплексное использование электронных баз данных и карт показало, что исторически устойчивыми до конца XX в. оказались населенные пункты, возникшие в период заселения региона на лесостепных приречных территориях, наиболее пригодных для обитания человека в черноземной полосе России. Это наблюдение получило подтверждение в последующих исследованиях расселенческих процессов в Тамбовском и других регионах России. В изучении этих процессов мы стремились к более широкому применению геоинформационных технологий вплоть до использования съемок БПЛА и космоснимков для уточнения условий истории отдельных поселений[4].

Изучение истории отдельных поселений позволило перейти к построению моделей различных темпов демографического перехода. Было создано несколько моделей на основе фрактальной геометрии, которые позволили определить группы сельских поселений с различным соотношением естественного и миграционного движения населения, традиционных и модернизированных признаков демографического поведения на отдельных отрезках XIX–XXI вв.[5]

Совместное использование фрактального моделирования и кластерного анализа показало, что Тамбовская губерния в начале XX в. вошла в единую группу с другими русскими регионами Европейской России, где сохранялось традиционное демографическое поведение крестьянства[6].

---

[2] *Аврех А.Л., Канищев В.В.* Естественно-исторические условия модернизации аграрного общества. Тамбовская губерния, XIX–XX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 3–17; *Дьячков В.Л.* Природно-демографические циклы как факторы российской истории, XIX – первая половина XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 17–31; *Dyachkov, V.L., Kanishchev, V.V., Kunavin K.S.* The Dependence of Demographic Processes in Russia on Grain Crop Yields and Alcohol Consumption: A Comparative Analysis of the Data of the Late 19th – the Beginning of 20th Century and the Late 20th the Beginning of 21st Century // Social Evolution & History. Vol. 21, No. 1. С. 121–144.

[3] *Канищев В.В., Кончаков Р.Б.* Электронная база данных «Сеть». Опыт формирования и обработки // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX веков: мат-лы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1998. С. 209–210.

[4] *Аврех А.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г.* Формирование и развитие сельских населенных пунктов (СНП) Тамбовской области (17–20 вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX веков: мат-лы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2000. С. 3–18; *Жиров Н.А., Канищев В.В.* Устойчивость в развитии крупных русских сельских поселений центра и юга Европейской части России во второй половине XX – начале XXI в. // Вопросы истории. 2021. № 11. С. 66–81; *Жуков Д.С., Канищев В.В., Кунавин К.С.* Дистанционное зондирование Земли и геоинформационные системы как средства уточнения хода демографических процессов [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2026. № 1 (55). С. 154–177. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77934 (дата обращения: 17.04.2026); *Канищев В.В.* Бывшие дворцовые села Московского и других уездов Центральной России: современное социально-демографическое состояние // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2023. № 2. С. 159–174.

[5] *Жуков Д.С., Канищев В.В.* «Если бы не было войны»: моделирование демографических процессов в российской деревне 1930–1950-х годов (по материалам Тамбовской области) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 118–136; *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Моделирование демографических процессов в поздней советской деревне: 1959–1989 гг. [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). С. 43–73. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30639 (дата обращения: 14.04.2026); *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Фрактальное моделирование историко-демографических процессов. М.; Тамбов, 2011.

Использование теории самоорганизованной критичности при изучении демографических процессов середины XX в. в Центре и на Юге Европейской России показало признаки самоорганизованности в регионах, пострадавших от боевых действий Великой Отечественной войны и вражеской оккупации. После войны при отсутствии социальной поддержки со стороны государства крестьянство само по традиции устремилось к компенсаторной рождаемости[7].

Использование общероссийских материалов вело нас к сравнительно-историческому изучению демографических процессов в разных регионах страны. Такой подход, с одной стороны, показал типичность демографических процессов в Тамбовском регионе в сопоставлении с соседними регионами Центрального Черноземья[8]. С другой стороны, совместное с коллегами использование информационных технологий дало возможность увидеть специфические черты демографической истории Нечерноземного Центра, Северо-Запада и Севера Европейской России[9].

Смежными со сравнительно-историческими исследованиями регионов России стали совместные с коллегами из других университетов разработки тамбовских историков с использованием информационных технологий в изучении миграционных процессов. Впервые такие разработки были проведены в проекте тамбовских и алтайских историков о микромиграционных процессах в Российской Евразии. Были созданы базы данных о социально-демографическом облике тамбовских крестьянских семей, переселившихся в последней трети XIX − начале XX в. в Алтайский округ. Анализ баз данных позволил установить в целом позитивные последствия переселения для демографического и социально-экономического состояния тамбовских крестьян[10]. Позже мы показали последствия переселения отдельных групп тамбовских крестьян и горожан в разные части Томской губернии[11].

Определенным способом подведения итогов наших исследований в области социально-демографической истории с помощью информационных технологий стала подготовка электронной монографии. Главное достоинство такой формы научного издания состоит в том,

[6] *Дьячков В.Л., Канищев В.В.* Послание Б.Н. Миронову о сущности работы отдельных провинциальных историков, или Ответ ученому соседу // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: труды IX конф. Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул, 2005. С. 544−577; *Дьячков В.Л., Кончаков Р.Б., Канищев В.В.* Декабрьские рождения. К вопросу о роли религиозного фактора в демографическом поведении традиционного крестьянства. Тамбовская губерния, XIX – начало XX в. // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Труды VIII конф. Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул, 2003. С. 317−341; *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Соотношение фрактального моделирования и кластерного анализа социальных процессов в России XVII−XX вв. // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии: мат-лы междунар. конф. (Москва, 4−6 декабря 2020 г.). М., 2020. С. 48−56.

[7] *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Возможности использования теории самоорганизованной критичности в изучении демографических процессов в российском позднем аграрном обществе // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 1 (7). С. 70−91.

[8] *Житин Р.М., Канищев В.В.* Половозрастной состав населения сельских советов Липецкой и Тамбовской областей в начале XXI в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 1 (22). С. 40−52; *Канищев В.В., Житин Р.М.* Демографические процессы в Липецкой и Тамбовской областях в 2010-е гг. на уровне сельских советов // Проблемы аграрной истории России. Липецк, 2020. С. 172−175.

[9] *Канищев В.В.* Особенности демографической истории сельского населения Тверской области в XX−XXI вв.: Современные методы исследования // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2023. № 1. С. 5−18; *Канищев В.В.* Сравнительный анализ естественного движения крестьянства центральных и северо-западных губерний Европейской России во второй половине XIX − начале XX века // Северо-Запад в истории России. 2012. № 19. С. 87−108; *Канищев В.В., Трошина Т.И.* Место Архангельской губернии в демографических процессах в европейской части России второй половины XIX − начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2017. № 4. С. 28–38.

[10] *Владимиров В.Н., Канищев В.В., Силина И.Г.* Итоги реализации проекта «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX − начала XX вв. (Тамбовская губерния − Алтайский округ)» // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2004. № 32. С. 176−178.

[11] *Канищев В.В.* Переселения крестьян Тамбовской губернии в Томскую губернию в XIX в. в контексте альтернатив социально-демографического поведения позднего аграрного общества России // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 23−29.

что в нем сравнительно небольшой авторский текст, представляющий собой историографический обзор, источниковедческий анализ, обобщение собственных разработок сочетаются через систему гиперссылок с размещенными в Интернете сотнями монографий, статей российских и зарубежных коллег, опубликованных источников, а самое главное − с электронными базами данных, которые в принципе невозможно разместить в бумажном книжном издании[12].

Помимо продолжения исследований демографических процессов, с использованием информационных технологий мы ищем новые подходы, в частности на «стыке» с историографией. Так, в статье, посвященной 100-столетию В.П. Данилова, мы постарались показать, как исследования с применением новых технологий позволяют развивать разработки крупного историка-аграрника, в том числе по исторической демографии российского крестьянства[13].

В заключение выразим надежду на то, что представленные в статье наработки тамбовских историков станут полезными для коллег по изучению исторической демографии России.

Литература

Аврех А.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г. Формирование и развитие сельских населенных пунктов (СНП) Тамбовской области (17−20 вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX−XX веков: мат-лы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2000. С. 3−18.

Аврех А.Л., Канищев В.В. Естественно-исторические условия модернизации аграрного общества. Тамбовская губерния, XIX−XX вв. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII−XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 3–17.

Владимиров В.Н., Канищев В.В., Силина И.Г. Итоги реализации проекта «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX − начала XX вв. (Тамбовская губерния − Алтайский округ)» // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2004. № 32. С. 176−178.

Дьячков В.Л. Природно-демографические циклы как факторы российской истории, XIX − первая половина XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII−XX вв. Тамбов, 2002. С. 17−31.

Дьячков В.Л., Канищев В.В. Послание Б.Н. Миронову о сущности работы отдельных провинциальных историков, или Ответ ученому соседу // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: труды IX конф. Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 544−577.

Дьячков В.Л., Кончаков Р.Б., Канищев В.В. Декабрьские рождения. К вопросу о роли религиозного фактора в демографическом поведении традиционного крестьянства. Тамбовская губерния, XIX – начало XX в. // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Труды VIII конф. Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. С. 317−341.

Жиров Н.А., Канищев В.В. Устойчивость в развитии крупных русских сельских поселений центра и юга Европейской части России во второй половине XX − начале XXI в. // Вопросы истории. 2021. № 11. С. 66−81.

Житин Р.М., Канищев В.В. Половозрастной состав населения сельских советов Липецкой и Тамбовской областей в начале XXI в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 1 (22). С. 40−52.

[12] *Канищев В.В.* Стратегии демографического поведения сельского населения Центра и Юга России в XX − начале XXI в.: монография [Электронный ресурс]. Тамбов, 2023. URL: https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib1548.pdf (дата обращения: 16.04.2026).

[13] *Канищев В.В.* Научное наследие В.П. Данилова и современное крестьяноведение в Тамбовской области: к 100-летию ученого // Крестьяноведение. 2025. Т. 10, № 4. С. 135−145.

Жуков Д.С., Канищев В.В. «Если бы не было войны»: моделирование демографических процессов в российской деревне 1930–1950-х годов (по материалам Тамбовской области) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 118−136.

Жуков Д.С., Канищев В.В., Кунавин К.С. Дистанционное зондирование Земли и геоинформационные системы как средства уточнения хода демографических процессов [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2026. № 1 (55). С. 154−177. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77934 (дата обращения: 15.04.2026).

Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Возможности использования теории самоорганизованной критичности в изучении демографических процессов в российском позднем аграрном обществе // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 1 (7). С. 70−91.

Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Моделирование демографических процессов в поздней советской деревне: 1959−1989 гг [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). С. 43−73. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30639 (дата обращения: 17.04.2026).

Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Соотношение фрактального моделирования и кластерного анализа социальных процессов в России XVII−XX вв. // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии: мат-лы междунар. конф. (Москва, 4−6 декабря 2020 г.). М.: МАКС Пресс, 2020. С. 48−56.

Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Фрактальное моделирование историко-демографических процессов. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. 195 с.

Канищев В.В. Сравнительный анализ естественного движения крестьянства Центральных и северо-западных губерний Европейской России во второй половине XIX − начале XX в. // Северо-Запад в аграрной истории России. 2012. № 19. С. 87−108.

Канищев В.В. Бывшие дворцовые села Московского и других уездов центральной России: современное социально-демографическое состояние // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2023. № 2. С. 159−174.

Канищев В.В. Особенности демографической истории сельского населения Тверской области в XX−XXI вв.: Современные методы исследования // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2023. № 1. С. 5–18.

Канищев В.В. Стратегии демографического поведения сельского населения Центра и Юга России в XX − начале XXI в.: монография [Электронный ресурс]. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. 1 файл (0,99 Мб). URL: https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib1548.pdf (дата обращения: 16.04.2026).

Канищев В.В. Переселения крестьян Тамбовской губернии в Томскую губернию в XIX в. в контексте альтернатив социально-демографического поведения позднего аграрного общества России // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 23–29.

Канищев В.В. Научное наследие В.П. Данилова и современное крестьяноведение в Тамбовской области: к 100-летию ученого // Крестьяноведение. 2025. Т. 10, № 4. С. 135–145.

Канищев В.В., Житин Р.М. Демографические процессы в Липецкой и Тамбовской областях в 2010-е гг. на уровне сельских советов // Проблемы аграрной истории России. Липецк, 2020. С. 172−175.

Канищев В.В., Кончаков Р.Б. Электронная база данных «Сеть». Опыт формирования и обработки // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX−XX веков: мат-лы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1998. С. 209−210.

Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Мизис Ю.А. Соотношение когортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX − начала XX в. (по материалам прихода с. Малые Пупки Тамбовской губернии) // Социально-демографическая история России XIX−XX вв. Тамбов, 1998. С. 60−71.

Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Морозова Э.А. Технология комплексной обработки баз данных по исторической демографии России XIX в. // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 2000. С. 151−152.

Канищев В.В., Трошина Т.И. Место Архангельской губернии в демографических процессах в европейской части России второй половины XIX − начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2017. № 4. С. 28–38.

Dyachkov, V.L., Kanishchev, V.V., Kunavin K.S. The Dependence of Demographic Processes in Russia on Grain Crop Yields and Alcohol Consumption: A Comparative Analysis of the Data of the Late 19th – the Beginning of 20th Century and the Late 20th the Beginning of 21st Century // Social Evolution & History. Vol. 21, No. 1. P. 121−144.

References

Avrekh, A.L., Esikov, S.A., Kanishchev, V.V., Mizis, Yu.A., Protasov, L.G. (2000). Formirovanie i razvitie selskikh naselennykh punktov (SNP) Tambovskoy oblasti (17−20 vv.) [Formation and Development of Rural Settlements in the Tambov Region (17th − 20th Centuries)]. In *Osobennosti rossiyskogo zemledeliya i problemy rasseleniya IX−XX. Materialy XXVI sessii Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. Moscow, pp. 3−18.

Avrekh, A.L., Kanishchev, V.V. (2002). Estestvenno-istoricheskie usloviya modernizatsii agrarnogo obshchestva. Tambovskaya guberniya, XIX−XX vv. [Natural-Historical Conditions of Modernization of Agrarian Society. Tambov Province, 19th−20th Centuries]. In *Sotsialnaya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII−XX vv. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (may 2002 g.).* Tambov, Izdatel'stvo TGU, pp. 3−17.

Dyachkov, V.L. (2002). Prirodno-demograficheskie tsikly kak faktory rossiyskoy istorii, XIX − pervaya polovina XX v. [Natural and Demographic Cycles as Factors of Russian history, 19th − the First Half of the 20th Century]. In *Sotsialnaya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII−XX vv.* Tambov, pp. 17−31.

Dyachkov, V.L., Kanishchev, V.V. (2005). Poslanie B.N. Mironovu o sushchnosti raboty otdelnykh provintsialnykh istorikov, ili Otvet uchenomu sosedu [A Message to B.N. Mironov about the Essence of the Work of Individual Provincial Historians or a Reply to a Learned Neighbor]. In *Krug idey: algoritmy i tekhnologii istoricheskoy informatiki. Trudy IX konferentsii Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*. Moscow, Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 544–577.

Dyachkov, V.L., Kanishchev, V.V., Kunavin, K.S. (2017). The Dependence of Demographic Processes in Russia on Grain Crop Yields and Alcohol Consumption: A Comparative Analysis of the Data of the Late 19th – the Beginning of 20th Century and the Late 20th the Beginning of 21st Century. In *Social Evolution & History*. Vol. 21, No. 1, pp. 121−144.

Dyachkov, V.L., Konchakov, R.B., Kanishchev, V.V. (2003). Dekabr'skie rozhdeniya. K voprosu o roli religioznogo faktora v demograficheskom povedenii traditsionnogo krestyanstva. Tambovskaya guberniya, XIX – nachalo XX v. [December Births. On the Role of the Religious Factor in the Demographic Behavior of Traditional Peasants. Tambov Governorate, 19th – early 20th Century]. In *Krug idey: elektronnye resursy istoricheskoy informatiki: Trudy VIII konferentsii Assotsiatsii "Istoriya i kompyuter", iyun' 2002 g.* Moskva, Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 317−341.

Kanishchev, V.V. (2012). Sravnitelnyy analiz estestvennogo dvizheniya krestyanstva tsentralnykh i severo-zapadnykh guberniy Evropeyskoy Rossii vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v. [Comparative Analysis of the Natural Movement of the Peasantry in the Central and North-Western Provinces of European Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. In *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii.* No. 19, pp. 87−108.

Kanishchev, V.V. (2023). Byvshie dvortsovye sela Moskovskogo i drugikh uezdov Tsentralnoy Rossii: sovremennoe sotsialno-demograficheskoe sostoyanie [Former Palace Villages of Moscow and Other Districts of Central Russia: Current Social and Demographic Situation]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya.* No. 2, pp. 59−174.

Kanishchev, V.V. (2023). Osobennosti demograficheskoy istorii selskogo naseleniya Tverskoy oblasti v XX−XXI vv.: sovremennye metody issledovaniya [Features of the Demographic History of the Rural Population of the Tver Region in the 20th and 21st Centuries: Modern Research Methods]. In V*estnik TvGU. Seriya: Istoriya.* No. 1, pp. 5−18.

Kanishchev, V.V. (2023). *Strategii demograficheskogo povedeniya sel'skogo naseleniya Tsentra i Yuga Rossii v XX − nachale XXI v.: monografiya* [Strategies of Demographic Behavior of the Rural Population of the Center and South of Russia in the 20th − Early 21st Century: Monograph]. Tambov, Izdatelskiy dom Derzhavinsky. 1 file (0.99 Mb). Available at: URL: https://elibrary.tsutmb.ru/dl/docs/elib1548.pdf (date of access: 15.04.2026).

Kanishchev, V.V. (2024). Pereseleniya krest'yan Tambovskoy gubernii v Tomskuyu guberniyu v XIX v. v kontekste alternativ sotsia'no-demograficheskogo povedeniya pozdnego agrarnogo obshchestva Rossii [The Migration of Peasants from the Tambov Province to the Tomsk Province in the 19th Century in the Context of the Socio-Demographic Behavior of the Late Agrarian Society in Russia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* No. 89, pp. 23−29.

Kanishchev, V.V. (2025). Nauchnoe nasledie V. P. Danilova i sovremennoe krestyanovedenie v Tambovskoy oblasti: k 100-letiyu uchenogo [The Scientific Legacy of V.P. Danilov and Modern Peasant Studies in the Tambov Region: On the 100th Anniversary of the Scientist]. In *Krestyanovedenie*. Vol. 10, No. 4, pp. 135−145.

Kanishchev, V.V., Konchakov, R.B. (1998). Elektronnaya baza dannykh "Set". Opyt formirovaniya i obrabotki [Electronic database "Network". Experience in Creating and Processing]. In *Osobennosti rossiyskogo zemledeliya i problemy rasseleniya IX−XX vekov. Materialy XXVI sessii Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoi Evropy.* Moscow, pp. 209−210.

Kanishchev, V.V., Konchakov, R.B., Mizis, Yu.A. (1998). Sootnoshenie kogortnogo i sploshnogo analiza demograficheskogo povedeniya rossiyskogo krestyanstva XIX− nachala XX v. (po materialam prikhoda s. Malye Pupki Tambovskoy gubernii) [The Relationship between Cohort and Continuous Analysis of the Demographic Behavior of the Russian Peasantry in the 19th and Early 20th Centuries (Based on the Parish of Malye Pupki, Tambov Province)]. In *Sotsialno-demograficheskaya istoriya Rossii XIX−XX vv.* Tambov, pp. 60−71.

Kanishchev, V.V., Konchakov, R.B., Morozova, E.A. (2000). Tekhnologiya kompleksnoy obrabotki baz dannykh po istoricheskoy demografii Rossii XIX v. [Technology for Comprehensive Processing of Databases on the Historical Demography of 19th Century Russia]. In *Novye informatsionnye resursy i tekhnologii v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii.* Moscow, pp. 151−152.

Kanishchev, V.V., Troshina, T.I. (2017). Mesto Arkhangelskoy gubernii v demograficheskikh protsessakh v evropeyskoy chasti Rossii vtoroy poloviny XIX − nachale XX veka [The Place of the Arkhangelsk Region in the Demographic Processes of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries in the European Part of Russia]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta.* No. 4, pp. 28−38.

Kanishchev, V.V., Zhitin, R.M. (2020). Demograficheskie protsessy v Lipetskoy i Tambovskoy oblastyakh v 2010-e gg. na urovne selskikh sovetov [Demographic processes in the Lipetsk and Tambov Regions in the 2010s at the Level of Rural Councils]. In *Problemy agrarnoy istorii Rossii*. Lipetsk, pp. 172−175.

Vladimirov, V.N., Kanishchev, V.V., Silina, I.G. (2004). Itogi realizatsii proekta "Mikromigratsionnye protsessy v Rossiyskoy Evrazii vtoroy poloviny XIX − nachala XX vv. (Tambovskaya guberniya − Altayskiy okrug" [The Results of the Project "Micromigration Processes in Russian Eurasia in the Second Half of the 19th − Eearly 20th Century (Tambov Province − Altay District)"]. In *Informatsionnyy byulleten Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*. Moscow. No. 32, pp. 176−178.

Zhirov, N.A., Kanishchev, V.V. (2021). Ustoychivost v razvitii krupnykh russkikh selskikh poseleniy tsentra i yuga Evropeyskoy chasti Rossii vo vtoroy polovine XX − nachale XXI v. [Sustainability in the Development of Large Russian Rural Settlements in the Center and South of European Russia in the Second Half of the 20th and Early 21st Centuries]. In *Voprosy istorii.* No. 11, pp. 66−81.

Zhitin, R.M., Kanishchev, V.V. (2022). Polovozrastnoy sostav naseleniya selskikh sovetov Lipetskoy i Tambovskoy oblasteiy v nachale XXI v. [Gender and Age Distribution of the Population in Rural Councils of the Lipetsk and Tambov Regions at the Beginning of the 21st Century]. In *Gumanitarnye issledovaniya Tsentralnoy Rossii*. No. 1 (22), pp. 40−52.

Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V. (2019). “Esli by ne bylo voyny”: modelirovanie demograficheskikh protsessov v rossiyskoy derevne 1930−1950-kh godov (po materialam Tambovskoy oblasti) [“If There Had Been No War”: Modeling Demographic Processes in the Russian Village in the 1930s and 1950s (Based on the Tambov Region)]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya.* No. 3, pp. 118−136.

Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V., Kunavin, K.S. (2026). Distantsionnoe zondirovanie Zemli i geoinformatsionnye sistemy kak sredstva utochneniya khoda demograficheskikh protsessov [Remote Sensing of the Earth and Geoinformation Systems as Means of Clarifying the Course of Demographic Processes]. In *Istoricheskaya informatika.* No. 1, pp. 154−177. Available at: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77934 (date of access 17.04.2026).

Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V., Lyamin, S.K. (2011). *Fraktalnoe modelirovanie istoriko-demograficheskikh protsessov: monografiya* [Fractal Modeling of Historical and Demographic Processes]. Moscow, Tambov, Izdatel’stvo TGU. 195 p.

Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V., Lyamin, S.K. (2014). Vozmozhnosti ispolzovaniya teorii samoorganizovannoy kritichnosti v izuchenii demograficheskikh protsessov v rossiyskom pozdnem agrarnom obshchestve [The Possibilities of Using the Theory of Self-Organized Criticality in the Study of Demographic Processes in Russian Late Agrarian Society]. In *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii.* No. 1, pp. 70−91.

Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V., Lyamin, S.K. (2019). Modelirovanie demograficheskikh protsessov v pozdney sovetskoy derevne: 1959−1989 gg. [Modeling Demographic Processes in the Late Soviet Countryside: 1959–1989]. In *Istoricheskaya informatika.* No. 4, pp. 43−73.

Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V., Lyamin, S.K. (2020). Sootnoshenie fraktal’nogo modelirovaniya i klasternogo analiza sotsialnykh protsessov v Rossii XVII−XX vv. [The Relationship between Fractal Modeling and Cluster Analysis of Social Processes in Russia in the 17th − 20th Centuries]. In *Istoricheskie issledovaniya v kontekste nauki o dannykh: informatsionnye resursy, analiticheskie metody i tsifrovye tekhnologii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 4−6 dekabrya 2020 g.* Moscow, MAKS Press, pp. 48−56.

Н.В. Кабакова*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РУБЕЖА XVII–XVIII ВЕКОВ В ОТРАЖЕНИИ ДОЗОРНОЙ КНИГИ ТАРСКОГО УЕЗДА 1701 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ ТАТМЫЦКОЙ СЛОБОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-10
УДК 314.11(571.13)"1701"

Выходные данные для цитирования:
Кабакова Н.В. Демографические процессы рубежа XVII–XVIII веков в отражении Дозорной книги Тарского уезда 1701 года (на примере Татмыцкой слободы) // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 109–120. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-10.pdf

N.V. Kabakova*

DEMOGRAPHIC PROCESSES AT THE TURN OF THE 17TH AND 18TH CENTURIES IN THE REFLECTION OF PATROL BOOK OF TARSKY DISTRIC OF 1701 (ON THE EXAMPLE OF TATMYTSKAYA SLOBODA)

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-10

How to cite:
Kabakova N.V. Demographic Processes at the Turn of the 17th and 18th Centuries in the Reflection of Patrol Book of Tarsky District of 1701 (On the Example of Tatmytskaya Sloboda) // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 109–120. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-10.pdf]

Abstract. The article is devoted to the study of demographic processes that took place in the Tatmytskaya settlement of the Tarsky district of the Tobolsk province at the turn of the 17th–18th centuries. The study is based on the materials of the Patrol Book of the Tarsky district of 1701. This historical source contains valuable information regarding different aspects of the life of the population of the specified region. The purpose of the work is to review the Patrol Book for its potential as a source for analyzing demographic processes. The key social groups living in Tatmytskaya Sloboda were service people, who made up the majority of residents, and peasants. The Patrol Book contains information on the development of migrations within the settlement, originating both from remote areas of the country (primarily Pomorie) and from nearby regions (primarily Tobolsk province). The next source of replenishment of the local population was natural growth. The source indicates male children, their age. It was established that the largest number of sons was recorded in service families compared to peasant families. The Patrol Book allows you to characterize the family and family composition of the inhabitants. It was revealed that, despite the extensive information included in the Patrol Book, this document does not give a complete picture of the course of demographic events, since it does not contain data on female representatives, does not show the age of male heads of families, does not provide information on fertility and mortality. All this does not allow us to establish the role of natural growth in increasing the total population. It was concluded that the Patrol Book helps to get an idea of the general trends in population movement at the turn of the 17th–18th centuries, makes it possible to identify the difference in the development of demographic processes among representatives of different social categories.

Keywords: demographic development, Patrol Book of Tarsky district, Tatmytskaya Sloboda, migrations, natural growth, servants, peasants, family.

* **Наталья Васильевна Кабакова,** кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Омск, Россия, e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru
Natalia Vasilyevna Kabakova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Siberian State Automobile and Road University, Omsk, Russia, e-mail: natalya-kabakova@rambler.ru

The article has been received by the editor on 03.06.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению демографических процессов, протекавших в Татмыцкой слободе Тарского уезда Тобольской губернии на рубеже XVII−XVIII вв. Исследование опирается на материалы Дозорной книги Тарского уезда 1701 года. Этот исторический источник заключает в себе ценные сведения, касающиеся разных сторон жизнедеятельности населения указанного региона. Цель работы – рассмотрение Дозорной книги на предмет ее потенциала как источника для анализа демографических процессов. Ключевыми социальными группами, проживавшими в Татмыцкой слободе, являлись служилые люди, составлявшие численное большинство жителей, и крестьяне. В Дозорной книге содержится информация о развитии миграций в пределы слободы, происходивших как из отдаленных районов страны (прежде всего Поморья), так и из близлежащих регионов (прежде всего Тобольской губернии). Следующим источником пополнения местного населения был естественный прирост. В источнике указаны дети мужского пола, их возраст. Установлено, что по сравнению с крестьянскими семьями в семьях служилых фиксировалось наибольшее число сыновей. Дозорная книга позволяет охарактеризовать фамильный и семейный состав жителей. Выявлено, что, несмотря на обширную информацию, включенную в Дозорную книгу, этот документ не дает полной картины протекания демографических событий, поскольку не содержит данных о представительницах женского пола, не показывает возраст мужчин − глав семей, не предоставляет сведений о рождаемости и смертности. Все это не позволяет установить роль естественного прироста в увеличении общей численности населения. Сделан вывод о том, что Дозорная книга помогает получить представление об общих тенденциях движения населения на рубеже XVII−XVIII вв., дает возможность выявить разницу в развитии демографических процессов у представителей разных социальных категорий.

Ключевые слова: демографическое развитие, Дозорная книга Тарского уезда, Татмыцкая слобода, миграции, естественный прирост, служилые, крестьяне, семья.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026 г.

Изучение истории Сибири тесным образом связано с рассмотрением проблематики формирования на ее территории русского населения. Какие факторы оказывали влияние на этот процесс и какова была роль государства в организации пополнения жителей Сибири, социальный и половозрастной состав населения − эти и многие другие вопросы неизбежно оказываются в поле внимания исследователей. В последние десятилетия в отечественной историографии усилился научный интерес к начальному этапу присоединения Сибири к Российскому государству в контексте характеристики процесса русской колонизации. Накоплен солидный пласт исследований, посвященных осмыслению особенностей освоения огромного восточного региона[1], опубликованы историографические обзоры трудов российских историков-сибиреведов по демографической тематике[2]. В настоящее время историки продолжают изучать вопросы, связанные с динамикой русского населения восточных территорий страны в XVII − начале XVIII в., с определением условий, влиявших на численность

[1] *Алексеев В.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 3. С. 619−634; *Зубков К.И., Побережников И.В.* Восточный фронтир русской колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 235−263.

[2] *Соколовский И.Р.* Русское население Сибири в XVII − начале XVIII веков. Проблема оценки итогов колонизационного движения // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 30−42.

жителей Сибири[3], с оценкой роли властей в организации миграционных процессов[4]. И все-таки, оценивая степень изученности вопроса о развитии демографических процессов на территории Сибири начального этапа ее освоения, авторы «Энциклопедии Сибири» констатируют, что подобные исследования продвигаются весьма слабо и далеки до своего завершения[5].

А.Д. Колесников, посвятивший немало работ проблематике складывания русского населения Западной Сибири, отмечал, что если после вхождения в состав России зауральских земель число жителей росло за счет прихода переселенцев, то «уже первый рожденный в Сибири русский ребенок положил начало тому, что к внешнему притоку стал присоединяться естественный прирост»[6]. Большой знаток центральных и сибирских архивов, этот историк занимался исследованием сведений, содержащихся в различных исторических источниках. А.Д. Колесников отмечал, что в документах отложилась обильная, но подчас противоречивая информация о количестве жителей в Сибири, что нередко приводило к допущению историками ошибок при интерпретации материала. А ошибки эти были вызваны отсутствием «глубокого понимания специфики определенного региона», «недостаточным анализом извлеченных данных»[7].

Современные исследователи, изучающие вопросы исторической демографии периода XVII − начала XVIII в., обращаются к разным источникам[8], позволяющим выявить особенности развития народонаселения в различных регионах России. Одним из таких документов, находящихся в фокусе внимания омских историков, является Дозорная книга Тарского уезда 1701 года (далее − Дозорная книга). Важнейшей причиной ее создания стала необходимость упорядочивания налогообложения, для чего потребовалось получить сведения о жителях Тарского уезда Тобольской губернии. Подробное описание оснований появления данного документа, его информационного потенциала, а также источниковедческий анализ ранее были представлены в серии статей[9]. Целью настоящей работы является рассмотрение Дозорной книги на предмет ее потенциала как источника для анализа демографических процессов, которые будут изучены на примере Татмыцкой слободы.

Татмыцкая слобода: возрастной состав жителей, основные социальные категории. Татмыцкая слобода Тарского уезда Тобольской губернии стала возводиться в 1682 году, о чем сказано в Дозорной книге: «Слободчик Митька Степанов сын Шипицын сказался: родом-де он, Митька, Верхотурского уезду, Ирбицкой слободы, крестьянской сын. И в прошлом в 1682 году, сдав оброк, велено ему по челобитью его, и по грамоте, и по тобольской

[3] *Сарафанов Д.Е.* Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX − начале XX в. (по материалам метрических книг) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 59−78; *Соколовский И.Р.* Население Сибири XVII в.: существующие подходы к проблеме математической модели [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 2. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-02.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[4] *Пузанов В.Д.* Русская военная политика в Западной Сибири в концепциях направления «государственной колонизации» // Исторический формат. 2024. № 3−4. С. 107−115; *Седельникова Н.А.* Русское заселение и освоение территорий Среднего Прииртышья в XVII−XIX веках // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 522−538.

[5] История Сибири: в 4 т. Новосибирск, 2019. Т. 3: Новое время (конец XVI − начало XX века). С. 211.

[6] *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII − начале XIX вв. Омск, 1973. С. 6.

[7] *Колесников А.Д.* Определение численности населения по итогам ревизий на промежуточные даты // Проблемы исторической демографии СССР. Вып. 2. Томск, 1982. С. 46.

[8] *Ляпин Д.А.* Ландратская перепись в системе подворных описаний Петровского времени на примере Воронежского уезда 1716 г. // Вестник архивиста. 2025. № 2. С. 331−348. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-2-331-348; *Черкасова М.С.* Церковно-монастырские синодики как источники по исторической демографии // Церковь. Богословие. История. 2023. № 4. С. 147−156.

[9] *Kabakova N.V., Korusenko S.N.* Office administration and cartography at the turn of the XVII−XVIII centuries: to the problem of studying the population of the middle Priirtyshje // Bylye gody. 2017. № 43 (1). С. 21−29; *Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н.* Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 62−69; *Кабакова Н.В., Корусенко С.Н.* Сибирские делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII−XVIII вв.: феномен «узнавания» новых пространств империи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 165−173.

указной памяти вновь строить Татмыцкую слободу»[10]. В дальнейшем слобода четверть века оставалась самым южным русским форпостом на территории Западной Сибири. К слову, в источнике встречается двойное наименование этого населенного пункта − либо Татмыцкая, либо Шипицына слобода. Подобная неустойчивость названия косвенным образом свидетельствует о недавнем происхождении слободы.

В Дозорной книге перечислены мужчины, тогда как женщины на страницах документа встречаются эпизодически, а в описаниях Татмыцкой слободы они и вовсе отсутствуют. В списке жителей селения зафиксирован 151 двор, в каждом из которых назван глава семьи, но возраст его не указан. Однако упоминаний о возрасте мужского населения в документе немало. Нередко подобные сведения встречались, когда это требовалось в связи с фиксацией несения повинностей. Так, слободчик Митька Степанов сын Шипицын жил в слободе без тягла, поскольку «был стар»[11]. Крестьянский сын Митька Иванов сын Яковлевых не пахал пашни «за малыми леты», «а отец его умре»[12]. Примерные сведения о возрасте глав семей можно получить, если обратить внимание на упомянутые в Дозорной книге даты прибытия жителей в определенную местность или их поступления на службу. Так, пять служилых сообщили, что они «родом из Татмыцкой слободы», следовательно, год их рождения был не ранее 1682 года, когда слобода стала строиться.

Более очевидной информация о возрасте может стать при учете сведений о сыновьях глав семей, чей возраст в Дозорной книге указывался. В качестве иллюстрации приведем выдержку из описания двора Панфилки Анисимова сына Гущина, прибывшего в 1682 г. в Тобольский уезд в Верхненицынскую слободу, который «в 1693 году, сдав тягло, пришел в Татмыцкую слободу. У него дети − Иевко десяти лет, Гришка трех лет»[13]. Безусловно, эти данные не позволяют точно установить, сколько лет исполнилось самому Панфилке, но дают возможность приблизительно определить его возрастную категорию.

Главами семей в Татмыцкой слободе являлись представители двух основных социальных категорий − служилые (слободчики, беломестные казаки, пушкари, затинщики) и пашенные крестьяне. Помимо этого, в списках названы вновь приверстанные в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, захребетников, а также вновь приверстанные в бобыли из беломестных казаков и захребетников. Главами двух дворов в слободе являлись ружники и одного двора − судной избы писчик. При дальнейшем описании демографических процессов на материалах Дозорной книги, происходивших в Татмыцкой слободе, нами будут выделяться две названные ключевые категории − служилые и крестьяне (включая пашенных крестьян и вновь приверстанных к ним, а также близких к крестьянам по статусу бобылей). На долю служилых в Татмыцкой слободе приходилось наибольшее количество дворов − 94 двора, что составляло 62 % от их общего числа, на долю крестьян − 54 двора (36 %). Из описания двора будем извлекать данные, содержащие сведения о главах семей (их имена, отчества, фамилии, откуда они родом) и о переписанных представителях мужского пола.

Формирование населения Татмыцкой слободы: переселенческие процессы. Первоначально формирование населения Татмыцкой слободы осуществлялось посредством миграций. В организации этих процессов важную роль играло государство, заинтересованное в создании оборонительных сооружений на юге Западной Сибири и обеспечении их людьми, прежде всего способными нести военную службу. Происхождение жителей определено в тексте Дозорной книге формулировкой «родом-де он», относящейся к характеристике главы каждого семейства (например, «Федька Васильев сын Решетников сказался: родом-де он, Федька, Тарского города»). Поэтому всех дворохозяев можно классифицировать по происхождению следующим образом (табл. 1): 1) уроженцы Татмцкой слободы; 2) «родом-де <…> Тары (или Тарского города)»; 3) прибывшие из сопредельных территорий

[10] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1. Омск, 2021. С. 381−382.
[11] Там же.
[12] Там же. С. 401.
[13] Там же. С. 412.

Сибири или Урала (внутрирегиональные переселенцы) − подобного рода миграции в пределах смежных регионов становились наиболее активными с конца XVII в.; 4) выходцы из отдаленных мест, из европейской части страны (межрегиональные переселенцы). По оценкам исследователей, чаще всего в колонизации Сибири участвовали жители Русского Севера, Поморья[14].

Из дворохозяев, относящихся к служилым, 5 чел. (5 %) записаны как «родом из Татмыцкой слободы». «Родом Тары (или Тарского города)» назвалось 70 чел. (75 %) представителей данной социальной категории, которые, так же как и первые, считали себя местными уроженцами. Прибыли из сопредельных регионов (Шадринской слободы и слободы Царево Городище Тобольского уезда, Ирбитской слободы Верхотурского уезда, Тюмени, Томска) 13 чел. (13,8 %). Откуда, почему и когда, сами они или их предки ранее появились в Сибири или на Урале, служилые не упоминали, за исключением единичного случая, когда беломестный казак Микишка Тимофеев сын Салдатов, родом Тарского города, сообщил, что «отец его был с Ваги, пришлый»[15]. Но о местах выхода некоторых служилых порой говорят их фамилии (Вяткин, Пелымской, Белозеров). Из дальних мест − Поморья (Устюга Великого, Брюсянской волости Устюга Великого, Холмогор) − в Татмыцкую слободу перебралось 6 служилых (6 %).

Повествуя о своем прибытии в Сибирь, на Тару или в Татмыцкую слободу, 15 чел. сообщили, что они «пришли», подразумевая добровольность своего появления, тогда как 4 чел. сказали, что были «присланы». При этом служилые всегда указывали время своего переселения на новое место: в 1680-е гг. − 12 чел. (в 1682, 1683, 1685, 1689 гг. − по 1 чел., в 1684 и 1687 гг. по 2 чел., в 1686 г. − 4 чел.). Оставшиеся 6 чел. стали жить в этом краю в 1690-е годы (с 1691 и 1697 гг. − 1 чел., с 1692 и 1698 гг. − по 2 чел.). Не смог сказать о времени своего появлении в Татмыцкой слободе только один беломестный казак – Петрушка Елфимов сын Третьяков, «родом города Тюмени». Он не знал, когда пришел на Тару, поскольку «остался в малых летех» без отца[16].

Таблица 1

Происхождение глав семей Татмыцкой слободы

Откуда родом	Ружники, судной избы писчик	Служилые люди	Пашенные крестьяне	Вновь приверстанные в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, захребетников	Вновь приверстанные в бобыли из беломестных казаков и захребетников
Татмыцкая слобода	–	5	1	–	1
Тара (Тарский город)	1	70	–	–	–
Сибирь, Урал	–	13	4	21	3
Европейская часть страны	1	6	13	6	3
Неизвестно	1	–	–	–	2
Итого	3	94	18	27	9

Составлено по: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1. С. 380−414.

[14] *Зубков К.И.* Ранняя колонизация восточных регионов России: политэкономический аспект // Уральский исторический вестник. 2000. № 1 (66). С. 133; *Черкасова М.С.* Миграции населения Великого Устюга в XVII − первой четверти XVIII в. // Historia Provinciae − Журнал региональной истории. 2020. Т. 4, № 1. С. 50.
[15] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года… С. 390.
[16] Там же. С. 393.

По-иному выглядит история появления в Татмыцкой слободе крестьян. Из 18 чел. дворохозяев, переписанных в категории пашенных крестьян, лишь один (малолетний Митька Иванов сын Яковлевых, отец которого умер) был родом из Татмыцкой слободы[17]. Все остальные крестьяне были родом из других мест: 4 чел. (22 %) − из Верхотурского уезда (Невьянского Николаевского монастыря и Белослуцкой слободы), 13 чел. (72 %) − из разных городов европейской части страны (Москвы, Вятки, Нижнего Новгорода, Арана, Арзамаса, с Ваги Окуловской волости). Переписчику крестьяне сообщили, что их в Сибирь «прислали» (11 чел., или 61 %) либо они «пришли» (6 чел., или 33 %). Примерно две трети этих переселенцев (11 чел.) обосновались в Татмыцкой слободе в течение последних десяти лет в 1690-е гг.

Среди вновь приверстанных в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, захребетников таких, кто родился бы в Татмыцкой слободе или в Таре, не было вовсе. Из Сибирского региона (Тобольска и слобод этого уезда, Туринска, из различных слобод Верхотурского уезда) прибыл 21 чел. (78 %), из Европейской России («из русских городов», Арзамаса, Вятки, Соли Вычегодской Окологородной волости, Кокшенской чети Ваги) − 6 чел. (22 %). В Татмыцкой слободе они обосновались в конце XVII в., когда в количестве от одного или реже двух-трех человек начинали нести здесь военную службу. Как правило, у представителей этой категории жителей процесс оседания на новом месте происходил поэтапно: сначала они «приходили» (или их «присылали») в Сибирь либо на Тару, а спустя несколько лет поступали на службу уже в Татмыцкой слободе. Приведем в качестве примера историю Ивашки Семенова сына Басова Быкова: «родом-де он, Ивашко, Тобольского уезду, Нижной Ницынской слободы, крестьянской сын. Платил отец его денежного оброку по рублю в год и умре. А он, Ивашко, на Тару пришел в 1692 году. А в беломестных казаках служит с 1698 году»[18]. Наконец, в 1701 году составитель Дозорной книги «по указу Великого Государя» записал Ивашку как крестьянина.

В категории «вновь приверстанные в бобыли из беломестных казаков и захребетников» переселенческие процессы напоминали те же, что наблюдались в предыдущей группе. Из общего числа бобылей (9 чел.) только 1 чел. был родом из Татмыцкой слободы, 3 чел. (33 %) определили местом своего рождения Кунгур, Туринск и Окуневскую слободу Тобольского уезда, другие 3 чел. − Важский уезд, Устюг Великий, оставшиеся 2 чел. были «родом калмыки». История и время укоренения бобылей в Татмыцкой слободе также во многом повторяли ситуацию, описанную для предыдущей группы. Отметим также, что и у крестьян встречались фамилии, свидетельствующие о местах их раннего выхода − Корела, Корелин, Костромитин, Вологжанин, Пермяков, Шадра, что доказывает наличие нескольких этапов переселенческих процессов. Нередко переезжавшие, начинавшие мигрировать с территории европейской части страны, останавливались на время на Урале или в близких с ним районах, чтобы в дальнейшем продолжить движение в восточном или юго-восточном направлениях.

Анализ фамилий жителей Татмыцкой слободы, учтенных в Дозорной книге, также дает возможность сделать ряд наблюдений. В слободе проживали представители 116 фамилий, из которых носителями 91 фамилии являлась только одна семья, тогда как в 25 случаях одна и та же фамилия могла повторяться у разных жителей − чаще родственников, иногда однофамильцев. Самой распространенной (встречалась в семи случаях) была фамилия Шипицын, все ее представители являлись потомками основателя слободы Митьки Степанова сына Шипицына. Фамилию Лопатин носили четыре семейства, два из которых возглавляли братья беломестные казаки Савка Савельев сын и Васька Савельев сын, оба родом из Верхотурского уезда Ирбицкой слободы. В двух других случаях Лопатины также являлись братьями-крестьянами (Ивашко Федоров сын и Никонко Федоров сын), прибывшими в Татмыцкую слободу из той же Ирбицкой слободы Верхотурского уезда. По всей видимости, все эти некогда перебравшиеся в Татмыцкую слободу Лопатины были родственниками.

[17] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года… С. 401.
[18] Там же. С. 404.

По три раза в списках Татмыцкой слободы встречаются фамилии Бутаков, Горнастаев, Узунов, Неворотов. Их носителями были служилые люди. По два раза упоминаются 19 фамилий (Басов Быков, Болотов, Гладкой, Гонцогоров, Гуров, Дудин, Зубов, Кайнов, Калашников, Кривоногов, Кубрин, Ложников, Малгин, Новожилов, Носков, Пушкарев, Решетников, Салдатов, Щербаков), в семи случаях принадлежавших крестьянам, в десяти − служилым. Представителями двух фамилий, дважды встречавшихся в списке (Пушкаревы и Салдатовы), были однофамильцы − служилый и крестьянин. Так, казак Микишка Тимофеев сын Салдатов назвался родом Тарского города, тогда как крестьянин Минька Семенов сын Салдатов − родом был Верхненицынской слободы Тобольского уезда. В целом наиболее часто фамилии повторялись у служилых, нежели у крестьян.

Семейный состав жителей Татмыцкой слободы. Число семей в Татмыцкой слободе соответствует числу дворов (151). По своему составу семьи могли быть разными. Большинство их, в соответствии со списками Дозорной книги, включало только отцов (возможно вдовых) либо отцов и их сыновей. В двух семьях указаны пасынки, названные с именами своих отцов. Так, у беломестного казака Алешки Степанова сына Маллаева, помимо сына Сеньки, записаны пасынки «казачьи Гавриловы дети Якушко и Коземка»; у беломестного казака Петрушки Елфимова сына Третьякова, помимо сына Гараськи, пасынки «казачьи дети Матвеевы Андрюшка и Петрушка»[19]. Подобных малых (нуклеарных) семей в данном селении насчитывалось 145 (96 %).

Кроме этого, Дозорной книгой в Татмыцкой слободе зафиксировано шесть семей расширенного типа, что составляло около 4 % от общего числа семей. В трех семьях их главами являлись беломестные казаки, в других трех − крестьяне. Пять семей являлись братскими, где в двух случаях сыновей у главы семьи не было, а братья (возможно женатые) служили в беломестных казаках. В трех случаях младший брат (или братья) только подрастал. Единичным стал пример, когда в семье крестьянина Егорки Семенова сына Басова Быкова был зафиксирован 16-летний племянник Микитка Петров[20]. Вероятно, этот подросток оказался в семье своего дяди после смерти родителей.

На все учтенные в Татмыцкой слободе семьи приходилось по 1,1 ребенку мужского пола (табл. 2). При том сыновья были перечислены в 83 семьях (55 %). Из этого числа в семьях служилых сыновья зафиксированы в 54 случаях, что составляло 57 % от всего количества семей для данной социальной категории. У беломестных казаков Алешки Борисова сына Атаманского росло 6 сыновей, у Ивашки Семенова сына Киршева − 5 сыновей[21]. Детям в этих семьях исполнилось от 2 до 15 лет. В пяти семьях служилых было по 4 сына, в девяти − по 3 сына. У остальных служилых росло по 1 или по 2 сына и, судя по тому, что возраст таких детей преимущественно составлял от 1 до 8 лет, потенциал дальнейшей рождаемости в этих семьях был достаточно высоким. В целом на 94 двора Татмыцкой слободы, главами которых являлись служилые люди, приходилось по 1,2 ребенка мужского пола.

Среди служилых присутствовало пять семей, в которых вместе с родителями проживали взрослые дети, что может косвенным образом свидетельствовать о возрасте глав подобных семейств. У Митьки Яковлева сына Горностаева, пришедшего в Сибирь в 1687 г., записаны дети − Матюшка, служивший в беломестных казаках, Митька (15 лет), Федька (8 лет) и Сенька (7 лет)[22]. О возрасте главы семейства, помимо взрослого сына, говорит и время его прибытия в Сибирь. У Бориски Микифорова сына Щербакова также отмечен сын Ивашко, что служил в беломестных казаках, и еще два сына − Ивашко (22 года) и Васька (13 лет)[23]. У Васьки Микитина сына Телятникова также были взрослые сыновья − Данилко (26 лет) и Савинко (18 лет)[24]. Не исключено, что такие взрослые сыновья, по-прежнему жившие в одном дворе с родителями, при том уже и сами создали собственные семьи.

[19] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года… С. 384, 393.
[20] Там же. С. 404.
[21] Там же. С. 388, 391.
[22] Там же. С. 394.
[23] Там же. С. 383.
[24] Там же. С. 384.

Таблица 2

Сведения о семьях с сыновьями в Татмыцкой слободе

Социальная группа	Всего семей	Семьи без сыновей, всего (%)	Сыновья, всего	Средний возраст сыновей	Среднее число сыновей на семью
Ружники	2	2 (100)	–	–	–
Судной избы писчик	1	1 (100)	–	–	–
Служилые люди	94	40 (43)	109	8	1,2
Пашенные крестьяне	18	12 (67)	7	7	0,4
Вновь приверстанные в крестьяне из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, захребетников	27	10 (37)	44	7	1,6
Вновь приверстанные в бобыли из беломестных казаков и захребетников	9	3 (33)	8	5	0,9
Итого	151	68 (63)	168	7	1,1

Составлено по: Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. Т. 1. С. 380–414.

В семьях всех жителей Татмыцкой слободы, записанных в Дозорной книге как крестьяне (всего 54 семьи), дети мужского пола учтены в 29 случаях, т.е. в 54 % крестьянских семей были сыновья. У крестьянина Ивашки Петрова сына Пушкарева имелось шесть сыновей – Петрушка (20 лет), Якушко (15 лет), Ивашко (14 лет), Сергушка (8 лет), Стенька (5 лет), Ивашко (1 год)[25]. В семье Васьки Степанова сына Пономарева росло пятеро сыновей, у Проньки Давыдова сына Шейкина – четыре мальчика[26]. В четырех семьях было по три сына, в оставшихся семьях – по одному или по два сына. Заметно то, что во всех случаях, когда в крестьянских семьях росли сыновья, их отцы ранее перебрались в Татмыцкую слободу из других мест – из западных районов страны, с Урала, из иных сибирских городов. В среднем на крестьянскую семью приходилось по 1,1 ребенка мужского пола, при том старшие сыновья, как правило, появлялись на свет до переезда в слободу.

Однако вычленение из этой общей социальной категории отдельных частей (пашенных крестьян, вновь приписанных к крестьянам служилых и вновь приписанных к бобылям служилых) создает более пеструю картину. Среди 18 семей пашенных крестьян дети мужского пола были только в 6 семьях (в 33 % семей), в среднем по 0,4 мальчика на одну семью. Это наиболее низкий показатель семей с сыновьями для исследуемых в данной работе социальных категорий Татмыцкой слободы. Обращает на себя внимание также и то, что в случаях, когда главы семей были приверстаны к крестьянам или бобылям из беломестных казаков, пушкарей, затинщиков, ситуация становится иной. Поскольку дозор состоялся в 1701 г. и подобные жители стали крестьянами недавно, а до этого относились к категории служилых, то именно к последним оказываются ближе данные, характеризующие количество сыновей в таких семьях. На одну семью «вчерашних» служилых, приписанных к крестьянам, приходилось по 1,6 ребенка мужского пола (это самый высокий показатель). Именно в таких крестьянских семьях учтено наибольшее количество сыновей (от трех до шести человек).

Из общего числа дворов сыновья не упомянуты в 68 семьях, что составляет 45 % от всех семей в Татмыцкой слободе. Не было сыновей в семьях ружников, судной избы писчика, в 40 семьях служилых, в 25 семьях крестьян. Отсутствие сыновей, безусловно,

[25] Дозорная книга Тарского уезда 1701 года… С. 408.
[26] Там же. С. 406, 412.

могло стать неблагоприятной тенденцией для значительного числа семей жителей слободы. Однако необходимо учитывать ряд допущений. Возможно, что ряд семей образовался сравнительно недавно (ведь возраст глав семей нам неизвестен) и сыновья в подобных случаях могли родиться в будущем. Помимо сыновей, в семьях могли быть дочери, не называемые в Дозорной книге. Наконец, сыновья ко времени составления дозора в 1701 г. могли уже вырасти и отделиться в качестве самостоятельных дворохозяев. Например, в семействе слободчика Митьки Степанова сына Шипицына составитель дозора сыновей не назвал. Однако Сенька, Артюшка и Максимко, сыновья Митьки, в документе названы как слободчиковы дети и как главы самостоятельных семей. Кроме того, среди дворохозяев упомянут даже взрослый внук основателя Татмыка − Пашко Максимов сын Шипицын, отделившийся уже от своего отца и создавший собственную семью.

Информация, извлеченная из материалов Дозорной книги о демографических процессах, протекавших в Татмыцкой слободе Тарского уезда на рубеже XVII−XVIII вв., позволяет сделать ряд выводов. Точное количество жителей селения с помощью этого источника установить нельзя. В то же время возможно вычленить отдельные социальные категории, представленные служилыми людьми и крестьянами. То, что часть служилых была переведена в ходе составления дозора в разряд крестьян, свидетельствует о крайней неустойчивости этих социальных категорий. Это во многом предопределялось политикой властей, направленной на упорядочивание налогообложения. То, что подобные перемены социальных статусов и ролей были для колонизуемых окраин довольно типичным явлением, замечают и другие исследователи[27].

Население Татмыцкой слободы увеличивалось за счет миграционного и естественного прироста. Демографические процессы у служилых и крестьян происходили по-разному. Наибольшая часть мигрантов-служилых перебралась на Тару, а вскоре и в Татмыцкую слободу в 1680-е гг. из сопредельных регионов. Ранее в силу различных причин они прибывали из отдаленных районов страны, но Дозорная книга не зафиксировала этих событий. Переселения же крестьян в слободу активизировались позже, в 1690-е гг., при этом наибольшее число мигрантов было прислано из европейских городов. Давность оседания служилых также подтверждается частотой повторов их фамилий, что свидетельствует и о существенной разветвленности родственных связей: поблизости друг от друга в слободе жили родители, их дети, внуки, братья, дяди, племянники, но определить достоверно степень их родства с помощью Дозорной книги затруднительно.

Отражением недавнего времени формирования семей в созданной всего лишь за два десятилетия до проведения дозора в 1701 году Татмыцкой слободе стало преобладание нуклеарной семьи. Переезжавшие в это селение жители чаще всего были людьми молодыми и холостыми, и вскоре они укоренялись, женились, у них начинали появляться дети. Поэтому количество небольших семей в слободе преобладало.

Материалы Дозорной книги не позволяют сделать точные заключения о соотношении естественного и механического прироста в развитии населения, поскольку сведения о смертности в документе крайне отрывочны, да и точного количества рожденных детей установить нельзя. При этом у жителей Татмыка документом зафиксировано значительное количество детей. Наибольшее число сыновей было в семьях служилых и в недавно приверстанных в крестьяне из служилых казаков. Этот вывод, сделанный на основе анализа данных Дозорной книги, не совпадает с заключением А.Д. Колесникова, по словам которого в Западной Сибири в семьях служилых людей детей было меньше, чем у крестьян[28]. Данное расхождение является лишь подтверждением слов этого историка о разнообразии развития демографических событий в одно и то же время в каждой отдельно взятой местности. У представителей служилого сословия было наиболее прочное материальное положение, что создавало благоприятные условия для создания семей, большинство их раньше осело

[27] *Зубков К.И., Побережников И.В.* Восточный фронтир русской колонизации… С. 251.
[28] *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII − начале XIX вв. … С. 327.

в Татмыцкой слободе по сравнению с крестьянами. Потому здесь семьи служилых на данном этапе стали основным источником для прироста населения посредством рождаемости.

Таким образом, рассмотрение демографических процессов, происходивших на рубеже XVII−XVIII вв. в Татмыцкой слободе, на материалах Дозорной книги позволяет говорить об информативности данного исторического источника в исследованиях вопросов о развитии народонаселения. Дозорная книга дает возможность получить представление об общих тенденциях движения населения, выявить разницу в демографических событиях у представителей разных социальных категорий.

Литература

Алексеев В.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 3. С. 619−634.

Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 62−69.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: в 3 т. / отв. ред. Н.А. Томилов; подгот. к изд. М.Л. Бережнова и др. Омск: Наука, 2021. Т. 1. 656 с.

Зубков К.И. Ранняя колонизация восточных регионов России: политэкономический аспект / Уральский исторический вестник. 2000. № 1 (66). С. 130−139.

Зубков К.И., Побережников И.В. Восточный фронтир русской колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 235−263.

Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Делопроизводство и картография на рубеже XVII−XVIII вв.: к проблеме изучения народонаселения Среднего Прииртышья // Былые годы. 2017. Т. 43, № 1. С. 21−29.

Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Сибирские делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII−XVIII вв.: феномен «узнавания» новых пространств империи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 165−173.

Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII − начале XIX вв. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1973. 440 с.

Колесников А.Д. Определение численности населения по итогам ревизий на промежуточные даты // Проблемы исторической демографии СССР. Вып. 2. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. С. 43−54.

Ляпин Д.А. Ландратская перепись в системе подворных описаний Петровского времени на примере Воронежского уезда 1716 г. // Вестник архивиста. 2025. № 2. С. 331−348. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-2-331-348.

Пузанов В.Д. Русская военная политика в Западной Сибири в концепциях направления «государственной колонизации» // Исторический формат. 2024. № 3−4. С. 107−115.

Сарафанов Д.Е. Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX − начале XX в. (по материалам метрических книг) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 59−78.

Седельникова Н.А. Русское заселение и освоение территорий Среднего Прииртышья в XVII−XIX веках // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 522−538.

Соколовский И.Р. Население Сибири XVII в.: существующие подходы к проблеме математической модели // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). Статья 2. URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-02.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

Соколовский И.Р. Русское население Сибири в XVII − начале XVIII веков. Проблема оценки итогов колонизационного движения // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 3. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 30−42.

Черкасова М.С. Миграции населения Великого Устюга в XVII − первой четверти XVIII в. // Historia Provinciae − Журнал региональной истории. 2020. Т. 4, № 1. С. 44−68.

Черкасова М.С. Церковно-монастырские синодики как источники по исторической демографии // Церковь. Богословие. История. 2023. № 4. С. 147−156.

References

Alekseev, V.V., Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2017). Bol'shie vyzovy v istorii imperskoy Rossii: tsivilizatsionnoe i geopoliticheskoe izmerenie [Great Challenges in the History of Imperial Russia: Civilizational and Geopolitical Dimensions]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, No. 3, pp. 619−634.

Berezhnova, M.L., Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2014). Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 g.: k voprosu o prichinah sostavleniya i soderzhanii [The Tarsky Uyezd Watch Book of 1701: On the Reasons for Its Compilation and Content]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 1 (1), pp. 62−69.

Cherkasova, M.S. (2020). Migratsii naseleniya Velikogo Ustyuga v XVII − pervoy chetverti XVIII v. [Population Migrations in Veliky Ustyug in the 17th and First Quarter of the 18th Century]. In *Historia Provinciae − Zhurnal regional'noy istorii*. Vol. 4, No. 1, pp. 44−68.

Cherkasova, M.S. (2023). Tserkovno-monastyrskie sinodiki kak istochniki po istoricheskoy demografii [Church and Monastery Synodics as Sources on Historical Demography]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya*. No. 4, pp. 147−156.

Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2017). Deloproizvodstvo i kartografiya na rubezhe XVII−XVIII vv.: k probleme izucheniya narodonaseleniya Srednego Priirtysh'ya [Office Administration and Cartography at the Turn of the 17th−18th Centuries: To the Problem of Studying the Population of the Mmiddle Priirtyshje]. In *Bylye gody*. Vol. 43, No. 1, pp. 21−29.

Kabakova, N.V., Korusenko, S.N. (2019). Sibirskie deloproizvodstvennye i kartograficheskie istochniki rubezha XVII−XVIII vv.: fenomen "uznavaniya" novykh prostranstv imperii [Siberian Administrative and Cartographic Sources of the 17th−18th Centuries: The Phenomenon of "Recognizing" New Spaces of the Empire]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. No. 4 (47), pp. 165−173.

Kolesnikov, A.D. (1973). *Russkoe naselenie Zapadnoy Sibiri v XVIII − nachale XIX vv*. [The Russian Population of Western Siberia in the 18th and Early 19th Centuries]. Omsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 440 p.

Kolesnikov, A.D. (1982). Opredelenie chislennosti naseleniya po itogam reviziy na promezhutochnye daty [Determining the Population Based on Interim Audit Results]. In *Problemy istoricheskoy demografii SSSR*. Iss. 2. Tomsk, Tomskiy universitet, pp. 43−54.

Lyapin, D.A. (2025). Landratskaya perepis' v sisteme podvornyh opisaniy Petrovskogo vremeni na primere Voronezhskogo uezda 1716 g. [Landrat's Census in the System of Household Descriptions of the Petrine Era, Using the Example of the Voronezh District in 1716]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 331−348.

Puzanov, V.D. (2024). Russkaya voennaya politika v Zapadnoy Sibiri v kontseptsiyakh napravleniya "gosudarstvennoy kolonizatsii" [Russian Military Policy in Western Siberia in the Concepts of "State Colonization"]. In *Istoricheskiy format*. No. 3−4, pp. 107−115.

Sarafanov, D.E. (2020). Sezonnost' mladencheskoy smertnosti v Barnaule vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v. (po materialam metricheskih knig) [Seasonality of Infant Mortality in Barnaul in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on Metrical Books)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 22, No. 2 (198), pp. 59−78.

Sedel'nikova, N.A. (2024). Russkoe zaselenie i osvoenie territoriy Srednego Priirtysh'ya v XVII−XIX vekakh [Russian Settlement and Development of the Middle Irtysh Tegion in the 17th−19th Centuries]. In *Nauchnyy dialog*. Vol. 13, No. 2, pp. 522−538.

Sokolovskiy, I.R. (2013). Russkoe naselenie Sibiri v XVII − nachale XVIII vekov. Problema otsenki itogov kolonizatsionnogo dvizheniya [The Russian Population of Siberia in the 17th and Early 18th Centuries. The Problem of Assessing the Results of the Colonization Movement]. In *Problemy istoricheskoy demografii Sibiri.* Iss. 3. Novosibirsk, Parallel', pp. 30−42.

Sokolovskiy, I.R. (2019). Naselenie Sibiri XVII v.: sushchestvuyushchie podkhody k probleme matematicheskoy modeli [The Population of Siberia in the 17th Century: Existing Approaches to the Mathematical Model Problem]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 4 (6). Stat'ya 2. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-4-02.pdf (date of access 02.02.2026).

Tomilov, N.A. (Ed.), Berezhnova, M.L. (Comp.). (2021). *Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 goda: v 3 t.* [The 1701 Tara District Watch Book: in 3 vol.]. Vol. 1. Omsk, Nauka. 656 p.

Zubkov, K.I. (2000). Rannyaya kolonizatsiya vostochnykh regionov Rossii: politiko-ekonomicheskiy aspekt [Early Colonization of Russia's Eastern Regions: A Political and Economic Aspect]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (66), pp. 130−139.

Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2023). Vostochnyy frontir russkoy kolonizatsii v kontekste modernizatsionnoy dinamiki [The Eastern Frontier of Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics]. In *Evraziyskiy ezhegodnik*. No. 1, pp. 235−263.

С.Д. Сидорчук*

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГОДЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-11
УДК 373(571.1)"192/193":930

Выходные данные для цитирования:
Сидорчук С.Д. Становление системы дошкольных учреждений Западной Сибири в 1920–1930-е годы: историография вопроса // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 121−128. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-11.pdf

S.D. Sidorchuk*

THE FORMATION OF THE PRESCHOOL INSTITUTION SYSTEM IN WESTERN SIBERIA IN THE 1920S−1930S: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-11

How to cite:
Sidorchuk S.D. The Formation of the Preschool Institution System in Western Siberia in the 1920s−1930s: A Historiographical Review // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 121−128. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-11.pdf]

Abstract. The article presents a historiographical review of the formation of the preschool institution system in Western Siberia in the 1920s−1930s. The relevance of the topic is determined by the insufficient study of the regional aspect despite sustained interest in the history of Soviet childhood. The aim of the work is to identify the nature and degree of study of the formation of the preschool network in Western Siberia and to determine issues requiring further research. The first period (1920s−1930s) saw the foundation of the theoretical principles of preschool education, the Marxist justification of preschool pedagogy, the raising of the "women's question", and the first steps in studying the Siberian experience. The second period (1940s−1980s) is characterized by a reorientation toward practical tasks, the study of the sanitary condition of preschool institutions, and the emergence of regional studies. The third period (late 20th − early 21st century) is associated with the development of the socio-economic direction, the history of childhood, and regional studies. The fourth, contemporary period is distinguished by an expansion of subject matter in such areas as the history of childhood, regional studies, personnel training, the rural preschool network, and medical care for children. Despite the accumulated experience of regional studies and the development of new methodological approaches, no holistic study of the formation of preschool institutions in Western Siberia combining regulatory and legal regulation, administrative structures, material and living conditions, and personnel provision − has been conducted to date. The least studied aspects remain the dynamics of the number of preschool institutions, the sanitary and hygienic condition of institutions, the level of medical care, and the everyday practices of preschool functioning. This determines the scientific novelty and prospects for further research on the topic.

Keywords: historiography, preschool institutions, Western Siberia, 1920s−1930s, kindergartens, preschool education.

The article has been received by the editor on 02.10.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **София Дмитриевна Сидорчук,** Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: sonyasidorchuk@yandex.ru
Sofiya Dmitrievna Sidorchuk, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: sonyasidorchuk@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена историографическому обзору становления системы дошкольных учреждений Западной Сибири в 1920−1930-е гг. Актуальность темы определяется недостаточной изученностью регионального аспекта при наличии устойчивого интереса к истории советского детства. Цель работы − выявить характер и степень изученности процесса становления дошкольной сети Западной Сибири, определить вопросы, требующие дальнейшего исследования. В первый период (1920−1930-е гг.) были заложены теоретические основы дошкольного воспитания, дано марксистское обоснование дошкольной педагогики, поставлен «женский вопрос» и сделаны первые шаги в изучении сибирского опыта. Второй период (1940−1980-е гг.) характеризуется переориентацией на практические задачи, изучением санитарного состояния дошкольных учреждений и появлением региональных исследований. Третий период (конец XX − начало XXI в.) связан с развитием социально-экономического направления, истории детства и региональных исследований. Четвертый − современный период отличается расширением проблематики по таким направлениям, как опыт региональных исследований и разработка новых методологических подходов. Целостного исследования становления дошкольных учреждений Западной Сибири, объединяющего нормативно-правовое регулирование, управленческие структуры, материально-бытовые условия и кадровое обеспечение, до настоящего времени не проводилось. Наименее изученными остаются динамика численности дошкольной сети, региональная специфика, подготовка кадров, сельская дошкольная сеть и медицинское обслуживание детей. Это определяет перспективы дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: историография, дошкольные учреждения, Западная Сибирь, 1920−1930-е гг., детские сады, дошкольное воспитание.

Статья поступила в редакцию 02.10.2026 г.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим интересом к истории дошкольного воспитания в России и в частности в Сибири в последние десятилетия. Несмотря на это, в научно-историческом плане проблема становления системы дошкольных учреждений представляется недостаточно исследованной. Основными показателями, характеризующими развитие этой системы, являются динамика численности дошкольных учреждений, их типология, источники финансирования, кадровое обеспечение и организация воспитательного процесса. Изучение перечисленных аспектов на региональном уровне представляет значительный научный интерес. Значимость темы подтверждается на современном этапе в рамках государственной политики. 2026 год был объявлен Министерством просвещения Российской Федерации Годом дошкольного воспитания[1]. Следовательно, необходимо уделить большее внимание историографии становления дошкольных учреждений Западной Сибири в 1920−1930-е гг.

Цель статьи − выявить характер и степень изученности процесса становления системы дошкольных учреждений Западной Сибири в 1920−1930-е гг.

В рамках первого периода историографии (1920−1930-е гг.) можно выделить несколько проблемных направлений, которые можно условно разделить на несколько групп.

Первая группа работ обобщает теоретические основы дошкольного воспитания на раннем этапе (1917 − первая половина 1920-х гг.). К ним относятся труды П.Ф. Каптерева[2], П.П. Блонского[3], Е.И. Тихеевой[4], С.Т. Шацкого[5]. Авторы сходились в том, что до Октябрь-

[1] Распоряжение Министерства Просвещения Российской Федерации от 31.12.2025 № 330 «Об объявлении 2026 года в системе образования Годом дошкольного образования».
[2] *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. СПб., 2004.
[3] *Блонский П.П.* Избранные педагогические и психологические сочинения. М., 1979. Т. 1.
[4] Современный детский сад, его значение и оборудование / сост. М.Л. Морозова, Е.И. Тихеева и др. СПб., 1920; *Тихеева Е.И.* Организация детского сада и детского дома М., 1923.
[5] *Шацкий С.Т.* Педагогические сочинения. М., 1964.

ской революции дошкольные учреждения оставались скорее педагогическим экспериментом, чем распространенным явлением. Изменение социальной политики после Октября 1917 г. кардинально поменяло отношение к ребенку, поскольку впервые он стал объектом государственной политики. Вторая группа исследований дает марксистское обоснование дошкольного воспитания. С середины 1920-х гг. появляются работы, в которых задачи детских садов рассматриваются в условиях строительства социалистического общества. В трудах Н.К. Крупской[6], А.В. Луначарского[7], Д.А. Лазуркиной[8] обоснование дошкольного воспитания велось с марксистско-ленинских позиций, детский сад рассматривался как инструмент коммунистического воспитания, а задачей авторов была разработка принципов советской дошкольной педагогики в противовес буржуазным теориям. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. произошел переход от дискуссий о необходимости дошкольного воспитания к разработке первых рекомендаций для массовых детских садов. Третью группу составляют труды, посвященные одной из главных целей создания дошкольных учреждений − раскрепощению женщины. Идеи получила развитие в работах А.М. Коллонтай, где материнство признается общественным делом, требующим государственной поддержки, включая создание сети дошкольных учреждений[9]. В дальнейшем эти подходы были конкретизированы А.И. Антоновым[10], Ф.С. Гинзбургом[11], З.О. Мичником[12]. Данные установки послужили теоретической основой для последующих исследований и практическим ориентиром для воспитателей и руководителей дошкольных учреждений.

Наряду с центральными исследованиями в этот период появляются работы, посвященные истории дошкольных учреждений в Сибири. Н.С. Юрцовский[13] в очерках по истории образования в Сибири приводит факты, подтверждающие политическую направленность организации дошкольных учреждений. Начиная с 1930-х гг. появляются работы, посвященные задачам детских садов по воспитанию будущих строителей социализма и коммунизма, а также подготовке профессиональных кадров. К их числу относится исследование Л.И. Красногорской, освещавшее основные вопросы педагогики с середины 1930-х гг.[14] Вопрос о создании сельских дошкольных учреждений не утратил актуальности: работы О.Д. Соколовой-Пономаревой[15], С.И. Кошкиной[16], Н.В. Мананниковой[17] акцентируют внимание на организации питания детей в колхозных учреждениях и санитарно-гигиенической обстановке сельских яслей. Анализ как самостоятельный метод на данном этапе почти не применялся, авторы либо обобщали практический опыт, либо формулировали программные установки. Научные школы как таковые в этот период также еще не сложились, исследования велись отдельными авторами, работавшими в разных ведомствах. Преемственность прослеживается лишь в рамках марксистской педагогики, где идеи Н.К. Крупской развива-

[6] *Крупская Н.К.* Охрана детства // Правда. 1926. № 55. С. 1; *Крупская Н.К.* К вопросу об общественно-необходимых работах школы // Детское движение и школа. 1928. С. 41−42; Организация народного образования в СССР / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова. П.И. Куликова. М., 1958. Т. 3.

[7] *Луначарский А.В.* Основы просветительской политики Советской власти. М., 1925.

[8] *Лазуркина Д.А.* К вопросу об организации курсов по дошкольному воспитанию // Народное просвещение. 1919. № 11−38.

[9] *Коллонтай А.* Первые шаги по охране материнства // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1927. № 6. С. 15−20.

[10] *Антонов А.Н.* Охрана младенчества в деревне // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1923. Т. II, № 12. С. 198−206.

[11] *Гинзбург Б.С.* Охрана материнства и младенчества на транспорте РСФСР // Вестник современной медицины. 1926. № 9. С. 28−29.

[12] *Мичник З.О.* Охрана материнства и младенчества и режим экономии // Ленинградский медицинский журнал. 1927. № 4. С. 52−58.

[13] *Юрцовский Н.С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923.

[14] *Красногорская Л.И.* Очерки развития дошкольного воспитания. М., 1938.

[15] *Соколова-Пономарева О.Д.* Детские ясли в колхозах. Омск, 1937.

[16] *Кошкина С.И.* Организация охраны материнства и младенчества в колхозах Восточносибирского края. Иркутск, 1936.

[17] *Мананникова Н.В.* Как организовать ясли в колхозе. М., 1933.

лись ее последователями. Проблематика работ определялась задачами текущей политики, когда нужно было обосновать новую систему, разработать программы и подготовить кадры.

Второй период историографии охватывает 1940−1980-е гг. и условно может быть разделен на два подэтапа: 1940−1950 и 1960−1980-е гг. В 1940−1950-е гг. вопросы организации работы массовой сети дошкольных учреждений и медицинского обслуживания детей рассмотрены в работах А.И. Зориной-Тарасовой[18], Е.И. Волковой[19], Е.Т. Смирновой[20], Е.С. Красницкой[21]. Особенности работ данной подгруппы состоят в том, что, во-первых, теоретические изыскания предыдущего десятилетия уступают место решениям организационных задач. Во-вторых, авторы систематизируют передовой опыт работы предыдущего поколения дошкольных учреждений, оформляя его в виде конкретных руководств. В-третьих, значительное внимание уделяется санитарному состоянию и медицинскому обслуживанию детей в дошкольных учреждениях.

В 1960−1980-е гг. вопросы регионального развития дошкольных учреждений, кадрового обеспечения и переосмысления «женского опыта» рассмотрены в работах К.Е. Климанской[22], Л.И. Савиновой[23], О.А. Ворониной[24], Е.А. Гребенщиковой[25]. Характерным отличием работ данной подгруппы является то, что рост рождаемости и потребности в квалифицированных кадрах стимулировали расширение исследовательского поля, появились новые учебники по дошкольной педагогике с разделами по истории дошкольного образования в СССР. Наряду с работами обобщающего характера появляются исследования, основанные на региональном материале, например работа К.Д. Циванюк[26], посвященная дошкольной системе в г. Красноярске, что свидетельствует о начале системного изучения дошкольных учреждений в Сибири. Также происходит критическое переосмысление советской модели «раскрепощения» женщины, которая начинает рассматриваться как противоречивый процесс, а система детских садов − как инструмент мобилизации женского труда в государственных интересах. Во втором периоде доминировал историко-педагогический подход, дошкольные учреждения изучались преимущественно как объект педагогики, а не как социальный институт, к 1960−1980-м гг. появляются элементы проблемного анализа. Источниковая основа расширяется за счет архивных документов, отчетов работы первых детских садов, что позволило ввести в оборот значительный материал, однако идеологические рамки ограничивали его интерпретацию.

Третий этап историографии, охватывающий конец XX − начало XXI в., характеризуется развитием в нескольких направлениях.

Первая подгруппа связана с социально-экономическим направлением, в число которых входят работы В.И. Исаева[27]. В его исследованиях дошкольные учреждения анализируются в контексте индустриализации и вовлечения женщин в производство, подчеркивается значение детских садов для обеспечения независимости женщин и изменения характера семейных отношений, среди причин открытия дошкольных учреждений выделяется высокий уровень детской смертности.

[18] *Зорина-Тарасова А.И.* Участок детского сада: сборник. М., 1947.
[19] *Волкова Е.И.* Дошкольное воспитание в годы сталинских пятилетних планов 1926−1951 гг. М., 1951.
[20] *Смирнова Е.Т.* Гигиеническое значение неутепленных веранд в детских учреждениях // Гигиена и санитария. 1958. № 3. С. 53−63.
[21] *Красницкая Е.С.* Детские пищевые отравления в РСФСР за 1956 г. // Гигиена и санитария. 1958. № 3. С. 49−52.
[22] *Климанская К.Е.* Женщины Сибири в социалистическом строительстве. Томск, 1976.
[23] *Савинова Л.И.* Женщины в советском обществе. М., 1979.
[24] *Воронина О.А.* Женщина в «мужском» обществе // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 104−110.
[25] *Гребенщикова Е.А.* История дошкольной педагогики в России. М., 1987.
[26] *Циванюк К.Д.* Развитие дошкольного воспитания в г. Красноярске за 50 лет // Народное образование в Красноярском крае за годы Советской власти. Красноярск, 1970. С. 171−174.
[27] *Исаев В.И.* Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации (вторая половина 1920-х − 1930-е гг.). Новосибирск, 1996.

Вторая подгруппа связана с формированием нового исследовательского поля истории детства. В работах И.С. Кона и В.Г. Безрогова важными являются идеи о влиянии институтов социализации на жизненный мир и поведенческие практики детей[28].

Третья подгруппа объединяет исследования, выполненные на региональном материале. О.Г. Чечулина охарактеризовала влияние уровня квалификации кадров на развитие дошкольного образования в Сибири[29]. Н.В. Рябинина рассмотрела социальную политику Советской России 1917−1920-х гг., включая реформирование семьи и быта, женскую эмансипацию и защиту материнства и детства[30]. И.В. Орлова на материале двух губерний Восточной Сибири проанализировала комплекс социальных мероприятий государства, что позволило сравнить формы и результаты социальной политики в разных частях Сибири[31]. На данном этапе в историографии сложились предпосылки для комплексного изучения становления дошкольных учреждений Западной Сибири. Был накоплен опыт региональных исследований, разработаны новые методологические подходы, а также переосмыслен «женский вопрос». Наряду с социально-экономическим анализом формируется история детства, антропология профессии, локальная история, что значительно расширило проблемное поле и дало возможность перейти от изучения политики к реконструкции повседневных практик.

На четвертом − современном этапе историографии намечено несколько самостоятельных направлений. Первое связано с историей детства, в рамках которой детские сады рассматриваются как один из институтов социализации и формирования повседневности советского ребенка. В работах Т.М. Смирновой проанализирована практика работы дошкольных учреждений центральной части России в первые десятилетия советской власти, выявлены условия их финансирования[32]. Исследования Ю.Г. Саловой позволяют взглянуть на воспитание и обучение детей в 1920-е гг. через призму концепции формирования «нового человека»[33].

Второе направление представлено региональными исследованиями, сосредоточенными на процессе становления дошкольных учреждений на отдельных территориях. Исследование Е.Н. Афанасовой позволяет рассмотреть становление дошкольных учреждений в Восточной Сибири в контексте государственной политики охраны материнства и детства, включая медикализацию, подготовку кадров и создание новой модели материнства[34]. В диссертационном исследовании Т.А. Мартынчук охарактеризована государственная политика по развитию дошкольных учреждений в Коми АССР в 1918−1945 гг.[35] Диссертация М.В. Васехи посвящена функционированию органов охраны материнства и младенчества и конструированию матерей «нового типа», что позволяет проследить, как на юге Западной Сибири реализовывалась политика по созданию учреждений, призванных «раскрепостить» крестьянку[36].

Третье направление связано с изучением подготовки дошкольных работников. З.У. Колокольникова указывает на слабую кадровую обеспеченность дошкольных учреждений в 1920-е гг. в Приенисейской Сибири и отмечает положительную динамику к концу

[28] *Безрогов В.Г.* Мир детства как мир памяти. М., 2008. С. 112−124; *Кон И.С.* Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2, № 2. С. 151−174.

[29] *Чечулина О.Г.* Система повышения квалификации как фактор становления и развития дошкольного воспитания в Западной Сибири (1917−1940 гг.): автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2007.

[30] *Рябинина Н.В.* Социальная политика Советской России (октябрь 1917−1920-е гг.): женщина, семья и дети в новом обществе. Ярославль, 2004.

[31] *Орлова И.В.* Реализация социальной политики Советского государства в годы нэпа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний): дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2007.

[32] *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917−1940 гг. М., 2015;

[33] *Салова Ю.Г.* Семейное и общественное воспитание детей дошкольного возраста в Советской России в 1920-е гг. // «Гуляй там, где все»: история советского детства: опыт и перспективы исследования. М., 2012. С. 121−135.

[34] *Афанасова Е.Н.* Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920−1930-е гг. по материалам Восточной Сибири: дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020.

[35] *Мартынчук Т.А.* Реализация государственной политики по формированию и развитию системы дошкольного воспитания в Коми АССР в 1918−1945 гг.: дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2022.

[36] *Васеха М.В.* Русская крестьянка в семье и общественной жизни (по материалам юга Западной Сибири): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2018.

десятилетия, связывая ее с появлением курсов и дошкольных отделений при педагогических техникумах[37]. В работах Е.В. Намсинк, Ж.Н. Тельнова, М.В. Мякишева, В.Л. Малашенкова[38] и С.А. Пономарева[39] дана характеристика подготовки педагогов дошкольного образования в Западной Сибири и раскрыты особенности обучения дошкольных работников в 1930−1940-е гг. Таким образом, на современном этапе историография дошкольных учреждений характеризуется расширением проблематики и формированием самостоятельных направлений, посвященных советскому детству и дошкольным учреждениям. Накоплен опыт региональных исследований, разработаны новые методологические подходы, переосмыслен «женский вопрос», что создает предпосылки для целостного изучения становления дошкольных учреждений Западной Сибири в 1920−1930-е гг.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Достигнутым результатом историографии является накопление значительного эмпирического материала по отдельным аспектам − государственной политике, подготовке кадров, «женскому вопросу» и региональной специфике. Разработаны новые методологические подходы, включая историю детства, социальную историю и антропологию профессии. Переосмыслен «женский вопрос», в рамках которого раскрепощение женщины рассматривается как противоречивый процесс, а не как однозначное достижение. Вместе с тем сохраняются существенные пробелы, кним относятся: динамика численности дошкольной сети на региональном уровне, санитарно-гигиеническое состояние учреждений и уровень медицинского обслуживания, повседневные практики функционирования детских садов, а также реальный уровень квалификации, мотивации и условий труда работников на региональном уровне. Отдельного внимания требует сравнительный анализ сибирского опыта с другими регионами, что является дальнейшей перспективой работы.

Литература

Афанасова Е.Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920−1930-е гг. по материалам Восточной Сибири: дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. 561 с.

Безрогов В.Г. Мир детства как мир памяти / сост. И.В. Баканова, Н.Ю. Каменецкая, Н.Н. Фомина. М.: РГГУ, 2008. С. 112−124.

Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. М., 1979. Т. 1. 399 с.

Васеха М.В. Русская крестьянка в семье и общественной жизни (по материалам юга Западной Сибири): дис.… канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 245 с.

Исаев В.И. Коммуна или коммуналка? Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации (вторая половина 1920-х − 1930-е гг.). Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1996. 169 с.

Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004. 559 с.

Колокольникова З.У. Учреждения дошкольного воспитания в Сибири начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 116. С. 28−36.

Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2, № 2. С. 151−174.

Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 11 т. М.: Академия педагогических наук, 1979. Т. 2. 922 с.

[37] *Колокольникова З.У.* Учреждения дошкольного воспитания в Сибири начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 116. С. 28−36.

[38] *Намсинк Е.В., Тельнова Ж.Н., Мякишева М.В., Малашенкова В.Л.* Подготовка педагога дошкольного образования в Омском регионе в исторической ретроспективе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2022. № 3. С. 150−160.

[39] *Пономарев С.А.* Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930−1941 гг.: дис. … канд. пед. наук. М., 2018.

Мартынчук Т.А. Реализация государственной политики по формированию и развитию системы дошкольного воспитания в Коми АССР в 1918−1945 гг.: дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2022. 224 с.

Намсинк Е.В., Тельнова Ж.Н., Мякишева М.В., Малашенкова В.Л. Подготовка педагога дошкольного образования в Омском регионе в исторической ретроспективе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2022. № 3. С. 150−160.

Орлова И.В. Реализация социальной политики Советского государства в годы НЭПа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний): дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 283 с.

Пономарев С.А. Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930−1941 гг.: дис. … канд. пед. наук. М., 2018. 261 с.

Рябинина Н.В. Социальная политика Советской России (октябрь 1917 − 1920-е годы). Женщина, семья и дети в новом обществе: учеб. пособие. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2004. 100 с.

Салова Ю.Г. Семейное и общественное воспитание детей дошкольного возраста в Советской России в 1920−е гг. // «Гуляй там, где все». История советского детства: опыт и перспективы исследования. М., 2012. С. 121−135.

Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917−1940 гг. М., 2015. 384 с.

Циванюк К.Д. Развитие дошкольного воспитания в г. Красноярске за 50 лет // Народное образование в Красноярском крае за годы Советской власти. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 1970. С. 171−174.

Чечулина О.Г. Система повышения квалификации как фактор становления и развития дошкольного воспитания в Западной Сибири (1917−1940 гг.): автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2007. 21 с.

Шацкий С.Т. Педагогические сочинения. М.: Академия пед. наук РСФСР, 1964. 492 с.

References

Afanasova, E.N. (2020). *Realizatsiya sotsialnoy politiki Sovetskogo gosudarstva v oblasti okhrany materinstva i detstva v 1920−1930-e gg. Po materialam Vostochnoy Sibiri* [Implementation of the Social Policy of the Soviet State in the Field of Protection of Motherhood and Childhood in the 1920s−1930s: Based on Materials from Eastern Siberia], Dr. hist. sci. diss. Ulan-Ude. 561 p.

Bezrogov, V.G. (2008). *Mir detstva kak mir pamyati* [The World of Childhood as a World of Memory]. Moscow, RGGU, pp. 112−124.

Blonskiy, P.P. (1979). *Izbrannye pedagogicheskie i psikhologicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical and Psychological Works]. Moscow. Vol. 1. 399 p.

Chechulina, O.G. (2007). *Sistema povysheniya kvalifikatsii kak faktor stanovleniya i razvitiya doshkolnogo vospitaniya v Zapadnoy Sibiri (1917−1940 gg.)* [The System of Advanced Training as a Factor in the Formation and Development of Preschool Education in Western Siberia (1917−1940)], Cand. ped. sci. diss. abstract. Moscow. 21 p.

Isaev, V.I. (1996). *Kommuna ili kommunalka? Izmeneniya byta rabochikh Sibiri v gody industrializatsii (vtoraya polovina 1920-kh − 1930-e gg.)* [Commune or Communal Apartment? Changes in the Everyday Life of Siberian Workers during the Years of Industrialization (The Second Half of the 1920s – 1930s)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaya izdatelskaya firma. 169 p.

Kapterev, P.F. (2004). *Istoriya russkoy pedagogiki* [History of Russian Pedagogy]. St. Petersburg, Aleteyya. 559 p.

Kolokolnikova, Z.U. (2009). Uchrezhdeniya doshkolnogo vospitaniya v Sibiri nachala XX veka [Preschool Education Institutions in Siberia at the Beginning of the 20th Century]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena.* No. 116, pp. 28−36.

Kon, I.S. (2004). Detstvo kak sotsial’nyy fenomen [Childhood as a Social Phenomenon]. In *Zhurnal issledovaniy sotsial’noy politiki.* Vol. 2, No. 2, pp. 151−174.

Krupskaya, N.K. (1979). *Pedagogicheskie sochineniya: v 11 t. T. 2* [Pedagogical Works: in 11 vols.]. Moscow, Akademiya pedagogicheskikh nauk. Vol. 2. 922 p.

Martynchuk, T.A. (2022). *Realizatsiya gosudarstvennoy politiki po formirovaniyu i razvitiyu sistemy doshkolnogo vospitaniya v Komi ASSR v 1918−1945 gg.* [Implementation of State Policy on the Formation and Development of the Preschool Education System in the Komi ASSR in 1918−1945], Cand. hist. sci. diss. Saratov. 224 p.

Namsink, E.V., Telnova, Zh.N., Myakisheva, M.V., Malashenkova, V.L. (2022). Podgotovka pedagoga doshkolnogo obrazovaniya v Omskom regione v istoricheskoy retrospektive [Training of Preschool Teachers in the Omsk Region in Historical Retrospect]. In *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya.* No. 3, pp. 150−160.

Orlova, I.V. (2007). *Realizatsiya sotsialnoy politiki Sovetskogo gosudarstva v gody NEPa (na materialakh Eniseyskoy i Irkutskoy guberniy)* [Implementation of the Social Policy of the Soviet State during the NEP (Based on Materials from the Yenisei and Irkutsk Provinces)], Cand. hist. sci. diss. Irkutsk. 283 p.

Ponomarev, S.A. (2018). *Razvitie pedagogicheskogo obrazovaniya v Zapadnoy Sibiri v 1930−1941 gg.* [Development of Pedagogical Education in Western Siberia in 1930−1941], Cand. ped. sci. diss. Moscow. 261 p.

Ryabinina, N.V. (2004). *Sotsial'naya politika Sovetskoy Rossii (oktyabr' 1917 − 1920-e gody). Zhenshchina, sem'ya i deti v novom obshchestve: uchebnoe posobie* [Social Policy in Soviet Russia (October 1917–1920s): Women, Family, and Children in the New Society: A Study Guide]. Yaroslavl, Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet. 100 p.

Salova, Yu.G. (2012). Semeynoe i obshchestvennoe vospitanie detey doshkolnogo vozrasta v Sovetskoy Rossii v 1920-e gg. [Family and Public Education of Preschool Children in Soviet Russia in the 1920s]. In *"Gulyay tam, gde vse". Istoriya sovetskogo detstva: opyt i perspektivy issledovaniya*. Moscow, pp. 121−135.

Shatsky, S.T. (1964). *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical Works]. Moscow, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR. 492 p.

Smirnova, T.M. (2015). *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917−1940 gg.* [Children of the Land of Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917−1940]. Moscow. 384 p.

Tsivanyuk, K.D. (1970). Razvitie doshkolnogo vospitaniya v g. Krasnoyarske za 50 let [Development of Preschool Education in Krasnoyarsk over 50 Years]. In *Narodnoe obrazovanie v Krasnoyarskom krae za gody Sovetskoy vlasti*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, pp. 171−174.

Vasekha, M.V. (2018). *Russkaya krestyanka v sem'e i obshchestvennoy zhizni (po materialam yuga Zapadnoy Sibiri)* [Russian Peasant Woman in Family and Public Life (Based on Materials from the South of Western Siberia)], Cand. hist. sci. diss. Novosibirsk. 245 p.

А.И. Ажигулова*

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР АБОРТНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920–1930-Е ГОДЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-12
УДК 314.335:34(470)"192/193"(091)

Выходные данные для цитирования:
Ажигулова А.И. Историографический обзор абортной политики Советского государства в 1920–1930-е годы // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 129–136. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-12.pdf

A.I. Azhigulova*

A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE ABORTION POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE 1920 YEARS AND 1930 YEARS**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-12

How to cite:
Azhigulova A.I. A Historiographical Review of the Abortion Policy of the Soviet State in the 1920 Years and 1930 years // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 129–136. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-12.pdf]

Abstract. The history of Soviet abortion policy in the 1920s–1930s has been actively studied by researchers. After the legalization of abortion in the Soviet state, for the first time in the world in 1920, a heated discussion of this measure began, with both positive and negative aspects being considered. The issues of morality, fertility, and the accessibility of the procedure were widely discussed. The scientific study of Soviet abortion policy in the 1920s is characterized by the free discussion of a number of problems, consequences, and demographic mechanisms due to access to demographic sources, which made it possible to compile a socio-demographic portrait of the woman undergoing an abortion and to identify the social causes of abortion. In 1936, abortions were banned in the country, and part of the demographic data was classified. The 1936 decree prohibiting abortions was widely discussed in newspapers and magazines. Subsequent scientific study of abortion policy took place during the “thaw” period, when abortions were legalized again. This stage in the historiography of abortion and abortion policy, from the 1920s to the second half of the 1980s, is characterized by the dominance of the “obstacles” concept. Despite changes in state policy regarding abortion, researchers generally believed that the problem of abortion was temporary and that it could be reduced through improvements to the healthcare system, raising the population’s material standard of living, and so on. At the end of the 20th century, access to a number of previously classified demographic data became public, which allowed researchers to more fully assess abortion policy in the 1920s–1930s. The period from the second half of the 1980s to the beginning of the 21st century is the modern stage of scientific research, characterized by a diversity of views on the issue. Most often, researchers emphasize the negative consequences of prohibitive policies for society, which have affected birth rates, women’s health, and statistics. Abortion and abortion policy are examined within the framework of general, закономерные demographic changes (the demographic transition, the contraceptive revolution, etc.). At the present stage, the study of Soviet abortion policy is being continued by a number of historians, sociologists, doctors, and legal scholars, which underscores the significance of the issue.

* **Альбина Исламовна Ажигулова,** кандидат исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, e-mail: azhigylova@mail.ru
Albina Islamovna Azhigulova, Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, e-mail: azhigylova@mail.ru

** В честь юбилея выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора Владимира Анатольевича Исупова, ведущего исследователя в области исторической демографии.
In honor of the anniversary of the outstanding scholar Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Anatolyevich Isupov, a leading researcher in the field of historical demography.

Keywords: historiography, scientific direction, abortion policy, the Soviet state.

The article has been received by the editor on 30.06.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. История советской абортной политики 1920−1930-х гг. активно изучалась исследователями. После легализации абортов в Советском государстве впервые в мире в 1920 г. началось бурное обсуждение данной меры как с положительной, так и отрицательной стороны. Много обсуждался вопрос нравственности, рождаемости, доступности операции. Научное изучение советской абортной политики в 1920-е гг. характеризуется свободным обсуждением ряда проблем, последствий, демографических механизмов в силу доступа к демографическим источникам, что дало возможность составить социально-демографический портрет абортируемой женщины, выявить социальные причины аборта. В 1936 г. аборты в стране были запрещены, часть демографических сведений оказалась закрыта. Постановление 1936 г., запрещающее аборты, широко обсуждалось на страницах газет, журналов. Последующее научное изучение абортной политики пришлось на период «оттепели», когда аборты вновь стали легализованы. Этап историографии абортов и абортной политики с 1920-х гг. до второй половины 1980-х гг. характеризуется господством концепции «помех», когда, несмотря на изменение государственной политики в отношении абортов, среди исследователей преобладала идея о временности проблемы абортов и возможности их снижения путем улучшения системы здравоохранения, повышения материального уровня населения и т.д. В конце XX в. доступ к ряду ранее засекреченных демографических сведений стал открытым, что позволило исследователям более полно оценить абортную политику в 1920−1930-е гг. Этап второй половины 1980-х гг. – начала XXI в. – современный период научных исследований, характеризующийся многообразием взглядов на проблему. Чаще всего исследователи подчеркивают негативные последствия запрещающей политики для общества, которые отразились на рождаемости, женском организме, статистике. Аборты и абортная политика рассматриваются в русле общих закономерных демографических изменений (демографического перехода, контрацептивной революции и т.д.). На современном этапе изучение советской абортной политики продолжается рядом историков, социологов, врачей, правоведов, что подчеркивает значимость проблемы.

Ключевые слова: историография, научное направление, абортная политика, Советское государство.

Статья поступила в редакцию 30.06.2026 г.

Проблемы современной демографической ситуации в России во многом являются последствием предыдущих лет, сопровождавшихся демографическими катастрофами (революции, войны, голод). Анализ научной литературы разных исторических периодов позволит глубже оценить сложные механизмы демографической политики. Советская демографическая политика в 1920−1930-е гг. является объектом обсуждения ряда исследователей разного периода. Это объясняется интересом к целям, этапам, механизмам демографической политики, некоторые из которых применялись впервые. Одним из спорных направлений советской демографической политики является абортная политика.

Цель данной статьи − историографический и источниковедческий (опубликованных источников) обзор исследований абортной политики 1920−1930-х гг., выявление ведущих научных направлений, характеристика ключевых исследовательских трудов.

Исследователем были применены общенаучные методы описания, сравнения, анализа, а также специальные исторические методы − историко-хронологический, историко-сравнительный, позволившие провести исследование последовательно и в сопоставлении общих характеристик.

Аборт − это преждевременное прерывание беременности искусственным путем или самопроизвольно в первые 28 недель[1]. В 1920 г. вышло Постановление комиссариатов юстиции и здравоохранения о легализации аборта, согласно которому допускалось бесплатное и свободное производство аборта в больнице и только врачом, в остальных случаях предусматривалось наказание. Впервые аборт был легализован в нашей стране, однако средства контрацепции не получили широкого распространения. За рубежом, напротив, аборт был запрещен, зато средства контрацепции были доступны, и это направление широко исследовалось.

Научную литературу 1920-х гг. отличает наличие подробных социологических исследований, медицинских отчетов, статистических сведений. Целый ряд демографической информации был доступен, что позволяло рассматривать проблему аборта с позиции социальной, медицинской, оценивать аборт в деревне и городе, возрастные и социальные характеристики абортируемых женщин. Большая часть исследователей поддерживала легализацию аборта как возможность избежать тяжелых последствий для здоровья женщины. В 1920-х гг. исследователи подчеркивали, что с момента легализации аборта в адрес Наркомздрава поступило много обвинений, в том числе из-за границы. Одним из аспектов обвинения указывается падение нравственности, но специальное исследование показало, что частой причиной аборта выступают необеспеченность и многодетность[2].

В качестве источников по рассматриваемой проблеме был доступен ряд сведений, публиковавшихся в статистических сборниках, а также научные исследования, проводившиеся многими специалистами. В 1924 г. вводятся учетные карточки для женщин, получивших разрешение на полный и неполный аборт, начатый вне лечебного учреждения. В результате обработки полученного материала в 1927 г. выходят комплексные труды ЦСУ (справочники), содержащие анализ социально-демографической характеристики абортируемых женщин, причины аборта, чаще всего экономические. После легализации абортов доля операций, выполненных незаконно, стала снижаться. Справочники включают исследования врачей, демографов, правоведов[3].

В 1928 г. выходит Большая медицинская энциклопедия под редакцией Н.А. Семашко[4], стоявшего у истоков легализации абортов в Советской России. В первом томе достаточно подробно описан аборт как социальное, медицинское явление и аборт в судебно-медицинском отношении, обращается внимание на статистику абортов в других странах, причины аборта связываются с ростом производства и занятостью в нем женщины, связь финансовой независимости с личной[5].

Во второй половине 1930-х гг. выходят статистические сборники «Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР»[6], где даются подробные таблицы по оснащенности здравоохранительными учреждениями, специальными медицинскими кадрами, в том числе доступность процедуры аборта и наличие абортных коек.

Так формируется источниковая основа по проблеме абортов, позволившая в последующие годы провести научные исследования данной информации. Многие абортируемые женщины указывали в качестве причины аборта материальные трудности, что стало одной из причин зарождения концепции «помех», господствовавшей вплоть до второй половины XX в. Согласно данной идее аборт – явление временное, а с улучшением системы здраво-

[1] Большая медицинская энциклопедия. М., 1928. Т. 1. С. 40.
[2] *Генс А.Б.* Аборт в деревне. М., 1926. С. 2−7.
[3] Аборты в 1925 году. М., 1927; Аборты в 1926 году. М., 1929.
[4] Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Н.А. Семашко. М., 1928−1936.
[5] Большая медицинская энциклопедия. М., 1928. Т. 1. С. 43.
[6] Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР: стат. сб. М., 1936. 221 с.; Здоровье и здравоохранение трудящихся СССР: стат. сб. 2-е изд. М., 1937.

охранения, ростом материального положения населения рождаемость повысится, а аборты исчезнут[7]. В сетях концепции «помех» оказались как политики, так и многие специалисты[8].

Исследованием проблем, причин, последствий аборта в 1920-е гг. много занимался А.Б. Генс, автор трудов «Аборт в РСФСР»[9], «Аборт в деревне»[10], «Проблема аборта в СССР»[11] и др.[12] Эти исследования отличает подробный анализ статистических сведений, которые собирались абортными комиссиями. А.Б. Генс сравнивает положение женщин в СССР и других странах, дает оценку политике запрета аборта за рубежом, подчеркивает, что проблема контроля деторождения во многом связана с развитием производства и трудностью совмещения профессиональной деятельности и материнства[13]. Констатируя факт роста числа абортов (рис. 1)[14], А.Б. Генс подчеркивает, что эта динамика была закономерна и связана с выходом абортов из подполья.

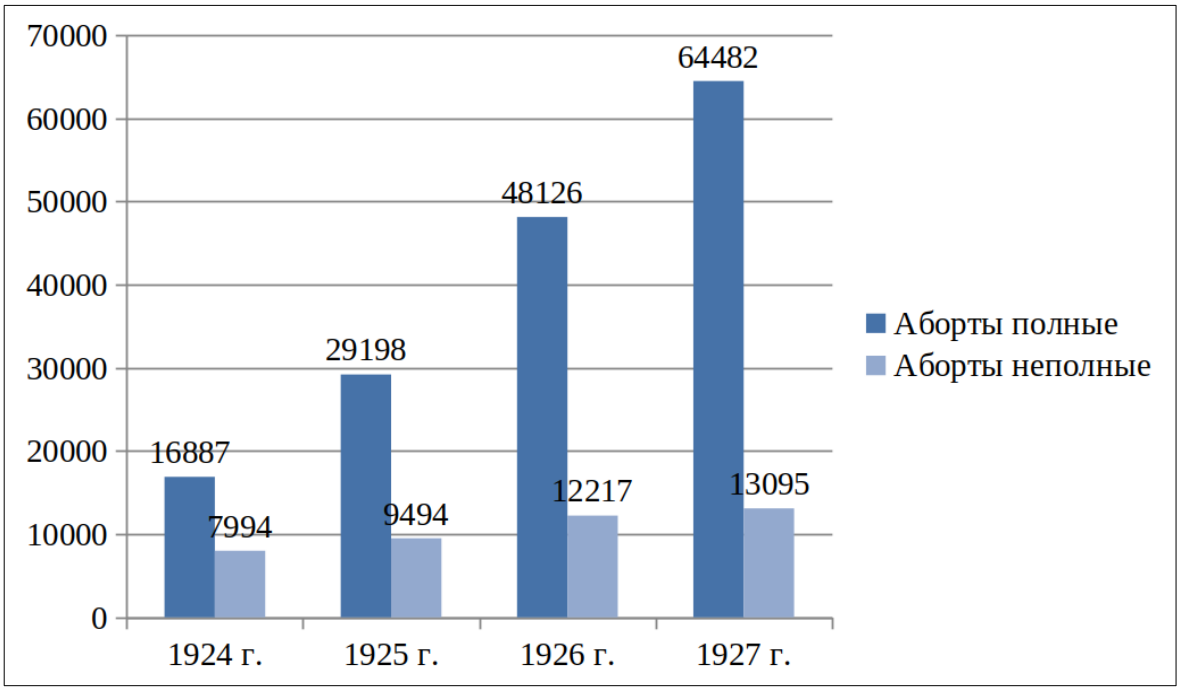

Рис. 1. Динамика полных и неполных абортов по некоторым губернским городам в 1920-е годы (Города: Астрахань, Вятка, Иваново-Вознесенск, Кострома, Пенза, Рязань, Самара, Смоленск, Сталинград, Тверь, Ярославль, Симферополь, Казань, Москва)

Подробно рассматривали аборты М.Н. Гернет[15], В.В. Паевский[16], на региональном уровне – А.И. Баландин, Е.А. Абрамович[17], П.И. Кордобовский[18] и др. Все эти труды отличает опора на подробный статистический материал, выявление социальных причин аборта,

[7] *Авдеев А.А.* Аборты и рождаемость // Социологическое исследование. 1989. № 3. С. 57.
[8] *Вишневский А., Денисов Б., Сакевич В.* Контрацептивная революция в России // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 1. С. 14.
[9] *Генс А.Б.* Аборт в РСФСР // Доклад на Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества (1−8 декабря 1925 г.). М., 1926.
[10] *Генс А.Б.* Аборт в деревне…
[11] *Генс А.Б.* Проблема аборта в СССР. М., 1929.
[12] *Генс А.Б.* Аборт − социальное зло // Медицина. 1926. № 7. С. 10−11; *Генс А.Б.* По вопросу об абортах в Москве в 1925 году // Вестник общественной медицины. 1926. № 10. С. 19−21.
[13] *Генс А.Б.* Проблема аборта в СССР… С. 13.
[14] Составлено по: *Генс А.Б.* Проблема аборта в СССР… С. 22.
[15] *Гернет М.Н.* К статистике абортов // Статистическое обозрение. 1927. № 3. С. 66−69; *Гернет М.Н.* Повторные и многократные аборты // Статистическое обозрение. 1928. № 12. С. 110−115.
[16] *Паевский В.В.* Аборты в Ленинграде // Бюллетень Ленинградского губернского отдела статистики. 1924. № 11. С. 89−91; *Паевский В.В.* Аборты в Ленинграде // Бюллетень Ленинградского губернского отдела статистики. 1925. № 13. С. 208−210; *Паевский В.В.* Аборты в Ленинграде // Бюллетень Ленинградского губернского отдела статистики. 1925. № 14. С. 133−136.
[17] *Баландин А.И., Абрамович Е.А.* Аборты в гор. Новосибирске за 1927−1928 г. // Сибирский медицинский журнал. 1929. № 8−9. С. 63−77.
[18] *Кордобовский П.И.* Аборты в Луганске в 1927 г. // Профилактическая медицина. 1928. № 5. С. 43−45.

обращение внимания к доступности операции, обращается внимание на вредность искусственного аборта и его последствий для женского организма[19].

К концу 1920-х – началу 1930-х гг. процедура получения разрешения на операцию аборта через абортную комиссию усложняется. Появляется ряд трудов, освещающих проблему контрацепции, например труды А.П. Губарева[20], З.О. Мичник[21], К.П. Петрова[22], М.Ф. Леви[23] и др. Однако развитие контрацепции как альтернативы аборту не получило широкого распространения в стране. Изменения, связанные с закономерными демографическими процессами, именуемыми на современном этапе как демографический переход, сопровождавшийся, в том числе, снижением рождаемости, были заметны, но основным методом регулирования деторождения длительное время оставался аборт, в то время как в других странах получила развитие контрацепция. Поэтому изменения в прокреативном поведении населения в первой половине XX в. сложно назвать контрацептивной революцией из-за присутствия аборта[24].

В 1936 г. принято постановление, запрещающее аборты[25], проект которого широко обсуждался на страницах периодической печати. Общество разделилось на поддерживающих и осуждающих запрет абортов, рассматривались сложности совмещения материнства и профессиональной деятельности, наличие яслей и детских садов, материальная поддержка беременных женщин и кормящих матерей[26]. Несмотря на видимость широкого обсуждения, вопрос принятия Постановления 1936 г. уже был решен сверху. В дальнейшем выходит целая череда статей, в которых авторы поднимают важные вопросы реализации Постановления 1936 г., в том числе с точки зрения правоприменительной практики[27], изменения алиментного права[28], в целом много статей, положительно оценивающих данное постановление[29]. С конца 1920-х гг. некоторые демографические сведения о населении закрываются, а со второй половины 1930-х гг. социологические исследования по проблемам аборта прекращаются. Это связано с демографической катастрофой (голод 1932−1933 гг.), настигшей страну в первой половине 1930-х гг. и приведшей к демографической яме, прерывистости демографического перехода, радикальной демографической политике.

В 1950-е гг. аборты вновь были легализованы, в научной литературе появляются труды, по рассматриваемой проблеме, но в целом научная тенденция мало изменилась, по-прежнему ряд исследователей делает акцент на социальных помехах, препятствующих отказу населения от аборта. Так, Е.А. Садвокасова, анализируя причины абортов, выделяет «безусловно устранимые», «условно устранимые», «неустранимые», «неясные»[30], к безусловно устрани-

[19] *Балашов А.Н.* О вреде искусственного аборта // Пензенский вестник здравоохранения. 1925. № 2−3. С. 60−69.
[20] *Губарев А.П.* Противозачаточные средства в современном научном освещении. Особенности, теоретические обоснования и клиническая оценка их применения. М., 1930.
[21] *Мичник З.О.* Как предупредить нежелательную беременность. Л., 1929.
[22] *Петров К.П.* Опыт массового предохранения // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1930. Т. X, № 1. С. 93−97.
[23] *Леви М.Ф.* Противозачаточные средства как мера борьбы с абортом. М., 1930.
[24] *Вишневский А., Денисов Б., Сакевич В.* Контрацептивная революция в России… С. 10.
[25] Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов».
[26] Трудящиеся обсуждают законопроект о запрещении абортов, о помощи роженицам, расширении сети родильных домов, яслей и т.п. // Правда. 1936. 8 июня.
[27] *Вышинский А.* О работе прокуратуры по борьбе за реализацию закона 1936 г. // Социалистическая законность. 1936. № 5. С. 107−108; *Тадевосян В.* Законопроект о запрещении абортов нуждается в поправках и дополнениях // Советская юстиция. 1936. № 17. С. 2−4; *Шавер Б.* Методика расследования преступных абортов // Социалистическая законность. 1937. № 8. С. 48−53.
[28] *Лисицын А.* К законопроекту о запрещении аборта, помощи женщине, алиментных взысканиях // Советская юстиция. 1936. № 17. С. 1−2; *Сольц А.* Аборт и алименты // Советская юстиция. 1936. № 17. С. 4−5.
[29] *Вайнштейн Н.Г.* Забота о женщине-матери и воспитании детей // Советское строительство. 1936. № 7. С. 38−47; *Лаврова-Соколова М.Л.* Это возможно только в стране Советов! // Вопросы материнства и младенчества. 1937. № 12. С. 3−11.
[30] *Садвокасова Е.А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 154.

мым причинам относятся материальная необеспеченность, недостаток жилой площади и т.д. Эта же идея наличия помех прослеживается у В.К. Кузнецова[31]. В целом большая часть демографических сведений все еще была недоступна для исследования, поэтому изучение было фрагментарным.

Современный этап исследования начался со второй половины 1980-х гг., когда доступ к ранее засекреченным архивным материалам становится открытым. В этот период А.А. Авдеев оценивает исследования абортной политики, причины абортов и делает акцент на концепции «помех», которая, с одной стороны, объясняла аборты среди населения, с другой − скрывала их истинные демографические причины[32]. Современные исследователи продолжают рассматривать проблему советской абортной политики в 1920−1930-е гг., в этих работах подчеркиваются, во-первых, негативные последствия запретительной абортной политики; во-вторых, отсутствие доступных альтернативных способов контроля деторождения; в-третьих, распространение абортов как часть естественных демографических изменений в рамках демографического перехода. В.А. Исупов, оценивая советскую демографическую политику 1930-х гг., характеризует период после принятия Постановления 1936 г. как «кратковременный шоковый эффект», рождаемость увеличилась, а далее начался процесс приспособления к запрету и рост подпольных абортов, что стало негативным последствием для женского организма[33]. О тяжелых последствиях политики запрета абортов пишет В. Сакевич, выделяя рост материнской смертности, детоубийств[34]. И.М. Мирошниченко и Е.В. Стяжкина обозначили советскую абортную политику как «законодательный зигзаг»[35], Б. Денисов и В. Сакевич характеризуют советскую демографическую политику как «блуждающую»[36]. Н.Ю. Пивоваров и Н.П. Шок обращают внимание на возникшую дискуссию в советском обществе перед принятием Постановления 1936 года, подчеркивают неоднозначность позиции граждан[37]. Н.А. Араловец и В.А. Исупов, анализируя в целом советскую абортную политику, выделяют ее этапы[38]. Н.В. Чернышева и А.И. Ажигулова, рассматривая абортную политику, дают анализ доли абортов, проведенных в период действия запрета, выделяют процент заболеваний, являющихся косвенным свидетельством аборта, начатого вне лечебного учреждения, негативные последствия политики запрета, отсутствие действенных механизмов выявления незаконных абортов, а сам запрет на аборты, введенный в 1936 г., обосновывают попыткой государства компенсировать негативные демографические последствия революций, войн, голода, стремлением сдержать естественный ход демографических изменений[39].

Таким образом, оценивая абортную политику Советского государства 1920−1930-х гг., большинство авторов положительно относятся к легализации операции как одного из немногих доступных способов контроля деторождения в рассматриваемый период и как возможности сохранить женское здоровье. Период 1920-х гг. до второй половины 1980-х гг. харак-

[31] *Кузнецов В.К.* О соотношении субъективных и объективных оценок условий жизни, как факторов, влияющих на численность абортов // Социально-гигиенические исследования. Т. 19. Раздел: профилактическая медицина. Сер.: Социальная гигиена и организация здравоохранения. Вып. 3. М., 1973. С. 246−253.

[32] *Авдеев А.А.* Аборт − дамоклов меч над каждой семьей // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 337−350; *Авдеев А.А.* Аборты и рождаемость… С. 54−62.

[33] *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 132−133.

[34] *Сакевич В.И.* Что было после запрета аборта в 1936 году // Демоскоп. Weekly. 2005. 7−20 ноября. № 221−222. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php (дата обращения: 27.06.2026).

[35] *Мирошниченко И.М., Стяжкина Е.В.* Абортная политика в СССР в 1920−1930-е годы: историография вопроса // Вестник Мариупольского государственного университета. Сер.: История и политология. 2012. № 3. С. 43−50.

[36] *Денисов Б., Сакевич В.* Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши. М., 2014. С. 186−208.

[37] *Пивоваров Н.Ю., Шок Н.П.* К истории запрета абортов в СССР: позиция властей и мнения советского общества в биоэтическом ракурсе (1935−1936 гг.) // История медицины. 2019. Т. 6, № 2. С. 161−170.

[38] *Араловец Н.А., Исупов В.А.* Абортная политика в СССР // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/abortnaia-politika-v-sssr-58642c (дата обращения: 13.06.2026).

[39] *Ажигулова А.И., Чернышева Н.В.* Государственная политика в отношении абортов в СССР в 1936−1955 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. Т. 32, № 4. С. 43−52.

теризуется как этап господства концепции «помех», характеризующей проблему абортов как временную. Исследования второй половины 1980-х гг. до сегодняшнего дня характеризуются многообразием мнений, аборты и абортная политика рассматриваются в рамках концепции демографического перехода как часть закономерных демографических процессов.

Литература

Авдеев А.А. Аборт − дамоклов меч над каждой семьей // СССР: демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990. С. 337−350.

Авдеев А.А. Аборты и рождаемость // Социологическое исследование. 1989. № 3. С. 54−62.

Ажигулова А.И., Чернышева Н.В. Государственная политика в отношении абортов в СССР в 1936−1955 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. Т. 32, № 4. С. 43−52.

Вишневский А., Денисов Б., Сакевич В. Контрацептивная революция в России // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 1. С. 6−34.

Денисов Б., Сакевич В. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 186−208.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.

Кузнецов В.К. О соотношении субъективных и объективных оценок условий жизни, как факторов, влияющих на численность абортов // Социально-гигиенические исследования. Т. 19. Раздел: профилактическая медицина. Сер.: Социальная гигиена и организация здравоохранения. Вып. 3. М., 1973. С. 246−253.

Мирошниченко И.М., Стяжкина Е.В. Абортная политика в СССР в 1920−1930-е годы: историография вопроса // Вестник Мариупольского государственного университета. Сер.: История и политология. 2012. № 3. С. 43−50.

Пивоваров Н.Ю., Шок Н.П. К истории запрета абортов в СССР: позиция властей и мнения советского общества в биоэтическом ракурсе (1935−1936 гг.) // История медицины. 2019. Т. 6, № 2. С. 161−170.

Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969. 102 с.

Сакевич В.И. Что было после запрета аборта в 1936 году // Демоскоп. Weekly. 2005. 7−20 ноября. № 221-222. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php (дата обращения: 27.06.2026).

References

Avdeev, A.A. (1989). Aborty’ i rozhdaemost’ [Abortions and Fertility]. In *Sotsiologicheskoe issledovanie*. No. 3, pp. 54−62.

Avdeev, A.A. (1990). Abort − damoklov mech nad kazhdoy sem’ey [Abortion − The Sword of Damocles over Every Family]. In *SSSR: demograficheskiy diagnoz*. Moscow, Progress, pp. 337−350.

Azhigulova, A.I., Chernysheva, N.V. (2025). Gosudarstvennaya politika v otnoshenii abortov v SSSR v 1936−1955 gg. [State Policy Regarding Abortions in the USSR in 1936−1955]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 4, pp, 43−52.

Denisov, B., Sakevich, V. (2014). Ocherk istorii kontrolya rozhdaemosti v Rossii: bluzhayushhaya demograficheskaya politika [An Essay on the History of Birth Control in Russia: A Wandering Demographic Policy]. In *Razvitie naseleniya i demograficheskaya politika. Pamyati A.Ya. Kvashi.* Moscow, MAKS Press, pp. 186−208.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy’ i krizisy’ v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy Chronograf. 242 p.

Kuznetsov, V.K. (1973). O sootnoshenii sub'ektivnykh i ob'ektivnykh otsenok usloviy zhizni, kak faktorov, vliyayushchikh na chislennost' abortov [On the Relationship between Subjective and Objective Assessments of Living Conditions as Factors Influencing the Number of Abortions]. In *Sotsial'no-gigienicheskie issledovaniya. Vol. 19. Razdel: profilakticheskaya meditsina. Seriya: Sotsial'naya gigiena i organizatsiya zdravoohraneniya. Iss. 3.* Moscow, pp. 246–253.

Miroshnichenko, I.M., Styazhkina, E.V. (2012). Abortnaya politika v SSSR v 1920−1930-e gody': istoriografiya voprosa [Abortion Policy in the USSR in the 1920s and 1930s: Historiography of the Issue]. In *Vestnik Mariupol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya i politologiya*. No. 3, pp. 43−50.

Pivovarov, N.Yu., Shok, N.P. (2019). K istorii zapreta abortov v SSSR: pozitsiya vlastey i mneniya sovetskogo obshchestva v bioeticheskom rakurse (1935−1936 gg.). [On the History of the prohibition of abortions in the USSR: The Position of the Authorities and the Opinions of Soviet Society from a Bioethical Perspective (1935−1936)]. In *Istoriya meditsiny*'. No. 2, pp. 161−170.

Sadvokasova, E.A. (1969). *Sotsial'no-gigienicheskie aspekty regulirovaniya razmerov sem'i* [Socio-Hygienic Aspects of Regulating Family Size]. Moscow, Meditsina. 102 p.

Sakevich, V.I. (2005). Chto by'lo posle zapreta aborta v 1936 godu [What Happened after the Prohibition of Abortion in 1936]. In *Demoskop. Weekly.* November 7−20. No. 221-222. Available at: URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php (date of access 27.06.2026).

Vishnevskiy, A., Denisov, B., Sakevich, V. (2017). Kontratseptivnaya revolyutsiya v Rossii [Contraceptive Revolution in Russia]. In *Demograficheskoe obozrenie.* No. 1, pp. 6−34.

Н.В. Чернышева*

МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1939–1945 ГОДАХ В ИСТОРИОГРАФИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-13
УДК 314.7:94(470)"1939/1945"(091)

Выходные данные для цитирования:
Чернышева Н.В. Миграции населения СССР в 1939–1945 годах в историографии постсоветского периода // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 137–153. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-13.pdf

N.V. Chernysheva*

MIGRATION OF THE USSR POPULATION IN 1939–1945 IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE POST-SOVIET PERIOD

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-13

How to cite:
Chernysheva N.V. Migration of the USSR Population in 1939–1945 in the Historiography of the Post-Soviet Period // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 137–153. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-13.pdf]

Abstract. The article discusses migration issues in the USSR in the period 1939–1945. Study the Post-Soviet stage of studying population migration in 1939–1945 is studied. The following features of the study of the stated issues in the post-Soviet period are highlighted: firstly, the availability of comprehensive historical and demographic studies, where migration issues are considered in the context of demographic development; secondly, an expanded regional component of research; thirdly, separate theoretical and methodological foundations for studying population migration have been developed. It is stated that the key research problem is the theoretical justification of the periodization of migration of the USSR population in 1939–1945 (pre-war and war periods), their brief characteristics and classification. The peculiarities of the study at the present stage are mainly the preservation of the study of voluntary forced migration separately from other types, their analysis. The following conclusions are drawn. It is necessary to consider migration issues in a complex (voluntary-forced and forced). Voluntary and involuntary migration should be studied in the context of the demographic situation, which will allow an assessment of the population components. A number of issues remain poorly understood in the migration issues of the period 1939–1945, which can be considered based on the involvement of previously unknown or partially used sources in scientific circulation (agricultural resettlement of 1939–1941, the scale of evacuation, population re-evacuation, etc.).

Keywords: migration of the population, historiography, historical demography, resettlement, organized labor recruitment, evacuation; military mobilization, labor mobilization, USSR.

The article has been received by the editor on 24.06.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается миграционная проблематика СССР периода 1939–1945 гг. Выделены следующие особенности исследований заявленной проблематики в постсоветский период: во-первых, наличие комплексных историко-демографических исследований, где указанная проблематика рассматривается в контексте демографического развития; во-вторых, представлена расширенная региональная состав-

* **Наталья Викторовна Чернышева,** доктор исторических наук, доцент, Центр истории, теории и методологии Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: natiche84@mail.ru
Nataliya Viktorovna Chernysheva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Center for History, Theory and Methodology Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: natiche84@mail.ru

ляющая исследований; в-третьих, разработка отдельных теоретико-методологических оснований изучения миграции населения. Указано, что ключевой исследовательской проблемой является теоретическое обоснование периодизации миграции населения СССР 1939−1945 гг. (предвоенный и военный периоды), их краткая характеристика и классификация. Особенностью изучения на современном этапе является преимущественно сохранение изучения добровольно-вынужденной миграции отдельно от других видов. Делаются следующие выводы. Необходимо рассматривать миграционную проблематику в комплексе (добровольно-вынужденные и принудительные миграции). Добровольно-вынужденные миграции должны исследоваться в контексте демографической ситуации, что позволит дать оценку миграционного компонента численности населения. В миграционной проблематике периода 1939−1945 гг. остается малоизученным ряд вопросов, которые возможно рассмотреть на основе привлечения не введенных ранее или частично использованных в научном обороте источников (сельскохозяйственные переселения 1939−1941 гг., масштабы эвакуации, реэвакуация населения, социально-демографическая характеристика эвакуированного населения и т.д.).

Ключевые слова: миграция населения, историография, историческая демография, переселения, организованный набор рабочей силы, эвакуация, воинская мобилизация, трудовая мобилизация, СССР.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026 г.

Введение. В последние десятилетия в историко-демографических исследованиях все больше внимания уделяется миграционной проблематике. Сложившийся с конца 1980-х гг. в силу разных объективного рода обстоятельств перекос в сторону изучения принудительных форм и видов миграции (не умаляя их важности, проблемности и актуальности) постепенно восполняется вниманием к добровольной (добровольно-вынужденной) миграции. Именно данная форма миграции населения преобладала в Советском Союзе в конце 1930-х − середине 1940-х гг. Отметим важный момент, что любые перемещения населения необходимо изучать в комплексе. Это позволит представить миграционную картину более полно.

Цель статьи − на основе историографического анализа постсоветского периода исследований определить актуальную в научном плане миграционную проблематику СССР конца 1930-х − середины 1940-х гг. Из данного анализа выпадут принудительные миграции.

В данный период в Советском государстве произошли существенные изменения в миграционном поведении населения, трансформировались формы и виды миграции, обусловленные разного рода причинами и факторами, важнейшими из которых были индустриализация и усилившаяся урбанизация, территориальные изменения, войны и политические репрессии.

Исследование выполнено по средствам анализа трудов, обобщенных на основе проблемно-хронологического подхода с применением общенаучных методов − описания, сравнения, систематизации; частноисторических методов − историко-сравнительного, историко-хронологического; статистического метода.

Анализ исследований в области миграции населения СССР в 1939−1945 гг. Остановимся на анализе сложившихся в постсоветской историографии особенностей изучения миграции населения 1939−1945 гг. Во-первых, благодаря возрождению в нашей стране историко-демографических исследований были опубликованы комплексные работы, в которых миграционная проблематика рассматривается в контексте демографического развития в целом. Со второй половины 1980-х гг. и до настоящего времени защищен ряд диссертаций и опубликовано несколько обобщающих научных историко-демографических трудов, в которых определены теоретико-методологические и источниковедческие возможности исследования населения СССР в целом, в том числе миграции. Все они, в зависимости

от поставленных целей и задач, с разной степенью подробности затрагивают вопросы миграции населения в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны как одного из компонентов сложившейся в Советском государстве демографической ситуации. Среди них выделим в первую очередь работы историков Ю.А. Полякова, В.Б. Жиромской, В.А. Исупова, Г.Е. Корнилова[1], а также демографов Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковой, Л.Л. Рыбаковского, О.Л. Рыбаковского, О.Д. Воробьевой[2]. В бывших советских республиках историко-демографических работ не так много. Среди них выделим исследования казахстанских ученых А.Н. Алексеенко, Ж.С. Аубакировой и др.[3], а также киргизского историка Ш.А. Батырбаевой[4].

Во-вторых, доступность источников демографической статистики и вышедшая серия работ по населению СССР и РСФСР способствовали активизации региональных историко-демографических исследований. Их важность заключается в выявлении региональных особенностей миграционной подвижности и влияния миграции на численность и состав населения. Региональные исследования миграции позволяют дополнить, а в некоторых случаях при изучении периода 1941–1945 гг. наиболее полно представить происходящие демографические изменения. Среди них выделим труды, в которых затрагивается миграционная проблематика периода оккупации и восстановления (В.Н. Ракачев, Л.М. Сергиенко, Е.Ф. Кринко)[5] и тыловых регионов РСФСР: Волго-Вятского, Урала, Сибири, Дальнего Востока (В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов, В.А. Кышпанаков, С.И. Сивцева, Н.В. Чернышева, Г.А. Ткачева)[6].

В-третьих, разработка теоретико-методологических основ изучения миграции населения. Во второй половине 1980-х гг. Л.Л. Рыбаковским и Т.И. Заславской была сформулирована концепция трехстадийности миграционного процесса (исходная, основная и заключительная стадии), ставшая базовой теорией изучения советской миграции[7].

---

[1] Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1: 1900–1939 гг.: исторические очерки. М., 2000; Население России в XX веке: в 3 т. Т. 2: 1940–1959 гг.: исторические очерки. М., 2002; *Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17; *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

[2] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России: 1927–1957 гг. М., 1998; *Рыбаковский Л.Л.* Исследования миграции населения в России. М., 2000; *Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л.* Миграционная политика России: история и современность. М., 2016; *Рыбаковский Л.Л.* История и теория миграции населения: в 3 кн. Кн. 3: Теория трехстадийности миграционного процесса. М., 2019.

[3] *Алексеенко А.Н.* Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999; *Аубакирова Ж.С., Столярова Э.О., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Алексеенко А.Н.* Демографические взрывы в Казахстане: исторический опыт и современный потенциал. Усть-Каменогорск, 2025.

[4] *Батырбаева Ш.Д.* Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. М., 2010; *Батырбаева Ш.Д., Карыева А.Н.* Киргизская ССР в годы Великой Отечественной войны: демографические процессы и вызовы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 2. С 70–84.

[5] *Ракачев В.Н.* Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017; *Сергиенко Л.М.* Население Ставрополья накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.): историко-демографический аспект: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2016; *Кринко Е.Ф.* Демографические процессы на Юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4. С. 95–103; *Кринко Е.Ф., Сущий С.Я.* Демографические процессы в южных краях и областях РСФСР в период Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 20, № 4. С. 844–863.

[6] *Корнилов Г.Е.* Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67–82; *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии: историко-демографическое исследование. 1926–1989 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996; *Ткачева Г.А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток, 2000; *Исупов В.А.* Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2010; *Корнилов Г.Е.* Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48–57; *Сивцева С.И.* Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2014; *Чернышева Н.В.* Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2023.

[7] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. С. 33.

Урбанизационный переход и его роль в истории России рассмотрены в контексте модернизации А.С. Сенявским. Активная миграция населения в города и городские поселения СССР, изменения административно-территориального устройства в период индустриализации и Великой Отечественной войны происходили в экстремальных условиях. Экстремальность имела неоднозначные последствия для урбанизации и являлась фактором, способствовавшим специфике ее проявления в СССР[8].

В работе В.Б. Жиромской «Основные тенденции развития России в XX веке» подробно рассматривается специфика российской демографической модернизации, выделяются ее этапы. Выделяя особенности демографического перехода в России, В.Б. Жиромская указывает на влияние причин и факторов, определивших его прерывистость. В качестве таких причин и факторов выделяются череда войн, индустриализация, политические процессы, сопровождавшиеся интенсивной миграцией населения (добровольно-вынужденной и принудительной)[9]. Таким образом, миграции не только в определенные периоды являлись важнейшим компонентом численности населения, но и оказывали непосредственное влияние на процессы воспроизводства населения СССР.

В совместной с В.А. Исуповым статье, опубликованной в журнале «Население и экономика»[10], автор конкретизировал миграции населения СССР в предвоенные годы, а ранее В.А. Исупов представил типологию миграции населения СССР в годы Великой Отечественной войны[11]. Указанные теоретические обоснования используются в данном историографическом анализе.

Миграции населения СССР в 1939−1945 гг. можно разделить на две большие группы: политические и экономические.

К политическим миграциям относятся: 1) добровольно-вынужденные миграции: их подвидом являются мобилизационные воинские территориальные перемещения населения; 2) принудительные миграции, под которыми понимаются собственно насильственные перемещения социальных и этнических групп, к этому же подвиду миграции относятся перемещения заключенных.

Экономические миграции включают: 1) стихийные трудовые миграции, главным образом из сельской местности в города. В значительно меньших масштабах осуществлялись перемещения населения в обратном направлении из городов в сельскую местность. Стихийные трудовые миграции обеспечили форсированную урбанизацию СССР; 2) плановые (организованные) передвижения населения – сельскохозяйственные переселения, оргнабор и иные[12].

Оговоримся, что классификация, как и любая предложенная авторами, является условной, а в изучаемый период миграции были настолько тесно переплетены, что одновременно обладали признаками разных видов и типов.

Прежде чем дать историографический анализ, также необходимо остановиться на периодизации самой миграции населения 1939−1945 гг. Преимущественно она базируется на обозначенных выше научных исследованиях. Обобщая их, можно назвать следующие характерные черты для каждого периода.

Предвоенный период (1939 − июнь 1941 гг.) − миграции населения присущ разноплановый характер. Крупные промышленные районы СССР являлись центрами притяжения мигрантов со всей страны и соседних областей. В остальных регионах преимущественное значение имела внутриобластная миграция. К концу 1930-х гг. сложился мобилизационный

[8] *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003; *Сенявский А.С.* Урбанизационный процесс в СССР в экономическом изменении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 155−156.

[9] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России… С. 19−21.

[10] *Isupov V.A., Chernysheva N.V.* Migration of the USSR population in the pre-war years (1939−1940) // Population and Economics. 2022. № 6. P. 70−78.

[11] *Исупов В.А.* К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 12−18

[12] *Isupov V.A., Chernysheva N.V.* Migration of the USSR population in the pre-war years… P. 73; *Исупов В.А.* К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны… С. 13.

принцип привлечения населения к труду, а вместе с ним и система контроля над территориальными перемещениями населения. Организованные перемещения (сельскохозяйственное переселение, организованный набор рабочей силы, обучение и дальнейшее трудоустройство учащихся системы государственных трудовых резервов) позволяли решать долгосрочные задачи в рамках плановой экономики. Вместе с тем сохранялись стихийные миграции, являвшиеся одним из источников пополнения кадров в отдельных отраслях народного хозяйства СССР. Ситуация осложнялась набиравшим обороты мировым конфликтом. Желание государства взять под контроль миграции было продиктовано и внешнеполитическими причинами. Часть перемещений в рамках воинских мобилизаций носила скрытый характер[13].

Период Великой Отечественной войны (июнь 1941 − май 1945 гг.). Массы людей были подвержены добровольно-вынужденной и принудительной миграции. Граждане оставляли свои дома стихийно или в организованном порядке. Принципиальные изменения в годы Великой Отечественной войны произошли в численности и составе мигрирующих масс, в территориальном направлении миграционных потоков. В связи с подвижностью фронта необходимо различать миграции населения на оккупированных территориях и с данных территорий, возвращение населения в освобожденные районы, миграции в прифронтовой полосе, миграции населения в тыловых регионах. Резкое увеличение миграции населения в первом военном полугодии (июль − декабрь 1941 г.) сменяется к 1943 г. постепенным его снижением. В 1944−1945 гг. миграционная подвижность населения плавно возрастает. Увеличение миграционных потоков в условиях войны способствовало росту неучтенных по каким-либо критериям мигрантов. В тыловых регионах СССР миграционная ситуация складывалась поразному. Она во многом зависела от прибывающего в регионы контингента мигрантов, близости к фронту, экономических задач. Хлынувший поток переселенцев породил в регионах множество социальных проблем. Внутрирегиональная миграция сохранялась («село – город», «город – село» и иные), в то же время в период 1941−1945 гг. сформировались нехарактерные ранее миграционные потоки. Лишь в 1943 г. началось постепенное восстановление традиционных миграционных связей. В годы войны изменяется половозрастной состав мигрантов. В 1941−1943 гг. на учтенных территориях (тыл) доминировали по выбытию мужчины. Выбытие главным образом определялось воинскими и трудовыми мобилизациями. Среди прибывших нарастал удельный вес женщин. Увеличивается миграционная подвижность детей (эвакуация, трудовая мобилизация), пожилых людей (эвакуация и реэвакуация). И, наконец, война породила изменения в видах миграции. Небывалых масштабов достигли воинская мобилизация, эвакуация населения. Отдельные виды миграции отходят на второй план (организованный набор рабочей силы, сельскохозяйственное переселение), особое значение приобретают трудовые мобилизации.

Далее перейдем непосредственно к историографии вопроса.

Одной из нерешенных исследовательских задач остается изучение предвоенных миграций. В советский период (преимущественно в конце 1930-х − начале 1940-х гг. (исследования С. Трубникова, М. Сонина, Н. Коробкова, Н. Аристова и др.) и в 1950−1970-е гг. (работы Е. Иоффе, Н.И. Платунова, Э.С. Котляра и др.)) опубликован ряд работ, посвященных преимущественно экономическим миграциям. В обобщенном виде предвоенная миграционная тематика представлена в публикации В.А. Исупова и Н.В. Чернышевой, вышедшей в 2022 г.[14]

Современные исследования миграции населения в годы войны рассматривают их преимущественно сквозь призму иных тем (военных действий, роли фронта и тыла и пр.). Учитывая данную специфику, представим анализ степени изученности темы по отдельным видам миграции населения.

Некоторые сведения о мобилизации людских ресурсов в Вооруженные Силы СССР накануне Великой Отечественной войны представлены в исследовании М.И. Мельтюхова[15]. Содержание воинских мобилизаций, организационная структура, формы, масштабы и прочие

[13] *Isupov V.A., Chernysheva N.V.* Migration of the USSR population in the pre-war years… P. 83−84.
[14] Там же. P. 70−78.

вопросы мобилизации людских ресурсов подробно изучены Е.В. Бодровой[16]. В 2005 г. коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева издан обобщающий труд, который содержит сведения о потерях России и СССР в войнах XX в.[17] Как правило, демографическая составляющая воинских мобилизаций в исследованиях представлена общей цифрой мобконтингента, потерь и в некоторых случаях состава. Историко-статистические сведения о Рабоче-Крестьянском Красном Флоте представлены в работах В.И Жуматия[18].

Более подробно демографический аспект воинских мобилизаций изучен на материалах Западной Сибири В.А. Исуповым[19]. Демографическая составляющая воинских мобилизаций в Волго-Вятском регионе представлена в диссертации Н.В. Чернышевой[20]. Также можно выделить серию исследований, в которых изучены военно-мобилизационные процессы, масштабы мобилизации в отдельных регионах РСФСР и региональная оценка людских потерь (Е.Н. Боле, Л.Г. Скворцова, Р.Р. Касимов и др.)[21].

В последние годы А.Ю. Безугольным было издано несколько историко-статистических исследований, в которых рассмотрена весьма актуальная задача − анализ национального состава Красной армии, что вносит существенный вклад в исследование данного вида миграции[22].

Более подробно изучены вопросы эвакуации населения. Впервые демографический аспект эвакуации более полно освещен в томе 2 «Население России в XX веке» в главе «Эвакуация населения из угрожаемых районов СССР в 1941−1942 гг.»[23]. Вопросы эвакуации населения затронуты в исследованиях Г.А. Куманева, М.Н. Потемкиной[24]. В данных работах подробно раскрыт процесс эвакуации, механизмы и проблемы. М.Н. Потемкина осветила некоторые демографические аспекты и подробно проанализировала их преимущественно на материалах Урала[25].

---

[15] *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939−1941 гг. Документы, факты, суждения. Изд-е 3-е. М., 2008.

[16] *Бодрова Е.В.* Создание и деятельность системы обеспечения людскими ресурсами действующей армии в годы Великой Отечественной войны: дис. … д-ра ист. наук. М., 2000.

[17] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил: историко-статистическое исследование. М., 2005.

[18] *Жуматий В.И.* Историко-статистическое исследование «Боевой и численный состав Военно-Морского Флота СССР»: в 3 т. М., 2012. Т. 1: Боевой и численный состав Рабоче-Крестьянского Красного Флота (1918−1940 гг.).

[19] *Исупов В.А.* Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины…; *Исупов В.А.* К вопросу о масштабах воинских мобилизаций в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т 22, № 2. С. 5−10; *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны. М.; Берлин, 2021.

[20] *Чернышева Н.В.* Население Волго-Вятского региона в 1939−1945 годы…

[21] *Боле Е.Н.* Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941−1945 гг. (на материалах Коми АССР): дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004; *Сметанин А.Ф., Боле Е.Н.* Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941−1945 гг. Сыктывкар, 2005; Цена Победы: Хроника безвозвратных потерь жителей Республики Мордовия на фронтах Великой Отечественной войны. Саранск, 2005; *Касимов Р.Р.* Мобилизация людских резервов и формирование воинских частей в Кировской области в 1941−1945 гг.: автореф. … дис. канд. ист. наук. Н. Новгород, 2025.

[22] *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии, 1918−1945: историко-статистическое исследование. М., 2021; *Безугольный А.Ю.* Участие народов СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах: современный взгляд // Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941−1945. М., 2025. С. 15−39; *Безугольный А.Ю.* Вклад народов РСФСР в Победу в Великой Отечественной войне // Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941−1945. М., 2025. С. 343−374.

[23] Население России в XX веке: в 3 т. Т. 2… С. 60−82.

[24] *Потемкина М.Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002; *Потемкина М.Н.* Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 148−156; *Потемкина М.Н.* Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эваконаселение на Урале в 1941−1948 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004; *Куманев Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941−1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7−27.

[25] *Потемкина М.Н.* Отделы по хозустройству − важнейшее звено управления механизма эваконаселением в советском тылу // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 409−414; *Потемкина М.Н.* Эваконаселение в уральском тылу: опыт выживания // Отечественная история. 2005. № 2. С. 86−97.

Эвакуационная тематика находит отражение в работах регионального характера с разной степенью конкретизации ее демографической составляющей (Ю.Л. Афанасьева, В.П. Купцов, В.В. Федотов)[26]. В 2000-е гг. вышли научные статьи, посвященные эвакуации населения Ленинграда (В.М. Ковальчук, П.П. Данилов)[27]. Исследователями рассмотрены процессы отправки, приема и размещения эвакуированных, представлен анализ взаимоотношений с местным населением, условий труда.

В 2000-е гг. было издано несколько работ регионального характера, затрагивающих демографические аспекты реэвакуации[28]. Определены организационно-правовые основы реэвакуации, предоставлены отрывочные сведения о ее масштабах. Зачастую данные работы не рассматривают в полной мере эвакуацию и реэвакуацию как процессы двусторонние (указывают на сам факт наличия эвакуированного контингента), что требует привлечения источников как региона-выхода, так и региона-вселения.

В последнее десятилетие в теме эвакуации и реэвакуации наметился определенный сдвиг в сторону демографической проблематики. Конкретизированы возможности применения статистических данных об эваконаселении, вновь рассмотрен вопрос о масштабах эвакуации (Г.Е. Корнилов, М.Н. Потемкина), появились отдельные исследования реэвакуации, в которых представлена классификация реэвакуированного контингента, форм реэвакуации населения. Исследователи обращаются к теме реэвакуации отдельных социальных групп (дети, специалисты сельского хозяйства, преподаватели вузов и т.д. (С.О. Козурман)[29]).

По-прежнему малоизученной остается тематика предвоенных и военных сельскохозяйственных переселений. В работах С.А. Пискунова, В.В. Щеглова, Н.В. Чернышевой рассмотрены некоторые организационно-правовые вопросы (эволюция переселенческой политики, создание и деятельность переселенческих органов), а также региональный опыт реализации переселенческой политики[30]. Н.В. Чернышевой и М.В. Буцких определены этапы реализации переселенческих кампаний в СССР в 1920−1950-е гг. и дана их краткая характеристика[31]. На сегодняшний день переселенческая тематика уходит в плоскость региональных исследований, а опыт переселенческих кампаний 1939−1941 гг., 1942−1945 гг. остается перспективной научно-исследовательской задачей.

[26] *Афанасьева Ю.Л.* Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны (на примере Курской области): дис. … канд. ист. наук. Курск, 2002; *Купцов В.П.* Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуация мирного населения в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002; *Федотов В.В.* Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941−1945 гг.): проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности: дис. … канд. ист. наук. Самара, 2004.

[27] *Ковальчук В.М.* Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 13−24; *Данилов П.П.* Эвакуация населения из Ленинграда в 1941−1943 гг. // Отечественная история. 2006. № 3. С. 55−64.

[28] *Снегирева Л.И., Сафонова Т.А.* Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941−1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 4. С. 22−30; *Карпенко И.А.* Восстановление Ленинграда в 1943−1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2007.

[29] *Козурман С.О.* Формы реэвакуации населения из Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского государственного университета. Сер.: История, международные отношения. 2011. Т. 11, № 1. С. 113−120; *Корнилов Г.Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 112−121; *Потемкина М.Н.* Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. ст. X Уральского демографического форума. Екатеринбург, 2019. С. 139−140.

[30] *Пискунов С.А.* Влияние Великой Отечественной войны на реорганизацию системы Советских переселенческих органов // Ключевские чтения. Российская государственность и освободительные войны: в 2 т.: сб. науч. тр. М., 2013. Т. 2. С. 261−267; *Щеглов В.В.* Опыт сахалинских переселений (1853−2002 гг.). Южно-Сахалинск, 2019; *Чернышева Н.В.* Предвоенные сельскохозяйственные переселения жителей Волго-Вятского региона (1939 − июнь 1941 гг.) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3 (43). С. 179−191. URL: https://vestospu.ru/archive/2022/articles/14_43_2022.pdf (дата обращения: 01.06.2026 г.).

[31] *Чернышева Н.В., Буцких М.В.* Сельскохозяйственные переселения в СССР середины 1920-х − начала 1950-х годов: основные этапы, масштабы и результаты // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 63−73.

С переходом государства к экономике военного времени изменялись подходы к привлечению населения к труду. В первую очередь речь идет о трех формах: мобилизация трудоспособного населения на постоянную работу в промышленности и строительстве; призыв молодежи в учебные заведения трудовых резервов; привлечение населения к сезонным работам.

За последнее десятилетие опубликованы работы, довольно полно раскрывающие масштабы, формы трудовых мобилизаций, их миграционную составляющую. Среди таких работ выделим труды общесоюзные (В.Н. Земсков, Н.В. Чернышева)[32] и региональной проблематики (преимущественно по Уралу, Сибири, Северо-Западной и Центральной России)[33]. Исследователями были конкретизированы формы и масштабы привлечения населения к трудовым мобилизациям военного времени, дан общий анализ механизма мобилизации, определены способы решения проблемы нехватки кадров и оценки трудовых ресурсов. В региональной тематике подробно рассмотрена практика привлечения жителей среднеазиатских республик, масштабы привлечения населения к труду. Однако по-прежнему в исследовательском поле остаются недостаточно конкретизированными вопросы мобилизации граждан до февраля 1942 г., т.е. до момента создания Комитета по учету и распределению рабочей силы, отраслевой принцип распределения трудовых ресурсов, а также региональное и межрегиональное распределение рабочей силы.

Заключение. Итак, в историографии постсоветского периода преимущественно сохраняется изучение отдельных видов миграции СССР в 1939−1945 гг. При этом только комплексный анализ взаимосвязанных перемещений населения позволит дать всестороннюю оценку. В то же время исследователями рассматриваются миграции населения СССР 1939−1945 гг. в контексте демографической ситуации в целом как компонент изменения численности населения страны, советских республик и отдельных регионов. Это особенно важно в период столь масштабных миграционных изменений.

Определены теоретико-методологические основания изучения миграционной проблематики в контексте демографической модернизации, урбанизационных процессов и социальной мобильности.

Исследователи теоретически обосновали выделение предвоенных и военных периодов в миграции населения и дали их общую характеристику, тем самым задав вектор дальнейшего изучения миграционной проблематики 1939−1945 гг.

Тем не менее сохраняется ряд вопросов, которые остаются малоизученными (предвоенные сельскохозяйственные переселения, масштабы и демографические последствия эвакуации, реэвакуация населения и т.д.), а также те из них, рассмотрение которых позволит конкретизировать ранее полученные результаты, оценить их с точки зрения новых сведений (например, воинские мобилизации в регионах и оценка людских потерь).

---

[32] *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104−114; *Чернышева Н.В.* Воспроизводство трудовых ресурсов и трудовые мобилизации населения СССР в условиях военного времени (1941−1945 гг.) // История: факты и символы. 2021. № 4. С. 23−25.

[33] *Шмыров Б.Д.* Численность «трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа» на промышленных предприятиях Южного Урала в 1943−1945 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16. История. Вып. 51. С. 69−72; *Хисамутдинова Р.Р.* Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е − начале 50-х годов XX века (на материалах Урала) [Электронный журнал] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (6). С. 131−143 URL: https://vestospu.ru/archive/2013/articles/hisamutdinova_2013_2.pdf (дата обращения: 30.05.2026 г.); *Уваров С.Н.* Трудовые повинности крестьян Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25., № 1. С. 64−74; *Гончаров Г.А.* «Трудмобизованные» из Среднеазиатского военного округа на Урале в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 43−48. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/05.pdf (дата обращения: 30.05.2026 г.); *Кабирова А.Ш., Ханипова И.И.* Трудовые мобилизации в Татарской АССР в 1930−1940-е годы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. № 1. С. 30−43; *Чернышева Н.В.* Трудовые мобилизации населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 27−34; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Трудовые ресурсы России и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны // Северо-Запад России в Великой Отечественной войне: мат-лы науч. конф. Вологда, 2025. С. 19−27.

Литература

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927−1957 гг. М.: Информатика, 1998. 187 с.

Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897−1997 гг.). Усть-Каменогорск: Полиграфия, 1999. 157 с.

Аубакирова Ж.С., Столярова Э.О., Сарсембаева Г.А., Краснобаева Н.Л., Алексеенко А.Н. Демографические взрывы в Казахстане: исторический опыт и современный потенциал. Усть-Каменогорск: Изд-во ВКТУ им. Д. Серикбаева, 2025. 216 с.

Афанасьева Ю.Л. Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны (на примере Курской области): дис. … канд. ист. наук. Курск, 2002. 209 с.

Батырбаева Ш.Д., Карыева А.Н. Киргизская ССР в годы Великой Отечественной войны: демографические процессы и вызовы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 2. С. 70−84.

Батырбаева Ш.Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2010. 213 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Трудовые ресурсы России и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны // Северо-Запад России в Великой Отечественной войне: мат-лы науч. конф. Вологда: Вологод. гос. ун-т, 2025. С. 19−27.

Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии, 1918−1945: историко-статистическое исследование. М.: Центрполиграф, 2021. 510 с.

Безугольный А.Ю. Вклад народов РСФСР в Победу в Великой Отечественной войне // Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941−1945. М.: Наука, 2025. С. 343−374.

Безугольный А.Ю. Участие народов СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войнах: современный взгляд // Народы Советского Союза и Великая Победа. 1941−1945. М.: Наука, 2025. С. 15−39.

Бодрова Е.В. Создание и деятельность системы обеспечения людскими ресурсами действующей армии в годы Великой Отечественной войны: дис. … д-ра ист. наук. М., 2000. 494 с.

Боле Е.Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941−1945 гг. (на материалах Коми АССР): дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 233 с.

Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.

Гончаров Г.А. «Трудмобизованные» из Среднеазиатского военного округа на Урале в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 43−48. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/05.pdf (дата обращения: 30.05.2026 г.).

Данилов П.П. Эвакуация населения из Ленинграда в 1941−1943 гг. // Отечественная история. 2006. № 3. С. 55−64.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939−1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3−17.

Жуматий В.И. Историко-статистическое исследование «Боевой и численный состав Военно-Морского Флота СССР»: в 3 т. М.: НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ, 2012. Т. 1: Боевой и численный состав Рабоче-Крестьянского Красного Флота (1918−1940 гг.). 603 с.

Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104−114.

Исупов В.А. Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины (1941−1945 гг.). Новосибирск: НГТУ, 2010. 212 с.

Исупов В.А. К вопросу о масштабах воинских мобилизаций в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т 22, № 2. С. 5−10.

Исупов В.А. Социальные перемещения в Сибири в годы Второй мировой войны: динамика и масштабы. Новосибирск: Параллель, 2015. 278 с.

Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 12−18.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.

Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны. М., Берлин, 2021. 400 с.

Кабирова А.Ш., Ханипова И.И. Трудовые мобилизации в Татарской АССР в 1930−1940-е годы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. № 1. С. 30−43.

Карпенко И.А. Восстановление Ленинграда в 1943−1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2007. 169 с.

Касимов Р.Р. Мобилизация людских резервов и формирование воинских частей в Кировской области в 1941−1945 гг.: автореф. … дис. канд. ист. наук. Н. Новгород, 2025. 30 с.

Ковальчук В.М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 13−24.

Козурман С.О. Формы реэвакуации населения из Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского государственного университета. Сер.: История, международные отношения. 2011. Т. 11, № 1. С. 113−120.

Корнилов Г.Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67−82.

Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48−57.

Корнилов Г.Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 112−121.

Кринко Е.Ф. Демографические процессы на Юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 4. С. 95−103.

Кринко Е.Ф., Сущий С.Я. Демографические процессы в южных краях и областях РСФСР в период Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 20, № 4. С. 844−863.

Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941−1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7−27.

Купцов В.П. Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуация мирного населения в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 37 с.

Кышпанаков В.А. Население Хакасии: историко-демографическое исследование. 1926−1989 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996. 34 с.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939−1941 гг. Документы, факты, суждения. Изд-е 3-е. М.: Вече, 2008. 544 с.

Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. 1900−1939 гг.: исторические очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. 456 с.

Население России в XX веке: в 3 т. Т. 2. 1940−1959 гг.: исторические очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2002. 463 с.

Пискунов С.А. Влияние Великой Отечественной войны на реорганизацию системы Советских переселенческих органов // Ключевские чтения. Российская государственность и освободительные войны: в 2 т.: сб. науч. тр. М.: Спутник+, 2013. Т. 2. С. 261−267.

Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 264 с.

Потемкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 148−156.

Потемкина М.Н. Отделы по хозустройству − важнейшее звено управления механизма эваконаселением в советском тылу // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 409−414.

Потемкина М.Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эваконаселение на Урале в 1941−1948 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. 466 с.

Потемкина М.Н. Эваконаселение в уральском тылу: опыт выживания // Отечественная история. 2005. № 2. С. 86−97.

Потемкина М.Н. Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. ст. X Уральского демографического форума. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2019. С. 139−140.

Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930−1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 350 с.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил: историко-статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 607 с.

Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции населения в России. М.: ИСПИ, 2000. 39 с.

Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения: в 3 кн. М.: Экон-Информ, 2019. Кн. 3: Теория трехстадийности миграционного процесса. 218 с.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.

Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.

Сенявский А.С. Урбанизационный процесс в СССР в экономическом изменении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 147−161.

Сергиенко Л.М. Население Ставрополья накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937−1945 гг.): историко-демографический аспект: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2016. 217 с.

Сивцева С.И. Население Якутии в 1939−1959 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2014. 57 с.

Сметанин А.Ф., Боле Е.Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941−1945 гг. Сыктывкар, 2005. 206 с.

Снегирева Л.И., Сафонова Т.А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941−1945 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 4. С. 22−30.

Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20−30-е годы XX в. Владивосток: Дальрыбвуз, 2000. 110 с.

Уваров С.Н. Трудовые повинности крестьян Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, № 1. С. 64−74.

Федотов В.В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941−1945 гг.): проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности: дис. … канд. ист. наук. Самара, 2004. 201 с.

Хисамутдинова Р.Р. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е − начале 50-х годов XX века (на материалах Урала) [Электронный журнал] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (6). С. 131−143. URL: https://vestospu.ru/archive/2013/articles/hisamutdinova_2013_2.pdf (дата обращения: 30.05.2026 г.).

Цена Победы: Хроника безвозвратных потерь жителей Республики Мордовия на фронтах Великой Отечественной войны / авт.-сост. Н.М. Арсентьев, С.К. Котков, Л.Г. Скворцова. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 224 с.

Чернышева Н.В. Воспроизводство трудовых ресурсов и трудовые мобилизации населения СССР в условиях военного времени (1941−1945 гг.) // История: факты и символы. 2021. № 4. С. 23−25.

Чернышева Н.В. Предвоенные сельскохозяйственные переселения жителей Волго-Вятского региона (1939 − июнь 1941 гг.) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3 (43). С. 179−191. URL: https://vestospu.ru/archive/2022/articles/14_43_2022.pdf (дата обращения: 01.06.2026 г.).

Чернышева Н.В. Трудовые мобилизации населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 27−34.

Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939−1945 годы: историко-демографическое исследование: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2023. 516 с.

Чернышева Н.В., Буцких М.В. Сельскохозяйственные переселения в СССР середины 1920-х − начала 1950-х годов: основные этапы, масштабы и результаты // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 63−73.

Шмыров Б.Д. Численность «трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа» на промышленных предприятиях Южного Урала в 1943−1945 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16. История. Вып. 51. С. 69−72.

Щеглов В.В. Опыт сахалинских переселений (1853−2002 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. тип., 2019. 256 с.

Isupov V.A., Chernysheva N.V. Migration of the USSR population in the pre-war years (1939−1940) // Population and Economics. 2022. No. 6. P. 70−78.

References

Afanasyeva, Yu.L. (2002). *Protsessy peremeshcheniya grazhdanskogo naseleniya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere Kurskoy oblasti)* [Processes of Displacement of the Civilian Population during the Great Patriotic War (On the Example of the Kursk Region)], Cand. hist. sci. dis. Kursk. 209 p.

Alekseenko, A.N. (1999). *Naselenie Kazakhstana za 100 let (1897−1997 gg.)* [The Population of Kazakhstan for 100 years (1897−1997)]. Ust-Kamenogorsk, Polygrafiya. 157 p.

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Harkov, T.L. (1998). *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927−1957 gg.* [Demographic History of Russia: 1927−1957]. Moscow, Informatika. 187 p.

Arsentiev, N.M., Kotkov, S.K., Skvortsova, L.G. (Comp.). (2005). *Tsena Pobedy: Khronika bezvozvratnykh poter' zhiteley Respubliki Mordoviya na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Price of Victory: A Chronicle of the Irretrievable Losses of the Inhabitants of the Republic of Mordovia on the Fronts of the Great Patriotic War]. Saransk, Krasnyy Oktyabr. 224 p.

Aubakirova, Zh.S., Stolyarova, E.O., Sarsembayeva, G.A., Krasnobaeva, N.L., Alekseenko, A.N. (2025). *Demograficheskie vzryvy v Kazakhstane: istoricheskiy opyt i sovremennyy potentsial* [Demographic Explosions in Kazakhstan: Historical Experience and Modern Potential]. Ust-Kamenogorsk, Izdatel'stvo VKTU imeni D. Serikbaeva. 216 p.

Batyrbaeva, Sh.D. (2010). *Epokha stalinizma v Kyrgyzstane v chelovecheskom izmerenii* [The Era of Stalinism in Kyrgyzstan in the Human Dimension]. Moscow, Fond "Prezidentskiy Tsentr B.N. Yel'tsina, ROSSPEN. 213 p.

Batyrbaeva, Sh.D., Karyeva, A.N. (2025). Kirgizskaya SSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: demograficheskie protsessy i vyzovy [Kirghiz SSR during the Great Patriotic War: Demographic Processes and Challenges]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* Vol. 30, No. 2, pp. 70−84.

Beznin, M.A., Dimoni, T.M. (2025). Trudovye resursy Rossii i Severo-Zapada v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Labor Resources of Russia and the Northwest during the Great Patriotic War]. In *Severo-Zapad Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne: materialy nauchnoy konferentsii*. Vologda, pp. 19−27.

Bezugolny, A.Yu. (2021). *Natsional'nyy sostav Krasnoy armii, 1918−1945: istoriko-statisticheskoe issledovanie* [The National Composition of the Red Army, 1918−1945: A Historical and Statistical Study]. Moscow, Tsentrpoligraf, 510 p.

Bezugolny, A.Yu. (2025). Uchastie narodov SSSR vo Vtoroy mirovoy i Velikoy Otechestvennoy voynakh: sovremennyy vzglyad [Participation of the Peoples of the USSR in the Second World War and the Great Patriotic War: A Modern View]. In *Narody Sovetskogo Soyuza i Velikaya Pobeda. 1941−1945*. Moscow, Nauka, pp. 15−39.

Bezugolny, A.Yu. (2025). Vklad narodov RSFSR v Pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne [Contribution of the Peoples of the RSFSR to Victory in the Great Patriotic War]. In *Narody Sovetskogo Soyuza i Velikaya Pobeda. 1941−1945*. Moscow, Nauka, pp. 343−374.

Bodrova, E.V. (2000). *Sozdanie i deyatel'nost' sistemy obespecheniya lyudskimi resursami deystvuyushchey armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Creation and Operation of a System for Providing Human Resources to the Active Army during the Great Patriotic War], Dr. hist. Sci. dis. Moscow, 494 p.

Bole, E.N. (2004). *Mobilizatsiya lyudskikh resursov na front v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941−1945 gg. (na materialakh Komi ASSR)* [Mobilization of Human Resources to the Front during the Great Patriotic War. 1941−1945 (Based on the Materials of the Komi ASSR)], Cand. hist. sci. dis. Syktyvkar. 233 p.

Chernysheva, N.V. (2021). Vosproizvodstvo trudovykh resursov i trudovye mobilizatsii naseleniya SSSR v usloviyakh voennogo vremeni (1941−1945 gg.) [Reproduction of Labor Resources and Labor Mobilizations of the USSR Population in Wartime Conditions (1941−1945)]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 4, pp. 23−25.

Chernysheva, N.V. (2022). Predvoennye sel'skokhozyaystvennye pereseleniya zhiteley Volgo-Vyatskogo regiona (1939 − iyun' 1941 gg.) [Pre-War Agricultural Resettlement of Residents of the Volga−Vyatka region (1939 − June 1941)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal.* No. 3 (43), pp. 179−191. Available at: URL: https://vestospu.ru/archive/2022/articles/14_43_2022.pdf (date of access 01.06.2026).

Chernysheva, N.V. (2022). Trudovye mobilizatsii naseleniya Volgo-Vyatskogo regiona v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Labor Mobilization of the Population of the Volga-Vyatka Region during the Great Patriotic War]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* Vol. 29, No. 4, pp. 27−34.

Chernysheva, N.V. (2023). *Naselenie Volgo-Vyatskogo regiona v 1939−1945 gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of the Volga-Vyatka Region in 1939−1945: A Historical and Demographic Study], Dr. hist. sci. dis. St. Petersburg, 516 p.

Chernysheva, N.V., Butskikh, M.V. (2025). Sel'skokhozyaystvennye pereseleniya v SSSR serediny 1920-kh − nachala 1950-kh godov: osnovnye etapy, masshtaby i rezul'taty [Agricultural Resettlement in the USSR in the Mid-1920s − Early 1950s: Main Stages, Scales and Results]. In *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal*. No. 1, pp. 63−73.

Danilov, P.P. (2006). Evakuatsiya naseleniya iz Leningrada v 1941−1943 gg. [Evacuation of the Population from Leningrad in 1941−1943]. In *Otechestvennaya istoriya.* No. 3, pp. 55−64.

Fedotov, V.V. (2004). *Evakuirovannoe naselenie v Srednem Povolzh'e v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941−1945 gg.): problemy razmeshcheniya, sotsial'noy adaptatsii i trudovoy deyatel'nosti* [Evacuated Population in the Middle Volga Region during the Great Patriotic War (1941−1945): Problems of Accommodation, Social Adaptation and Labor Activity], Cand. hist. Sci. dis. Samara, 201 p.

Goncharov. G.A. (2016). "Trudmobilizovannye" iz Sredneaziatskogo voennogo okruga na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny ["Labor-Mobilized" from the Central Asian Military District in the Urals during the Great Patriotic War]. In *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*. No. 1, pp. 43−48. Available at: URL: https://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/05.pdf (date of access 30.05.2026).

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, Siberian Chronograph. 242 p.

Isupov, V.A. (2010). *Mobilizatsiya lyudskikh resursov Zapadnoy Sibiri na zashchitu Rodiny (1941−1945 gg.).* [Mobilization of Human Resources of Western Siberia for the Defense of the Motherland (1941−1945)]. Novosibirsk, NGTU. 212 p.

Isupov, V.A. (2015). K voprosu o masshtabakh voinskikh mobilizatsiy v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Issue of the Scale of Military Mobilizations in Western Siberia during the Great Patriotic War]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri* Vol. 22, No. 2, pp. 5−10.

Isupov, V.A. (2015). *Sotsial'nye peremeshcheniya v Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny: dinamika i masshtaby* [Social Movements in Siberia during the Second World War: Dynamics and Scale]. Novosibirsk, Parallel. 278 p.

Isupov, V.A. (2016). K voprosu o tipakh migratsii i ikh sootnoshenii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Issue of Migration Types and Their Correlation during the Great Patriotic War]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* No. 23, pp. 5−10.

Isupov, V.A. (2021). *Glavnyy resurs Pobedy. Formirovanie i ispol'zovanie lyudskikh resursov Zapadnoy Sibiri v period Vtoroy mirovoy voyny* [The Main Resource of Victory. Formation and use of Human Resources in Western Siberia during the Second World War]. Moscow, Berlin. 400 p.

Isupov, V.A., Chernysheva, N.V. (2022). Migration of the USSR Population in the Pre-War Years (1939−1940). In *Population and Economics.* No. 6, pp. 70−78.

Kabirova, A.Sh., Khanipova, I.I. (2019). Trudovye mobilizatsii v Tatarskoy ASSR v 1930−1940-e gody [Labor Mobilizations in the Tatar ASSR in the 1930s − 1940s]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina.* No. 1. pp. 30−43.

Karpenko, I.A. (2007). *Vosstanovlenie Leningrada v 1943−1948 gg.: sotsial'no-demograficheskiy i bytovoy aspekty* [The Restoration of Leningrad in 1943−1948: Socio-Demographic and Everyday Aspects], Cand. hist. Sci. dis. St. Petersburg. 169 p.

Kasimov, R.R. (2025). *Mobilizatsiya lyudskikh rezervov i formirovanie voinskikh chastey v Kirovskoy oblasti v 1941−1945 gg.* [Mobilization of Human Reserves and Formation of Military Units in the Kirov Region in 1941−1945]. Cand. hist. sci. dis. Nizhny Novgorod. 30 p.

Khisamutdinova, R.R. (2013). Gosudarstvennye trudovye povinnosti sovetskogo krest'yanstva v 40-e − nachale 50-kh godov XX veka (na materialakh Urala) [State Labor Duties of the Soviet Peasantry in the 40s − Early 50s of the 20th Century (Based on Materials from the Urals)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* No. 2 (6), pp. 131−143. Available at: URL: https://vestospu.ru/archive/2013/articles/hisamutdinova_2013_2.pdf (date of access 30.05.2026).

Kornilov, G.E. (1993). Migratsiya sel'skogo naseleniya Ural'skogo regiona v gody voyny [Migration of the Rural Population of the Ural Region during the War Years]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 3, pp. 67−82.

Kornilov, G.E. (2012). Migratsionnoe dvizhenie i formirovanie naseleniya Urala v pervoy polovine XX v. [Migration Movement and Formation of the Population of the Urals in the First Half of the 20th Century]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik.* No. 2, pp. 48−57.

Kornilov, G.E. (2015). Evakuatsiya naseleniya na Ural v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Evacuation of the Population to the Urals during the Great Patriotic War]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik.* No. 4, pp. 112−121.

Kovalchuk, V.M. (2000). Evakuatsiya naseleniya Leningrada letom 1941 g. [Evacuation of Leningrad's Population in the Summer of 1941]. In *Otechestvennaya istoriya.* No. 3, pp. 13−24.

Kozurman, S.O. (2011). Formy reevakuatsii naseleniya iz Saratovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Forms of re-Evacuation of the Population from the Saratov Region during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 11, No. 1, pp. 113−120.

Krinko, E.F. (2018). Demograficheskie protsessy na Yuge RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Demographic Processes in the South of the RSFSR during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki.* No. 4, pp. 95−103.

Krinko, E.F., Sushchy, S.Ya. (2020). Demograficheskie protsessy v yuzhnykh krayakh i oblastyakh RSFSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Demographic Processes in the Southern Territories and Regions of the RSFSR during the Great Patriotic War]. In *Noveyshaya istoriya Rossii.* Vol. 20, No. 4, pp. 844−863.

Krivosheev, G.F. (Ed.). (2005). *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri Vooruzhennykh Sil: istoriko-statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces: A Historical and Statistical Study]. Moscow, OLMA PRESS. 607 p.

Kumanev, G.A. (2006). Voyna i evakuatsiya v SSSR. 1941−1942 gg. [War and Evacuation in the USSR. 1941−1942]. In *Novaya i noveyshaya istoriya.* No. 6, pp. 7−27.

Kuptsov, V.P. (2002). *Problemy perestroyki narodnogo khozyaystva i evakuatsiya mirnogo naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Problems of Restructuring the National Economy and Evacuation of the Civilian Population during the Great Patriotic War], Cand. hist. sci. dis. Moscow, 37 p.

Kyshpanakov, V.A. (1996). *Naselenie Khakasii: istoriko-demograficheskoe issledovanie. 1926−1989 gg.* [The Population of Khakassia: A Historical and Demographic Study. 1926−1989], Dr. hist. sci. dis. Novosibirsk. 34 p.

Meltyukhov, M.I. (2008). *Upushchennyy shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i bor'ba za Evropu. 1939−1941 gg. Dokumenty, fakty, suzhdeniya. Izdanie 3-e* [Stalin's Missed Chance. The Soviet Union and the Struggle for Europe. 1939−1941. Documents, Facts, Judgments. 3rd Edition]. Moscow, Veche. 544 p.

Piskunov, S.A. (2013). Vliyanie Velikoy Otechestvennoy voyny na reorganizatsiyu sistemy sovetskikh pereselencheskikh organov [The Impact of the Great Patriotic War on the Reorganization of the System of Soviet Resettlement Agencies]. In *Klyuchevskie chteniya. Rossiyskaya gosudarstvennost' i osvoboditel'nye voyny: v 2 tomakh. Vol. 2. Sbornik nauchnykh trudov.* Moscow, Sputnik+, pp. 261−267.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke: v 3 tomakh. Tom 1: 1900−1939 gg.: istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century: In 3 vol. Vol. 1: 1900−1939: Historical Essays]. Moscow, ROSSPEN. 456 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2002). *Naselenie Rossii v XX veke: v 3 tomakh. Tom 2: 1940−1959 gg.: istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century: In 3 vol. Vol. 2: 1940−1959: Historical Essays]. Moscow, ROSSPEN. 463 p.

Potemkina, M.N. (2002). Evakuatsiya i natsional'nye otnosheniya v sovetskom tylu v gody Velikoy [Evacuation and National Relations in the Soviet Rear during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Urals)]. In *Otechestvennaya istoriya.* No. 3, pp. 148−156.

Potemkina, M.N. (2002). *Evakuatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: lyudi i sud'by* [Evacuation during the Great Patriotic War: People and Destinies]. Magnitogorsk, MaGU. 264 p.

Potemkina, M.N. (2003). Otdely po khozustroystvu − vazhneyshee zveno upravleniya mekhanizma evakonaseleniem v sovetskom tylu [Household Management Departments are the Most Important Link in the Management of the Evacuation Mechanism in the Soviet Rear]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* No. 13, pp. 409−414.

Potemkina, M.N. (2004). *Evakuatsionno-reevakuatsionnye protsessy i evakonaselenie na Urale v 1941−1948 gg.* [Evacuation and re-Evacuation Processes and Evacuation Population in the Urals in 1941−1948], Dr. hist. sci. dis. Yekaterinburg. 466 p.

Potemkina, M.N. (2005). Evakonaselenie v ural'skom tylu: opyt vyzhivaniya [Evacuation in the Ural Rear: The Experience of Survival]. In *Otechestvennaya istoriya.* No. 2, pp. 86−97.

Potemkina, M.N. (2019). Demograficheskiy aspekt evakuatsii naseleniya v sovetskiy tyl v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Demographic Aspect of the Evacuation of the Population to the Soviet Rear during the Great Patriotic War]. In *Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty realizatsii natsional'nykh proektov v regione. Sbornik statey X Ural'skogo demograficheskogo foruma.* Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN, pp. 139−140.

Rakachev, V.N. (2017). *Naselenie Kubani i Stavropol'ya v 1930−1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of Kuban and Stavropol in the 1930s and 1950s: A Historical and Demographic Study]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 350 p.

Rybakovsky, L.L. (1987). *Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika* [Population Migration: Forecasts, Factors, Policy]. Moscow, Nauka. 199 p.

Rybakovsky, L.L. (2000). *Issledovaniya migratsii naseleniya v Rossii* [Studies of Population Migration in Russia]. Moscow, ISPI. 39 p.

Rybakovsky, L.L. (2019). *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya: v 3 knigakh. Kniga 3: Teoriya trekhstadiynosti migratsionnogo protsessa* [History and Theory of Population Migration: In 3 books. Book 3. The Theory of the Three-Stage Migration Process]. Moscow, Ekon-Inform. 218 p.

Senyavsky, A.S. (2003). *Urbanizatsiya Rossii v XX veke. Rol' v istoricheskom protsesse* [The Urbanization of Russia in the 20th Century. The Role in the Historical Process]. Moscow, Nauka. 286 p.

Senyavsky, A.S. (2019). Urbanizatsionnyy protsess v SSSR v ekonomicheskom izmerenii: strukturnye i institutsional'nye aspekty [The Urbanization Process in the USSR in Economic Change: Structural and Institutional Aspects]. In *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* No. 2, pp. 147−161.

Sergienko, L.M. (2016). *Naselenie Stavropol'ya nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1937−1945 gg.): istoriko-demograficheskiy aspekt* [The Population of Stavropol on the Eve and during the Great Patriotic War (1937−1945): Historical and Demographic Aspect], Cand. hist. sci. dis. Pyatigorsk, 217 p.

Shcheglov, V.V. (2019). *Opyt sakhalinskikh pereseleniy (1853−2002 gg.)* [The Experience of Sakhalin Resettlement (1853−2002)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe oblastnoe izdatel'stvo. 256 p.

Shmyrov, B.D. (2012). Chislennost' "trudmobilizovannykh Sredneaziatskogo voennogo okruga" na promyshlennykh predpriyatiyakh Yuzhnogo Urala v 1943−1945 godakh [The Number of "Labor-Mobilized Central Asian military District" at Industrial Enterprises of the Southern Urals in 1943−1945]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 16, History, Iss. 51, pp. 69−72.

Sivtseva, S.I. (2014). *Naselenie Yakutii v 1939−1959 gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Population of Yakutia in 1939−1959: Historical and Demographic Research], Dr. hist. Sci. dis. Moscow. 57 p.

Smetanin, A.F., Bole, E.N. (2005). *Mobilizatsiya lyudskikh resursov na front v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941−1945 gg.* [Mobilization of Human Resources to the Front during the Great Patriotic War. 1941−1945]. Syktyvkar, 206 p.

Snegireva, L.I., Safonova, T.A. (2004). Reevakuatsiya grazhdanskogo naseleniya iz Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941−1945 gg.) [Re-Evacuation of the Civilian Population from Western Siberia during the Great Patriotic War (1941−1945)]. In *Vestnik TGPU. Gumanitarnye nauki*. Iss. 4, pp. 22−30.

Tkacheva, G.A. (2000). *Demograficheskaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii v 20−30-e gody XX v.* [Demographic Situation in the Russian Far East in the 20−30s of the 20th Century]. Vladivostok, Dalrybvuz. 110 p.

Uvarov, S.N. (2015). Trudovye povinnosti krest'yan Udmurtii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Labor Duties of Udmurt peasants during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta.* Vol. 25, No. 1, pp. 64−74.

Vorobyeva, O.D., Rybakovsky, L.L., Rybakovsky, O.L. (2016). *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration Policy of Russia: History and Modernity]. Moscow, Ekon-Inform. 192 p.

Zemskov, V.N. (2014). Organizatsiya rabochey sily i uzhestochenie trudovogo zakonodatel'stva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Organization of the Labor Force and the Tightening of Labor Legislation during the Great Patriotic War]. In *Mezhdunarodnye otnosheniya.* No. 1, pp. 104−114.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The Main Trends of Russia's Demographic Development in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo Pole. 320 p.

Zhiromskaya, V.B., Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2019). Naselenie Rossii v 1939−1945 gg. [The Population of Russia in 1939−1945]. In *Rossiyskaya istoriya.* No. 3, pp. 3−17.

Zhumatiy, V.I. (2012). *Istoriko-statisticheskoe issledovanie "Boevoy i chislennyy sostav Voenno-Morskogo Flota SSSR": v 3 tomakh. Tom 1: Boevoy i chislennyy sostav Raboche-Krest'yanskogo Krasnogo Flota (1918−1940 gg.)* [Historical and Statistical Study "Combat and Numerical Strength of the USSR Navy": In 3 vol. Vol. 1: Combat and Numerical Strength of the Workers' and Peasants' Red Fleet (1918−1940)]. Moscow, (VI) VAGSH VS RF. 603 p.

Е.Ф. Кринко*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РСФСР В 1941–1945 ГОДАХ: ИТОГИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-14
УДК 314.148(470.6)"1941/1945"(091)

Выходные данные для цитирования:
Кринко Е.Ф. Демографические процессы на юге РСФСР в 1941–1945 годах: итоги развития отечественной историографии // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 154–166. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-14.pdf

E.F. Krinko*

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE SOUTH OF THE RSFSR IN 1941–1945: RESULTS OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC HISTORIOGRAPHY**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-14

How to cite:
Krinko E.F. Demographic Processes in the South of the RSFSR in 1941–1945: Results of the Development of Domestic Historiography // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 154–166. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-14.pdf]

Abstract. The author characterizes the stages and trends in the study of demographic trends in the southern regions of the RSFSR during the period 1941–1945. The study is based on a wide range of historiographic sources – monographs, articles, and dissertations by Soviet and Russian historians. Primary attention is paid to contemporary research (from the 1990s to the present). It has been established that the first facts about the extermination of residents during the Nazi occupation were cited in publications published shortly after the liberation of the southern territories of the RSFSR. In the postwar period, Soviet historians mentioned individual demographic data, but these remained fragmentary. Only in the first decades of the 21st century did the study of demographic processes in the South of the RSFSR from 1941 to 1945 become the subject of independent research in Russian historiography. Based on the coefficients of V.B. Zhiromskaya and surviving statistical data, it was possible to calculate the population of the southern regions of the RSFSR at the beginning of the Great Patriotic War. This article presents the results of a study of the dynamics of natural reproduction, the impact of mobilization for the front, evacuation, Nazi occupation, forced displacement of some peoples, and other factors on the demographic situation in the southern regions of the RSFSR in 1941–1945. It is shown that the historiography of this problem was influenced by general trends in the development of historical science, changes in approaches and accessibility of researchers to sources, as well as the specifics of its subject field.

Keywords: Great Patriotic War, Domestic historiography, historical demography, demographic processes, mobilization, occupation, forced evictions, evacuation, South of the RSFSR.

The article has been received by the editor on 29.09.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Евгений Федорович Кринко,** доктор исторических наук, доцент, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: krinko@ssc-ras.ru
Evgeny Fedorovich Krinko, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: krinko@ssc-ras.ru
** Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2026 г., № государственной регистрации 125011200150-2, 125011200146-5.
The publication was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2026, state registration No. 125011200150-2, 125011200146-5.

Аннотация. Автор характеризует этапы и тенденции изучения демографических тенденций в южных регионах РСФСР в 1941−1945 гг. Основой исследования стал широкий круг различных историографических источников − монографии, статьи, диссертации советских и российских историков. Главное внимание уделяется современным исследованиям (с 1990-х гг. по настоящее время). Установлено, что первые факты уничтожения жителей в период нацистской оккупации приводились в публикациях, вышедших вскоре после освобождения территорий юга РСФСР. В послевоенный период советские историки упоминали отдельные демографические данные, но они сохраняли фрагментарный характер. Только в первые десятилетия XXI в. изучение демографических процессов на юге РСФСР в 1941−1945 гг. стало предметом самостоятельных исследований в отечественной историографии. На основе коэффициентов В.Б. Жиромской и сохранившихся статистических данных удалось рассчитать численность населения южных регионов РСФСР к началу Великой Отечественной войны. В результате изучения динамики естественного воспроизводства, влияния мобилизации на фронт, эвакуации, нацистской оккупации, принудительного переселения части народов и другого выявлены факторы, влияющие на демографическую ситуацию в южных регионах РСФСР в 1941−1945 гг. Показано, что на проблемы историографии влияли общие тенденции в развитии исторической науки, изменения в подходах и возможностях доступа исследователей к источникам, а также специфика ее предметного поля.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, отечественная историография, историческая демография, демографические процессы, мобилизация, оккупация, принудительные выселения, эвакуация, юг РСФСР.

Статья поступила в редакцию 29.09.2026 г.

Демографические последствия Великой Отечественной войны всегда имели немаловажную научную и общественную значимость. В советскую эпоху новые оценки потерь СССР во время войны называли непосредственно высшие руководители страны. В последние десятилетия возможности в изучении демографических процессов во время Великой Отечественной войны расширились. Однако многие вопросы данной темы продолжают вызывать острые и порой политизированные дискуссии. Это обусловливает необходимость осмысления сложившейся историографии, в том числе на уровне различных регионов и макрорегионов страны.

Одним из таких макрорегионов и является юг РСФСР. Содержание и направления демографических процессов здесь в 1941−1945 гг. определялись, наряду с общими для всей страны обстоятельствами, специфическими, следовавшими из изменений самой обстановки, в которой находился регион. Уже осенью 1941 г. края и области юга РСФСР из тыловых превратились в прифронтовые регионы, что изменило вектор проходившей через них эвакуации населения. Многие территории подверглись нацистской оккупации (большая часть − в 1942−1943 гг., Крым − с 1941 по 1944 г.), а начавшееся с конца 1942 г. освобождение от захватчиков сопровождалось реэвакуацией. Связанные с этими и другими обстоятельствами демографические процессы в разной степени нашли свое отражение в работах отечественных историков.

Цель данной статьи заключается в выявлении основных тенденций в изучении демографических процессов на юге РСФСР в 1941−1945 гг. советскими и современными российскими исследователями. Основу для изучения составили историографические источники − монографии, статьи, диссертации отечественных авторов, характеризующие демографические процессы на юге РСФСР в 1941−1945 гг. Выбор круга источников был огра-

ничен рамками статьи. Главное внимание уделяется современным исследованиям, вышедшим с 1990-х гг. по настоящее время.

Первые факты уничтожения жителей в период нацистской оккупации территорий юга РСФСР приводились в публикациях, вышедших вскоре после их освобождения, призванных возбудить ненависть к захватчикам[1]. Подсчетом общих потерь занималась Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее − ЧГК), а также краевые, областные и республиканские комиссии на местах. Сведения о рождаемости и смертности, численности мобилизованных, эвакуированных и другие демографические показатели не могли быть опубликованы в годы войны по соображениям государственной безопасности.

С окончанием Великой Отечественной войны ЧГК и региональные комиссии завершили свою работу. Представленные ими общие данные о количестве жертв нацистской оккупации в различных регионах юга РСФСР, наряду с фактами мобилизации, добровольного ухода на фронт и героической гибели в боях с врагом жителей, нашли свое отражение в публикациях и диссертациях советских историков послевоенных десятилетий, выполненных на материалах отдельных республик, краев, областей и их партийных организаций[2].

В целом демографические процессы на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны не стали предметом специального изучения в советской историографии. Упоминаемые данные носили фрагментарный характер. Авторы опирались преимущественно на документы центральных и региональных партийных и государственных архивов, что позволяло им решать поставленные исследовательские задачи в духе времени. В то же время практически не использованным оставался содержащийся в центральных и местных архивах массив статистических сведений о численности советского населения в 1941−1945 гг.

С конца 1980-х гг. в развитии отечественной историографии начался новый этап, во многом связанный с «архивной революцией» − рассекречиванием и введением в научный оборот большого массива исторических источников. Значительную роль играл процесс институционализации историко-демографических исследований, проведение ряда специальных научных конференций и выход работ, содержавших более достоверные оценки демографических последствий Великой Отечественной войны[3].

Защиты диссертаций, публикации статей и монографий в первые десятилетия XXI в. о демографических процессах на юге РСФСР в годы Великой Отечественной войны свидетельствовали о превращении данной темы в самостоятельное исследовательское направление. Историко-демографическим тенденциям в развитии Кубани и Ставрополья в военные годы были посвящены кандидатские диссертации Ю.В. Вшивцевой, А.С. Мухор-

[1] *Юдин И.* Следы фашистского зверя на Кубани. М., 1943; *Огурцов С.И.* Варвары. Ставрополь, 1944; Зверства немецких оккупантов в Кабарде. Нальчик, 1945; и др.

[2] *Водолагин М.А.* Сталинград в Великой Отечественной войне (1941−1943 гг.). Сталинград, 1949; *Глухов В.М.* Адыгея в дни Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. Майкоп, 1949; *Опишанская К.Я.* Коммунистическая организация Ставропольского края в период Великой Отечественной войны 1941−1945: автореф. дис. … канд. ист. наук. Баку, 1954; *Аликберов З.М., Керимов И.К.* На фронте и в тылу. Патриотизм народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1959; *Кулаев Ч.С.* Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941−1945): дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1968; *Тедтоев А.А.* Северная Осетия в годы Великой Отечественной войны. Орджоникидзе, 1969; *Кичиков М.Л.* Во имя победы над фашизмом: очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1970; *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973; *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1977; *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941−1945 гг.). Нальчик, 1978; *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне, 1941−1945. М., 1987; и др.

[3] *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза 1922−1991. М., 1993; *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России. Новосибирск, 2000; Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940−1959 гг.; и др.

това и Л.М. Сергиенко, докторская диссертация и монография В.Н. Ракачева[4]. Демографические процессы в других регионах юга РСФСР рассматривались в отдельных статьях[5]. Крупный обобщающий труд, посвященный демографическим тенденциям в развитии юга РСФСР на более широком хронологическом диапазоне, включающем и годы Великой Отечественной войны, был подготовлен и издан в ЮНЦ РАН[6].

В оценке рассматриваемой проблемы немаловажное значение имеет определение исходных параметров, в качестве которых выступает численность населения юга РСФСР накануне Великой Отечественной войны. Советские и многие постсоветские историки при ее оценках опирались на данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. Перепись зафиксировала общую численность жителей Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики (далее − АССР), Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Крымской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР, Ростовской и Сталинградской областей, Краснодарского и Орджоникидзевского (с 1943 г. − Ставропольского) краев в 13 967 242 человека[7]. Однако В.Б. Жиромская раскрыла механизм фальсификации данной переписи, пересчитала численность населения указанных регионов, определив ее в 13 658 026 чел. − на 309 216 чел. меньше данных Всесоюзной переписи населения 1939 г.[8]

В документах Центрального статистического управления Госплана СССР отмечается увеличение населения юга РСФСР в начале 1941 г. до 14 565,1 тыс. чел. Однако применение методики пересчета данных Всесоюзной переписи населения 1939 г., разработанной В.Б. Жиромской, позволяет сократить эту цифру до 14 242,8 тыс. чел. Следующий шаг в изучении рассматриваемого вопроса сделал С.Я. Сущий, рассчитавший численность населения южных регионов РСФСР к 22 июня 1941 г. в 14 359 тыс. чел. с учетом показателей естественного демографического прироста, но без отсутствующих в источниках точных данных о миграциях за первое полугодие[9].

Современные исследователи обратились к показателям естественного воспроизводства населения в различных регионах юга РСФСР[10]. Анализ помесячной динамики рождаемости и смертности с учетом миграционного фактора позволил сделать выводы об особенностях

[4] *Вшивцева Ю.В.* Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект: 1939−1945 гг.: дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2010; *Мухортов А.С.* Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы: 1941−1950 г.: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2010; *Сергиенко Л.М.* Население Ставрополья накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1937−1945 гг.: историко-демографический аспект: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2016; *Ракачев В.Н.* Население Кубани и Ставрополья в 1930−1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017; и др.

[5] *Кринко Е.Ф.* Демографическая ситуация в Адыгее во время Великой Отечественной войны // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар, 2008. С. 111−122; *Мирзабеков М.Я.* Миграционные процессы и изменения в расселении населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941−1945) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39): в 2 ч. Ч. II. С. 129−136; *Куваева А.А.* Демографическая ситуация в Адыгее накануне и в годы Великой Отечественной войны: сравнительный анализ (конец 30 − 50-е гг. XX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 27−32; *Амирханова М.М.* Население Дагестана 1930−1945 гг.: историко-демографический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 548−553; *Шконда И.А.* Историко-демографические процессы в Адыгейской автономной области в 1930−1950-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2025. № 15 (4). С. 255−270; *Тетуев А.И.* Миграционные процессы в Кабардино-Балкарии (1941−1945 годы) // Электронный журнал «Кавказология». 2026 № 2. URL: https://www.caucasology.ru/jour/article/view/722 (дата обращения 13.07.2026); и др.

[6] Войны и население Юга России в XVIII − начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019.

[7] Там же. С. 523.

[8] *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 54−55.

[9] Войны и население Юга России в XVIII − начале XXI в. … С. 526.

[10] *Кузнецова Н.В.* Изменение в численности населения Сталинграда в 1943−1953 гг. // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет: мат-лы междунар. науч. конф., (Волгоград, 3−5 апреля 2003 г.). Волгоград, 2003. С. 106−111; *Такташева Ф.А.* Младенческая смертность в Сталинградской области в 1940−1950-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 41−47; *Такташева Ф.А.* Особенности воспроизводства населения Сталинградской области в период послевоенного восстановления и развития (1943−1950-е годы) // Научный диалог. 2019. № 7. С. 382−397; и др.

демографического развития южных краев и областей в 1941−1945 гг. Во второй половине 1941 г. − 1942 г. здесь сократилась рождаемость и выросла смертность, в том числе детская. В конце 1942 − начале 1943 г. рождаемость стабилизировалась на чрезвычайно низком уровне с последующим медленным ростом. Значительное сокращение населения вследствие эвакуации и нацистской оккупации потребовало более долгого восстановительного периода, чем в восточных регионах страны[11].

Немало внимания уделяется установлению данных об ушедших на фронт и не вернувшихся домой жителях. Решению этой задачи способствует создание Книг памяти, содержащих поименные списки погибших, составленные на основе широкого круга источников, включая документы по персональному учету безвозвратных потерь Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и другие материалы. Однако полученные данные значительно отличаются от ранее опубликованных. Необходимо учитывать, что Книги памяти обычно составляются в пределах современных административных границ, не совпадающих с теми, которые существовали накануне и в годы Великой Отечественной войны. Документы многих военкоматов просто не сохранились, что не позволяет получить точные данные по призыву. В отдельных республиках в списки погибших включаются представители титульных этносов, проживавшие и призванные в других регионах, что создает возможности «двойного счета»[12].

Все это обусловливает необходимость дополнительного анализа собранных материалов и доработки самих Книг памяти. Одним из успешных примеров использования данных источников для установления потерь жителей Калмыцкой АССР на фронтах Великой Отечественной войны стала кандидатская диссертация В.Н. Очир-Горяевой[13]. А.Ю. Безугольный проанализировал проведение мобилизации на Северном Кавказе и причины отмена призыва у части народов региона[14]. Обращается внимание исследователей и на негативные последствия мобилизации для демографического развития юга РСФСР[15].

Эвакуационным процессам на юге РСФСР посвятили свои труды С.И. Линец, Т.А. Петренко и другие авторы[16]. Внимание историков в основном обращено на события лета 1942 г., когда жители покидали регион, стремясь избежать нацистской оккупации. В ряде других работ рассматриваются вопросы размещения на юге страны и обустройства жителей западных регионов страны, прибывших сюда в 1941−1942 гг.[17]

---

[11] *Кринко Е.Ф., Сущий С.Я.* Демографические процессы в южных краях и областях РСФСР в период Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 844−863.

[12] *Очиров У.Б.* Книги Памяти Астраханской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 1. С. 16−24; Войны и население Юга России в XVIII − начале XXI в. … С. 538−541; и др.

[13] *Очир-Горяева В.Н.* Безвозвратные потери участников Великой Отечественной войны 1941−1945 гг., призванных из Калмыцкой АССР, по данным Книг памяти: историко-статистическое исследование: дис. … канд. ист. наук. Элиста, 2024.

[14] *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941−1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012; и др.

[15] Войны и население Юга России в XVIII − начале XXI в. … С. 541−542; и др.

[16] *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 − октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д, 2003; *Петренко Т.А.* Эвакуационный процесс на Ставрополье летом 1942 года: успехи и трудности: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2004; *Скворцов М.В.* Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе − сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38. С. 41−46; *Хаблиева Л.Ч.* Эвакуация предприятий и населения с территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 12 (42). С. 49−51; и др.

[17] *Федотов В.В.* Эвакуированное население в Сталинградской области в 1941−1948 гг. // Научный диалог. 2019. № 3. С. 307−321; *Какагасанов Г.И.* Роль органов власти и управления Республики Дагестан в приеме и размещении эвакуированных предприятий, населения и продовольствия в 1941−1943 гг. // Вестник института ИАЭ ДНЦ РАН. 2010. № 2. С. 33−40; *Кулумбекова А.К., Чехоева И.А.* Эвакуация населения из прифронтовой полосы в Северную Осетию в 1941 г. // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2025. Т. 25,. № 3. С. 33−37; и др.

Данные о потерях населения в период нацистской оккупации по отдельным регионам юга РСФСР приводятся во многих обобщающих и специальных работах[18], как правило, по документам ЧГК и региональных комиссий. Работа в рамках проекта «Без срока давности» и использование других источников позволили уточнить некоторые цифры. Так, по данным, собранным Краснодарской краевой комиссией к 1944 г., с территории Кубани оккупанты угнали на принудительные работы в Третий рейх 48 464 чел. Однако эти данные носили предварительный характер. В материалах переселенческого отдела крайисполкома приводится цифра в 129 335 чел., вернувшихся в Краснодарский край[19].

В 1990−2000-х гг. широко изучались принудительные переселения части народов региона. Д.М. Эдиев осуществил полномасштабную реконструкцию их демографической динамики до и после выселения, оценил понесенные потери[20]. Влияние этнических депортаций на демографическое развитие южных регионов раскрывают также работы Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова, В.И. Котова и других историков[21].

Ко все еще недостаточно изученным сюжетам относятся первые послевоенные широкомасштабные миграции − возвращение демобилизованных военнослужащих и репатриантов, в первую очередь «восточных рабочих» и советских военнопленных. Они выходят за хронологические рамки проблемы, но позволяют судить о прямых демографических последствиях войны[22]. На материалах южных регионов одним из немногих специальных исследований остается статья М.Р. Струговой, раскрывающая динамику возвращения репатриантов на территорию Краснодарского края[23].

Таким образом, на изучении демографических процессов в южных регионах РСФСР в годы Великой Отечественной войны существенно сказывались общие тенденции в развитии историографии, определявшие изменения в подходах и возможностях доступа исследователей к источникам, а также специфика ее собственного предметного поля. Первые сведения о потерях жителей вследствие нацистской оккупации были опубликованы непосредственно в военные годы. В послевоенные десятилетия в работах советских историков приводились и другие демографические данные, но сама тема в советский период так и не стала самостоятельным направлением в исследованиях. Только в современной российской историографии на основе введенных в научный оборот документов Центрального

[18] *Гугова М.Х., Баразбиев М.И.* Население Кабардино-Балкарии в условиях немецкой оккупации (1942−1943 гг.) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 287−294; *Савченко А.С.* Нацистская репрессивная политика на территории Крыма (1941−1944 гг.): дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2026; и др.

[19] Войны и население Юга России в XVIII − начале XXI в.: … С. 547, 550.

[20] *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003.

[21] *Котов В.И.* Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 193−209; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия − И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». М., 1995; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (1920−1960-е годы). М., 1998; *Хунагов А.С.* «Выселить без права возвращения…»: Депортация народов Юга России. 20−50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999; *Ибрагимов Муса М., Ибрагимов Мовсур М.* Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.; Саратов, 2003; *Арапханова Л.Я.* Спецпереселенцы. История массовых репрессий и депортация ингушей в XX веке. М.: Андалус, 2004; *Борлакова З.М.* Депортация и репатриация карачаевского народа, 1943−1959 гг. М., 2005; *Убушаев В.Б., Убушаев К.В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943−1959 гг. Элиста, 2007; *Джуха И.Г.* Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008; *Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик, 2008; *Ибрагимов М.-Р.А.* Депортация населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941−1945 гг.) и ее этнокультурные последствия // Вестник Дагестанского научного центра. 2011. № 43. С. 84−90; *Куртсеитов Р.Д.* Крымские татары в условиях спецпоселений в Марийской АССР в 1944−1956 гг. Долгий путь возвращения на родину в Крым // Запад − Восток. 2015. № 8. С. 65−76; *Исакиева З.С.* Социально-демографические проблемы чеченцев и ингушей, депортированных в Казахстан и Среднюю Азию (1944−1949 гг.) // Современная научная мысль. 2022. № 4. С. 130−136; и др.

[22] *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; *Арзамаскин Ю.Н.* Тайны советской репатриации. М., 2015; *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944−1952 гг. М., 2016; и др.

[23] *Струговa М.Р.* Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945−1946 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3−4. С. 47−52.

статистического управления Госплана СССР, региональных статистических управлений, других опубликованных и содержащихся в центральных и региональных архивах источников характеризуются вопросы динамики естественного воспроизводства, влияния мобилизации, эвакуации, оккупации, принудительного переселения части народов региона и иных факторов на демографическую ситуацию в южных регионах РСФСР в 1941−1945 гг. Однако многие вопросы только ожидают своих исследователей, а ряд уже используемых цифр все еще нуждается в уточнении.

Литература

Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1973. 242 с.

Аликберов З.М., Керимов И.К. На фронте и в тылу: Патриотизм народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 115 с.

Амирханова М.М. Население Дагестана 1930−1945 гг.: историко-демографический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 548−553.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза 1922−1991. М.: Наука, 1993. 143 с.

Арапханова Л.Я. Спецпереселенцы. История массовых репрессий и депортация ингушей в XX веке. М.: Андалус, 2004. 319 с.

Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. М.: Вече, 2015. 690 с.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941−1945. М.: Наука, 1987. 335 с.

Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941−1945: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Центрполиграф, 2012. 479 с.

Борлакова З.М. Депортация и репатриация карачаевского народа, 1943−1959 гг. М.: Реглант, 2005. 172 с.

Бугай Н.Ф. Л. Берия − И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». М.: АИРО-XX, 1995. 319 с.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20−60-е годы). М.: ИНСАН, 1998. 365 с.

Водолагин М.А. Сталинград в Великой Отечественной войне (1941−1943 гг.). Сталинград: Областное книгоиздательство, 1949. 256 с.

Войны и население Юга России в XVIII − начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.

Вшивцева Ю.В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект: 1939−1945 гг.: дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2010. 175 с.

Глухов В.М. Адыгея в дни Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. Майкоп, 1949. 324 с.

Гугова М.Х., Баразбиев М.И. Население Кабардино-Балкарии в условиях немецкой оккупации (1942−1943 гг.) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 287−294.

Джуха И.Г. Спецэшелоны идут на Восток: история репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. 557 с.

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 277 с.

Зверства немецких оккупантов в Кабарде / отв. ред. К.Х. Цавкилов. Нальчик: Госиздат КАССР, 1945. 88 с.

Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944−1952 гг. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 424 с.

Ибрагимов М.-Р.А. Депортация населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941−1945 гг.) и ее этнокультурные последствия // Вестник Дагестанского научного центра. 2011. № 43. С. 84−90.

Ибрагимов Муса М., Ибрагимов Мовсур М. Чечня: через круги ада: войны, переселения и депортации чеченского народа. 2-е изд., испр. и доп. Грозный: Чеченский государственный университет, 2017. 306 с.

Исакиева З.С. Социально-демографические проблемы чеченцев и ингушей, депортированных в Казахстан и среднюю Азию (1944−1949 гг.) // Современная научная мысль. 2022. № 4. С. 130−136.

Какагасанов Г.И. Роль органов власти и управления Республики Дагестан в приеме и размещении эвакуированных предприятий, населения и продовольствия в 1941−1943 гг. // Вестник института ИАЭ ДНЦ РАН. 2010. № 2. С. 33–40.

Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом: очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1970. 207 с.

Кулаев Ч.С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941−1945): дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1968. 305 с.

Котов В.И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп: Меоты, 1994. С. 193−209.

Кринко Е.Ф. Демографическая ситуация в Адыгее во время Великой Отечественной войны // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар: Кубанькино, 2008. С. 111−122.

Кринко Е.Ф., Сущий С.Я. Демографические процессы в южных краях и областях РСФСР в период Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т.10, № 4. С. 844−863.

Куваева А.А. Демографическая ситуация в Адыгее накануне и в годы Великой Отечественной войны: сравнительный анализ (конец 30−50-е гг. XX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 27–32.

Кузнецова Н.В. Изменение в численности населения Сталинграда в 1943−1953 гг. // Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет: мат-лы междунар. науч. конф. (Волгоград, 3−5 апреля 2003 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 106−111.

Кулумбекова А.К., Чехоева И.А. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в Северную Осетию в 1941 г. // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2025. Т. 25, № 3. С. 33−37.

Куртсеитов Р.Д. Крымские татары в условиях спецпоселений в Марийской АССР в 1944−1956 гг. Долгий путь возвращения на родину в Крым // Запад − Восток. 2015. № 8. С. 65−76.

Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 − октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 563 с.

Маркусенко И.С. Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. 180 с.

Мирзабеков М.Я. Миграционные процессы и изменения в расселении населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941−1945) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39): в 2 ч. Ч. II. С. 129−136.

Мухортов А.С. Историко-демографические процессы на Ставрополье во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы: 1941−1950 г.: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 193 с.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959 гг. / отв. ред. В.Б. Жиромская. 416 с.

Огурцов С.И. Варвары. Ставрополь: Ставропольское краевое книжное изд-во, 1944. 33 с.

Опишанская К.Я. Коммунистическая организация Ставропольского края в период Великой Отечественной войны 1941−1945: автореф. дис. … канд. ист. наук. Баку, 1954. 24 с.

Очир-Горяева В.Н. Безвозвратные потери участников Великой Отечественной войны 1941−1945 гг., призванных из Калмыцкой АССР, по данным Книг памяти: историко-статистическое исследование: дис. … канд. ист. наук. Элиста, 2024. 192 с.

Очиров У.Б. Книги Памяти Астраханской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 1. С. 16−24.

Петренко Т.А. Эвакуационный процесс на Ставрополье летом 1942 года: успехи и трудности: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 154 с.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. 442 с.

Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930−1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. 350 с.

Сабанчиев Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик: Эльбрус, 2008. 440 с.

Савченко А.С. Нацистская репрессивная политика на территории Крыма (1941−1944 гг.): дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2026. 251 с.

Сергиенко Л.М. Население Ставрополья накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1937−1945 гг.: историко-демографический аспект: дис. … канд. ист. наук. Пятигорск, 2016. 217 с.

Скворцов М.В. Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе − сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38. С. 41−46.

Стругова М.Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945−1946 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3−4. С. 47−52.

Тедтоев А.А. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1968. 127 с.

Такташева Ф.А. Особенности воспроизводства населения Сталинградской области в период послевоенного восстановления и развития (1943−1950-е годы) // Научный диалог. 2019. № 7. С. 382−397.

Такташева Ф.А. Младенческая смертность в Сталинградской области в 1940−1950-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 41−47.

Тетуев А.И. Миграционные процессы в Кабардино-Балкарии (1941−1945 годы) // Электронный журнал «Кавказология». 2026 № 2. URL: https://www.caucasology.ru/jour/article/view/722 (дата обращения: 13.07.2026).

Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943−1959 гг. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2007. 494 с.

Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941−1945). Нальчик: Эльбрус, 1978. 318 с.

Федотов В.В. Эвакуированное население в Сталинградской области в 1941−1948 гг. // Научный диалог. 2019. № 3. С. 307−321.

Хаблиева Л.Ч. Эвакуация предприятий и населения с территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 12 (42). С. 49−51.

Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения…»: Депортация народов Юга России 20−50 гг. (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999. 167 с.

Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов. Ставрополь: СтГАУ «АРГУС», 2003. 336 с.

Юдин И. Следы фашистского зверя на Кубани. М.: ОГИЗ, 1943. 31 с.

References

Abazatov, M.A. (1973). *Checheno-Ingushskaya ASSR v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza* [The Chechen-Ingush ASSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Grozny, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 242 p.

Alikberov, Z.M., Kerimov, I.K. (1959). *Na fronte i v tylu: Patriotizm narodov Dagestana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. (1941−1945 gg.)* [At the Front and in the Rear: Patriotism of the Peoples of Dagestan during the Great Patriotic War (1941−1945)]. Makhachkala, Dagknigoizdat. 115 p.

Amirhanova, M.M. (2023). Naselenie Dagestana 1930−1945 gg.: istoriko-demograficheskiy aspekt [The Population of Dagestan 1930−1945: Historical and Demographic Aspects]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 23, Iss. 4, pp. 548−553.

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Khar'kova, T.L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza 1922−1991* [Population of the Soviet Union 1922−1991]. Moscow, Nauka. 143 p.

Araphanova, L.Y. (2004). *Spetspereselentsy. Istoriya massovykh repressiy i deportatsiya ingushey v XX veke* [Special Settlers. History of Mass Repressions and Deportation of the Ingush in the 20th Century]. Moscow, Andalus. 319 p.

Arzamaskin, Y.N. (2015). *Tayny sovetskoy repatriatsii* [Secrets of Soviet Repatriation]. Moscow, Veche. 690 p.

Basov, A.V. (1987). *Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne, 1941−1945* [Crimea in the Great Patriotic War, 1941−1945]. Moscow, Nauka. 335 p.

Bezugol'nyy, A.U., Bugay, N.F., Krinko, E.F. (2012). *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941−1945: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya* [Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War 1941−1945: Problems of History, Historiography, and Source Studies]. Moscow, Tsentrpoligraf. 479 p.

Borlakova, Z.M. (2005). *Deportatsiya i repatriatsiya karachaevskogo naroda, 1943−1959 gg.* [Deportation and Repatriation of the Karachay People, 1943−1959]. Moscow, Reglant. 172 p.

Bugay, N.F. (1995). *L. Beriya − I. Stalinu: "Soglasno Vashemu ukazaniyu…"* [L. Beria to I. Stalin: "According to your instructions…"]. Moscow, AIRO-XX. 319 p.

Bugay, N.F., Gonov, A.M. (1998). *Kavkaz: narody v eshelonakh (20−60-e gody)* [The Caucasus: Peoples on Trains (1920s−1960s)]. Moscow, INSAN. 365 p.

Dzhuha, I.G. (2008). *Spetseshelony idut na Vostok: istoriya repressi protiv grekov v SSSR: deportatsii 1940-kh gg.* [Special Trains Heading East: The History of Repressions Against Greeks in the USSR: Deportations of the 1940s]. St. Petersburg, Aleteya. 557 p.

Ediev, D.M. (2003). *Demograficheskie poteri deportirovannykh narodov* [Demographic Losses of Deported Peoples]. Stavropol, StGAU "ARGUS". 336 p.

Fedotov, V.V. (2019). Evakuirovannoe naselenie v Stalingradskoy oblasti v 1941−1948 gg. [Evacuated Population in the Stalingrad Region in 1941−1948]. In *Nauchnyy dialog*. No. 3, pp. 307−321.

Gluhov, V.M. (1949). *Adygeya v dni Velikoy Otechestvennoy voyny* [Adygea during the Great Patriotic War], Cand. hist. sci. diss. Maykop. 324 p.

Gugova, M.H., Barazbiev, M.I. (2019). Naselenie Kabardino-Balkarii v usloviyakh nemetskoy okkupatsii (1942−1943 gg.) [Population of Kabardino-Balkaria under the German Occupation (1942−1943)]. In *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No. 4, pp. 287−294.

Ibragimov, M.-R.A. (2011). Deportatsiya naseleniya Dagestana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941−1945 gg.) i ee etnokul'turnye posledstviya [Deportation of the Population of Dagestan During the Great Patriotic War (1941−1945) and Its Ethnocultural Consequences]. In *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*. No. 43, pp. 84−90.

Ibragimov, Musa M., Ibragimov, Movsur M. (2017). *Chechnya: cherez krugi ada: voyny, pereseleniya i deportatsii chechenskogo naroda* [Chechnya: Through the Circles of Hell: Wars, Resettlements, and Deportations of the Chechen People]. 2nd ed., correct. and expand. Grozny, Chechenskiy gosudarstvennyt universitet. 306 p.

Isakieva, Z.S. (2022). Sotsial'no-demograficheskie problemy chechentsev i ingushey, deportirovannykh v Kazahstan i srednyuyu Aziyu (1944−1949 gg.) [Socio-demographic Problems of Chechens and Ingush Deported to Kazakhstan and Central Asia (1944−1949)]. In *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 4, pp. 130−136.

Kakagasanov, G.I. (2010). Rol' organov vlasti i upravleniya Respubliki Dagestan v prieme i razmeshchenii evakuirovannykh predpriyatiy, naseleniya i prodovol'stviya v 1941−1943 gg. [The Role of Government and Administration Bodies of the Republic of Dagestan in the Reception and Accommodation of Evacuated Enterprises, Population, and Food in 1941−1943]. In *Vestnik instituta IAE DNC RAN*. No. 2, pp. 33−40.

Khablieva, L.H. (2014). Evakuatsiya predpriyatiy i naseleniya s territorii Severnoy Osetii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Evacuation of Enterprises and Population from the Territory of North Ossetia during the Great Patriotic War]. In *Nauka i biznes: puti razvitiya*. No. 12 (42), pp. 49−51.

Khakuashev, E.T. (1978). *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941−1945)* [Kabardino-Balkarian ASSR during the Great Patriotic War (1941−1945)]. Nalchik, Elbrus. 318 p.

Khunagov, A.S. (1999). *"Vyselit' bez prava vozvrashcheniya…": Deportatsiya narodov Yuga Rossii 20−50 gg. (na materiale Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev)* ["Evict Without the Right of Return…": Deportation of the Peoples of Southern Russia in the 1920s−1950s (Based on the Krasnodar and Stavropol Krays)]. Maykop, Meoty. 167 p.

Kichikov, M.L. (1970). *Vo imya pobedy nad fashizmom: ocherki istorii Kalmykskoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [In the Name of Victory over Fascism: Essays on the History of the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 207 p.

Kotov, V.I. (1994). Deportatsiya narodov Severnogo Kavkaza: krizisnye yavleniya etnodemograficheskoy situatsii [Deportation of the Peoples of the North Caucasus: Crisis Phenomena of the Ethnodemographic Situation]. In *Severnyy Kavkaz: vybor puti natsional'nogo razvitiya*. Maykop, Meoty, pp. 193−209.

Krinko, E.F. (2008). Demograficheskaya situatsiya v Adygee vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny [The Demographic Situation in Adygea During the Great Patriotic War]. In *Mir slavyan Severnogo Kavkaza*. Krasnodar, Kubankino. Vol. 4, pp. 111−122.

Krinko, E.F., Sushchiy, S.Ya. (2020). Demograficheskie protsessy v yuzhnykh krayakh i oblastyah RSFSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Demographic Processes in the Southern Territories and Regions of the RSFSR During the Great Patriotic War]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 10, No. 4, pp. 844−863.

Kulaev, C.S. (1968). *Partiynye organizatsii Karachaya i Cherkesii v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza (1941−1945)* [Party Organizations of Karachay and Circassia during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941−1945)], Cand. hist. sci. diss. Voronezh. 305 p.

Kulumbekova, A.K., Cekhoeva, I.A. (2025). Evakuatsiya naseleniya iz prifrontovoy polosy v Severnuyu Osetiyu v 1941 g. [Evacuation of the Population from the Frontline Zone to North Ossetia in 1941]. In *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra RAN*. Vol. 25, No. 3, pp. 33−37.

Kurtseitov, R.D. (2015). Krymskie tatary v usloviyakh spetsposeleniy v Mariyskoy ASSR v 1944−1956 gg. Dolgiy put' vozvrashcheniya na rodinu v Krym [Crimean Tatars in Special Settlements in the Mari ASSR in 1944−1956. The Long Journey to Return to Their Homeland in Crimea]. In *Zapad − Vostok*. No. 8, pp. 65−76.

Kuvaeva, A.A. (2015). Demograficheskaya situatsiya v Adygee nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sravnitel'nyy analiz (konets 30 − 50-e gg. XX v.) [The Demographic Situation in Adygea on the Eve of and During the Great Patriotic War: A Comparative Analysis (Late 1930s − 1950s)]. In *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. No. 3, pp. 27−32.

Kuznetsova, N.V. (2003). Izmenenie v chislennosti naseleniya Stalingrada v 1943−1953 gg. [Population Changes in Stalingrad in 1943−1953]. In *Stalingrad: chemu russkie i nemtsy nauchilis' za 60 let: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Volgograd, 3−5 aprelya 2003 g.)*. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 106−111.

Linets, S.I. (2003). *Severnyy Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 − oktyabr' 1943 gg.)* [The North Caucasus on the Eve of and During the Nazi Occupation: State and Development Features (July 1942 − October 1943)]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly. 563 p.

Markusenko, I.S. (1977). *Don v Velikoy Otechestvennoy voyne* [The Don in the Great Patriotic War]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 180 p.

Mirzabekov, M.Ya. (2014). Migratsionnye protsessy i izmeneniya v rasselenii naseleniya Dagestana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941−1945) [Migration Processes and Changes in Population Distribution in Dagestan during the Great Patriotic War (1941−1945)]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 1 (39): in 2 parts. Part II, pp. 129−136.

Mukhortov, A.S. (2010). *Istoriko-demograficheskie protsessy na Stavropol'e vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoennye gody: 1941−1950 g.* [Historical and Demographic Processes in Stavropol during the Great Patriotic War and in the Postwar Years: 1941−1950], Cand. hist. sci. diss. Pyatigorsk. 193 p.

Ochir-Goryaeva, V.N. (2024). *Bezvozvratnye poteri uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny 1941−1945 gg., prizvannykh iz Kalmytskoy ASSR, po dannym Knig pamyati: istoriko-statisticheskoe issledovanie* [Irrecoverable Losses of Participants in the Great Patriotic War of 1941−1945, Called up from the Kalmyk ASSR, According to the Books of Memory: A Historical and Statistical Study], Cand. hist. sci. diss. Elista. 192 p.

Ochirov, U.B. (2016). Knigi Pamyati Astrahanskoy oblasti kak istochnik po istorii uchastiya kalmykov v Velikoy Otechestvennoy voyne [Books of Memory of the Astrakhan Region as a Source on the History of Kalmyks' Participation in the Great Patriotic War]. In *Magna adsurgit: historia studiorum*. No. 1, pp. 16−24.

Ogurtsov, S.I. (1944). *Varvary* [The Barbarians]. Stavropol, Stavropol'skoe kraevoe knizhnoe izdatel'stvo. 33 p.

Opishanskaya K.Ya. (1954). *Kommunisticheskaya organizatsiya Stavropol'skogo kraya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941−1945* [Communist Organization of the Stavropol Region during the Great Patriotic War of 1941−1945], Cand. hist. sci. diss. abstract. Baku. 24 p.

Petrenko, T.A. (2004). *Evakuatsionnyy protsess na Stavropol'e letom 1942 goda: uspekhi i trudnosti* [The Evacuation Process in Stavropol in the Summer of 1942: Successes and Difficulties], Cand. hist. sci. diss. Pyatigorsk. 154 p.

Polyakov, U.A. (Ed.). (2001). *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki* [Population of Russia in the 20th Century. Historical Уssays]. In 3 vol. Zhyromskaya V.B. (Ed.). Vol. 2: 1940−1959 gg. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Polyan, P.M. (1996). *Zhertvy dvukh diktatur: Ostarbaytery i voennoplennye v Tret'em reykhe i ikh repatriatsiya* [Victims of Two Dictatorships: Ostarbeiters and Prisoners of War in the Third Reich and Their Repatriation]. Moscow, Vash vybor TsIRZ. 442 p.

Rakachev, V.N. (2017). *Naselenie Kubani i Stavropol'ya v 1930−1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Population of Kuban and Stavropol in the 1930s−1950s: Historical and Research]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 350 p.

Sabanchiev, H.-M.A. (2008). *Balkartsy: vyselenie i vozvrashchenie* [Balkars: Deportation and Return]. Nalchik, Elbrus. 440 p.

Savchenko, A.S. (2026). *Natsistskaya repressivnaya politika na territorii Kryma (1941−1944 gg.)* [Nazi Repressive Policy in Crimea (1941−1944)], Cand. hist. sci. diss. Krasnodar. 251 p.

Sergienko, L.M. (2016). *Naselenie Stavropol'ya nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1937−1945 gg.: istoriko-demograficheskiy aspekt* [Population of Stavropol Krai on the Eve of and During the Great Patriotic War: 1937−1945: Historical and Demographic Aspects], Cand. hist. sci. diss. Pyatigorsk. 217 p.

Skvortsov, M.V. (2009). Problemy istorii evakuatsii naseleniya iz Stalingrada v avguste − sentyabre 1942 goda: rol’ mestnykh organov vlasti [Problems of the History of the Evacuation of the Population from Stalingrad in August−September 1942: The Role of Local Authorities]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 38, pp. 41−46.

Strugova, M.R. (2000). Repatriatsiya sovetskikh grazhdan v Krasnodarskiy kray v 1945−1946 gg. [Repatriation of Soviet Citizens to Krasnodar Krai in 1945−1946]. In *Golos minuvshego. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 3−4, pp. 47−52.

Taktasheva, F.A. (2019). Mladencheskaya smertnost’ v Stalingradskoy oblasti v 1940−1950-e gg. [Infant Mortality in the Stalingrad Region in the 1940s−1950s]. In *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul’tura*. No. 1 (58), pp. 41−47.

Taktasheva, F.A. (2019). Osobennosti vosproizvodstva naseleniya Stalingradskoy oblasti v period poslevoennogo vosstanovleniya i razvitiya (1943−1950-e gody) [Peculiarities of Population Reproduction in the Stalingrad Region during the Period of Post-War Recovery and Development (1943−1950s)]. In *Nauchnyy dialog*. No. 7, pp. 382−397.

Tedtoev, A.A. (1968). *Severnaya Osetiya v Velikoy Otechestvennoy voyne* [North Ossetia in the Great Patriotic War]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel’stvo. 127 p.

Tetuev, A.I. (2026). Migratsionnye protsessy v Kabardino-Balkarii (1941−1945 gody) [Migration Processes in Kabardino-Balkaria (1941−1945)]. In *Elektronnyy zhurnal “Kavkazologiya”*. No. 2. Available at: URL: https://doi.org/10.31143/2542-212X-2026-2-78-94 (date of access 13.07.2026).

Tsavkilov, K.H. (Ed.). (1945). *Zverstva nemeckih okkupantov v Kabarde* [Atrocities of the German Occupiers in Kabarda]. Nalchik, Gosizdat KASSR. 88 p.

Ubushaev, V.B., Ubushaev. K.V. (2007). *Kalmyki: vyselenie, vozvrashchenie, vozrozhdenie. 1943−1959 gg.* [Kalmyks: Deportation, Return, Revival. 1943−1959]. Elista, Izdatel’stvo Kalmytskogo universiteta. 494 p.

Vodolagin, M.A. (1949). *Stalingrad v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941−1943 gg.)* [Stalingrad in the Great Patriotic War (1941−1943)]. Stalingrad, Oblastnoe knigoizdatel’stvo. 256 p.

(2019). *Voyny i naselenie Yuga Rossii v XVIII − nachale XXI v.: demograficheskie protsessy i posledstviya* [Wars and the Population of Southern Russia in the 18th − Early 21st Centuries: Demographic Processes and Consequences]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 767 p.

Vshivtseva, U.V. (2010). *Naselenie Krasnodarskogo kraya nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: istoriko-demograficheskiy aspekt: 1939−1945 gg*. [Population of Krasnodar Krai on the Eve and During the Great Patriotic War: Historical and Demographic Aspects: 1939−1945], Cand. hist. sci. diss. Krasnodar. 175 p.

Yudin, I. (1943). *Sledy fashistskogo zverya na Kubani* [Traces of the Fascist Beast in Kuban]. Moscow, OGIZ. 31 p.

Zemskov, V.N. (2016). *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944−1952 gg.* [The Return of Soviet Displaced Persons to the USSR. 1944−1952]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, Tsentr gumanitarnyh initsiativ. 424 p.

Zhiromskaya, V.B. (2001). *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gody: Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic History of Russia in the 1930s: A Look into the Unknown]. Moscow, ROSSPEN. 277 p.

В.Г. Дацышен*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ В 1990-Е ГОДЫ

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-15
УДК 314.7(510):94(470)"199"(091)

Выходные данные для цитирования:
Дацышен В.Г. Проблемы изучения китайской миграции в России в 1990-е годы // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 1ы67−182.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-15.pdf

V.G. Datsyshen*

PROBLEMS OF STUDYING CHINESE MIGRATION IN RUSSIA IN THE 1990S

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-15

How to cite:
Datsyshen V.G. Problems of Studying Chinese Migration in Russia in the 1990s // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 167−182.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-15.pdf]

Abstract. The article is devoted to the problems of studying, in the 1990s, the first stage of contemporary Chinese migration to Russia (1980s−1990s). In contemporary historiography, the experience of studying Chinese migration in the 1990s has been insufficiently studied; there is not a single work specifically devoted to this issue. The aim of the work is the emergence in Russian scholarship of the study of contemporary Chinese migration and the identification of factors and problems that prevented the tasks of a comprehensive study of this issue in Russia from being resolved in the 1990s. The source base for the study was scholarly works published in the 1990s − early 2000s. As a result of the study, it was established that at the turn of the 1980s−1990s, the problems of Chinese migration were raised by researchers of the Institute of the Far East of the Academy of Sciences in works published in institute publications (E.V. Sprogis et al.). But subsequently, until the early 2000s, apart from V.Ya. Portyakov, none of the leading scholars from this institute published research on this topic. In the 1990s, three centers for studying the problem took shape − the Far East regions, Irkutsk, and Moscow. Generalizing studies were carried out and published by historians-orientalists V.I. Dyatlov, V.L. Larin, and V.G. Gelbras; among the first researchers of Chinese migration in the Far East were N.V. Konokova, I.V. Oskina, and R.V. Vakhnenko; notable contributions to the study of the issue were made by well-known demographers and sociologists (Zh.A. Zayonchkovskaya, E.L. Motrich, etc.), historians and geographers from the Far Eastern regions, and young scholars from Russian regions (G.B. Dudchenko, etc.). The first results of research in the regions were published in the mid-1990s in collections of materials from scholarly-practical conferences. As a result of the study, conclusions were drawn that by the early 2000s the topic of Chinese migration in Russia remained poorly studied. Nevertheless, the research of the 1990s made it possible to solve a number of pressing problems and partially fulfill the tasks set before researchers. In works published in the late 1990s − early 2000s, the thesis popular in politics and public opinion that Russian-Chinese migration ties resulted in a “Chinese Demographic Danger” for Russia was refuted.

Keywords: Chinese migrants in Russia, historiography of the 1990s, problems of studying migration processes, V.I. Dyatlov, V.L. Larin, V.G. Gelbras.

The article has been received by the editor on 15.06.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Владимир Григорьевич Дацышен,** доктор исторических наук, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: dazishen@mail.ru

Vladimir Grigor’evich Datsyshen, Doctor of Historical Sciences, Institute of Social Demography of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: dazishen@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения в 1990-х гг. первого этапа современной китайской миграции в России (1980−1990-е гг.). В современной историографии опыт изучения китайской миграции в 1990-х гг. изучен недостаточно, нет ни одной работы, специально посвященной этому вопросу. Целью работы является становление в российской науке изучения современной китайской миграции и выявление факторов и проблем, не позволивших в 1990-х гг. решить задачи комплексного изучения этого вопроса в России. Источниковой базой для исследования послужили научные работы, опубликованные в 1990-х − начале 2000-х гг. В результате исследования установлено, что на рубеже 1980−1990-х гг. проблемы китайской миграции были подняты научными сотрудниками Института Дальнего Востока Академии наук в работах, опубликованных в институтских изданиях (Е.В. Спрогис и др.). Но в дальнейшем, до начала 2000-х гг., кроме В.Я. Портякова, никто из ведущих ученых из этого института не публиковал исследований по данной теме. В 1990-х гг. оформилось три центра изучения проблемы − регионы Дальнего Востока, Иркутск и Москва. Обобщающие исследования выполнили и опубликовали историки-востоковеды В.И. Дятлов, В.Л. Ларин и В.Г. Гельбрас, в числе первых исследователей китайской миграции на Дальнем Востоке были Н.В. Конокова, И.В. Оськина, Р.В. Вахненко, заметный вклад в изучение вопроса внесли известные демографы и социологи (Ж.А. Зайончковская, Е.Л. Мотрич и др.), историки и географы из дальневосточных регионов, молодые ученые из российских регионов (Г.Б. Дудченко и др.). Первые результаты исследований в регионах были опубликованы в середине 1990-х гг. в сборниках материалов научно-практических конференций. В результате исследования сделаны выводы о том, что к началу 2000-х гг. в России тема китайской миграции осталась слабо изученной. Тем не менее исследования 1990-х гг. позволили решить ряд насущных проблем, отчасти выполнить задачи, поставленные перед исследователями. В опубликованных работах в конце 1990-х − начале 2000-х гг. был опровергнут популярный в политике и общественном мнении тезис о том, что следствием российско-китайских миграционных связей была «китайская демографическая опасность» для России.

Ключевые слова: китайские мигранты в России, историография 1990-х гг., проблемы изучения миграционных процессов, В.И. Дятлов, В.Л. Ларин, В.Г. Гельбрас.

Статья поступила в редакцию 15.06.2026 г.

Важнейшим фактором экономического развития России на протяжении нескольких последних десятилетий является китайская трудовая миграция. Кроме того, китайские мигранты влияют на политическую, социокультурную и демографическую ситуацию в стране. Неслучайно в российском обществе сложился устойчивый интерес к теме, потребность в объективной картине китайской миграции.

Современный этап истории китайской миграции начался в конце 1980-х гг. на завершающем этапе нормализации советско-китайских отношений. В это время были предприняты первые попытки изучения и осмысления данного явления. Первый этап изучения китайской миграции проходил в сложный и противоречивый период истории России и русско-китайских отношений. Это было время неоправданных ожиданий, панических прогнозов, околонаучных спекуляций. Задачи объективного знания об окружающей реальности призвано решать научное сообщество. Неслучайно уже в период истории современной китайской миграции, начавшейся во время нормализации советско-китайских отношений в конце 1980-х гг. и продолжавшейся до конца 1990-х гг., был накоплен опыт изучения этой миграции российскими учеными.

Попытки обобщить первый опыт изучения китайской миграции предпринимались с начала 2000-х гг. Иркутский исследователь В.И. Дятлов в 2000 г. констатировал: «Ситуация с массовым проникновением китайцев в Россию и формированием постоянной диаспоры исследована также слабо и выборочно», отметив при этом: «За эти годы сложилась пусть и небольшая, но историографическая традиция. Ее основу составляют попытки оценить масштабы и формы миграционного процесса, особенно его нелегальной составляющей. В меньших масштабах описана и проанализирована экономическая деятельность мигрантов и особенно процесс формирования постоянных общин. Наиболее обсуждаемую часть проблемы можно условно охарактеризовать как “геополитическую”»[1]. Исследователь отметил такие проблемы: «сложная ситуация с источниками», «не сформировалось комплексного подхода к изучению этого чрезвычайно сложного и многомерного феномена», «изучение… ведется вне контекста общемирового опыта»[2].

Дальневосточные историки, опубликовавшие в 2002 г. результаты исследовательского проекта «Миграционные процессы в Приморье в XX в. и их исторические последствия (этнический аспект)», утверждали: «Сегодня ученые, исследующие современные миграционные процессы на рубеже XX−XXI вв., достигли существенных успехов… В трудах Ж.А. Зайончковской, Т.С. Витковской, В.Г. Гельбраса и др. был апробирован метод социологических исследований в дальневосточном регионе… Отличительной чертой изучения собственно этнического в миграционных процессах явилось его исследование в контексте международных миграций… особенно привлекли внимание ученых факты пребывания и деятельности иностранцев в Приморье, что получило освещение в трудах Л.Л. Рыбаковского. Е.И. Красинец, Ж.А. Зайончковской, Т.С. Витковской, а также ученых востоковедов В.С. Мясникова, В.Г. Гельбраса, В.Я. Портякова, А.Д. Воскресенского, Ю.М. Галеновича, М. Носова, Д. Тренина, В.Л. Ларина и др., специализирующихся на изучении новейшей истории и современности»[3]. Однако в ссылках к этому утверждению не указано ни одной авторской работы большинства перечисленных ученых, а в названиях указанных работ не встречается слов «Китай» или «китайцы», за исключением одной монографии В.Л. Ларина. Далее авторы монографии «Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке» указали еще около 30 имен исследователей, внесших вклад в изучение «международной миграции в отношении своего края», но без ссылок на работы этих ученых. В отличие от В.И. Дятлова, дальневосточные исследователи не указали на проблемы и недостатки историографии вопроса.

Нередко авторы обобщающих работ в начале 2000-х гг. вообще игнорировали накопленный опыт, например в обобщающей аналитической работе «Китайская диаспора в России», подготовленной работавшей по заказу государственных структур и зарубежных фондов общественной организацией Центр политической информации (ЦПИ), имеется лишь одна ссылка на одну научную публикацию российского ученого[4]. В обобщающей работе профессора МГУ В.Г. Гельбрас «Китайская реальность России» отсутствует историографический очерк, но отмечается помощь Т.Д. Ждановой, М.С. Мейер, Д.В. Тренина, Г.С. Витковской и Ж.А. Зайончковской, а в качестве непосредственных участников исследования названы В.В. Кузнецова, О.А. Машкина, Е.Л. Мотрич, В.Л. Ларин и студенты-китаисты Института стран Азии и Африки МГУ[5].

Лишь в 2013 г. один из ведущих российских китаеведов А.Г. Ларин опубликовал в журнале «Проблемы Дальнего Востока» статью, посвященную проблеме изучения китайской миграции в России, правда не только и не столько эпохи 1990-х гг. Авторитетный китаевед из Института Дальнего Востока РАН в целом позитивно оценил результаты работы

[1] *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000. С. 14.
[2] Там же. С. 15.
[3] *Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 5.
[4] Китайская диаспора в России // Информационно-аналитический бюллетень. 2003. № 16.
[5] *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001. С. 14.

исследователей в 1990-е гг.: «Заметные успехи были достигнуты к концу 1990-х гг. В эти годы известными специалистами по вопросам миграции Г.С. Витковской и Ж.А. Зайончковской в ходе масштабной научной экспедиции в приграничные территории Сибири и Дальнего Востока было осуществлено комплексное исследование темы. Ученые опросили свыше 2 тыс. российских граждан… и несколько сот китайских мигрантов, а подготовленная ими система анкет легла в основу последующих социологических обследований. Тогда же, на рубеже 1990−2000-х гг., появились значительные работы, которые во многом задали тон дальнейшим исследованиям… Мы имеем в виду монографии В.Г. Гельбраса… целый ряд статей и разделов в монографиях В.Л. Ларина… монографию В.И. Дятлова “Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта?”»[6]. В 2014 г. в Институте Дальнего Востока РАН вышло обобщающее исследование «Основные направления и проблемы российского китаеведения», в котором был выделен раздел «Китайские мигранты в России»[7]. В части, касающейся изучения «современной проблематики, касающейся гостей из Поднебесной», в работу был включен выше процитированный текст из опубликованной статьи А.Г. Ларина[8]. Кроме этого, при описании результатов исследований имеются ссылки на коллективные публикации, выполненные под руководством Л.Л. Рыбаковского, А.С. Ващук и др. Таким образом, в отечественном китаеведении поднимались проблемы изучения китайской миграции на первом этапе истории постсоветской России, в исследованиях говорилось о крупных обобщающих работах нескольких ученых.

Цель нашей работы − попытка рассмотреть опыт исследования проблем китайской миграции, накопленный в 1990-х гг., выявить факторы и проблемы, которые не позволили российским исследователям в 1990-х решить задачи комплексного изучения этой проблемы.

Основу источниковой базы нашего исследования составляют научные публикации 1990-х гг., с учетом того, что результаты исследований этого времени могли быть опубликованы и в начале 2000-х гг. В своем исследовании мы опирались на собственный опыт полевых исследований и опыт общения с коллегами в 1990-х гг.

Современная история китайской миграции в России началась во второй половине 1980-х гг. и прошла через несколько этапов, определяемых политическим и экономическим развитием Российского государства и общества. Рубежным событием истории китайской миграции стали советско-китайские соглашения, подписанные в 1988 г. Тогда был подписан договор о безвизовом пересечении границы и первые соглашения о межрегиональном сотрудничестве. Например, в «Протоколе переговоров» между делегациями Забайкальского района и города Маньчжурия от 15 апреля 1988 г. говорилось о «поставке городом Маньчжурия… рабочей силы для строительства в Забайкальском районе…»[9]. 30 августа 1990 г. в Пекине было подписано «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях СССР». Таким образом, китайская миграция стала важным фактором развития России на завершающем этапе советского периода истории. После распада СССР Российская Федерация в качестве правопреемника Советского Союза продолжала развивать отношения с Китаем. Сохранялась и постепенно совершенствовалась договорно-правовая база и практика китайской миграции. В целом 1990-е гг. стали сложным и противоречивым периодом истории китайской миграции в России. Перед отечественной наукой встали сложные проблемы изучения этого нового в истории страны явления в условиях повышенного общественного запроса и свойственных революционной эпохе проблем для самой науки.

[6] *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. Современные российские исследования // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 115.
[7] Основные направления и проблемы российского китаеведения. М., 2014. С. 262−273.
[8] Там же. С. 265.
[9] *Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, 2003. С. 390−391.

Научное сообщество отреагировало на появление новой проблемы еще накануне распада СССР. В советской академической науке проблемы отношений с Китаем, в том числе и миграционные, находились прежде всего в ведении Института Дальнего Востока (ИДВ АН СССР, ИДВ РАН). На страницах академических изданий, составленных сотрудниками Института, были представлены данные о начале китайской трудовой миграции в России. В 1990 г. вышел ежегодник «Китайская Народная Республика. Политика, экономика, культура» за 1988 г., где говорилось: «Активно развивается и такая новая форма советско-китайских экономических связей, как привлечение китайской рабочей силы для строительных и сельскохозяйственных работ на Дальнем Востоке. В первой половине года сообщалось только о единичных примерах такого сотрудничества <…>. Во второй половине года масштабы <…> расширились <…>. По состоянию на начало октября, число китайских рабочих, находившихся в дальневосточных районах СССР для выполнения подписанных контрактов, превысило 750 человек»[10]. В следующем ежегоднике за 1989 г. было указано: «В 1989 г. широкое распространение получило привлечение китайской рабочей силы <…>. В Советский Союз для осуществления договоренностей выехали из Китая свыше 10 тыс. человек… Выгодной для обеих сторон формой сотрудничества явилось приглашение китайских сельскохозяйственных рабочих и агротехников»[11]. В последующих ежегодниках сотрудники Института Дальнего Востока продолжали писать о развитии китайской трудовой миграции в России[12].

В опубликованном в 1990 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» материале о состоявшейся в декабре 1989 г. в Институте Дальнего Востока РАН научно-практической конференции, посвященной проблемам развития связей между РСФСР и провинциями Северо-Восточного Китая, говорилось: «Еще одно важное направление советско-китайского экономического сотрудничества − использование китайской рабочей силы <…> на территории СССР трудится более 6 тыс. рабочих из провинций Северо-Восточного Китая»[13]. В 1990 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» под рубрикой «Мнение специалиста» вышла статья научного сотрудника ИДВ АН СССР Е.В. Спрогис «Как сотрудничаем с Китаем». В работе отмечалось, что «на территории СССР трудятся более 10 тыс. китайских рабочих и специалистов <…>. Экспорт рабочей силы осуществляется в двух формах: оказания “трудовых услуг” и выполнения подрядных строительных работ»[14]. Статья Е.В. Спрогис стала одной из первых авторских публикаций исследователей, в которых затрагивалась проблема современной китайской трудовой миграции. Однако, несмотря на то, что публикация размещалась в академическом журнале, в ней отсутствовали научно-справочный аппарат и ссылки на источники.

В постсоветский период научные сотрудники ИДВ РАН продолжали следить за развитием китайской трудовой миграции. Однако в публикациях появились ссылки на некие «оценки». Например, в ежегоднике «Китайская Народная Республика» за 1992 г. говорилось, что в России «по оценкам, находилось свыше 30 тыс. китайских специалистов и рабочих»[15]. Что касаетесь авторских работ, нам не удалось выявить ни одного исследования сотрудника ИДВ РАН, посвященного китайской миграции в 1990-х гг., за исключением статьи В.Я. Портякова, опубликованной в неакадемическом журнале[16]. Показательно, но до 2000 г. ни в одном центральном академическом журнале не появилось ни одной статьи, посвященной проблемам китайской миграции в Российской Федерации.

[10] Китайская Народная Республика в 1988 году. Политика, экономика, культура. Ежегодник. М., 1990. С. 163−164.
[11] Китайская Народная Республика в 1989 году. Политика, экономика, культура. Ежегодник. М., 1991. С. 175−177.
[12] Китайская Народная Республика в 1991 г. Политика, экономика, культура. Ежегодник. М., 1994. С. 139.
[13] *Турчак Т.* Сотрудничество РСФСР и КНР: возможности и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 52.
[14] *Спрогис Е.В.* Как сотрудничаем с Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 20.
[15] Китайская Народная Республика в 1992 году. Политика, экономика, культура. Ежегодник. М., 1994. С. 183.
[16] *Портяков В.Я.* Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Международная жизнь. 1996. № 2.

В новых исторических условиях постсоветской истории России первыми вынуждены были обратить внимание на проблемы китайской миграции дальневосточные ученые. В это время ведущим центром науки на Дальнем Востоке был Владивосток, где размещались Дальневосточное отделение РАН, включая Институт истории археологии и этнографии (ИИАЭ ДВО РАН), и Дальневосточный государственный университет (ДВГУ). Владивосток был одним из основных центров российского китаеведения. Кроме того, заметным научным потенциалом, необходимым для изучения китайской миграции, обладали Хабаровск и Благовещенск.

В 1994 г. в ИИАЭ ДВО РАН была организована международная научная конференция «Миграционные процессы в Восточной Азии», по результатам которой опубликован сборник тезисов докладов и сообщений. В ряде публикаций был представлен первый опыт изучения китайской миграции на востоке России. Небольшая статья Н.В. Коноковой и И.В. Оськиной «Внешние миграции в Амурской области (90-е годы XX в.)» представляла собой качественный анализ развития китайской миграции на территории Амурской области с 1989 по 1993 г. В работе граждане КНР были разделены на три группы: постоянно проживающие на территории области, временно проживающие и транзитные. Отмечалось, что за эти годы 61 китаец получил вид на жительство, но желающих было в три раза больше. Исследователи показали не только численность китайских рабочих в Амурской области по сферам занятости, но и сделали «анализ использования иностранных рабочих». Кроме того, в статье была рассмотрена проблема «неконтролируемой миграции»[17]. Недостатком работы являлось отсутствие ссылок на источники. Эта проблема особенно заметна в ситуации, когда в другой статье из этого сборника представлены другие данные о численности китайских рабочих в Амурской области[18]. Проблемам китайской миграции в Приморском крае была посвящена небольшая работа Р.В. Вахненко, в ней, в частности, говорилось: «С февраля по май 1994 г. со стороны Китая в край въехало 4 037 чел., а возвратилось в установленные сроки всего 1 180 чел.»[19]. Таким образом, в сборнике тезисов докладов и сообщений международной научной конференции «Миграционные процессы в Восточной Азии», опубликованном в 1994 г. во Владивостоке, впервые были представлены результаты исследований проблем китайской миграции в России в начале 1990-х гг. Характер издания, как указали сами издатели, «учитывая ограниченный объем издания, тезисы сокращены», а ссылки на источники отсутствовали, значительно снизил ценность данной уникальной для отечественной науки публикации.

В дальнейшем ИИАЭ ДВО РАН сохранял лидирующие позиции в изучении китайской миграции в России. В частности, в октябре 1994 г. Лаборатория изучения общественного мнения института провела первый опрос общественного мнения на предмет отношения населения Дальнего Востока к китайцам и к китайской миграции. В диссовете при ИИАЭ ДВО РАН в 1997 г. прошла защита диссертации Н.В. Кононковой «Развитие международных связей Амурской области с государствами Северо-Восточной Азии в конце 80-х − начале 90-х годов XX века». В этом исследовании, в главе «Внешнеэкономические связи Амурской области», были рассмотрены вопросы «импорта» в Амурскую область китайской рабочей силы, а значительная часть третьей главы «Международные политические и гуманитарные связи. Внешние миграции в Амурской области» была посвящена проблемам китайской миграции в регионе.

[17] *Кононкова Н.В., Оськина И.В.* Внешние миграции в Амурской области (90-е годы XX в.) // Миграционные процессы в Восточной Азии: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (20−24 сентября 1994 г.). Владивосток, 1994. С. 18−20.

[18] *Шиндялов Н.А., Шиндялова И.П.* К вопросу о возможных последствиях миграционных процессов в Приамурье // Миграционные процессы в Восточной Азии… С. 42.

[19] *Вахненко Р.В.* Миграция иностранцев в Приморский край // Миграционные процессы в Восточной Азии… С. 110−111.

В конце 1990-х гг. вопросами китайской миграции на Дальнем Востоке занималась специалист в области социально-демографической истории, руководитель центра по изучению социальной истории и политики ИИАЭ ДВО РАН А.С. Ващук[20]. Во второй половине 1990-х гг. изучением проблем китайской миграции на Дальнем Востоке занялся молодой владивостокский ученый Г.Б. Дудченко, в 1999 г. вышла в свет его статья «Отраслевая и территориальная структура китайской трудовой миграции в России на современном этапе»[21]. Исследователь в своих работах рассматривал различные регионы, например Иркутскую область[22]. В начале 2000-х Г.Б. Дудченко защитил в Институте истории археологии и этнографии ДВО РАН диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Китайская, вьетнамская и северокорейская миграция на юге Дальнего Востока России в 80−90-е годы XX века».

В Амурской области в 1990-е гг., кроме историка Н.В. Кононковой[23], вопросы китайской миграции поднимала географ из Амурского государственного университета Л.А. Понкратова[24]. Китайская миграция в Амурской области рассмотрена в работах Т.Г. Родионовой[25] и Т.Я. Яроповой[26]. В статье научного сотрудника Института экономических исследований ДВО РАН в Хабаровске кандидата экономических наук Е.Л. Мотрич был представлен анализ данных социологического исследования «Китайское землячество в г. Хабаровске», проведенного в 1998−1999 гг.[27]

Ведущим исследователем проблем китайской миграции не только на Дальнем Востоке, но и в России в целом, в 1990-х гг. был директор ИИАЭ ДВО РАН В.Л. Ларин. Глава дальневосточной китаеведческой научной школы исследовал китайскую миграцию в России в общей системе российско-китайских отношений в контексте проблем регионального развития. В конце 1990-х гг. вышли в свет его первые обобщающие работы по современным проблемам российско-китайских отношений, где уделено большое внимание вопросам китайской миграции. В монографии «Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия» одна из семи глав называется «Китайская миграция», в которой выделены такие параграфы: «Контрактные рабочие», «Нелегальная миграция», «Некоторые характеристики мигрантов» и «Корни в истории»[28]. Результаты исследования В.Л. Ларина в 1990-х гг. также были обобщены в опубликованной в 2001 г. статье «Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам»[29].

---

[20] *Ващук А.С.* Национальные отношения и проблемы этнических миграций в Приморье (90-е годы XX века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2000. № 2. С. 20−30.

[21] *Дудченко Г.Б.* Отраслевая и территориальная структура китайской трудовой миграции в России на современном этапе // Российское Приморье и КНР на рубеже третьего тысячелетия: современное состояние и перспективы сотрудничества. Владивосток, 1999.

[22] *Дудченко Г.Б.* Китайская миграция в Россию в 90-е гг. // Четвертая научная конференция преподавателей и студентов Восточного института: тез. докл. Владивосток, 1999. С. 46.

[23] *Кононкова Н.В.* Международные политические связи Амурской области с сопредельными территориями КНР // Вестник Амурского государственного университета. 1997. Вып. 2. С. 18−20.

[24] *Понкратова Л.А.* Китайская рабочая сила на региональном рынке труда // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 2. Благовещенск, 2000. С. 362−371.

[25] *Родионова Т.Г.* Трудовые миграции китайской рабочей силы в Амурской области в 1990-е годы // История российско-китайских отношений: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 1999. С. 52−53; *Родионова Т.Г.* Занятость населения Амурской области и миграции китайской рабочей силы // Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск, 1999. С. 131−136.

[26] *Ярополова Т. В.* Китайская миграция в Амурскую область и ее проблемы // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 97−98; *Ярополова Т.В.* Регулирование процессов внешней трудовой миграции: состояние и перспективы // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 1. Благовещенск, 2000. С.185−194.

[27] *Мотрич Е.Л.* Китайская миграция: реальность и проблемы. На примере Хабаровского края // Россия и АТР. 1999. № 3. С. 52−53.

[28] *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С. 104−117.

[29] *Ларин В.Л.* Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // Диаспоры. 2001. № 2−3. С. 76−112.

Вслед за Дальним Востоком интерес к проблемам китайской миграции в середине 1990-х гг. проявили сибирские ученые. Первые работы по этой теме были опубликованы в сборнике материалов десятой научной конференции по востоковедению, организованной Центром азиатско-тихоокеанских исследований в Иркутском государственном университете (ЦАТИ ИГУ). Публикация Д.А. Дорохова «Современная иркутская пресса о китайцах» начиналась со слов: «Уже четвертый год в Иркутске и регионе идет бурный процесс образования китайской диаспоры»[30]. Опубликована небольшая статья Е.В. Дятловой «Численность и структура брачных связей китайцев современного Иркутска (1989–1995 годы)»[31]. Молодой сибирский исследователь рассмотрела проблему «формирования оседлой постоянной общины» китайцев посредством браков. Источником для анализа стали «журналы записи актов о заключении брака за 1989–1995 гг.» в иркутском Доме бракосочетаний[32]. Е.В. Дятлова выявила, что за 7 лет в этом Доме бракосочетаний заключили брак с российским гражданином 98 родившихся в Китае китайцев. Данная работа является примером, когда изучение частного вопроса на ограниченной источниковой базе позволяет увидеть большое проблемное поле и ограниченность общественных представлений об этих проблемах. В том же сборнике была помещена публикация Е.В. Палютиной «“Торговые народы” современного Иркутска в общественном мнении (по результатам анкетирования студентов)»[33]. Историк на основе анкетирования студентов иркутских вузов подтвердила устойчивые представления о негативном отношении российского общества к китайской миграции. Кроме того, учитывая предыдущие исследования, Е.В. Палютина зафиксировала усиление негативного отношения к китайцам, приписывание новых, не фиксируемых ранее негативных черт, таких как «наглость» и «криминогенность»[34].

В конце 1990-х гг. были опубликованы результаты исследований ряда проблем, связанных с китайскими мигрантами в Иркутске. В 1998–1999 гг. вышли в свет статьи Д.Г. Люстрицкого «Уровень преступности среди граждан КНР в Иркутской области в 1997 г.»[35] и Е.В. Палютиной «Студенты в Китайской диаспоре Иркутска: некоторые характеристики группы и ситуации»[36]. В сборнике конференции за 2000 г. была опубликована статья иркутского историка О.Л. Воронина «Этническая преступность в России (на примере китайской диаспоры)»[37], а также две научные публикации, посвященные проблемам, связанным с китайским рынком в Иркутске[38].

Ведущим исследователем проблем китайской миграции в Сибири во второй половине 1990-х гг. стал доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета В.И. Дятлов. Уже в его первой по этой проблеме статье «Китайцы в Иркутске»[39], опубликованной в 1997 г., были представлены не только официальные данные о численности китайцев в регионе, но и обозначен круг проблем, связанных с китайской миграцией в России. Центральной проблемой в раб-

[30] *Дорохов Д.А.* Современная иркутская пресса о китайцах // Восток и Россия: взгляд из Сибири: мат-лы и тез. докл. к науч.-практ. конф. Иркутск, 1996. С. 337.

[31] *Дятлова Е.В.* Численность и структура брачных связей китайцев современного Иркутска (1989–1995 гг.) // Восток и Россия: взгляд из Сибири… С. 340–342.

[32] *Дятлова Е.В.* Численность и структура брачных связей китайцев современного Иркутска… С. 340.

[33] *Палютина Е.В.* «Торговые народы» современного Иркутска в общественном мнении (по результатам анкетирования студентов) // Восток и Россия: взгляд из Сибири… С. 342–345.

[34] *Палютина Е.В.* «Торговые народы» современного Иркутска… С. 344.

[35] *Люстрицкий Д.Г.* Уровень преступности среди граждан КНР в Иркутской области в 1997 г. // Россия и Восток: взгляд из Сибири: мат-лы и тезисы докл. к XI междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 1998. Т. 1. С. 193–195.

[36] *Палютина Е.В.* Студенты в китайской диаспоре Иркутска: некоторые характеристики группы и ситуации // Иркутск. Хроника событий. Документы. Социальные технологии. 1999. № 1. С. 46–54.

[37] *Воронин О.Л.* Этническая преступность в России (на примере китайской диаспоры) // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: мат-лы и тез. докл. к междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2000. Т. 2. С. 180–183.

[38] *Плотникова М.М., Петров А.В.* Шанхайский рынок как точка соприкосновения двух различных культур // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия… Т. 2. С. 183–186; *Кузнецов Р.* «Шанхайский» рынок в Иркутске // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия… Т. 2. С. 187–198.

[39] *Дятлов В.И.* Китайцы в Иркутске // Миграция. 1997. № 3. С. 8–12.

отах В.И. Дятлова стало формирование китайской диаспоры в России и взаимодействия между принимающим обществом и мигрантами. Источниковой базой исследований В.И. Дятлова послужили статистические данные, материалы периодической печати и данные социологических опросов. В 2000 г. в Москве было опубликовано обобщающее исследование «Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске)»[40]. Однако автор заранее указывает, что у него «нет претензий на глобальные обобщения <…> ее положения дискуссионны и заведомо слабо подкреплены фактическим материалом» [41]. Собственно китайской миграции в этой работе посвящена одна глава − «“Великий шмотковый путь”: динамика проникновения и адаптации китайских мигрантов, их место в принимающем обществе»[42]. В этой главе представлено проблемное поле китайской миграции, иллюстрируемой в основном материалами местной периодической печати и некоторыми статистическими данными, в значительной мере данными без ссылок на источники.

В конце 1990-х гг. интерес к проблемам китайской миграции в регионах России проявили представители центральных научных и научно-образовательных центров в Москве. Одним из руководителей исследований и известным экспертом по вопросам китайской миграции в 1990-е гг. был отставной военный кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН Д.В. Тренин[43]. Ведущим исследователем китайской миграции в России в конце 1990-х гг. стала известный демограф, кандидат географических наук, научный сотрудник Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН Ж.А. Зайончковская. В 1998 г. была опубликована единственная за первое десятилетие постсоветской истории России статья Ж.А. Зайончковской, посвященная непосредственно проблемам китайской трудовой миграции[44]. В дальнейшем исследователи часто ссылались на ее работы: «По мнению Ж. Зайончковской, к середине XXI века китайцы в России могут стать вторым по численности народом, расселенным по всей территории. Их численность может достичь 10 млн человек»[45]. В своих исследованиях Ж.А. Зайончковская взаимодействовала с социологом, старшим научным сотрудником Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН Г.С. Витковской. Ученые часто ссылаются на их общую статью «Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии»[46].

Изучение китайской миграции в конце 1990-х гг. в России проходило в рамках социологических исследований. Ученые использовали статистический метод, реже в работах использовался аналитический метод, когда они проводили анализ опубликованных материалов и исследовательской литературы. В конце 1990-х гг. были проведены самые масштабные социологические исследования по проблемам китайской миграции. В октябре-ноябре 1998 г. в Москве, затем в феврале-марте 1999 г. в Хабаровске, Владивостоке и Уссурийске был проведен анонимный опрос 757 представителей китайских землячеств, а также сотен местных жителей. Обобщил эти исследования известный китаевед В.Г. Гельбрас в работе «Китайские землячества в российских регионах»[47] и других публикациях[48]. Проблема была в том, что к началу 1990-х гг. в советской социологической науке не было опыта изучения китайцев.

---

[40] *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства…
[41] Там же. С. 20.
[42] Там же. С. 114−140.
[43] *Тренин Д.* Китайская проблема России. М., 1998.
[44] *Зайончковская Ж.А.* Китайская иммиграция через призму рынка труда // Российский демографический журнал. 1998. № 1. С. 12−18.
[45] *Рязанцев С.В., Хунмэй Я.* Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию. М., 2010. С. 67.
[46] *Зайончковская Ж.А., Витковская Г.С.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М., С. 80−121
[47] *Гельбрас В.Г.* Китайские землячества в российских регионах // Диаспоры. 2001. № 2−3. С. 113−125.
[48] *Гельбрас В.Г.* Новый этап китайской миграции в регионы России // Российская Западная Сибирь − Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность: мат-лы междунар. конф. Барнаул, 2003. С. 45−50.

Можно выделить три группы, занимавшиеся социологическим изучением китайцев в 1990-е гг.: профессиональные социологи, но среди них не было китаеведов, и они, как правило, не привлекали в ходе своей работы даже переводчиков; профессиональные китаеведы, но без опыта социологических исследований; представители различных общественных наук, решившие заняться этой проблемой. В ряду главных проблем, не позволивших решить задачи изучения китайской миграции, безусловно было то, что большинство социологических исследований китайских мигрантов проводилось без привлечения китаеведов. Не зафиксировано участие китаеведов в социологических исследованиях в Иркутске и Амурской области. Российские исследователи, как правило, слабо представляли себе китайскую культуру, этнокультурное разнообразие КНР. Поскольку история и культура традиционного Китая полностью отсутствовали в системе среднего и высшего образования в СССР, то «завоевать доверие при социологических опросах» могли лишь отдельные граждане России, получившие эти знания на «узких специальностях» или путем самообразования. Но такого рода специалисты в подавляющем большинстве не владели ремеслом социолога и были заняты другого рода исследованиями. Более того, заказчики исследований, потребители научной продукции, широкие слои российского общества также слабо представляли себе китайскую культуру, не могли критически воспринимать результаты исследований.

Исследователь китайской миграции В.Г. Гельбрас писал: «Обследования были сопряжены с многочисленными трудностями. Главная из них состояла в том, что китайские мигранты не желали отвечать на вопросы анкеты. Потребовалось немало усилий для налаживания взаимопонимания с респондентами и завоевания их доверия, необходимого в связи с тем, что часть из них не умеет читать ни по-русски, ни по-китайски <…>»[49]. Представляется убедительным указание на то, что китайские мигранты далеко не всегда соглашались отвечать на вопросы и принимать участие в исследованиях. Очевидно, что даже у китаеведов возникали трудности коммуникации с малообразованными рабочими из Китая. Но непонятно, что исследователь имел в виду, говоря о «неграмотности» китайцев, и как это мешало проведению анкетированию. Известный китаевед не пояснил, кто и как «завоевывал доверие» при социологических опросах. Из нашего опыта можно отметить, что китайцы с удовольствием начинали общаться лишь в том случае, если видели в собеседнике человека, уважающего их культуру, знающего классическую поэзию, особенности истории и культуры тех регионов, выходцами из которых и были мигранты.

Отсутствие сколько-нибудь полной картины китайской миграции обусловлено географией исследований. В 1990-х гг. интерес к проблемам китайской миграции регионального научного сообщества был отмечен лишь в трех приграничных регионах Дальнего Востока и в Иркутской области. Представители столичной науки провели социологические исследования в Москве, Хабаровске, Владивостоке и Уссурийске[50]. Ограниченной была источниковая база исследований, что хорошо просматривается даже в обобщающих работах. Например, В.И. Дятлов в своем исследовании опирается на немногочленные научные публикации и материалы периодической печати, а статистические материалы даются в подавляющем большинстве без ссылок на источники. Неслучайно сам автор указывает, что ему удалось исследовать лишь «отношение принимающего общества к мигрантам»[51]. Крайне ограниченным было и количество охваченных социологическим исследованием китайских мигрантов. Даже обобщающие работы московских ученых, как указывает В.Г. Гельбрас, основаны на опросах лишь 757 китайцев, большая часть из которых проживала в Москве[52].

Таким образом, в 1990-х гг. исследователям не удалось установить численность китайских мигрантов в России. Экономист Е.Л. Мотрич писала: «К сожалению, до сих пор не существует надежной статистики относительно числа китайцев, проживающих на территории Дальнего Востока <…> Объективной оценки нет, поскольку существует множество

[49] *Гельбрас В.Г.* Китайские землячества в российских регионах // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 113.
[50] Там же. С. 113.
[51] *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства… С. 13.
[52] *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России… С. 21.

проблем по контролю за движением китайцев по территории России»[53]. В.Г. Гельбрас считал, что «по первоначальному замыслу в ходе анкетного опроса предполагалось найти пути к определению численности китайцев в России», но «осуществить замысел не удалось»[54]. В исследованиях не было представлено этнокультурное разнообразие китайской миграции, политические установки и культурно-бытовые предпочтения мигрантов, за рамками исследований остались многие интересные и важные для научного познания вопросы.

Несмотря на указанные проблемы и недостатки, исследования 1990-х гг. позволили решить ряд насущных проблем, отчасти выполнить задачи, поставленные перед исследователями. Благодаря дальневосточным, иркутским и московским исследователям на академический уровень была поднята проблема китайской миграции в России, очерчен круг исследовательских проблем. К исследованиям подключились представители разных научных специальностей и направлений, в том числе демографы, экономисты и социологи. Дальневосточники смогли привнести комплексность и системность в изучение темы, и здесь особо необходимо отметить организационный и научно-теоретический вклад В.Л. Ларина. В первых публикациях были выявлены и озвучены проблемы, препятствовавшие проведению полноценных масштабных исследований по этой теме, и здесь в первую очередь необходимо отметить работы В.И. Дятлова. Участие профессионального китаеведа В.Г. Гельбраса придало научность и глубину исследованиям московских ученых. Исследованиями 1990-х гг. не была решена даже задача определения численности китайских трудовых мигрантов в России, но был дан ответ на самый актуальный для российской общественности вопрос об «опасности китайской демографической экспансии». В частности, глава «Численность китайцев в России» в обобщающей работе «Китайская реальность России» заканчивается выводом: «приведенные выше данные представителей МВД, Миннаца, бывшей ФМС РФ, создающих впечатление о массированном переселении китайцев в Россию, не соответствуют действительности <…> в настоящее время нет оснований говорить ни о китайской демографической экспансии, ни о массированном притоке китайцев в Россию»[55]. Наиболее подробно этот вывод обоснован в работах В.Л. Ларина.

Таким образом, несмотря на исследовательскую активность и отмеченные выше достижения, мы полагаем, что к началу 2000-х гг. тема китайской миграции в России осталась слабо изученной. В России не было необходимого числа специалистов, способных провести масштабные исследования по всей стране, у государства не хватало ресурсов для их организации и обеспечения. Тем не менее 1990-е гг. стали важным периодом изучения китайской миграции в России на первом этапе становления современной российской науки.

Литература

Вахненко Р.В. Миграция иностранцев в Приморский край // Миграционные процессы в Восточной Азии: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (20−24 сентября 1994 г.). Владивосток, 1994. С. 110−111.

Ващук А.С. Национальные отношения и проблемы этнических миграций в Приморье (90-е годы XX века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2000. № 2. С. 20−30.

Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.

Воронин О.Л. Этническая преступность в России (на примере китайской диаспоры) // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: мат-лы и тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Оттиск, 2000. Т. 2. С. 180−183.

Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.

Гельбрас В.Г. Китайские землячества в российских регионах // Диаспоры. 2001. № 2−3. С. 113−125.

[53] *Мотрич Е.Л.* Китайская миграция… С. 52.
[54] *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России… С. 27.
[55] Там же. С. 44.

Гельбрас В.Г. Новый этап китайской миграции в регионы России // Российская Западная Сибирь − Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность: мат-лы междунар. конф. Барнаул: Аз Бука, 2003. С. 45−50.

Гельбрас В. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. 203 с.

Дорохов Д.А. Современная иркутская пресса о китайцах // Восток и Россия: взгляд из Сибири: мат-лы и тез. докл. науч.-практ. конф. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1996. С. 337−340.

Дудченко Г.Б. Китайская миграция в Россию в 90-е гг. // Четвертая научная конференция преподавателей и студентов Восточного института: тез. докл. Владивосток, 1999. С. 45−47.

Дятлов В.И. Китайцы в Иркутске // Миграция. 1997. № 3. С. 8−12.

Дятлов В. Торговые меньшинства как источник этнополитической напряженности в российской провинции (на примере Иркутска) // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М.: Наталис, 1999. С. 240−265.

Дятлов В. Современные торговые меньшинства: Фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. 190 с.

Дятлова Е.В. Численность и структура брачных связей китайцев современного Иркутска (1989−1995 гг.) // Восток и Россия: взгляд из Сибири: мат-лы и тез. докл. науч.-практ. конф. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1996. С. 340−342.

Зайончковская Ж.А. Возможно ли организовать переселение на Дальний Восток? // Миграция. 1997. № 3. С. 13−14.

Зайончковская Ж.А. Китайская иммиграция через призму рынка труда // Российский демографический журнал. 1998. № 1. С. 12−18.

Захарова О.Д., Миндогулов В.В., Рыбаковский Л.Л. Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 11−21.

Китайская Народная Республика в 1988 году. Политика, экономика, культура. Ежегодник / гл. ред. М.И. Сладковский. М., 1990. 383 с.

Китайская Народная Республика в 1989 году. Политика, экономика, культура. Ежегодник / гл. ред. М.И. Сладковский. М., 1991. 399 с.

Китайская Народная Республика в 1991 году. Политика, экономика, культура. Ежегодник / гл. ред. М.И. Сладковский. М., 1994. 307 с.

Китайская Народная Республика в 1992 году. Политика, экономика, культура. Ежегодник / гл. ред. М.И. Сладковский. М., 1994. 411 с.

Кононкова Н.В. Международные политические связи Амурской области с сопредельными территориями КНР // Вестник Амурского государственного университета. 1997. Вып. 2. С. 18−20.

Кононкова Н.В., Оськина И.В. Внешние миграции в Амурской области (90-е годы XX в.) // Миграционные процессы в Восточной Азии: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (20−24 сентября 1994 г.). Владивосток, 1994. С. 18−20.

Кузнецов Р. «Шанхайский» рынок в Иркутске // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: мат-лы и тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Оттиск, 2000. Т. 2. С. 187−198.

Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.

Ларин В.Л. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // Диаспоры. 2001. № 2−3. С. 76−112.

Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 223 с.

Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX−XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.

Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. Современные российские исследования // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 115.

Люстрицкий Д.Г. Уровень преступности среди граждан КНР в Иркутской области в 1997 г. // Россия и Восток: взгляд из Сибири: мат-лы и тез. докл. XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 1998. Т. 1. С. 193–195.

Мотрич Е.Л. Китайская миграция: реальность и проблемы. На примере Хабаровского края // Россия и АТР. 1999. № 3. С. 51–56.

Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н.Л. Мамаева. М.: Памятники исторической мысли, 2014. 382 с.

Палютина Е.В. «Торговые народы» современного Иркутска в общественном мнении (по результатам анкетирования студентов) // Восток и Россия: взгляд из Сибири: мат-лы и тез. докл. науч.-практ. конф. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1996. С. 342–345.

Палютина Е.В. Студенты в китайской диаспоре Иркутска: некоторые характеристики группы и ситуации // Иркутск. Хроника событий. Документы. Социальные технологии. 1999. № 1. С. 46–54.

Плотникова М.М., Петров А.В. Шанхайский рынок как точка соприкосновения двух различных культур // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: мат-лы и тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Оттиск, 2000. Т. 2. С. 183–186.

Понкратова Л.А. Китайская рабочая сила на региональном рынке труда // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 2. Финансы и внешнеэкономическая деятельность регионов. Благовещенск: Амурский государственный ун-т, 2000. С. 362–371.

Понкратова Л.А. Особенности динамики и структуры международных миграций в приграничных регионах Дальнего Востока // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 308–319.

Портяков В. Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // Международная жизнь. 1996. № 2. С. 79–86.

Родионова Т.Г. Занятость населения Амурской области и миграции китайской рабочей силы // Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. С. 131–136.

Родионова Т.Г. Трудовые миграции китайской рабочей силы в Амурской области в 1990-е годы // История российско-китайских отношений: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 1999. С. 52–53.

Рязанцев С.В., Хунмэй Я. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к регулированию. М.: Экономическое образование, 2010. 150 с.

Спрогис Е.В. Как сотрудничаем с Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 17–24.

Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГПУ, 2003. 320 с.

Тренин Д. Китайская проблема России. М., 1998. 57 с.

Турчак Т. Сотрудничество РСФСР и КНР: возможности и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 49–52.

Шиндялов Н.А., Шиндялова И.П. К вопросу о возможных последствиях миграционных процессов в Приамурье // Миграционные процессы в Восточной Азии: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (20–24 сентября 1994 г.). Владивосток, 1994. С. 41–43.

Ярополова Т.В. Китайская миграция в Амурскую область и ее проблемы // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 97–98.

Ярополова Т.В. Регулирование процессов внешней трудовой миграции: состояние и перспективы // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 1. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2000. С. 185–194.

References

Dorokhov, D.A. (1996). Sovremennaya irkutskaya pressa o kitaytsakh [Modern Irkutsk Press about the Chinese]. In *Vostok i Rossiya: vzglyad iz Sibiri. Materialy i tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 337−340.

Dudchenko, G.B. (1999). Kitayskaya migratsiya v Rossiyu v 90-e gg. [Chinese Migration to Russia in the 90s]. In *Chetvertaya nauchnaya konferentsiya prepodavateley i studentov Vostochnogo instituta. Tezisy dokladov*. Vladivostok, pp. 45−47.

Dyatlov, V. (1999). Torgovye men'shinstva kak istochnik etnopoliticheskoy napryazhennosti v rossiyskoy provintsii (na primere Irkutska) [Trade Minorities as a Source of Ethno-Political Tension in the Russian Province (On the Example of Irkutsk)]. In *V dvizhenii dobrovol'nom i vynuzhdennom. Postsovetskie migratsii v Evrazii*. Moscow, Natalis, pp. 240−265.

Dyatlov, V. (2000). *Sovremennye torgovye men'shinstva: Faktor stabil'nosti ili konflikta? (Kitaytsy i kavkaztsy v Irkutske)* [Modern Trade Minorities: Stability Factor or Conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk)]. Moscow, Natalis. 190 p.

Dyatlov, V.I. (1997). Kitaytsy v Irkutske [Chinese in Irkutsk]. In *Migratsiya*, No. 3, pp. 8−12.

Dyatlova, E.V. (1996). Chislennost' i struktura brachnykh svyazey kitaytsev sovremennogo Irkutska (1989−1995 gg.) [The Number and Sstructure of Marriage Relations of the Chinese of Modern Irkutsk (1989−1995)]. In *Vostok i Rossiya: vzglyad iz Sibiri. Materialy i tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 340−342.

Gelbras, V. (2004). *Rossiya v usloviyakh global'noy kitayskoy migratsii* [Russia in the Context of Global Chinese Migration]. Moscow. 203 p.

Gelbras, V.G. (2001). *Kitayskaya real'nost' Rossii* [Chinese Reality of Russia]. Moscow, Muravey. 320 p.

Gelbras, V.G. (2001). Kitayskie zemlyachestva v rossiyskikh regionakh [Chinese Communities in the Russian Regions]. In *Diaspory*. No. 2−3, pp. 113−125.

Gelbras, V.G. (2003). Novyy etap kitayskoy migratsii v regiony Rossii [A New Stage of Chinese Migration to the Regions of Russia]. In *Rossiyskaya Zapadnaya Sibir' − Tsentral'naya Aziya: novaya regional'naya identichnost', ekonomika i bezopasnost'. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Barnaul, Az Buka, pp. 45−50.

Kononkova, N.V. (1997). Mezhdunarodnye politicheskie svyazi Amurskoy oblasti s sopredel'nymi territoriyami KNR [International Political Relations of the Amur Region with Neighboring Territories of the PRC]. In *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 2, pp. 18−20.

Kononkova, N.V., Os'kina, I.V. (1994). Vneshnie migratsii v Amurskoy oblasti (90-e gody XX v.) [External Migrations in the Amur Region (90s of the 20th Century)]. In *Migratsionnye protsessy v Vostochnoy Azii: tezisy dokladov i soobsheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Vladivostok, pp. 18−20.

Kuznetsov, R. (2000). "Shankhayskiy" rynok v Irkutske ["Shanghai" Market in Irkutsk]. In *Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri v kontse stoletiya. Materialy i tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Ottisk. Vol. 2, pp. 187−198.

Larin, V.L. (1998). Kitay i Dal'niy Vostok Rossii v pervoy polovine 90-kh: problemy regional'nogo vzaimodeystviya [China and the Russian Far East in the First Half of the 90s: Problems of Regional Interaction]. Vladivostok, Dal'nauka. 284 p.

Larin, A.G. (2003). *Kitaytsy v Rossii vchera i segodnya: istoricheskiy ocherk* [The Chinese in Russia Yesterday and Today: A Historical Essay]. Moscow, Muravey. 223 p.

Larin, A.G. (2013). *Kitayskie migranty v Rossii. Sovremennye rossiyskie issledovaniya* [Chinese Migrants in Russia. Modern Russian Research]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 5, pp. 115.

Larin, V.L. (2001). Poslantsy Podnebesnoy na Dal'nem Vostoke: Otvet Alarmistam [Messengers of the Celestial Empire in the Far East: Response to the Alarmists]. In *Diaspory*. No. 2−3, pp. 76−112.

Larin, V.L. (2006). *V teni prosnuvshegosya drakona: Rossiysko-kitayskie otnosheniya na rubezhe XX−XXI vekov* [In the Shadow of a Woke Dragon: Russian-Chinese Relations at the Turn of the 20th−21st Centuries]. Vladivostok, Dal'nauka. 424 p.

Lyustritskiy, D.G. (1998). Uroven' prestupnosti sredi grazhdan KNR v Irkutskoy oblasti v 1997 g. [Crime Rate among Chinese Citizens in the Irkutsk Region in 1997]. In *Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri. Materialy i tezisy dokladov XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk. Vol. 1, pp. 193−195.

Mamaeva, N.L. (2014). *Osnovnye napravleniya i problemy rossiyskogo kitaevedeniya* [The Main Directions and Problems of Russian Chinese Studies]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. 382 p.

Motrich, E.L. (Ed.). (1999). Kitayskaya migratsiya: real'nost' i problemy. Na primere Khabarovskogo kraya [Chinese Migration: Reality and Challenges. On the Example of the Khabarovsk Territory]. In *Rossiya i ATR*. No. 3, pp. 51−56.

Palyutina, E.V. (1996). "Torgovye narody" sovremennogo Irkutska v obshchestvennom mnenii (po rezul'tatam anketirovaniya studentov) ["Trading Peoples" of Modern Irkutsk in Public Opinion (Based on the Results of a Survey of Students)]. In *Vostok i Rossiya: vzglyad iz Sibiri. Materialy i tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 342−345.

Palyutina, E.V. (1999). Studenty v kitayskoy diaspore Irkutska: nekotorye kharakteristiki gruppy i situatsii [Students in the Chinese Diaspora of Irkutsk: Some Characteristics of the Group and the Situation]. In *Irkutsk. Khronika sobyiy. Dokumenty. Sotsial'nye tekhnologii*. No. 1, pp. 46−54.

Plotnikova, M.M., Petrov, A.V. (2000). Shankhayskiy rynok kak tochka soprikosnoveniya dvukh razlichnykh kul'tur [Shanghai Market as a Point of Contact Between Two Different Cultures]. In *Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri v kontse stoletiya. Materialy i tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Ottisk. Vol. 2, pp. 183−186.

Ponkratova, L.A. (2000). Kitayskaya rabochaya sila na regional'nom rynke truda [Chinese Labor Force in the Regional Labor Market]. In *Istoricheskiy opyt osvoeniya Dal'nego Vostoka*. Blagoveshchensk, Amurskiy gosudarstvennyy universitet. Vol. 2, pp. 362−371.

Ponkratova, L.A. (2002). Osobennosti dinamiki i struktury mezhdunarodnykh migratsiy v prigranichnykh regionakh Dal'nego Vostoka [Peculiarities of the Dynamics and Structure of International Migrations in the Border Regions of the Far East]. In *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Blagoveshhensk, AmGU. Vol. 3, pp. 308−319.

Portyakov, V. (1996). Kitaytsy idut? Migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii [Are the Chinese Coming? Migration Situation in the Far East of Russia]. In *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 2, pp. 79−86.

Rodionova, T.G. (1999). Trudovye migratsii kitayskoy rabochey sily v Amurskoy oblasti v 1990-e gody [Labor Migrations of Chinese Labor in the Amur Region in the 1990s]. In *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy: Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Blagoveshchensk, pp. 52−53.

Rodionova, T.G. (1999). Zanyatost' naseleniya Amurskoy oblasti i migratsii kitayskoy rabochey sily [Employment of the Population of the Amur Region and the Migration of Chinese Labor]. In *Iz istorii rossiysko-kitayskikh otnosheniy*. Blagoveshhensk, Izdatel'stvo AmGU, pp. 131−136.

Ryazantsev, S.V., Khunmei, Ya. (2010). *Kitayskaya migratsiya v Rossiyu: tendentsii, posledstviya i podkhody k regulirovaniyu* [Chinese Migration to Russia: Trends, Consequences and Approaches to Regulation]. Moscow, Ekonomicheskoe obrazovanie. 150 p.

Shindyalov, N.A., Shindyalova, I.P. (1994). K voprosu o vozmozhnykh posledstviyakh migratsionnykh protsessov v Priamur'e [On the Possible Consequences of Migration Processes in the Amur Region]. In *Migratsionnye protsessy v Vostochnoy Azii: tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Vladivostok, pp. 41−43.

Sladkovsky, M.I. (Ed.). (1990). *Kitayskaya Narodbnaya Respublika v 1988 godu. Politika, ekonomika, kul'tura. Ezhegodnik* [The People's Republic of China in 1988. Politics, Economy, Culture. Yearbook]. Moscow, Nauka. 383 p.

Sladkovsky, M.I. (Ed.). (1991). *Kitayskaya Narodbnaya Respublika v 1989 godu. Politika, ekonomika, kul'tura. Ezhegodnik* [The People's Republic of China in 1989. Politics, Economy, Culture. Yearbook]. Moscow, Nauka. 399 p.

Sladkovsky, M.I. (Ed.). (1994). *Kitayskaya Narodbnaya Respublika v 1991 godu. Politika, ekonomika, kul'tura. Ezhegodnik* [The People's Republic of China in 1991. Politics, economy, culture. Yearbook]. Moscow, Nauka. 307 p.

Sladkovsky, M.I. (Ed.). (1994). *Kitayskaya Narodbnaya Respublika v 1992 godu. Politika, ekonomika, kul'tura. Ezhegodnik* [The People's Republic of China in 1992. Politics, economy, culture. Yearbook]. Moscow, Nauka. 411 p.

Sprogis, E.V. (1990). Kak sotrudnichaem s Kitaem [How We Cooperate with China]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 6, pp. 17−24.

Tarasov, A.P. (2003). *Zabaykal'e i Kitay: opyt analiza mezhdunarodnykh svyazey* [Transbaikalia and China: Experience in Analyzing International Relations]. Chita, ZabGPU. 320 p.

Trenin, D. (1998). *Kitayskaya problema Rossii* [China Problem of Russia]. Moscow. 57 p.

Turchak, T. (1990). Sotrudnichestvo RSFSR i KNR: vozmozhnosti i perspektivy [Cooperation between the RSFSR and the PRC: Opportunities and Prospects]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 2, pp. 49−52.

Vakhnenko, R.V. (1994). Migratsiya inostrantsev v Primorskiy kray [Migration of Foreigners to the Primorsky Territory]. In *Migratsionnye protsessy v Vostochnoy Azii: tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Vladivostok, pp. 110−111.

Vashchuk, A.S. (2000). Natsional'nye otnosheniya i problemy etnicheskikh migratsiy v Primor'e (90-e gody X veka) [National Relations and Problems of Ethnic Migration in Primorye (90s of the 20th Century)]. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, No. 2, pp. 20−30.

Vashchuk, A.S., Chernolutskaya, E.N., Koroleva, V.A., Dudchenko, G.B., Gerasimova, L.A. (2002). *Etnomigratsionnye protsessy v Primor'e v XX veke* [Ethnomigratory Processes in Primorye in the 20th Century]. Vladivostok, DVO RAN. 228 p.

Voronin, O.L. (2000). Etnicheskaya prestupnost' v Rossii (na primere kitayskoy diaspory) [Ethnic Crime in Russia (On the Example of the Chinese Diaspora)]. In *Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri v kontse stoletiya. Materialy i tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Irkutsk, Ottisk. Vol. 2, pp. 180−183.

Yaropolova, T.V. (1999). Kitayskaya migratsiya v Amurskuyu oblast' i ee problemy [Chinese Migration to the Amur Region and Its Problems]. In *Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: kitayskiy faktor*. Moscow, pp. 97−98.

Yaropolova, T.V. (2000). Regulirovanie protsessov vneshney trudovoy migratsii: sostoyanie i perspektivy [Regulation of External Labor Migration Processes: State and Prospects]. In *Istoricheskiy opyt osvoeniya Dal'nego Vostoka*. Blagoveshchensk, Amurskiy gosudarstvennyy universitet. Vol. 1, pp. 185−194.

Zakharova, O.D., Mindogulov, V.V., Rybakovskiy, L.L. (1994). Nelegal'naya immigratsiya v prigranichnykh rayonakh Dal'nego Vostoka [Illegal Immigration in the Border Areas of the Far East]. In S*otsiologicheskie issledovaniya*. No. 12, pp. 11−21.

Zayonchkovskaya, Zh.A. (1997). Vozmozhno li organizovat' pereselenie na Dal'niy Vostok? [Is It Possible to Organize Resettlement to the Far East?]. In *Migratsiya.* No. 3, pp. 13−14.

Zayonchkovskaya, Zh.A. (1998). Kitayskaya immigratsiya cherez prizmu rynka truda [Chinese Immigration through the Prism of the Labor Market]. In *Rossiyskiy demograficheskiy zhurnal.* No. 1, pp. 12−18.

Н.А. Потапова*

«ЧУЖДОЕ» ЯВЛЕНИЕ: БЕЗРАБОТИЦА В СИБИРИ 1920-Х ГОДОВ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-16
УДК 314.72:94(470)"195/196"

Выходные данные для цитирования:
Потапова Н.А. «Чуждое» явление: безработица в Сибири 1920-х годов и ее социально-демографический облик // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 183−191. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-16.pdf

N.A. Potapova*

AN “ALIEN” PHENOMENON: UNEMPLOYMENT IN SIBERIA IN THE 1920S AND ITS SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-16

How to cite:
Potapova N.A. An “Alien” Phenomenon: Unemployment in Siberia in the 1920s and Its Socio-Demographic Profile // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 183−191. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-16.pdf]

Abstract. The article examines the phenomenon of mass unemployment in Siberia in the 1920s, which, despite being “alien” to socialist ideology, nevertheless became widespread in the region. Based on statistical materials from the Central Statistical Administration, labour exchanges, the 1923 and 1926 population censuses, and reports of Sibkraytrud and Narkomtrud, the scale, dynamics, and structure of the unemployed population are analysed. It is shown that Siberia stood out within the USSR in terms of the number of unemployed and the load per labour exchange, which allows it to be considered one of the most vulnerable territories in the sphere of employment. The main attention is paid to the socio-demographic profile of the unemployed: sex and age composition, work experience, professional and qualification characteristics, and marital status. It is revealed that women and adolescents constituted the most vulnerable categories. Female unemployment was protracted and was aggravated by insufficient qualifications and the limited use of female labour in industry. Young people without hired work experience faced particular difficulties in finding employment, which forced the state to introduce job reservation. A significant part of the unemployed consisted of unskilled labourers, Soviet office employees, and construction workers, which reflected structural disproportions and the seasonality of the Siberian economy. Attention is paid to the analysis of work experience, which showed an increase in the share of unemployed persons offering their labour for the first time. Seasonal fluctuations in the unemployment rate related to the nature of work in Siberia are identified. It is concluded that unemployment in Siberia became a major social disaster, excluding a significant number of the able-bodied population from productive life and increasing social instability.

Keywords: unemployment, labour exchanges, Siberian Krai, population census, socio-demographic structure, professional and qualification composition, seasonality.

The article has been received by the editor on 10.10.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Наталья Анатольевна Потапова,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: skna17talya@mail.ru
Natalia Anatolievna Potapova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: skna17talya@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX − начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).
The article was made on the topic of the state assignment “Socioeconomic Potential of Russia’s Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. В статье рассматривается феномен массовой безработицы в Сибири в 1920-е гг., который, будучи «чуждым» социалистической идеологии, тем не менее получил широкое распространение в регионе. На основе статистических материалов Центрального статистического управления, бирж труда, переписей населения 1923 и 1926 гг., отчетов Сибкрайтруда и Наркомтруда анализируются масштабы, динамика и структура незанятого населения. Показано, что Сибирь выделялась в масштабах СССР по численности безработных и нагрузке на одну биржу труда, что позволяет считать ее одной из наиболее уязвимых территорий в сфере занятости. Основное внимание уделено социально-демографическому облику безработных: половозрастному составу, трудовому стажу, профессионально-квалификационным характеристикам и семейному положению. Выявлено, что женщины и подростки составляли наиболее уязвимые категории. Женская безработица носила затяжной характер и усугублялась недостаточной квалификацией и ограниченным применением женского труда в промышленности. Молодежь, не имевшая наемного стажа, сталкивалась с особыми трудностями при трудоустройстве, что вынудило государство ввести бронирование рабочих мест. Значительная часть безработных приходилась на чернорабочих, советских служащих и строителей, что отражало структурные диспропорции и сезонность сибирской экономики. Внимание уделено анализу трудового стажа, показавшему рост доли безработных, впервые предлагавших свой труд. Выявлены сезонные колебания уровня безработицы, связанные с характером работ в Сибири. Делается вывод о том, что безработица в Сибири стала крупным социальным бедствием, исключившим из производственной жизни значительное количество трудоспособного населения и усилившим социальную нестабильность.

Ключевые слова: безработица, биржи труда, Сибирский край, перепись населения, социально-демографическая структура, профессионально-квалификационный состав, сезонность.

Статья поступила в редакцию 10.10.2026 г.

В 1920-е гг. Советское государство столкнулось с масштабным и во многом неожиданным для марксистской теории явлением − массовой безработицей. Этот социально-экономический феномен, считавшийся «чуждым» социалистической идеологии, в полной мере проявился и в Сибири. По официальным данным Центрального статистического управления (ЦСУ) в 1921 г. в стране было зарегистрировано около 100 тыс. безработных, к 1 января 1923 г. эта цифра увеличилась до 641 тыс. чел., к началу 1924 г. − до 1240 тыс. чел. Максимального значения этот показатель достиг весной 1929 г., составив около 1,7 млн чел.[1] В Сибирском регионе динамика была столь же тревожной: согласно переписи 1923 г., здесь насчитывалось около 48,7 тыс. чел., ищущих работу, а перепись 1926 г. зафиксировала уже 76,3 тыс. чел.[2] Согласно переписным данным первой половины 1920-х гг., основная масса незанятых − примерно 45 % (около 21,9 тыс.) − концентрировалась в губернских центрах: Новониколаевске, Томске, Омске, Иркутске и др. К 1926 г. эта диспропорция не только не сгладилась, но и стала еще более выраженной. Население активно перемещалось в наиболее крупные города в надежде найти там работу, полагая, что в них выше потребность в кадрах. Слухи о крупных строительных объектах, активно распространяющиеся среди населения, также стимулировали миграцию из провинции. Кроме того, сами учреждения по трудоустройству, которые в Сибири размещались в Омске, Новосибирске, Иркутске, Барнауле, Бийске, Томске и Красноярске, выполняли функцию своеобразного центра

[1] *Рогачевская Л.С.* Ликвидация безработицы в СССР 1917−1930 гг. М., 1973. С. 76−77.
[2] Посчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929. Т. XXIII. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Занятия. С. 2−3, 362.

притяжения, постоянно пополняя ряды безработных, которые связывали с ними не только шанс получить место, но и возможность рассчитывать на пособия и государственные льготы.

Сибирский край выделялся в масштабах СССР по численности незанятого населения. На 1 января 1927 г. в Сибири биржами труда было учтено около 37,7 тыс. безработных, больше, чем, например, в Белорусской ССР, где этот показатель составлял около 23 тыс. чел. Выше в Сибири была и нагрузка на одну биржу труда. В среднем по СССР она равнялась около 4,6 тыс. незанятых, по РСФСР (без учета Москвы и Ленинграда) − около 3,4 тыс., а в Сибири этот показатель достигал порядка 5,4 тыс. чел.[3] Итак, Сибирь не только не уступала большинству регионов страны, но и превосходила их по остроте проблемы безработицы, что позволяет считать ее одной из наиболее уязвимых территорий СССР в сфере занятости.

За этими количественными трендами и миграционными потоками скрывалась масса, крайне разнородная по своему социальному облику и демографическим характеристикам. Простое констатирование роста числа ищущих работу не дает полной картины для понимания глубины кризиса и его влияния на сибирское общество. Необходимо рассмотреть, кто именно пополнял ряды безработных, их половозрастной состав, уровень профессиональной подготовки и социальное происхождение. Ответы на эти вопросы позволяют выявить наиболее уязвимые демографические группы и проследить, как экономическая маргинализация трансформировала социальную структуру сибирских городов в 1920-е гг.

Половозрастные характеристики безработных Сибири реконструируются по материалам бирж труда, а также переписей населения. Учетные данные показывают, что женщины неизменно присутствовали в составе безработных в значительном количестве, почти в одинаковом значении с мужчинами. Рекордная цифра в 65 % была зафиксирована в январе 1922 г. В течение всего года женщины преобладали в структуре безработицы − их доля стабильно держалась выше 50 %. В последующие периоды прослеживались сезонные колебания: зимой доля мужчин среди безработных достигала 60−66 %, а с наступлением осени (в сентябре-октябре) баланс вновь смещался в сторону женщин[4]. Материалы бирж труда представляют и точные сведения о численности нетрудоустроенных женщин в регионе, однако следует оговориться, что эти данные показывают неполную картину, так как учетом было охвачено не все безработное население. Согласно январскому 1928 г. отчету Сибкрайтруда и Сибкрайстрахкассы, подготовленному по цифрам бирж труда, за период 1 октября 1926 г. − 1 января 1928 г. численность женщин без места работы колебалась от 13 029 чел. в июле 1927 г. до 17 549 чел. в апреле 1927 г.[5] Женская безработица носила более затяжной характер, мужчинам легче удавалось найти заработок, особенно в летне-осенний период, так как востребованными оказывались преимущественно физически крепкие работники.

Аналогичные данные прослеживаются и по материалам переписей. Если в 1923 г. в губернских городах Сибири безработные мужчины составляли 60 %, то к 1926 г. их удельный вес увеличился до 65 %[6]. Данная динамика отражает не столько абсолютный рост мужской безработицы, сколько изменение структуры незанятого населения: доля безработных женщин в этот же период сократилась с 51,7 % в 1923 г. до 43,7 % к началу 1926 г[7]. Таким образом, уменьшение женской безработицы происходило на фоне относительного увеличения мужской − ситуация, обусловленная несколькими факторами. Во-первых, в годы Гражданской войны место рабочих-мужчин заняли женщины и подростки, а с окончанием военных действий и возвращением мужчин на производство создавалась избыточная рабочая сила, сокращение которой шло за счет женщин и молодежи. Во-вторых, женщины, являясь в своей массе менее квалифицированными, чем мужчины, попадали под сокращение в первую очередь. В-третьих, промышленное восстановление и перевод предприятий на хозрасчет

[3] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 3.
[4] Там же. Д. 1566. Л. 8−10.
[5] Там же. Д. 1176. Л. 162.
[6] Бюллетень центрального статистического управления. Вып. 3, № III. М., 1924. С. 68−71; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 23. С. 2.
[7] Бюллетень статистики труда Сибирского края. Новосибирск, 1926. С. 28.

в годы нэпа сопровождались рационализацией производства, что также вело к высвобождению прежде всего женской рабочей силы. В результате к середине 1920-х гг. гендерный дисбаланс в структуре безработицы постепенно сглаживался, но не за счет улучшения положения женщин, а вследствие их вытеснения с рынка труда и возвращения в сферу домашнего хозяйства.

Женская безработица, как уже было сказано выше, осложнялась тем, что в промышленности труд женщин применялся недостаточно широко. В первой половине 1920-х гг. доля женщин в производстве составила 25,1 %, снизившись по сравнению с 1922 г. почти вдвое. Такое сокращение объяснялось недостаточной квалификацией работниц, что ограничивало их доступ к производственным специальностям. Только около 26−28 % зарегистрированных на биржах труда получали работу[8]. Женский труд в основном применялся на подсобных операциях, а среди квалифицированных работников женщины составляли лишь около 16,6 %[9]. Даже к концу 1920-х гг. в правительственных отчетах сообщалось, что применение женского труда в промышленности являлось ограниченным не только в тех сферах, где производство требовало физической силы, но и в тех, где препятствий для использования такого труда не было. Так, в Сибирском крае в швейной промышленности использовалось 66 % женщин от общего числа рабочих, в кожевенно-обувной − 10 %, в винокуренной − 9 % и т.д.[10]

Недостаточный уровень образования и слабая профессиональная подготовка женщин ограничивали их вовлечение в промышленное производство и применение их труда в этой сфере. Это усиливало женскую безработицу, следствием которой становились проституция, нищенство и беспризорность[11]. Для борьбы с женской незанятостью государство принимало меры по обучению женщин в школах ФЗУ и на курсах, привлечению их в легкую промышленность и сельское хозяйство, а также по использованию их в трудовых коллективах и др.

Еще одной важной характеристикой безработных является возраст. По данным бирж труда на 1 января 1926 г., в Сибири лица младше 22 лет составляли 27 % незанятого населения, а на лиц младше 18 лет приходилось от 6 до 16 % всех не имеющих работы. Доля безработных среди подростков преимущественно находилась в пределах 7−11 %, однако в начале 1922 г. она достигала 23−34 %. В течение 1920-х гг. число не имеющих работы подростков в целом росло − с 0,3 тыс. в марте 1922 г. до 3,8 тыс. в июне 1924 г.; в июне 1926 г. оно составляло 3,4 тыс. чел., а в апреле 1929 г. − 4,9 тыс.[12] Пик приходился на весенне-летний период. Это объясняется тем, что труд женщин и подростков, будучи менее квалифицированным и физически более слабым, не находил применения летом, когда среди мужчин наблюдался спад безработицы. Наибольший уровень безработицы среди подростков отмечался в Омске и Новосибирске, в отдельные месяцы там регистрировалось от 0,4 тыс. до 1,4 тыс. чел. В остальных городах Сибири показатели были сходными − число зарегистрированных подростков составляло от 0,2 до 0,7 тыс.[13] Статистические отчеты Наркомата труда не содержат сведений о гендерной структуре молодежной безработицы. Однако в 1920-е гг. произошло масштабное вытеснение девушек из сферы занятости, их доля среди занятых сократилась более чем в 20 раз. В возрастной группе до 18 лет этот показатель упал с 18,4 % в 1920 г. до 0,9 % в 1926 г.[14] Это позволяет предположить, что возможности девушек найти работу были крайне ограниченными.

В силу недостатка опыта и квалификации молодые работники не могли конкурировать со взрослыми. Производительность их труда оставалась ниже, а рабочий день часто был неполным. Вследствие этого в условиях сокращения штатов руководители предприятий, как правило, предпочитали не нанимать подростков. Из-за тревожных масштабов вытеснения

[8] *Заводский П.* Наш рынок труда и его организация // Вопросы труда. 1926. № 4. С. 60.
[9] *Шнеер Д.* К вопросу о женском труде в производстве // Вопросы труда. 1925. № 12. С. 45.
[10] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1638. Л. 1.
[11] *Рябцева И.А.* Экономическая активность женского населения Западной Сибири в 1920-х гг. // Экономика и управление инновациями. 2019. № 1 (8). С. 38−39.
[12] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1566. Л. 9, 10.
[13] Там же. Л. 13, 14.
[14] *Рябцева И.А.* Экономическая активность женского населения Западной Сибири… С. 40.

несовершеннолетних с производства, а также из-за серьезных проблем криминального характера, которые порождались вследствие молодежной нетрудоустроенности, 2 мая 1922 г. Президиум ВЦИК принял декрет «Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях», который вводил гарантированную квоту рабочих мест для молодых людей − бронь. Документ предусматривал бронирование определенного количества рабочих мест за молодежью (в среднем 7 % от общего количества мест на предприятии)[15]. После принятия этих мер ситуация слегка стала меняться в лучшую сторону. Так, 1 июля 1922 г. подростки составляли 5,8 % занятых в промышленном производстве, а уже в начале 1923 г. этот показатель достиг 6,5 %[16].

Наиболее пострадавшей от безработицы стала средневозрастная группа, в которую входили лица от 22 до 39 лет. На нее приходилось около 53 % незанятого населения. Основная тяжесть безработицы легла на наиболее активную в трудовом отношении часть населения, что было связано как с сокращением производства и штатов, так и с ограниченными возможностями адаптации к меняющимся экономическим условиям. Более устойчивое положение на рынке труда занимали лица старше 40 лет. Их доля среди безработных была заметно ниже и составляла порядка 20 %[17]. Обладая большим производственным опытом и квалификацией, представители этой возрастной группы сохраняли относительно прочные позиции на рынке труда, а последствия безработицы сказывались на них в меньшей степени.

Уязвимость женщин и подростков на рынке труда также объяснялась отсутствием наемного стажа и ограниченным доступом к рабочим местам. Значительную часть зарегистрированных безработных составляли именно такие граждане − преимущественно молодые люди и женщины, постепенно включавшиеся в производственную деятельность. На старте 1920-х рост предложения труда этих категорий объяснялся утратой мужчин, обеспечивавших семью. Удельный вес данной категории незанятых в 1924−1927 гг. равнялся 11−34 %, но в некоторых городах он был выше: так, например, в Новосибирске он достигал 43 % (март 1924 г.), в Барнауле − 46 % (апрель-октябрь 1927 г.)[18].

Имевшие наемный стаж в промышленности или городском хозяйстве формировали около 80 % учтенного контингента, а оставшиеся 20 % приходились на лиц без профессии и квалификации, не имевших наемного опыта. Следовательно, число безработных в Сибири росло также благодаря молодому поколению, вступавшему в трудоспособный возраст и нуждавшемуся в трудоустройстве, тогда как рабочих мест недоставало даже для взрослых. Все заметнее становилось стремление к занятости у женщин, прежде ограниченных домашним хозяйством. Предложение труда женщин поэтому неуклонно увеличивалось, а сферы его приложения расширялись весьма слабо.

При анализе безработицы в Сибири отдельного внимания заслуживает профессионально-квалификационный состав безработных. Наиболее показательными в этом отношении являются материалы бирж труда. Промышленная и транспортная категории на протяжении 1922−1929 гг. в среднем составляли 25,6 % всех безработных, состоявших на учете бирж труда. При этом следует отметить, что данный показатель был примерно одинаков как для первой половины 1920-х гг., так и для второй. На втором месте находились работники умственного труда. В среднем за рассматриваемый период их доля среди безработных составляла 29 %. В первой половине 1920-х гг. доля представителей умственного труда среди безработных достигала 39 %, а во второй половине снизилась до 21 %. Это объясняется тем, что в начале десятилетия биржи труда пополняли сокращенные служащие и вытесняемая «старая» интеллигенция, а к середине 1920-х эти факторы ослабли, так как часть специалистов эмигрировала, часть адаптировалась, а спрос на умственный труд постепенно вырос − в школе, медицине, управлении, культуре и промышленности.

[15] Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. № 126. 9 июня 1922 г.
[16] *Шварц Г., Зайцев В.* Броня подростков // Вестник труда. 1923. № 8. С. 12.
[17] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1491. Л. 44.
[18] *Кекалова Л.Н.* Ликвидация безработицы в Сибири (1922−1930 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. С. 98.

Наиболее уязвимой группой на рынке труда оставались чернорабочие. В среднем они составляли около 45,4 % незанятого населения, зарегистрированного на биржах труда. Их доля выросла с 35,3 % в первой половине 1920-х гг. до 52,8 % во второй. Рост продолжался даже при том, что со второй половины десятилетия работников простого физического труда на биржах труда не регистрировали[19]. Однако его поддерживали миграция рабочей силы из деревни, сезонность строительных, погрузочных и подсобных работ. Промышленность и городское хозяйство не могли обеспечить всех желающих постоянной занятостью. Во второй половине 1920-х общая безработица росла в основном за счет неквалифицированных слоев − крестьян-отходников, женщин, подростков и сезонных рабочих, тогда как кадры, имеющие квалификацию, имели больше шансов трудоустроиться.

Впрочем, и среди безработных, имевших профессиональную подготовку, существовала своя градация. В частности, промышленно-транспортная группа включала квалифицированных, среднеквалифицированных и малоквалифицированных безработных. Примечательно, что представителям первой и второй групп было сложнее найти работу: на них приходилось около 16,5 % от общего числа безработных среди индустриальных и транспортных рабочих. Сходная закономерность отмечалась и в сфере умственного труда, где их доля достигала 13,1 %[20]. Такое положение сохранялось даже в январе 1929 г. На практике от безработицы меньше страдали работники низкой квалификации, а опытные кадры в условиях острой незанятости населения трудоустраивались тяжелее. Вероятно, такая ситуация была вызвана рядом причин. С одной стороны − структурными изменениями в промышленности, при которых имевшаяся у рабочих квалификация не отвечала новым задачам индустриализации: опытные кадры были, но требовался иной опыт. С другой − нежеланием соглашаться на низкую заработную плату, тяжелые или временные работы, отказом от выезда на работу в другую местность, текучестью рабочей силы, сезонным характером части транспортных работ и другими причинами[21].

В составе безработных значительную группу составляли строители и советские служащие, эти категории занимали второе и третье место в статистике органов труда после чернорабочих[22]. На протяжении 1920-х гг. численность строительных рабочих отличалась резкими сезонными перепадами, наиболее заметными во второй половине десятилетия. В отдельные периоды строители составляли свыше 20 % от общего числа безработных в Сибири. Летом в 2–3 раза уменьшалось количество строителей, в то время как зимой этот показатель возрастал. С одной стороны, такая ситуация была обусловлена отсутствием строительных работ в зимнее время года, с другой − хозяйственное развитие края сопровождалось вовлечением все большего числа рабочих, прежде всего строительных. Их труд активно использовался летом, однако зимой они числились безработными. Эта сезонная специфика не только искажала статистику занятости, но и усиливала социальную нестабильность: рабочие лишались стабильного заработка и были вынуждены искать подсобные заработки в межсезонье.

Еще одна категория, которая в первой половине 1920-х гг. формировала более трети всего незанятого населения края, приходилась на советских служащих. Безработица среди них стала закономерным следствием политики рационализации и сокращения государственного аппарата, развернувшейся в условиях перехода к нэпу и введения хозрасчета. Раздутый в годы «военного коммунизма» управленческий штат оказался несовместим с новыми экономическими реалиями, что вынудило государство пойти на массовые увольнения конторских работников. Во второй половине десятилетия их доля сократилась до менее чем 1/5. Однако снижение доли не означало сокращения абсолютной численности: она быстро росла − с 1,3 тыс. чел. на 1 июля 1922 г. до 3,5 тыс. в январе 1923 г. и 12,6 тыс. в июле 1924 г. В 1925−1927 гг. число безработных советских служащих колебалось в пределах 4−8 тыс. чел.[23]

[19] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 20.
[20] *Посчитано по:* Бюллетень объединенного бюро статистики труда при Сиббюро ВЦСПС. 1924. № 4. С. 10; ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1566. Л. 23, 24.
[21] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 15.
[22] Там же. Л. 2; *Кекалова Л.Н.* Ликвидация безработицы в Сибири (1922−1930 гг.)… С. 100−101.
[23] ГАНО. Ф. 12. Оп. I. Д. 287. Л. 321; ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1534. Л. 2; Д. 1494. Л. 3.

Тяжелая ситуация с трудоустройством была и среди советских торговых служащих. По данным Наркомтруда за 1926/27 г. в СССР, эта группа составляла 25,1 % всех зарегистрированных безработных, а среди безработных умственного труда на нее приходилось 17 %[24]. Сибирь не была исключением. В октябре 1927 г. этот показатель в регионе был даже выше, чем общесоюзный, составив 21,4 %[25]. Причины столь массовой незанятости объясняются теми же причинами, а именно – целенаправленной политикой сокращения государственного и торгового аппарата. С переходом к хозрасчету и «режиму экономии» прием новых сотрудников был прекращен, а существующие штаты повсеместно сжимались.

Также в данной работе имеет смысл проанализировать стаж незанятого населения и длительность безработицы в Сибири. Анализ трудового стажа безработных выявляет тревожную тенденцию: за один год (с января 1925 по январь 1926 г.) доля лиц, впервые предлагавших свой труд, удвоилась (с 10 до 21 %). Одновременно почти вдвое сократилась доля безработных со стажем свыше 10 лет (с 22,2 до 12 %). Эти сдвиги свидетельствуют о том, что рынок труда Сибирского края пополнялся преимущественно за счет неопытных работников, тогда как квалифицированные кадры находили применение быстрее. Иными словами, безработица приобретала все более «молодой» и, как уже было отмечено выше, «неквалифицированный» характер. Более трети незанятых (36 %) либо не имели трудового опыта, либо работали менее года[26]. Это усиливало структурный характер безработицы и ограничивало возможности ее быстрого преодоления.

Безработица в Сибири имела затяжной характер. Основная масса незанятого населения не имела работы в течение полугода. По данным переписи лица, работавшие ранее по найму, не имели работы до 3 месяцев − 39 %, до 1 года − 39,6 %, свыше года − 21,4 %. Доля рабочих, не имевших работы до 3 месяцев, была выше − 44 %, а служащих ниже – 33 %[27]. Такая ситуация объяснялась сезонностью строительных, навигационных и других работ. Четвертая часть безработных оседала на биржах труда. Они не могли найти работу в основном из-за низкой квалификации и профессиональной неподготовленности.

Большое значение для характеристики состояния безработицы и положения безработных имеют данные об их семейном положении. Материалы переписи 1926 г. показывают, что больше половины (63,3 %) безработных состояли в браке, большая часть из них являлись главами семьи. Безработных женщин, состоявших в браке, было 39 %. Из них вдовых женщин, т.е. являвшихся главами семьи, было среди работавших по найму 16,1 %[28]. В целом значительный процент безработных являлись главами семьи и должны были содержать семью. Эти данные подтверждаются и материалами профсоюзного учета.

Естественно, в таких условиях среди безработного населения росло и распространялось недовольство, которое приобретало крайне острый и антисоветский характер. Основными факторами возмущения выступали материальная необеспеченность и продовольственные трудности, задержка начала сезонных и строительных работ, недостатки в работе бирж труда и т.д. Негодование выливалось в конфликты со служащими бирж, драки с милицией, дебоши, погромные настроения, призывы к восстанию и свержению советской власти. За середину мая − середину июня 1929 г., по данным ОГПУ, было зафиксировано 307 случаев характерных антисоветских проявлений, что свидетельствует о массовом характере этих настроений. Безработные критиковали руководство страны, профсоюзы, коммунистов, обвиняя их в сытой и обеспеченной жизни на фоне голода и отсутствия работы. Как итог, вследствие безработицы и тяжелых последствий, вызванных этим явлением, незанятое население превратилось в нелояльную и взрывоопасную группу населения Сибири, находившуюся под особым наблюдением ОГПУ[29].

[24] История индустриализации в СССР. 1926−1928 гг.: док-ты и мат-лы. М., 1969.
[25] ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1176. Л. 2.
[26] *Кекалова Л.Н.* Ликвидация безработицы в Сибири (1922−1930 гг.)… С. 103.
[27] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 52. С. 100−101.
[28] Там же. Т. 23. С. 66−67; Т. 52. С. 100−101.
[29] *Потапова Н.А.* Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134−141. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf (дата обращения: 09.10.2026); *Potapova N.* “Beat the Communists”: the mood of the unemployed population of the Siberian region according to the OGPU of the USSR // Gumilyov Journal of History. 2025. Vol. 153, No. 4. P. 74−90.

Таким образом, безработица в Сибири в 1920-е гг., будучи «чуждым» явлением для социалистической идеологии, приобрела масштабный и затяжной характер. Анализ статистических материалов бирж труда, переписей и отчетов Сибкрайтруда показывает, что регион не только не уступал большинству территорий СССР по остроте проблемы, но и превосходил их по численности незанятых и нагрузке на одну биржу труда. Структура сибирской безработицы отличалась выраженной социально-демографической неоднородностью. Наиболее уязвимыми категориями являлись женщины, подростки и неквалифицированные работники, чье положение осложнялось отсутствием наемного стажа, низкой квалификацией и ограниченным доступом к рабочим местам. Женская безработица носила затяжной характер и усугублялась вытеснением женщин из промышленности, а молодежь, впервые вступавшая в трудовую жизнь, сталкивалась с конкуренцией со стороны взрослых работников. Значительную долю незанятых составляли чернорабочие, советские служащие и строители, что отражало структурные диспропорции и сезонность сибирской экономики. Государственные меры − бронирование рабочих мест для подростков, обучение женщин, привлечение их в легкую промышленность − несколько смягчали ситуацию, но не могли кардинально решить проблему в условиях ограниченного числа рабочих мест. Безработица стала крупным социальным бедствием, исключившим из производственной жизни значительное количество трудоспособного населения, усилившим социальную нестабильность и маргинализацию. Она способствовала возвращению части женщин в сферу домашнего хозяйства, росту проституции, нищенства и беспризорности. Сибирская безработица 1920-х гг. являлась не только экономическим, но и глубоким социальным явлением, трансформировавшим структуру городского общества и обозначившим пределы государственной политики в сфере занятости.

Литература

История индустриализации в СССР. 1926−1928 гг.: документы и материалы / под ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1969. 535 с.

Кекалова Л.Н. Ликвидация безработицы в Сибири (1922−1930 гг.): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 222 с.

Потапова Н.А. Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134−141. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Рогачевская Л.С. Ликвидация безработицы в СССР 1917−1930 гг. М.: Наука, 1973. 382 с.

Рябцева И.А. Экономическая активность женского населения Западной Сибири в 1920-х гг. // Экономика и управление инновациями. 2019. № 1 (8). С. 36−44.

Potapova N. “Beat the Communists”: The Mood of the Unemployed Population of the Siberian Region according to the OGPU of the USSR // Gumilyov Journal of History. 2025. T. 153, No. 4, P. 74−90.

References

Kekalova, L.N. (1984). *Likvidatsiya bezrabotitsy v Sibiri (1922−1930 gg.)* [Elimination of Unemployment in Siberia (1922−1930)], Diss. cand. hist. sci. Novosibirsk. 222 p.

Potapova, N.A. (2021). Bezrabotitsa v SSSR v 1920-e gody: ideologicheskaya doktrina i ekonomicheskaya real’nost’ [Unemployment in the USSR in the 1920s: Ideological Doctrine and Economic Reality]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 6 (20), pp. 134−141. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-11.pdf (date of access 09.10.2026).

Potapova, N. (2025). “Beat the Communists”: The Mood of the Unemployed Population of the Siberian Region According to the OGPU of the USSR. In *Gumilyov Journal of History*. Vol. 153, No. 4, pp. 74−90.

Rogachevskaya, L.S. (1973). *Likvidatsiya bezrabotitsy v SSSR 1917−1930 gg*. [Elimination of Unemployment in the USSR 1917−1930]. Moscow, Nauka. 382 p.

Ryabtseva, I.A. (2019). Ekonomicheskaya aktivnost’ zhenskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v 1920-kh gg. [Economic Activity of the Female Population of Western Siberia in the 1920s]. In *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami*. No. 1 (8), pp. 36−44.

Kim, M.P. (Ed.). (1969). *Istoriya industrializatsii v SSSR. 1926−1928 gg.: dokumenty i materialy* [The History of Industrialization in the USSR. 1926–1928: Documents and Materials]. Moscow, Nauka. 535 p.

Н.Н. Аблажей
М.А. Косицын*

«СДВИНУТЫЕ» ДЕРЕВНИ: ПЛАНОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ПРИ СОЗДАНИИ БУХТАРМИНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА НА Р. ИРТЫШ (1950-Е ГОДЫ)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-17
УДК 314.72(282.247.415.3)"195"

Выходные данные для цитирования:
Аблажей Н.Н., Косицын М.А. «Сдвинутые» деревни: плановое переселение и изменение локальной системы расселения при создании Бухтарминского водохранилища на р. Иртыш (1950-е годы) // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 192−201. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-17.pdf

N.N. Ablazhey
M.A. Kositsin*

"RELOCATED" VILLAGES: PLANNED RESETTLEMENT AND CHANGES TO THE LOCAL SETTLEMENT PATTERN DURING THE CREATION OF THE BUKHTARMA RESERVOIR

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-17

How to cite:
Ablazhey N.N., Kositsin M.A. "Relocated" Villages: Planned Resettlement and Changes to the Local Settlement Pattern During the Creation of the Bukhtarma Reservoir // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 192−201.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-17.pdf]

Abstract. This article examines the transformation of the settlement structure within the area flooded by the Bukhtarma Hydroelectric Power Station on the Irtysh River during the 1950s. The study aims to characterize this transformation by analyzing the implemented scenarios for population resettlement and the relocation of settlements. The study is based on an analysis of legislative and regulatory acts concerning land use and settlement land management, administrative documents from the executive authorities on land issues, and technical project documentation. The source base for the study consisted of materials from the funds of the State Archive of the East Kazakhstan Region and the Central Archive of Technical Documentation of the Lenhydroproekt Joint Stock Company. Relocation from flood zones was planned, controlled, and forced. Aggregated data regarding the number of settlements in the inundation zone and the number of displaced residents are presented. It was determined that 104 settlements fell within the flood zone, necessitating the relocation of nearly 27,500 people. The study concludes that several relocation scenarios were implemented, all driven by the principle of cost minimization. It is noted that, in most cases, the relocation of settlements was linked to the reorganization of collective farms and the preservation of the settlements' agricultural character. Resettlement also spurred the region's urbanization. A comparison of the initial settlement network with the post-inundation settlement pattern reveals a radical contraction of the network and a structural reorganization of the settlement system in the Upper Irtysh region.

Keywords: Bukhtarma Hydroelectric Power Station, Irtysh, inundation zone, resettlement, settlements.

* **Наталья Николаевна Аблажей,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org
Natalia Nikolaevna Ablazhey, Doctor of Historical Science, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org
Максим Андреевич Косицын, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kosizin2013@gmail.com
Maxim Andreevich Kositsyn, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kosizin2013@gmail.com
** Работа выполнена в рамках проекта «Россия в Центральной Азии: модернизация, культурные связи, мемориальная политика (вторая половина XVIII − начало XXI в.)» (FWZM-2025-0001).
The work is made in the framework of the ongoing institutional project "Russia in Central Asia: Modernization, Cultural Links, Memorial Policy (Second Half of the 18th − Beginning of the 21th Centuries" (FWZM-2025-0001).

The article has been received by the editor on 08.10.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается трансформация поселенческой структуры в зоне затопления Бухтарминской ГЭС на реке Иртыш в 1950-е гг. Целью исследования является раскрытие характера этой трансформации на основе анализа реализованных сценариев переселения населения и переноса населенных пунктов. Исследование построено на анализе законодательно-правовых актов в области землепользования и землеустройства поселений, распорядительных документов исполнительной власти, касавшихся земельных вопросов, а также технико-проектной документации по зонам затопления. Источниковую базу составили материалы из фондов Государственного архива Восточно-Казахстанской области и Центрального архива технической документации акционерного общества «Ленгидропроект». Переселение из зон затопления носило плановый, контролируемый и вынужденный характер. Приводятся агрегированные данные о численности поселений в зоне затопления и количестве переселяемых жителей. Установлено, что в зону затопления попало 104 поселения, из которых было переселено не менее 27,5 тыс. человек. По итогам исследования сделано заключение о реализации нескольких сценариев переноса поселений, выстроенных по принципу минимизации расходов. Отмечается, что в большинстве случаев перенос населенных пунктов сопровождался реорганизацией колхозов и сохранением аграрного профиля поселений. Переселение также подстегнуло процессы урбанизации в регионе. Сопоставление исходной поселенческой сети со схемой расселения после затопления демонстрирует ее радикальное сжатие и структурную перестройку системы расселения Верхнего Прииртышья.

Ключевые слова: Бухтарминская ГЭС, Иртыш, зона затопления, переселение, поселения.

Статья поступила в редакцию 08.10.2026 г.

Введение. В 1950-е − начале 1960-х гг. в СССР развернулось масштабное гидроэнергетическое строительство, ставшее одним из ключевых элементов индустриализации. Возникающие в результате строительства крупных ГЭС зоны затопления становились специфическим пространством, где логика модернизации вступала в противоречие с формами традиционного расселения, которые органично складывались веками. Создание крупных водохранилищ на равнинных реках (Волга, Дон, Днепр, Кама, Обь, Иртыш, Ангара) сопровождалось затоплением обширных территорий и необходимостью массового переселения населения из затопляемых и подтопляемых поселений. Точной статистики о численности затопленных поселений по всем ГЭС в настоящее время нет, тем не менее сводная статистика по самым крупным из реализованных проектов позволяет говорить о том, что из зон затопления было переселено порядка полумиллиона человек. Процесс переселения порождал не только сугубо технические, но и не менее масштабные социальные последствия: он затрагивал сложившийся хозяйственный уклад, инфраструктуру, характер локальных сообществ, меняя поселенческую структуру целых регионов. Последствия этих процессов до сих пор проявляются в географии расселения, топонимике и локальной памяти, а затопленные села, перенесенные поселки и утраченные ландшафты остаются значимой частью региональной истории. Российский историк Е.А. Бурдин[1] одним из первых начал изучать процесс переселения и масштабной подготовки территорий к затоплению при строительстве гидроэлектростанций в СССР на примере волжских ГЭС.

[1] *Бурдин Е.А.* Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М., 2011; *Бурдин Е.А.* Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск, 2005; и др.

Изучение процесса переселения из зон затопления актуально и в плане анализа особенностей территориального развития. На материалах истории строительства отдельных ГЭС хорошо видны как удачные решения, так и системные просчеты, социальная цена индустриализации и особенностей советского территориального планирования. Переселение из зон затопления носило плановый, контролируемый и, по сути, вынужденный характер, и это было не частным случаем, а системной чертой масштабных инфраструктурных проектов.

Целью данного исследования является раскрытие характера трансформации поселенческой структуры в зоне затопления Бухтарминской ГЭС на реке Иртыш, для чего был проведен анализ реализованных сценариев переселения населения и переноса населенных пунктов из зоны затопления. Настоящая статья продолжает цикл работ, направленных на исследование опыта расселения зон затопления при строительстве крупных ГЭС в Обь-Иртышском бассейне[2].

Источниковую базу исследования составили материалы из фондов Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО) и Центрального архива технической документации АО «Ленгидропроект». Исследование опиралось на комплекс делопроизводственной документации, объединяющий правительственные и региональные распорядительные акты, техническую документацию, разработанную проектной организацией «Ленгидропроект», а также материалы низового уровня (протоколы колхозных собраний, акты выбора новых площадок, санитарные заключения и заявления граждан). Выявленные материалы ранее были опубликованы авторами данной статьи в документальном сборнике «Иртышские ГЭС: проекты, зона затопления и переселение. 1930-е − первая половина 1960-х гг.»[3]. Обозначенный выше комплекс документов позволяет проследить ход кампании по переселению от стадии планирования до реализации.

На первом этапе согласования по зоне затопления Бухтарминской ГЭС в октябре 1950 г. между Ленинградским отделением института «Гидропроект» (Ленгидропроект), который занимался созданием технического проекта ГЭС, и Восточно-Казахстанским облисполкомом заявлялось, что затоплению подлежат 77 больших и малых населенных пунктов области, в том числе 18 хозяйственных центров колхозов, а земельные угодья еще 27 колхозов в разной степени будут затронуты водохранилищем. На повестке дня оказался вопрос о целесообразности сохранения Бухтарминского района в целом, поскольку его территория разделялась на три изолированные части. Созданная рабочая комиссия предложила проект реорганизации Бухтарминского и прилегающих к нему районов. Предлагалось, во-первых, объединить территорию Бухтарминского района, находящуюся на левом берегу реки Бухтармы, с юго-западной частью Зыряновского района и образовать новый административный район. Во-вторых, территорию Бухтарминского района, расположенную на левом берегу Иртыша, объединить с восточной частью Уланского района, создав новый административный центр в пос. Асубулак. В-третьих, в случае сохранения Бухтарминского района как административной единицы предлагалось разместить райцентр в пос. Березовке на территории, расположенной на правобережье рек Иртыш и Бухтарма.

Спустя два года, уже после утверждения проекта ГЭС, по инициативе руководства Восточно-Казахстанской области к плану реорганизации Бухтарминского района вновь вернулись. Ранее предложенные варианты включения левобережной части Бухтарминского района в состав Зыряновского и Уланского районов были категорически отвергнуты на том основании, что предложенные в качестве возможных райцентров поселения не ориентированы на нужды аграрного развития. В январе 1951 г. указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР г. Зыряновск получил статус города областного подчинения, что вскоре предопределило ликвидацию Зыряновского района. Что касается Уланского района, то рост населения пос. Асубулак резко ускорился в связи с началом разработки в регионе редкозе-

[2] *Аблажей Н.Н., Косицын М.А.* Поселения в зоне затопления Новосибирской ГЭС в середине 1950-х гг.: регламенты и практики переноса [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 171−187. URL: http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-15.pdf (дата обращения: 16.05.2026 г.).

[3] Иртышские ГЭС: Проекты, зона затопления и переселение (1930-е − первая половина 1960-х гг.): сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск; Усть-Каменогорск, 2025.

мельных металлов. Поселение ускоренно развивалось по городскому типу (в 1955 г. пос. Асубулак получил статус поселка городского типа). В этой ситуации с целью развития Бухтарминского района в условиях, когда его колхозная сеть оказывалась крайне слабой, а сам район малонаселенным, прозвучало предложение сделать райцентром более крупное поселение, куда будет переселено население прежнего райцентра − с. Усть-Бухтармы. Этот сценарий был реализован в октябре 1955 г., когда новым райцентром стал эксплуатационный поселок гидростроителей Серебрянка, расположенный в долине одноименного ручья. Строительство ГЭС вызвало бурный рост поселка, который в 1962 г. был преобразован в город, а Бухтарминский район упразднен.

В проектном задании 1951 г., а потом и в техническом проекте 1953 г., разработанных Ленгидропроектом, содержалась характеристика поселений, оказавшихся в зоне затопления. Констатировалось, что площадь водохранилища Бухтарминской ГЭС, в соответствии с выбранным НПГ (нормальный подпорный горизонт) в 402 м, составит 5 550 кв. км. Частичному затоплению подлежали территории Бухтарминского, Зыряновского, Больше-Нарымского, Самарского, Курчумского, Тарбагатайского, Маркакольского и Зайсанского районов Восточно-Казахстанской области, а также Кокпектинского и Аксуатского районов Семипалатинской области Казахской ССР.

По оценке технического задания 1951 г., подготовленного Ленгидропроектом, в зону затопления Бухтарминской ГЭС при отметке НПГ 402 м попадало 85 поселений[4]. Однако в процессе изысканий и согласований цифру скорректировали. По техническому проекту в зоне затопления по берегам озера Зайсан, реки Иртыш и ее притоков − рек Буконь, Нарым, Курчум и Бухтарма − располагалось 95 населенных пунктов преимущественно сельского типа; 91 из них подлежал полному или частичному затоплению. Технический проект фиксировал, что сильнее всего зона водохранилища затрагивала Бухтарминский и Курчумский районы Восточно-Казахстанской области: там находилось 24 и 25 поселений соответственно. На момент 1953 г. в зоне затопления оказывалось 50 укрупненных колхозов (до начала укрупнения их число составляло 95) и один совхоз, у которых изымалось почти 333 тыс. га сельхозугодий, несколько промышленных предприятий местного значения, шесть пристаней, участок автодороги союзного значения «Восточное кольцо им. тов. Сталина», построенной в начале 1940-х гг., и участок скотопрогонного тракта из Синьцзяна. Среди населенных пунктов зоны водохранилища по своему значению и размерам были выделены районный центр Усть-Бухтарма, пристанционные поселки Гусиная и Алтайская, Мало-Красноярка, Камышинка, Баты и Тополев Мыс с расположенными в них пунктами Заготзерна, Главнефтьсбыта, рабочий поселок рудник Гремячий, населенные пункты Трушниково, Кондратьево, Крестовка, Каракас, Песчаны и другие с расположенными в них судоремонтными мастерскими (Трушниково), масло- и рыбзаводами. Большинство малых поселений в зоне водохранилища гидроэнергетиками характеризовались как «неблагоустроенные», с «хаотичной» застройкой, отсутствием или дефицитом поселенческой инфраструктуры. В поселениях зоны водохранилища было учтено 5,7 тыс. строений, 96 % которых принадлежали индивидуальным владельцам[5].

Техпроектом предусматривалось переселение в три очереди в соответствии со сроками заполнения водохранилища: к 1957 г. − 368 м, к 1958 г. − 385 м и к 1959 г. − 402 м. Таким образом, в течение 1954−1956 гг. необходимо было перенести 30 населенных пунктов, расположенных ниже отметки 368 м, в которых было 330 домовладений. В течение 1957 г. следовало перенести 19 населенных пунктов, расположенных до отметки 385 м, и 1 200 домовладений, а в 1958−1959 гг. − оставшиеся 45 населенных пунктов и 1200 находящихся в них домовладений[6]. По предварительным расчетам, переселению подлежало 28 489 чел., объединенных в 8774 семьи. Распределение по районам Восточно-Казахстанской области выгля-

[4] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-1-1т (Сводная пояснительная записка). С. 1−2; Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения). Л. 1−42 (См.: Иртышские ГЭС… С. 202).

[5] Там же.

дело так: Бухтарминский − 10 905 чел., Зыряновский − 101, Больше-Нарымский − 5 051, Самарский − 3 027, Курчумский − 5 000, Маркакольский − 70, Тарбагатайский − 3 013 чел.[7], а по Семипалатинской области переселение затронуло Кокпектинский и Аксуатский районы.

Общая сметная стоимость Бухтарминской ГЭС в техническом проекте оценивалась в 1 290 млн руб. На подготовку ложа водохранилища и переселение выделялось 208,04 млн руб., из которых непосредственно на перенос и компенсацию – около 90 млн руб. (включая разборку и перенос строений − 78,3 млн руб., выплату найма временного жилья – 1,03 млн руб., оплату переезда трудоспособным − 749,9 тыс. руб., минимальное благоустройство новых поселков − 7,62 млн руб.), остальные средства распределялись на противомалярийные мероприятия, строительство дорог, археологические исследования, земельное переустройство и т.д.[8] В ходе доработок общая стоимость проекта выросла до 1 900 млн руб. и 400 млн руб. на подготовку ложа водохранилища[9]. На основании косвенных данных можно утверждать, что дефицит бюджета только на компенсационные выплаты составил как минимум 30 млн руб., который плановые органы рассчитывали закрывать не прямым бюджетным покрытием со стороны гидроузла, а перекладыванием издержек на население через долгосрочное кредитование Госбанком и Сельхозбанком[10].

Основным документом, регламентировавшим вопросы переноса поселений и переселения жителей, стало постановление Совета Министров СССР от 21 сентября 1954 г. «О мероприятиях по переселению населения и переносу на новые места предприятий, строений и сооружений в связи со строительством Бухтарминской гидроэлектростанции». Особо отметим, что прописанный в этих решениях порядок переноса и переселения, отработанный и апробированный при строительстве Новосибирской ГЭС, использовался и при строительстве Бухтарминской ГЭС[11]. Прописывался общий механизм переноса и переселения, а также уровни ответственности республиканских и областных властей за их реализацию. Согласно постановлению, в населенных пунктах, подлежащих переносу, вводился полный запрет на строительство. Само переселение планировалось провести в 1954−1958 гг. Основные работы предполагалось выполнить в 1955−1957 гг. В качестве мер социальной поддержки государство вводило комплекс льгот. Переселяемые колхозы, колхозники, рабочие и служащие освобождались сроком на два года от всех видов налогов и сборов (за исключением удержаний из заработной платы), а также от обязательных государственных поставок сельхозпродукции, кроме поставок молока[12]. Для покрытия дефицита средств при возведении домов переселенцам предоставлялось право на получение долгосрочных ссуд на строительство нового жилья (до 10 тыс. руб. сроком на 7−10 лет с началом погашения с четвертого года) и восстановление домов (до 5 тыс. руб. на 5 лет) либо ссуд Сельхозбанка (до 6 и 3 тыс. руб. соответственно)[13]. Индивидуальное строительство обеспечивалось правом на льготную заготовку деловой древесины в прилегающих лесных массивах без взимания попенной платы (в объеме до 40 кубометров делового леса на один индивидуальный двор и до 15 кубометров на колхозный двор для общественных построек)[14].

Ключевую роль в переносе поселений и организации переселения при строительстве Бухтарминской ГЭС сыграли Восточно-Казахстанский облисполком и местная исполни-

[6] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-1т (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 1. Подготовка водохранилища. Сводная записка). Л. 111−125.
[7] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения). Л. 1−42 (См.: Иртышские ГЭС… С. 202).
[8] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-1т (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 1. Подготовка водохранилища. Сводная записка). Л. 111−125 (См.: Иртышские ГЭС… С. 177, 182).
[9] Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6409. Л. 10.
[10] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 128. Л. 48.
[11] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 287. Л. 212−214.
[12] Там же. Д. 124. Л. 284.
[13] Там же. Д. 120. Л. 69−78.
[14] Там же. Д. 100. Л. 29.

тельная власть районов, попадающих в зону затопления. При райисполкомах вводились персональные должности заместителей председателя по переселению, возглавивших специальные районные переселенческие отделы. В их компетенцию входили организация переселения и выплата компенсаций. На первичном уровне ключевым звеном стали районные оценочные комиссии из представителей райисполкома и дирекции строящейся ГЭС, которые на основе технической инвентаризации определяли пригодность зданий к переносу, высчитывали компенсации, подъемные и производили вычеты кредитных задолженностей граждан и колхозов.

Уже после утверждения техпроекта и начала строительства ГЭС к вопросу о хозяйственном переустройстве колхозов Восточно-Казахстанской области, оказавшихся в зоне затопления, вновь вернулись. У семи колхозов (им. Чапаева, «Красное Знамя», им. Ворошилова Бухтарминского р-на, «21-я годовщина РККА» Больше-Нарымского р-на, им. Калинина Самарского р-на и др.) под воду уходили почти все ключевые пойменные угодья и хозяйственные центры. Это породило конфликт между Ленгидропроектом, который ради минимизации затрат предлагал сохранить большинство хозяйств на месте за счет распашки внутренних пастбищ и прирезки земель госфонда. Однако руководство Восточно-Казахстанской области признало такие расчеты неверными и недопустимыми из-за каменистого горного рельефа и потребовало полностью выселить пять колхозов в пограничные районы с масштабным строительством новых оросительных систем. Совет министров Казахской ССР в итоге занял промежуточную позицию, санкционировав дополнительное переселение пяти колхозов, но отклонил программу расширенного орошения как чрезмерно затратную и инициировал создание специальной Бухтарминской землеустроительной экспедиции для разрешения территориальных противоречий непосредственно на местности[15].

Техпроектом предусматривался перенос населенных пунктов на площадки, расположенные выше уреза воды, с учетом проектных отметок будущего водохранилища как в пределах существующих поселений, так и создаваемых. В случае полного затопления выделялся участок под новый населенный пункт. Полностью попадавшие в зону затопления населенные пункты переселялись на новое место, обычно в пределах 5−10 км от прежнего. Еще один сценарий предусматривал переселение в существующие населенные пункты. Этот вариант касался в первую очередь поселений, полностью попадавших в зону затопления. В качестве исключения допускалось переселение в города и за пределы области. В большинстве случаев перенос населенных пунктов так или иначе связывался с перераспределением колхозных земель и переносом самих колхозов. Поскольку абсолютное большинство попадавших под затопление селений являлись центральными усадьбами или поселками сельхозартелей, именно сохранность или утрата земельной базы выступали главным фактором, определявшим маршрут и характер переселения хозяйств.

Первый вариант переноса − переселение в границах колхоза. Такой вариант применялся к хозяйствам, у которых затапливалась только прибрежная застройка, но сохранялась достаточная площадь пастбищ и полей для продолжения работы. Дома и хозяйственные постройки передвигались на расстояние от 1 до 8 км выше проектируемого уреза воды. Так, усадьба колхоза им. Сталина (с. Гусиное Бухтарминского района) сдвигалась на 6 км восточнее по трассе тракта «Восточное кольцо», хозяйственный центр колхоза им. Хрущева (с. Воронье) переносился на 5 км севернее − к перекрестку дорог на Зыряновск, центральная усадьба колхоза «1-е Мая» Больше-Нарымского района (с. Малая Красноярка) выносилась на 4 км выше по ручью Сухому в урочище Ближнее, а поселки Камышинка и Куйган Курчумского района перемещались на 2−8 км выше по рельефу в направлении с. Кумашкино[16].

[15] Подробнее о ситуации с колхозами в зонах затоплений иртышских ГЭС см.: *Аблажей Н.Н., Косицын М.А.* Колхозы и земельный вопрос: отчуждение и землеустройство в зонах затопления Обской и Иртышских ГЭС в 1950-е годы // Крестьяноведение. 2025. Т. 10, № 4. С. 116−134.

[16] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения). Л. 1−42 (См.: Иртышские ГЭС… С. 202; ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6428. Л. 16−18, 21−22, 43−44).

Второй сценарий переселения − объединение нескольких населенных пунктов в один новый. Этот вариант использовался властями для ликвидации мелких сел, аулов и заимок и одновременного укрупнения колхозных центров. Несколько небольших селений переносились на одну общую, заново разбитую строительную площадку. Например, на площадку «Селезневка» в Бухтарминском районе сводились сразу пять населенных пунктов: колхозная часть села Усть-Бухтарма, поселки Пещера, Черемшанка, Ново-Никольское и Пчела общей численностью свыше 2 300 чел. На площадку «Зубовка» переселялись жители четырех селений (Первороссийск, Красный Алтай, Зубовка и Кондратьево − 2 054 чел.); на площадку «Каракол» объединялись пять поселков (Обухово, Свобода, Венера, Братское, Тускаин), а в Больше-Нарымском районе на площадку «Хайрузовка» сселялись села Хайрузовка, Малая Красноярка и поселок Уркор (Свинчатка) общей численностью свыше 2 100 чел.[17]

Практиковался также и третий вариант − дополнение. Его задействовали в тех случаях, когда хозяйство теряло значительную часть продуктивных угодий, из-за чего его самостоятельное сохранение признавалось нецелесообразным, но дальний выезд за пределы района не планировался. Колхоз ликвидировался, а его земли и жители присоединялись к соседнему стабильному хозяйству. Так, колхоз им. Кирова Бухтарминского района объединялся со смежным колхозом им. Фрунзе с переводом усадьбы и переселением части колхозников в существующее с. Березовку, а жители п. Нижний Колубай колхоза им. Бойца Черкасова переводились в центральную усадьбу − с. Кумашкино[18].

Особым сценарием можно назвать дальнее переселение в другие районы. Применялось оно к пяти колхозам, у которых водохранилище забирало от 80 до 100 % пашни и пойменных сенокосов (колхозы им. Чапаева и «Красное Знамя» Бухтарминского района, «21-я годовщина РККА» и им. Чапаева Больше-Нарымского района, им. Калинина Самарского района)[19]. Возместить такие потери на месте из-за каменистого горного рельефа было невозможно, поэтому решением Совета министров Казахской ССР от 29 июля 1953 г. было утверждено их принудительное переселение на расстояние 200−350 км в южные пограничные районы − Маркакольский, Зайсанский и Тарбагатайский[20]. Хозяйства получали новые участки с условием восстановления поливных площадей и компенсацией расходов на дальний переезд людей и перегон скота[21].

Вне колхозной системы переносились рабочие поселки. Такое переселение осуществлялось по планам профильных министерств, отвечающих за перенос. Рудничные поселки Гремячее и Заводинка расселялись трестом «Казолово» Министерства цветной металлургии СССР непосредственно к горным шахтам. Пос. Гремячее переносился на 6 км к руднику, а пос. Заводинка расселялся в г. Зыряновск[22]. Аналогично было и с судоремонтными мастерскими, которые переносились под руководством Министерства речного флота[23].

Хотя официально декларировались принципы минимизации ущерба и учета поселений как целостных единиц, в ходе переселения они фактически не реализовывались. Исторически сложившаяся в долине Верхнего Иртыша поселенческая сеть отличалась хозяйственной многоукладностью, поскольку в границах одного и того же населенного пункта десятилетиями соседствовали колхозные дворы, усадьбы бакенщиков и речников, инфраструктура хлебоприемных пунктов, ведомственные базы и мелкие промышленные артели. Власти

[17] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 122. Л. 246−247, 249.
[18] ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6428. Л. 15−16, 45.
[19] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 1−5, 79−85.
[20] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения). Л. 1−42 (См.: Иртышские ГЭС… С. 208–210).
[21] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 77−78.
[22] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. (Перенос населенных пунктов и переселение населения). Л. 1−42 (См.: Иртышские ГЭС… С. 206, 209).
[23] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения). Л. 1−42; ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 122. Л. 204 (См.: Иртышские ГЭС… С. 206, 403).

также производили разделение жителей по социально-производственному признаку, направляя разные социальные группы по несовпадающим пространственным маршрутам. К примеру, в пос. Баты Самарского района с населением в 1400 чел. проживали не только колхозники, но и персонал крупного транспортно-промышленного узла (пристань, нефтебаза «Главнефтесбыта», база «Заготзерно», ТЭС треста «Казолово»). Первоначальное проектное предложение Ленгидропроекта о сплошном переносе поселка в сельскохозяйственное с. Песчанка было отклонено областной плановой комиссией со следующей формулировкой: «В проект включить переселение в село Песчанку только бригады колхоза им. Сталина. Населенный пункт Баты с пунктом заготзерно, нефтебазой и т.д. перенести в месторасположение будущей пристани Баты»[24]. В результате в с. Песчанку выселили исключительно аграрную бригаду − 33 семьи колхозников (110 чел.) и 2 семьи обслуживающих специалистов (7 чел.)[25], тогда как рабочих и служащих речного флота, заготовительных и нефтяных ведомств эвакуировали на побережье будущего водохранилища, где создавался самостоятельный пристанционный поселок Новые Баты[26].

Схожим примером является переселение с. Усть-Бухтарма. Село с населением 5,3 тыс. чел. совмещало функции райцентра, центральной усадьбы колхоза им. Кирова, узла сплавных организаций и промкомбината. Государство распределило жителей села по трем совершенно разным локациям: 1) колхозники вместе с колхозным маслозаводом и усадьбой МТС были отделены и направлены на сельскохозяйственную площадку «Селезневка»[27]; 2) административный аппарат, интеллигенция и служащие, партийно-советский актив, медицинский персонал больницы, учителя и коммунальные служащие решением ЦК Компартии Казахстана переводились в рабочий поселок гидростроителей, что привело к слиянию сельского райсовета с промышленным центром[28]. Персонал Бухтарминской сплавной конторы был передислоцирован в с. Богатырево соседнего Зыряновского района.

В пос. Тополев мыс Тарбагатайского района концентрировались центральная усадьба колхоза «Объединенный труд», рыбартель им. Молотова, судоремонтные мастерские, нефтебаза и крупная пристань (451 домовладение). По решению облисполкома колхозный центр и рыбаков перевели вглубь суши − в урочище Жиргала, ориентированное на концентрацию пастбищных угодий[29], а промышленно-транспортный персонал выделили в новый поселок − Новый Тополев Мыс[30].

Согласно предварительным проектировкам отдела промышленности и транспорта Восточно-Казахстанской области за декабрь 1953 г. расчет строился на том, что на строительстве ГЭС в непосредственной близости к стройке будет задействовано около 10−15 тыс. рабочих. Для их размещения планировалось строительство на расстоянии от 2 до 8 км от головных сооружений ГЭС трех рабочих поселков: Серебрянка, Ново-Александровка и Козловка. Самым крупным из них должен был стать поселок Ново-Александровка, где должно было быть размещено 8,1 тыс. жителей. Эксплуатационный поселок Серебрянка строился из расчета размещения 2 337 чел. Еще 1 900 чел. должны были проживать в Козловке[31]. 9 апреля 1953 г. населенный пункт при строительстве Бухтарминской гидроэлектростанции отнесен к категории рабочих поселков с присвоением наименования Серебрянка[32]. В его черту были включены населенные пункты Ново-Александровка, Ленгидэп

[24] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 102. Л. 88.
[25] Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 108−109.
[26] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения). Л. 1−42; ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 122. Л. 253−254 (См.: Иртышские ГЭС… С. 210, 398).
[27] ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6428. Л. 14−15; ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 122. Л. 246.
[28] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 122. Л. 92−97, 246; Д. 111. Л. 116−118.
[29] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения. Приложения). Л. 182−192 (См.: Иртышские ГЭС… С. 241).
[30] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 122. Л. 253−254.
[31] ГАВКО. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6409. Л. 46.
[32] ГАВКО. Ф. 1109. Оп. 5. Д. 564. Л. 213.

и поселок при железнодорожной станции Серебрянка. Согласно переписи 1959 г. численность населения Серебрянки превысила 16,5 тыс. чел.[33]

Сопоставление исходной поселенческой сети со схемой расселения после затопления демонстрирует радикальное сжатие сети и структурную перестройку системы расселения Верхнего Прииртышья. Из 95 населенных пунктов, ликвидированных в зоне подпора Бухтарминской ГЭС, лишь население около 15 мелких поселений и бригад было поглощено уже существовавшими незатопляемыми селами (Березовка, Никольское, Песчанка и др.) в порядке дополнительного либо расселено в городской черте (Зыряновск, Серебрянка). Основной же массив выселяемых жителей был сконцентрирован всего на 26 вновь построенных селитебных площадках. Если до затопления средняя людность ликвидируемого пункта составляла порядка 60−65 дворов (около 240−260 чел.), а многие заимки и аулы насчитывали менее 10 дворов, то проектная емкость каждой из 26 новых селитебных площадок возросла до 1 500−2 300 чел. (350−550 дворов)[34]. Сеть поселений потеряла около 70 % самостоятельных единиц (сюда относятся все населенные пункты независимо от численности населения), но обрела предельную концентрацию людских и материальных ресурсов.

Вопрос о количестве поселений, оказавшихся затопленными в связи с созданием Бухтарминского водохранилища, остается открытым. На данный момент можно утверждать, что в Восточно-Казахстанской области было затоплено: в Бухтарминском районе − 28, Зыряновском − 4, Больше-Нарымском − 14, Самарском − 13, Курчумском − 23, Маркакольском − 3, Зайсанском − 4, Тарбагатайском − 10 и в Кокпектинском районе Семипалатинской области − 5 населенных пунктов. Суммарно это составляло 104. Под воду ушли два районных центра − Усть-Бухтарма (Бухтарминский р-н) и Больше-Нарымск (Больше-Нарымский р-н). Новыми райцентрами стали пос. Серебрянка и Новый Больше-Нарымск. В зоне затопления оказались также крупные пристанционные поселки − Гусиная, Алтайская, Мало-Красноярка, Камышинка, Баты и Тополев Мыс. Из зоны затопления было переселено 27 489 чел.[35]

Имеющиеся сведения о реорганизации поселенческой сети в связи со строительством Бухтарминской ГЭС и созданием водохранилища позволяют сделать вывод о том, что количество поселений уменьшилось за счет их ликвидации или укрупнения, хотя было создано два десятка новых поселений. Результатом переселения стало укрупнение сельских советов и поселений. Подобная политика обосновывалась хозяйственно-организационными соображениями и в целом вписывалась в общесоюзные тенденции. Это дает основание утверждать, что переселение в связи с гидростроительством было частью политики трансформации системы аграрного расселения, реализуемой с начала 1950-х гг. и нацеленной на очередное преобразование и реконструкцию деревни через организованное расселение и укрупнение сельских поселений, что имело не только положительные, но и негативные последствия.

Помимо этого, переселенческая кампания закрепила переход от традиционной многоукладности старых сел к жесткой социально-производственной сегрегации. Если прежде крестьяне, речники, промысловики и заготовители вели общее соседское хозяйство в границах единых селений, то новая схема расселения функционально разделила население по ведомственной логике.

Строительство Бухтарминской ГЭС потребовало создания нескольких рабочих поселков, которые быстро трансформировались в город. Возникновение локального индустриального ядра и форсированное развитие социально-экономической инфраструктуры создали мощный стимул для оттока сельского населения. Вместо переселения в укрупняемые

[33] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения. Приложения). Л. 182−192 (См.: Иртышские ГЭС… С. 236).

[34] Центральный архив технической документации АО «Ленгидропроект». № 509-20-т3 (Технический проект Бухтарминской ГЭС. Том XIII, часть 3. Перенос населенных пунктов и переселение населения). Л. 1−42; ГАВКО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 124. Л. 111−113 об. (См.: Иртышские ГЭС… С. 208–213, 424–425).

[35] ГАВКО. Ф. 176. Оп. 5. Д. 100. Л. 119−121.

колхозы часть переселяемого населения выбирала переезд в растущие промышленные узлы, что привело к перераспределению демографических ресурсов в пользу городского сектора. Переселение стало не просто техническим этапом строительства гидроэлектростанции, но решало более масштабные государственные задачи. Оно стало инструментом модернизации региона − многовековая эволюционная система расселения, стихийно привязанная к речной пойме, была директивно замещена искусственной, сконструированной сверху моделью.

Литература

Аблажей Н.Н., Косицын М.А. Колхозы и земельный вопрос: отчуждение и землеустройство в зонах затопления Обской и Иртышских ГЭС в 1950-е годы // Крестьяноведение. 2025. Т. 10, № 4. С. 116−134.

Аблажей Н.Н., Косицын М.А. Поселения в зоне затопления Новосибирской ГЭС в середине 1950-х гг.: регламенты и практики переноса // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 171−187. URL: http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-15.pdf (дата обращения: 16.05.2026 г.).

Бурдин Е.А. Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск: УлГПУ, 2005. 330 с.

Бурдин Е.А. Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 398 с.

Иртышские ГЭС: Проекты, зона затопления и переселение (1930-е − первая половина 1960-х гг.): сб. док-тов и мат-лов / сост. Н.Н. Аблажей, М.А. Косицын, Т.В. Шустова. Новосибирск; Усть-Каменогорск, 2025. 692 с.

References

Ablazhey, N.N., Kositsyn, M.A. (2025). Kolkhozy i zemel’nyy vopros: otchuzhdenie i zemleustroystvo v zonakh zatopleniya Obskoy i Irtyshskikh GES v 1950-e gody [Collective Farms and the Land Issue: Expropriation and Land Management in the Inundation Zones of the Ob and Irtysh Hydroelectric Power Stations in the 1950s]. In *Krest’yanovedenie*. Vol. 10, No. 4, pp. 116−134.

Ablazhey, N.N., Kositsyn, M.A. (2025). Poseleniya v zone zatopleniya Novosibirskoy GES v seredine 1950-kh gg.: reglamenty i praktiki perenosa [Settlements in the Inundation Zone of the Novosibirsk Hydroelectric Power Plant in the Mid-1950s: Regulations and Resettlement Practices]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 5 (43), pp. 171−187. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-15.pdf (date of access: 16.05.2026).

Ablazhey, N.N., Kositsyn, M.A., Shustova, T.V. (Eds.). (2025). *Irtyshskie GES: Proekty, zona zatopleniya i pereselenie (1930-e − pervaya polovina 1960-kh gg.). Sbornik dokumentov i materialov* [Irtysh Hydroelectric Power Stations: Projects, Inundation Zone, and Resettlement (1930s − First Half of the 1960s). Collection of Documents and Materials]. Novosibirsk, Ust-Kamenogorsk. 692 p.

Burdin, E.A. (2005). *Volzhskaya Atlantida: tragediya velikoy reki* [Volga Atlantis: The Tragedy of the Great River]. Ulyanovsk, UlGPU. 330 p.

Burdin, E.A. (2011). *Volzhskiy kaskad GES: triumf i tragediya Rossii* [Volga Cascade of Hydroelectric Power Stations: Triumph and Tragedy of Russia]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 398 p.

Е.А. Запевалова*

ЖЕНСКИЙ КОНТИНГЕНТ НАСЕЛЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870−1890-Е ГОДЫ: ЧИСЛЕННОСТЬ, СТРУКТУРА, УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-18
УДК 314.148-055.2:94(470.3)"187/189"

Выходные данные для цитирования:
Запевалова Е.А. Женский контингент населения Нижегородской губернии в 1870−1890-е годы: численность, структура, уровень грамотности // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 202−221.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-18.pdf

E.A. Zapevalova*

FEMALE POPULATION NIZHNY NOVGOROD PROVINCE IN THE 1870−1890: NUMBER, LEVEL OF LITERACY

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-18

How to cite:
Zapevalova E.A. Female Population Nizhny Novgorod Province in the 1870−1890: Number, Level of Literacy // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 202−221. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-18.pdf]

Abstract. The article examines the numerical, age, class, confessional composition of the female population of the Nizhny Novgorod province in the 1870−1890s. The marital status of women, the age of marriage of women, the number of divorces are studied. It was found that in the period from 1870 to 1890 there were significant changes in the class composition of the female population: the number of nobility (hereditary and personal) increased by 24 %; the number of persons of the clergy, on the contrary, decreased by 22.2 %. The percentage of urban estates (honorary citizens, merchants, philistines) by 1897 increased by 92 %. The development of a system of zemstvo schools in rural areas and municipal schools in cities has contributed to improved literacy rates. In the period from 1870 to 1890, the number of educational institutions for women in the Nizhny Novgorod province tripled (from 273 in 1874 to 784 in 1890), and the number of students in them − 2.8 times (from 2,806 in 1874 to 7,812 people. in 1890). Literate women of unprivileged classes were actively involved in entrepreneurial activity, engaged in trade, which required the ability to read and write, to understand financial documents.

Keywords: Nizhny Novgorod province, 19th century, Female population, numerical strength, age composition, marriage status, class structure, confessional composition, literacy, educational institutions for women, zemstvo schools, periodical press.

The article has been received by the editor on 16.06.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрен численный, возрастной, сословный, конфессиональный состав женского населения Нижегородской губернии в 1870−1890-е гг. Исследовано семейное положение женщин, возраст вступления женщин в брак, число разводов. Было установлено, что в период с 1870 по 1890 г. произошли значительные изменения в сословном составе женского населения: численность дворянства (потомственного и личного) выросла на 24 %; численность лиц духовного сословия,

* **Екатерина Анатольевна Запевалова,** соискатель, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия; Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород, Россия, e-mail: il_za82@mail.ru

Ekaterina Anatolyevna Zapevalova, Postgraduate Student, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: il_za82@mail.ru

наоборот, уменьшилась на 22,2 %. Процент городских сословий (почетных граждан, купцов, мещан) к 1897 г. вырос на 92 %. Развитие системы земских школ в сельской местности и муниципальных школ в городах способствовало улучшению показателей грамотности. В период с 1870 по 1890 г. количество учебных заведений для женщин в Нижегородской губернии выросло в 3 раза (с 273 в 1874 г. до 784 в 1890 г.), а число учащихся в них − в 2,8 раза (с 2 806 в 1874 г. до 7 812 чел. в 1890 г.). Грамотные женщины непривилегированных сословий активно включались в предпринимательскую деятельность, занимались торговлей, что требовало умения читать и писать, разбираться в финансовых документах.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, XIX в., женское население, численный состав, возрастной состав, брачный статус, сословная структура, конфессиональный состав, грамотность, учебные заведения для женщин, земские школы, периодическая печать.

Статья поступила в редакцию 16.06.2026 г.

Обзор историографии и источников. В настоящее время общественное развитие Нижегородской губернии второй половины XIX в. активно исследуется отечественными и зарубежными историками. Наибольшее внимание в историографии уделено благотворительной деятельности купечества. Социально-демографические характеристики женского населения Нижегородской губернии в 1870−1890-е гг., а также уровень грамотности женщин в этот период исследованы пока мало. В историографии этой теме уделено внимание в трудах Е.И. Урлиной, А.А. Акашевой, А.А. Халина, В.В. Поповой[1]. Основные социально-демографические характеристики населения региона в 1870−1890-е гг. проанализированы по данным из Статистического временника 1875 г.[2] и по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.[3] На основе статистических материалов − губернских обзоров (по хронологическим срезам 1875 и 1890 гг.)[4] и материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г.[5] рассмотрен уровень грамотности женщин Нижегородской губернии в 1870−1890-е гг.

Численный и возрастной состав. Брачный статус. Во второй половине XIX в. в Нижегородской губернии произошло значительное увеличение численности населения − на 24,6 %. В 1870 г. в регионе насчитывалось 1 271 564 чел. обоего пола: 664 494 женщины и 607 070 мужчин. В 1897 г. общее количество жителей стало составлять уже 1 584 774 чел.: 840 307 женщин и 774 467 мужчин. В изучаемый период женщин в Нижегородской губернии было немного больше, чем мужчин; в среднем они составляли 52−53 % от общего количества жителей региона, что, как и повсюду в Российской империи после отмены крепостного права, было связано с отходом мужчин на заработки, в случае Нижегородской губернии − в пределах Поволжья (работа, связанная с судоходством и перевозкой грузов по рекам), и реже − в столичные губернии (отход на работу в города).

[1] *Урлина Е.И.* Нижегородский Мариинский институт благородных девиц // Город славы и верности России. Н. Новгород, 1996. С. 67−70; *Акашева А.А.* Нижний Новгород в 1860−1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства: дис. … канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006; *Халин А.А., Попова В.В.* Динамика сословной структуры городского населения Нижегородской губернии во второй половине XIX в. // Диалог. 2017. № 3 (8). С. 11−22.

[2] Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып.10. СПб., 1875.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). СПб., 1904.

[4] Обзор Нижегородской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1874 год. Н. Новгород, 1875; Обзор Нижегородской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1890 год. Н. Новгород, 1891.

[5] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния…

В пореформенный период отчетливо прослеживается изменение соотношения между городским и сельским населением в сторону увеличения количества городских жителей с 89 010 чел. в 1870 г. (число городских жителей составило 7 %) до 142 926 чел. в 1897 г., т.е. на 60 % (соответственно число городских жителей составило 9 %), что было связано с ускорением процесса урбанизации. Но Нижегородская губерния относилась к регионам с низким уровнем урбанизации − доля городского населения и в 1870 г., и в 1897 г. была ниже среднего показателя по европейской части Российской империи: в 1870 г. − 11 %, в 1897 г. − 13 %.

Во второй половине XIX в. в регионе было 13 городов (губернский Нижний Новгород, 11 уездных и два заштатных − г. Починки Лукояновского уезда и г. Перевоз Княгининского уезда). Больше всего жителей приходилось на губернский Нижний Новгород (в 1870 г. − 44 190 чел., в 1897 г. − 90 053 чел.), что следует из табл. 1.

Таблица 1

Городское население Нижегородской губернии в 1870 и 1897 гг.

Город	1870	1897
Нижний Новгород	44 190	90 053
Ардатов	3 098	3 546
Арзамас	10 406	10 592
Балахна	3 905	5 120
Васильсурск	2 507	3 799
Горбатов	2 683	4 604
Княгинино и Перевоз	2 242	3 507
Лукоянов и Починки	9 595	11 968
Макарьев	1 656	1 560
Семенов	2 961	3 752
Сергач	3 629	4 530

Составлено по: Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. С. 12; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 4−5.

Остальные города, за исключением Арзамаса (в 1870 г. − 10 406 чел., в 1897 г. − 10 592 чел.), были малочисленными. Так, в 1870 г. численность городского населения колебалась от 1 656 (Макарьев) до 3 905 чел. (Балахна), в 1897 г. − от 1 560 (Макарьев) до 5 120 чел. (Балахна).

В период с 1870 по 1897 г. количество жителей Нижнего Новгорода и Горбатова увеличилось в 2 раза, Васильсурска − в 1,5. Если среди городских жителей в 1870 г. преобладали женщины (47 856 против 44 498 чел.), то в 1897 г. стал превалировать мужской контингент (73 786 против 69 245 чел.). Это стало следствием бурного экономического развития региона в конце XIX в.: в города − центры сосредоточения фабрично-заводских предприятий − устремились мужчины в поисках заработка.

Например, крестьяне Горбатовского уезда отправлялись в Нижний Новгород в качестве маляров, извозчиков, приказчиков в лавках или трудиться на заводе Колчина, а также печниками в Семенов и Балахну[6]. Уходя на заработки, крестьяне сдавали свои земельные наделы

[6] *Бравина М.В.* Село Оленино и селения, составляющие Оленинскую волость Горбатовского уезда Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. 1875. Т. 5. С. 134, 136.

односельчанам. Вот как об этом пишет исследователь М.В. Бравина в статье «Село Оленино и селения, составляющие Оленинскую волость Горбатовского уезда Нижегородской губернии»: «За обработку тягла, то есть двух наделов, крестьянин-земледелец берет со своего односельца от 20 до 25 рублей; обработка должна состоять в том, чтобы вспахать под яровое, заборонить, посеять, вспахать под озимое, посеять, свезти хлеб в снопах с поля и вымолотить. Жатва или жнитво составляет обыкновенно обязанность женщин, остающихся в деревне, и выполняется взявшими обработку тягол только в том случае, когда жена крестьянина, сдавшего надел, ушла с ним также в город. В таких случаях обрабатывающий тягло получает выше обыкновенной платы, а именно: от 25 до 30 рублей»[7].

М.П. Пестов оставил сведения об отхожих промыслах крестьян Ардатовского уезда: «<…> крестьяне села Кашкарова и некоторых других селений, близких к границе Арзамасского уезда, уходят в город Арзамас, нанимаясь на кожевенные заводы, где получают в год до 25 рублей заработка. До 20 человек из села Надежина уходят на осень в Нижний Новгород, где занимаются земляной работой, принося домой чистой прибыли от 15 рублей серебром и более»[8].

Интересно сопоставить численность женского и мужского населения Нижегородской губернии по возрастным группам. По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. женщины преобладали во всех возрастных группах, особенно доминировали в группах от 20 до 29 лет и от 50 до 59 лет (на каждую 1 000 мужчин в них приходилось по 1 238 и 1 208 женщин соответственно). Мужчины численно превалировали лишь в городах в молодых и средних возрастных группах, что можно объяснить приходом сюда мужчин рабочего возраста из сел и деревень, в то время как женщины оставались заниматься детьми и сельскохозяйственными работами, отчасти ткачеством. Статистические данные показывают, что из уездов в города России устремлялось больше отходников-мужчин, чем женщин (табл. 2).

Таблица 2

Возрастной состав населения Нижегородской губернии в1897 г.

Возраст	Женщины, чел.		Мужчины, чел.	
	проживало в городах	проживало в уездах (без учета городов)	проживало в городах	проживало в уездах (без учета городов)
До 10 лет	13 360	191 943	13 086	184 154
10−19 лет	12 612	153 617	14 950	141 503
20−29 лет	12 050	119 507	15 535	90 650
30−39 лет	10 806	98 506	12 298	82 292
40−49 лет	8 277	82 587	8 735	69 471
50-59 лет	5 595	58 738	4 868	48 444
60 лет и старше	6 496	65 899	4 258	53 824
Итого	69 196	770 797	73 730	670 338

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 5−6.

[7] *Бравина М.В.* Село Оленино и селения, составляющие Оленинскую волость… С. 134.
[8] *Пестов М.П.* Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. 1869. Т. 2. С. 181.

По семейному состоянию среди населения Нижегородской губернии наблюдался высокий процент брачности. Например, в 1897 г. в регионе замужних женщин было 65 %, женатых мужчин − 72 %. Как видно, процент женатых мужчин несколько превышал процент замужних женщин, по большей части это можно объяснить тем, что многие мужчины, овдовев, вступали вновь в брак; брачность же среди вдовых женщин наблюдалась гораздо реже, вследствие чего процент их был многим больше (15,1 %), чем процент вдовых мужчин (7,2 %).

Браки в Нижегородской губернии заключались, в соответствии с требованиями законодательства, мужчинами с 18 лет, женщинами − с 16 лет[9], но малая часть невест находилась в самом раннем возрасте: замужние женщины в возрасте 15−16 лет на момент переписи 1897 г. составляли 2,1 %, 17−19 лет − 36 %. Женатых же мужчин в возрасте 17−19 лет было 20,6 %. Как правило, брачный возраст мужчин превышал брачный возраст женщин в среднем на 5−7 лет (табл. 3).

Таблица 3

Брачный статус населения Нижегородской губернии в 1897 г.

Возраст	Девицы, %	Холостые, %	Замужние, %	Женатые, %	Вдовы, %	Вдовцы, %
15−16 лет	97,9	100	2,1	0,0	0,0	0,0
17−19 лет	63,8	79,4	36,0	20,6	0,2	0,0
20−29 лет	15,1	21,1	83,1	78,3	1,7	0,5
30−39 лет	8,1	5,1	85,2	93,1	6,5	1,6
40−49 лет	7,7	3,2	77,2	92,0	14,9	4,6
50−59 лет	7,4	2,5	63,2	85,3	29,2	12,0
60 лет и старше	8,1	2,1	34,9	61,1,0	56,6	36,6

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 8.

А.С. Коробкин в статье «Очерк села Пожарок» писал, что в крестьянских семьях, нуждавшихся в рабочих руках, были нередки случаи ходатайства перед епархиальным начальством о разрешении браков на несколько месяцев ранее узаконенного возраста. Он отмечал, что браки среди крестьян «всегда основаны на одних обоюдных расчетах и сердечное расположение здесь вовсе не имеет места; от начала переговоров, от первого посягательства к сватовству между семьями малознакомыми до времени свадьбы часто проходит только несколько дней, потребных на заготовку браги и кое-какого необходимого платья. Большинство платит за невесту так называемую кладку, то есть плату, сообразную своим средствам»[10].

Что же касается разведенных, то в Нижегородской губернии они (291 мужчина и 639 женщин) также представляли сравнительно редкое явление среди полуторамиллионного с лишним населения губернии (табл. 4).

Как следует из табл. 4, процент разведенных женщин был весьма низким. В 1897 г. в Нижегородской губернии из 547 431 женщины от 15 до 60 лет и старше разведенных было всего 639 чел., что составляло 0,1 %. При этом от числа замужних женщин − 355 827 чел. − число разведенных составляло 0,2 %.

[9] Законы гражданские. Ст. 1 // Свод законов Российской империи. СПб., 1904. Т. 10. Ч. 1.
[10] *Коробкин А.С.* Очерк села Пожарок // Нижегородский сборник. 1869. Т. 2. С. 280.

Таблица 4

Число разведенных в Нижегородской губернии по данным переписи 1897 г.

Возрастная группа	Процент разведенных женщин	Процент разведенных мужчин
15–16 лет	–	–
17–19 лет	0,0 %	0,0 %
20–29 лет	0,1 %	0,0 %
30–39 лет	0,2 %	0,1 %
40–49 лет	0,2 %	0,1 %
50–59 лет	0,1 %	0,1 %
60 лет и старше	0,1 %	0,2 %

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 8.

Сословная структура и конфессиональный состав. Так же как и в других губерниях Европейской России, в Нижегородской губернии в 1870–1890-е гг. сословная структура населения по доле разных сословий за эти 27 лет не изменилась. Распределение населения по сословиям рассмотрено в табл. 5.

Таблица 5

Распределение населения по сословиям в Нижегородской губернии в 1870 и в 1897 гг., чел. и доля во всем населении губернии

Сословие	Женщины		Мужчины	
	1870	1897	1870	1897
Дворяне потомственные и личные	5 291 (0,8 %)	6 810 (0,8 %)	4 984 (0,8 %)	5 935 (0,8 %)
Духовенство*	10 466 (1,6 %)	7 599 (0,9 %)	6 802 (1,1 %)	5 837 (0,8 %)
Почетные граждане и купцы	2 419 (0,4 %)	4 453 (0,5 %)	2 544 (0,4 %)	4 415 (0,6 %)
Мещане	19 371 (2,9 %)	37 372 (4,4 %)	17 514 (2,9 %)	33 990 (4,6 %)
Крестьяне	589 517 (88,7 %)	781 804 (93 %)	542 761 (89,4 %)	692 209 (93 %)
Иностранные подданные	134 (0,02 %)	195 (0,02 %)	143 (0,02)	221 (0,03 %)
Лица прочих сословий**	37 296 (5,6 %)	2 074 522 (0,1 %)	32 322 (5,3 %)	1 860 (0,1 %)
Итого	664 494	840 307	607 070	744 467

Составлено по: Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. С. 22–25; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 11.

* Священно- и церковнослужители и их дети, а также монашествующие.

** Лица, не считавшие себя принадлежавшими ни к одному из перечисленных сословий (художник, фельдшер, врач и др.).

Отметим, что большинство населения Нижегородской губернии во второй половине XIX в., так же как и в других губерниях Российской империи, составляло крестьянство: в 1870 г. − 89 % (или 1 132 278 чел.), в 1897 г. − 93 % (или 1 474 013 чел.). По мнению историков Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, процесс формирования крестьянского сословия в России шел фактически в течение всего XIX в. в связи с «длительным господством в крестьянской среде обычного права, сохранением крепостничества в отношении трети крестьянства до 1861 г., наконец, наличием в составе сельских обывателей многочисленных групп с существенными правовыми отличиями»[11]. По сравнению с общероссийскими показателями переписи 1897 года доля крестьянства в Нижегородской губернии была очень высокой (для сравнения, в Московской губернии доля крестьянства составляла 78 %, в Калужской − 90,3 %, во Владимирской − 90,3 %, в Тульской − 89,8 %, в Смоленской − 91 %[12]).

В городах Нижегородской губернии в 1897 г. женщин крестьянского сословия насчитывалось 32 032 чел., или 4 %, в то время как мужчин − 40 655 чел., или 6 % − многие мужчины уходили в города на заработки.

В период с 1870 по 1897 г. численность городских сословий (почетные граждане, купцы, мещане) увеличилась с 41 848 до 82 230 чел., т.е. вдвое. Составляя в 1897 г. всего 5 % населения региона, они превосходили в 6 раз по численности дворянское сословие и в 6 раз − духовное сословие.

Несмотря на то, что большинство купцов и мещан проживали в городах − 54 855 чел. (60 % из них в Нижнем Новгороде), в уездах Нижегородской губернии эта социальная группа также была многочисленной − 35 375 чел., или 44 % от общей ее численности в регионе.

Заметим, что, являясь одной из самых многочисленных групп городского населения (по численности их опережали лишь крестьяне − 51 % от общего числа горожан), в сельской местности они имели удельный вес всего 1,8 %.

Среди городских сословий Нижегородской губернии преобладало мещанство, и его численность в период с 1870 по 1897 г. увеличилась в 2 раза − с 36 885 до 71 362 чел. Данная тенденция была характерна для всех губерний Российской империи. Б.Н. Миронов в работе «Социальная история России периода империи (XVIII − начало XX в.)» объяснял рост численности мещан тем, что это сословие впитывало в себя, во-первых, купцов, которые разорялись или не имели достаточно капитала для возобновления купеческих прав, во-вторых, цеховых, которые разорялись или изменяли профессиональную ориентацию, в-третьих, крестьян, которые мигрировали в город[13].

В период с 1870 по 1897 г. в сословной структуре Нижегородской губернии доля потомственного и личного дворянства не изменилась, духовенства же снизилась в 1,3 раза. Если, согласно переписи 1897 г., дворяне проживали по большей части в городах (9 915 чел., или 78 %), то 3/4 представителей духовного сословия − в сельской местности (10 106 чел., или 75 %). Это объяснимо, ведь в сельской местности проживал 91 % населения Нижегородской губернии, там находилось больше всего церквей.

Население губернии было разнообразным по своему вероисповедному составу (табл. 6). Большинство населения Нижегородской губернии были православные христиане (принадлежавшие к официальному православию). Они составляли 93,5 % всего населения губернии в 1870 г. и 91,5 % в 1897 г. Таким образом, к прочим вероисповеданиям во второй половине XIX в. относилось от 7 до 9 % жителей губернии. Второе место по численности занимали представители «древлего православия», т.е. старообрядцы, принадлежавшие к различным толкам (поповцы, беспоповцы, поморцы и др.). В 1870 г. их было 47 024 чел. (3,7 %), в 1897 г. − 88 638 чел. (5,6 %). Данные о распределении старообрядцев по уездам Нижегородской губернии приведены в табл. 7.

[11] *Желтова В.П., Иванова Н.А.* Сословно-классовая структура России в конце XIX − начале XX века. М., 2004. С. 653.

[12] См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXIV. Московская губерния. СПб., 1904. С. 29; XV. Калужская губерния. С. 14; XV. Владимирская губерния. С. 12; XLIV. Тульская губерния. С. 13; XL. Тульская губерния. С. 8.

[13] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII − начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 117.

Таблица 6

Распределение населения по конфессиям в Нижегородской губернии в 1870 и в 1897 гг., чел. и доля во всем населении губернии

Показатель	Женщины		Мужчины	
	1870	1897	1870	1897
Православные	620 729 (93,4 %)	764 859 (91 %)	567 590 (93,5 %)	684 528 (91,9 %)
Старообрядцы	25 972 (3,9 %)	49 665 (5,9 %)	21 052 (3,5 %)	38 973 (5,2 %)
Мусульмане	17 045 (2,6 %)	23 477 (2,8 %)	17 136 (2,8 %)	17 855 (2,4 %)
Протестанты	244 (0,04)	536 (0,06 %)	331 (0,05 %)	638 (0,09 %)
Католики	194 (0,03)	481 (0,06 %)	602 (0,1)	1 005 (0,1 %)
Иудеи	310 (0,05 %)	1 266 (0,2 %)	358 (0,06 %)	1 395 (0,2 %)
Остальные	–	23 (0,003 %)	–	73 (0,01 %)
Итого	664 494	840 307	607 069	744 467

Составлено по: Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. 10. С. 38–39; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 11.

Таблица 7

Распределение старообрядцев по уездам Нижегородской губернии в 1870 г.

Уезд	Женщины, чел. и доля среди всех старообрядцев губернии	Мужчины, чел. и доля среди всех старообрядцев губернии
Балахнинский	6 619 (25,5 %)	5 751 (27,3 %)
Семеновский	5 896 (22,7 %)	4 917 (23,4 %)
Горбатовский	3 510 (13,5 %)	2 648 (12,6 %)
Нижегородский	3 113 (12 %)	2 390 (11,4)
Арзамасский	1 861 (7,2 %)	1 584 (7,5 %)
Васильский	1 765 (6,8 %)	1 355 (6,4 %)
Лукояновский	903 (3,5 %)	706 (3,4 %)
Макарьевский	833 (3,2 %)	559 (2,7 %)
Княгининский	670 (2,6 %)	487 (2,3 %)
Ардатовский	595 (2,3 %)	492 (2,3 %)
Сергачский	207 (0,8 %)	163 (0,8 %)
Итого	25 972	21 052

Составлено по: Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. 10. С. 38–39.

Приведенные данные показывают, что старообрядческое население губернии было расселено преимущественно в Балахнинском (26,3 % от всех старообрядцев губернии), Семеновском (23 %) и Горбатовском (13,1 %) уездах Нижегородской губернии.

Священник села Пурех Балахнинского уезда И. Лебединский указывал, что «относительно религии о здешнем народе можно вообще сказать, что он ни тепел, ни студен. Большинство довольно точно исполняет наружные дела веры христианской: ходит в церковь, поминает родителей сорокоустьями и отправлением в урочные времена панихид, служит молебны и ставит свечи пред иконами, разборчиво и строго соблюдает посты, раздает милостыни и совершает многие другие требования христианского благочестия, но все это делает, большей частью с какой-то малоуверенностью в правильности своих дел. Главной причиной тому дух раскола, господствующий в здешней стороне и над всеми православными, отчего в нашем приходе не увидишь ни одного из прихожан, который бы молился троеперстным сложением − все вообще молятся двуперстием; очень многие ходят к церковным службам с лестовицами[14], любят в церковных процессиях хождение по солнцу и чтение дома старопечатных книг, которые покупают за баснословно высокие цены, и все больше или меньше привержены к обрядам раскола. При всем том совершенно уклоняющихся от церкви немного»[15]. Он считал, что старообрядцы оказывают вредное влияние на православных, внушая им недоверие к обрядам православной церкви. Последствия этого влияния неизбежны, когда раскольники вступают в родственные связи с православными посредством бракосочетания своих детей. Священник И. Лебединский писал, что старообрядцы «имеют в некоторых деревнях молельни при крестьянских домах, куда в воскресные и другие праздничные дни секретно сходятся для богомоления и служения утрен, часов и павечерниц, исправляемых иногда женщинами и старыми девами»[16].

Архиепископ Иоанн Доброзраков, уроженец Нижегородской губернии, напротив, отмечал, что в селе Катунках Балахнинского уезда «расколу <…> мало, в сравнении с прочими селами Балахнинского уезда. <…> Влияния на православных не имеют никакого, как по своей малочисленности, так и потому, что последние, при разных недоумениях касательно религии и обрядов церковных и раскольнических, имеют обыкновение обращаться за советом к своим православным приходским священникам»[17].

Много приверженцев раскола было в Нижегородском уезде − 11,7 % от общего числа старообрядцев в губернии. Несмотря на это, в некоторых селах раскольников не было вовсе. Священник села Вередеево Нижегородского уезда А. Борисовский связывал отсутствие старообрядцев во вверенном ему приходе с распространением грамотности среди населения: «Знание грамоты возбудило охоту к чтению, которое притом в течение целого года и в кругу целого семейства имело благотворное влияние на религиозность и добрую нравственность. Оттого-то, можно думать, до ныне в целом селе нет не только ни одного раскольника, но и наклонности к расколу, тогда как настоящий приход повсеместно окружен расколом»[18].

М.П. Пестов, описывая Ардатовский уезд, в котором был один из самых низких процентов старооообрядцев (2,3 % от общего числа старообрядцев губернии), отмечал, что там «ныне можно встретить раскольника или нюхающего, или курящего табак, а потребление чая и вина вошло уже как бы в обыкновение, что прежде у сектаторов строго воспрещалось»[19]. Исследователь связывал это явление со смертью стариков-раскольников, прежде строго следивших за своим семейством.

На третьем месте по численности в населении губернии находились мусульмане (2,5 % в 1870 г., 2,6 % в 1897 г., преимущественно татары), а на четвертом − католики (0,06 % в 1870 г., 0,09 % в 1897 г., преимущественно поляки). Пятое место занимали протестанты (0,05 % в 1870 г., 0,07 % в 1897 г., преимущественно немцы).

[14] Лестовицы − четки для молитвы у старообрядцев.
[15] *Лебединский И.* Село Пурех с его приходскими деревнями // Нижегородский сборник. 1869. Т. 2. С. 226.
[16] Там же. С. 227.
[17] *Доброзраков И.* Село Катунки с его приходскими деревнями // Нижегородский сборник. 1867. Т. 1. С. 178.
[18] *Борисовский А.* Краткие сведения о селе Вередееве Нижегородского уезда // Нижегородский сборник. 1867. Т. 1. С. 211−212.
[19] *Пестов М.П.* Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии… С. 120.

Заметим, что мордва, занимавшая второе место по численности после русских (53 093 чел., или 3,4 % от общего числа населения Нижегородской губернии)[20], придерживалась православной веры. А.С. Коробкин в статье «Очерк города Княгинина и его уезда» отмечал, что мордовское население губернии совершенно утратило свой национальный характер: «Молодое поколение вовсе не носит мордовского костюма, не знает родного наречия и привержено к господствующей церкви, хотя и суеверно до крайности. Воспоминания о кереметях[21], о моленьях в лесу, жертвоприношениях и разных языческих обрядах сохраняются лишь в памяти старого отживающего свой век поколения. Село Ревезень − эта, по преданию, столица мордовского царства − не имеет ничего своеобразного»[22].

Уровень грамотности женщин. В период с 1870-х по 1890-е гг. произошли значительные позитивные изменения в образовании и уровне грамотности женщин Нижегородской губернии.

Губернский обзор за 1874 г. показал, что в регионе имелось всего 358 учебных заведений, в которых обучалось 16 844 чел. (1,3 % от общего числа жителей). Среди учащихся девочек было в 5 раз меньше, чем мальчиков − 2 806 и 14 038 чел. соответственно[23]. То есть доля девочек составляла всего 17 % от общего числа учащихся.

По нашим подсчетам, 43 % (1 206 чел.) всех учащихся девочек губернии обучалось в Нижнем Новгороде, 23 % (659 чел.) − в уездных и заштатных городах Нижегородской губернии, 34 % (941 чел.) − в сельской местности[24].

О том, что обучение девочек в 1870-е гг. находилось в зачаточном состоянии, писали многие общественные деятели. Священник А.В. Кордатов отмечал, что в селе Чернуха Нижегородского уезда учится мало девочек: «Девочек учится мало − редко цифра их превышает пяти, а по большей части трех, четырех»[25]. О том же писал священник села Борисовского того же уезда Т.А. Доброзраков. По его сведениям, за десять лет существования сельского училища обучение в нем прошли 190 учеников, из них всего лишь 16 девочек[26]. Этнограф и литератор В.Ф. Кудрявцев писал о женском образовании в уездном городе Василе: «Число учащихся девочек не велико: беря сумму учащихся за прошедшие десять лет, среднее число их будет двенадцать учениц»[27].

Постепенное развитие системы земских школ в сельской местности и муниципальных школ в городах резко улучшило показатели. В период с 1874 по 1890 г. количество учебных заведений выросло в 3 раза, а число учащихся в них − почти в 2,5 раза. В 1890 г. в 917 учебных заведениях обучалось 40 764 чел. (3 % от общего числа жителей). Среди учащихся мальчиков было в 4 раза больше, чем девочек − 32 952 и 7 812 чел. соответственно[28]. В 1890 г. число учащихся девочек возросло в 3 раза по сравнению с 1874 г., но при этом их процентное соотношение оставалось низким − 19 % от общего числа учащихся в 1890 г.

Согласно губернскому обзору за 1890 г., 26 % (2 043 чел.) всех учащихся девочек обучалось в Нижнем Новгороде, 12 % (919 чел.) − в уездных и заштатных городах Нижегородской губернии, 62 % (4 850 чел.) − в сельской местности[29]. Таким образом, если в 1874 г. Нижний Новгород лидировал в губернии по количеству учащихся девочек, то в 1890 г. большинство учениц обучались уже в сельской местности.

---

[20] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния… С. 9.
[21] Кереметь − место поклонения богам.
[22] *Коробкин А.С.* Очерк города Княгинина и его уезда // Нижегородский сборник. 1877. Т. 6. С. 214−215.
[23] Обзор Нижегородской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1874 год. Н. Новгород, 1875. С. 30.
[24] Там же. С. 65.
[25] *Кордатов А.В.* Чернухинская волость Нижегородского уезда // Сборник статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1880. С. 4.
[26] *Доброзраков Т.А.* Село Борисовское Нижегородского уезда // Нижегородский сборник. 1877. Т. 6. С. 202.
[27] *Кудрявцев В.Ф.* Историческое описание города Василя Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. 1877. Т. 6. С. 78−79.
[28] Обзор Нижегородской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1890 год. Н. Новгород, 1891. С. 35.
[29] Там же. С. 71.

Большую роль в женском образовании сыграли земские школы. По данным педагога В.Е. Чешихина, в 1867 г. в Нижегородской губернии насчитывалось 189 земских школ, в которых учились 5 253 мальчика и 466 девочек, т.е. девочек училось в 11 раз меньше, чем мальчиков (другими словами, в процентном отношении мальчики составляли 92 %, а девочки − 8 %); в 1889 г. в 379 земских школах учились 15 659 мальчиков и 3 871 девочка, т.е. мальчиков обучалось только вчетверо больше, чем девочек, а в процентном отношении доля девочек выросла до 20 % (табл. 8)[30]. Приведенные статистические данные демонстрируют, что родители уделяли все большее внимание обучению дочерей, поскольку в обществе усиливалось понимание того, что грамотность необходима людям, которые желают быть успешными, например в бизнесе и ремесле, где составлялись договоры и бухгалтерские документы.

Таблица 8

Число обучающихся в земских школах Нижегородской губернии в 1867 и в 1889 гг. (по уездам)

Уезд	1867		1889	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Нижегородский	784	24	3 128	549
Ардатовский	587	88	1 634	503
Арзамасский	719	93	1 882	290
Балахнинский	365	41	1 647	572
Васильский	209	–	929	175
Горбатовский	671	14	1 323	544
Княгининский	302	13	782	218
Лукояновский	1 219	148	2 134	358
Макарьевский	301	31	739	349
Семеновский	55	14	462	151
Сергачский	31	–	909	162
По губернии	5 253	466	15 659	3 871

Составлено по: Чешихин В.Е. Пятьдесят лет жизни нижегородских земств. Очерк развития земского хозяйства. 1914. С. 99−104.

Согласно данным табл. 8, число учащихся девочек в земских школах в период с 1867 по 1889 г. в Горбатовском уезде выросло в количественном выражении в 39 раз, в Нижегородском − в 23 раза, в Княгининском − в 17 раз, в Балахнинском − в 14 раз, в Макарьевском и Семеновском уездах − в 11 раз, в Ардатовском уезде − в 6 раз, в Арзамасском уезде − в 3 раза. Больше всего девочек в 1867 г. обучалось в Лукояновском уезде (32 % от общего количества обучающихся девочек в земских школах), и в 1889 г. − в Балахнинском уезде (15 % от общего количества обучающихся девочек в земских школах). Если в 1867 г. не было

[30] *Чешихин В.Е.* Пятьдесят лет жизни нижегородских земств. Очерк развития земского хозяйства. Н. Новгород, 1914. С. 99−104.

количества учеников приходилась в 1889 г. на Макарьевский (32 %), Горбатовский (29 %), Балахнинский (26 %) и Княгининский (22 %) уезды. Это коррелировало с уровнем развития промыслов в этих уездах.

Сотрудник Нижегородского губернского статистического комитета Н.И. Руновский, описывая в 1890 г. кустарное производство (производство конских подпруг) в деревне Казачья Слобода Княгининского уезда, отмечал, что «грамотных в деревне очень много; они встречаются не только в среде мужчин, но даже и в числе женщин, и образование свое получили, по преимуществу, в селе Мурашкине, в его мужском и женском училищах <…>. Вообще умственный уровень здешнего населения довольно высок»[31]. Одновременно Н.И. Руновский писал о том, что хотя основным занятием жителей является земледелие, но весьма важен и побочный промысел − «вязание из козьей шерсти конских подпруг, необходимых для известной сбруи − седелки». Причем этой работой в Казачьей Слободе занимались «исключительно женщины, <…> которых в настоящее время насчитывается до 106». Важно отметить в описании Н.И. Руновского следующий факт: «Все они при работе употребляют свой материал, сами продают изделия и являются, таким образом, самостоятельными промышленницами»[32]. Вязанье седелок производилось в осеннее и зимнее время после окончания полевых работ. Всего в деревне проживало 296 женщин, из них промыслом занимались 106 чел. (36 %), для последних было важно уметь читать и писать, чтобы составлять письменные договоры с заказчиками. Помимо вязальщиц, еще 50 женщин занимались здесь лоскутным промыслом − приготовлением мехов из мелких овчинных и мерлушчатых обрезков[33]. Все изделия сбывались на местных сельских базарах.

Достаточно высокая грамотность женщин в крупных промышленных селах Нижегородской губернии коррелировала с участием женщин в предпринимательстве в Павлове, Катунках, Большом Мурашкине.

Значительное увеличение количества обучающихся в учебных заведениях В.Е. Чешихин объяснял «особо значимым признаком успеха земской школы и завоеванного его доверия у населения»[34]. Педагог писал, что школы открывались по желанию крестьян: «Сельские общества дают помещения для школы с отоплением и освещением и нанимают сторожей. Земство платит жалованье учителям и доставляет все необходимое для учебной стороны дела. Иными словами − сельские общества приняли на себя хозяйственную, а земство − всю учебную часть»[35].

Подобного же мнения придерживался педагог С.А. Рачинский, который отмечал, что «в противоположность школам Запада, наша сельская школа возникает при весьма слабом участии духовенства, при глубоком равнодушии образованных классов и правительственных органов, из потребности безграмотного населения дать своим детям известное образование. В этом ее слабость, в этом и ее сила, в этом ключ к объяснению всех прискорбных и отрадных явлений в жизни наших сельских школ»[36].

Статистик И.И. Звездин подчеркивал, что «<…> земская школа, кроме истинной, не противной никаким законам пользы не дарит нашему глубоко православному мужику ничего такого, что заставило бы его вторить тем страхам, которые вызываются чересчур подозрительными печальниками религии и нравственности»[37].

Рассмотрим далее подробно уровень грамотности населения Нижегородской губернии согласно данным переписи 1897 г.

[31] *Руновский Н.И.* Приготовление конских подпруг в деревне Казачьей Слободе // Нижегородский сборник. 1890. Т. 9. С. 285.
[32] Там же. С. 275.
[33] Там же. С. 276.
[34] Там же. С. 104.
[35] Там же. С. 103.
[36] Там же. С. 101.
[37] *Звездин И.И.* Тележный промысел // Нижегородский сборник. 1887. Т. 7. С. 302.

В 1897 г. уровень грамотности населения Нижегородской губернии был низким − 22 % (34 % грамотных мужчин и 11 % грамотных женщин) и соответствовал среднему показателю по Европейской России − 23 % (33 % грамотных мужчин и 14 % грамотных женщин). Более высокими показателями грамотности отличались, например, Тверская (25 %), Владимирская (27 %), Ярославская (36 %), Московская (40 %) губернии[38].

В Нижегородской губернии лидировали по общей грамотности населения Нижегородский и Балахнинский уезды − 37 и 28 % грамотных соответственно, что коррелировало с высоким уровнем промышленного развития этих уездов. Заметим, что 56 % грамотных в Нижегородском уезде проживало в Нижнем Новгороде. Рассмотрим показатели грамотности населения в остальных уездах (табл. 9).

Таблица 9

Показатели грамотности населения по уездам Нижегородской губернии в 1897 г.

Уезд	Удельный вес грамотных, в %
Нижегородский	37
Балахнинский	28
Горбатовский	23
Макарьевский	23
Арзамасский	22
Ардатовский	20
Семеновский	20
Княгининский	18
Васильский	17
Лукояновский	15
Сергачский	13

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 6−7.

Горбатовский и Макарьевский уезды имели одинаковые показатели − 23 % грамотных. Уровень грамотности в Арзамасском уезде соответствовал средним показателям по региону − 22 %. Самые низкие показатели грамотности населения были в Сергачском (13 %) и Лукояновском (15 %) уездах.

На основе данных первой переписи населения 1897 г. рассмотрим вопрос о грамотности женщин по отдельным сословиям.

Согласно переписи населения, общий показатель грамотности дворянского сословия (общая численность 12 475 чел., в том числе 5 935 мужчин и 6 810 женщин) составлял 81 % (среди мужчин − 83 %, среди женщин − 80 %). Учитывая, что в целом по Нижегородской губернии лишь 34 % мужчин умели читать, а среди женщин − 11 %, это были наивысшие показатели среди сословий. Таким образом, показатели грамотности мужчин дворянского сословия были выше в 2,2 раза, женщин − в 7 раз общих показателей грамотности.

В городах уровень грамотности дворян был выше, чем в сельской местности (табл. 10).

[38] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1. С. 38.

Таблица 10

Распределение населения Нижегородской губернии по грамотности в 1897 г.
Дворяне потомственные и личные

Показатель	Грамотные		Неграмотные	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
В городах	3 951	4 356	709	899
В сельской местности	982	1 079	293	476
Итого по губернии	4 933	5 435	1 002	1 375

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 32.

Значительный уровень грамотности дворян, проживавших в городах, объясняется их наибольшим доступом к образованию, т.е. наличием учебных заведений, где преимущественно обучались дворянские дети, в Нижнем Новгороде и других уездных городах (в Нижнем Новгороде − Александровский институт, Аракчеевский кадетский корпус, Мариинский женский институт, Мариинская женская гимназия; в Арзамасе − Екатерининская женская прогимназия).

Также следует отметить, что разрыв в удельном весе грамотных мужчин и женщин дворянского сословия был незначителен. В городах среди дворян насчитывалось 67 % грамотных мужчин и 64 % грамотных женщин, в сельской местности − 17 % грамотных мужчин и 16 % грамотных женщин. Можно сделать вывод, что в дворянских семьях придавалось одинаковое значение обучению мальчиков и девочек.

Общий уровень грамотности представителей духовного сословия (общая численность 13 436 чел., в том числе 5 837 мужчин и 7 599 женщин) составлял 75 %. Среди мужчин грамотных было 80 %, среди женщин − 70 %. Нижегородское духовенство являлось одним из самых грамотных сословий региона, уступая по общему показателю грамотности лишь дворянству (75 против 81 %). По уровню грамотности духовенство опережало городские сословия (почетные граждане, купцы, мещане), где уровень грамотных достигал 55 %, и тем более крестьян, среди которых уровень грамотных был 18 %.

Уровень грамотности духовенства зависел от места проживания − в городе или сельской местности (табл. 11).

Таблица 11

Распределение населения Нижегородской губернии по грамотности в 1897 г.
Духовенство

Показатель	Грамотные		Неграмотные	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
В городах	1 471	1 366	157	336
В сельской местности	3 222	3 964	987	1 933
Итого по губернии	4 693	5 330	1 144	2 269

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 32.

Если в городах общий показатель грамотности духовного сословия составлял лишь 28 % (грамотных мужчин – 31 %, грамотных женщин – 26 %), то в уездах 72 % (грамотных мужчин – 69 %, грамотных женщин – 74 %). Примечательно, что общие показатели грамот-

ности женщин духовного сословия, проживавших в городах, был выше, чем у мужчин − 74 против 69 %. В уездах же, напротив, ниже − 26 против 31 %.

Общий показатель грамотности городских сословий (куда входили почетные граждане, купцы, мещане) в Нижегородской губернии составлял 55 % (среди мужчин − 66 %, среди женщин − 44 %), т.е. грамотными были две трети мужчин и почти половина женщин. В городах общий показатель грамотности почетных граждан, купцов, мещан был значительно выше, чем в сельской местности − 71 против 29 %.

Общий уровень грамотности мужчин купеческого и мещанского сословий, проживавших в сельской местности, в крупных промышленных селах, был незначительно выше общего показателя грамотности женщин этих сословий − 30 против 27 %, в городах же мужчины уступали женщинам в грамотности − 70 % грамотных мужчин против 73 % грамотных женщин (табл. 12).

Таблица 12

Распределение населения Нижегородской губернии по грамотности в 1897 г.
Городские сословия (почетные граждане, купцы, мещане)

Показатель	Грамотные		Неграмотные	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
В городах	17 667	13 536	8 200	15 452
В сельской местности	7 731	5 049	4 807	7 788
Итого по губернии	25 398	18 585	13 007	23 240

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи,1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 33.

Наивысший уровень грамотности городских сословий был отмечен в Нижнем Новгороде, в котором проживало 67 % грамотных мужчин и 66 % грамотных женщин городских сословий. Материалы переписи 1897 г. позволяют сделать вывод о том, что в конце XIX в. купчихи и мещанки, проживавшие в городах, были по большей части образованными людьми, что позволяло им вести активную предпринимательскую деятельность, управлять фабриками, содержать лавки и магазины.

Крестьянство в Нижегородской губернии, как и в Российской империи в целом, было наименее грамотным сословием (табл. 13).

Таблица 13

Распределение населения Нижегородской губернии по грамотности в 1897 г.
Крестьяне

Показатель	Грамотные		Неграмотные	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
В городах	20 710	7 770	19 945	24 262
В сельской местности	198 883	55 157	452 665	694 615
Итого по губернии	219 593	62 927	472 610	718 877

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 2 (последняя). С. 34.

Общий уровень грамотности крестьянства в регионе составлял 18 %, что на 2 % выше среднего показателя по Европейской России (16 %). Это очень низкий показатель грамотности: лишь каждый шестой представитель крестьянского сословия умел читать и писать.

В силу своей многочисленности − 1 471 013 чел. − крестьяне в целом и определяли низкий показатель грамотности населения Нижегородской губернии в конце XIX в. В крестьянском сословии уровень грамотности женщин был значительно ниже мужчин: среди мужчин грамотных было 32 %, а среди женщин – только 8 %.

Сводные показатели грамотности мужчин и женщин по сословиям представлены в табл. 14.

Таблица 14

Показатели грамотности мужчин и женщин в Нижегородской губернии в 1897 г. в зависимости от сословной принадлежности

Пол	Удельный вес грамотных, в %			
	дворяне потомственные и личные	духовенство	городские сословия	крестьяне
Мужчины	83	80	66	32
Женщины	80	70	44	8

Составлено по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 1. С. 200, 202, 204, 206.

Из табл. 14 следует, что среди городских сословий грамотных женщин было меньше, чем мужчин, на одну треть; среди дворянского и духовного сословий различия незначительны. Отметим, что уровень грамотности женщин городских сословий (44 %) и дворянок (80 %) был выше средних показателей по Европейской России (женщины городских сословий − 33 %, дворянки − 71 %).

Причинами низкого уровня грамотности женщин крестьянского сословия были, во-первых, консерватизм мышления крестьян: убеждение, что образование женщинам не нужно. М.В. Бравина в уже упоминавшейся выше статье «Село Оленино и селения, составляющие Оленинскую волость…» отмечала: «Девочек отдают учиться неохотно, говоря, что “бабе грамота не нужна: за стряпней, да за домашней работой всю грамоту перезабудет”. Зато, если девочка растет болезненно или обладает каким-либо физическим недостатком, родители, наоборот, стараются обучать ее грамоте: “Ведь она у нас незамужняя, говорят они, куда ей идти замуж, пусть лучше божье слово натверживает”. Карьера подобной девушки должна состоять, по мнению родителей, в одинокой жизни в семье, где она будет существовать посредством чтения псалтири над умершими и больными. Все обучавшиеся у меня девочки имели какие-либо физические недостатки: одна была горбатая, другая постоянно страдала глазными болезнями, а третья, совершенно увечная, хромая, учится у меня и поныне»[39].

Во-вторых, на отношение к обучению детей в школах влиял образ жизни крестьян: родители смотрели на детей как на помощников в своих работах, обучение нередко рассматривалось как пустая трата времени. В 1880 г. священник А.В. Кордатов, отмечая, что в селе Чернуха Нижегородского уезда учится мало девочек, писал: «Родители неохотно пускают их из семьи, считая грамотность для них менее важною, чем для мальчиков, <…> девочки в училищный возраст от 8−13 лет заменяют в семье няньку и занимаются пряжей льна, что составляет немаловажное подспорье для бедной семьи»[40].

Обратной стороной невежества женщин было суеверие. По словам М.В. Бравиной, «крестьянка не считает большим грехом унести у соседки, такой же бедной, как она сама, мотушку ниток или пук льна, но в то же время считает чуть не смертным грехом есть яблоки до 6 августа (первого Спаса, как говорят в деревне), даже грызть семена подсолнечника, стричь волосы и т.п. У женщин-крестьянок есть свой особый кодекс нравственности,

[39] *Бравина М.В.* Село Оленино и селения, составляющие Оленинскую волость… С. 147.
[40] *Кордатов А.В.* Чернухинская волость Нижегородского уезда… С. 4.

известный в деревнях под названием заповедей; заповеди эти трудно найти в какой-либо книге, они передаются изустно от бабок внучкам и теперь имеют значение исключительно для женского населения; молодое поколение крестьян относится к ним уже иронически»[41].

Вопросы женского образования в Нижегородской губернии неоднократно поднимались на страницах общероссийской и губернской прессы.

В № 8 журнала «Русский педагогический вестник» за 1860 г. вышла статья учителя латинского языка в нижегородской гимназии А.А. Бобржицкого под названием «Мариинское Нижегородское женское училище первого разряда». В ней автор откликнулся на открытие в Нижнем Новгороде в 1859 г. женского училища, предназначенного для обучения девочек всех сословий и вероисповеданий: «Все более или менее убеждаются в том, что от воспитания молодых поколений зависит лучшая будущность общества. На первоначальное воспитание детей и на самое облагорожение семейных отношений женщина как мать семейства имеет самое большое влияние. Но воспитание, получаемое девицами в закрытых учебных заведениях, отрывает девицу от ее семейства. При том же, так как число женских институтов весьма незначительно, содержание в них детей стоит весьма дорого, а поступление на казенное содержание сопряжено со многими трудностями, то воспитание девиц среднего сословия было весьма поверхностное и крайне неудовлетворительное»[42]. А.А. Бобржицкий высказал надежду, что Нижегородское Мариинское женское училище «принесет несомненную пользу обществу»[43].

В № 45 и 47 газеты «Нижегородские губернские ведомости» за 1885 г. выдающийся русский педагог Д.И. Тихомиров опубликовал большую статью, посвященную Нижегородскому Мариинскому женскому училищу. В ней он обращал внимание общества на проблемы, связанные с процессом обучения в этом учебном заведении.

Мариинское училище открылось после принятия «Положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» от 30 мая 1858 г. Были учреждены 12 училищ, в том числе в Вологде, Твери, Рязани, Самаре, Туле, Смоленске и Нижнем Новгороде[44]. Училище было открытым учебным заведением, имевшим целью дать девочкам общее элементарное образование. В нем преподавали Закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, географию, историю России, естествоведение, чистописание, рисование, пение и рукоделие. Срок обучения составлял четыре года.

В Мариинское женское училище принимали детей с 9−11 лет, уже умевших читать и писать, считать и решать задачи в пределах первой сотни. Д.И. Тихомиров задавался вопросом, где же девочки смогут подготовиться к школе: «Дома? Но ведь это далеко не для всех возможно. В существующих начальных школах? Но тогда дети должны будут перекочевывать после первого-второго года из существующей школы в Мариинскую, и вследствие этого, второй и третий класс существующей школы будут малочисленны, и обучение каждого ребенка будет обходиться для города вдвое дороже»[45]. Также педагог подверг критике программы обучения в Мариинском училище: «Трудно удержаться от мысли, что программы этих школ переведены, списаны с иностранных образцов, а не подслушаны у русской жизни, не написаны под диктовку этой жизни»[46]. Д.И. Тихомиров отмечал в статье, что Мариинское училище по содержанию и строению своего курса не отвечало поставленной ему задаче − подготовить девочек к предстоящей трудовой жизни. Педагог писал: «Занимая детей рукоделием по четыре часа в неделю, ровно ничего не достигнешь, ничему не научишь, а самое главное: при этих условиях решительно нет никакой возможности воспитывать в детях расположение и охоту к ручному труду <…>. Какие же профессии могут быть доступны для нее? Идти в учительницы? Полученных в школе знаний недостаточно; да и трудна конку-

[41] *Бравина М.В.* Село Оленино и селения, составляющие Оленинскую волость… С. 147–148.
[42] *Бобржицкий А.А.* Мариинское нижегородское женское училище первого разряда // Русский педагогический вестник. 1860. № 8. С. 258−265.
[43] Там же.
[44] Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения: 1858−1905. СПб., 1905. С. 7.
[45] *Тихомиров Д.И.* Еще о Мариинских женских училищах // Нижегородские губернские ведомости. 1885. № 47. С. 4.
[46] Там же.

ренция с окончившими курс в гимназиях, в епархиальных училищах, в институтах»[47]. По мнению Д.И. Тихомирова, Мариинское училище отвечало потребностям семей, обладавших средним достатком (зажиточное мещанство, купечество, чиновничество), рассчитывавших, что дочь их не будет нуждаться в ручном заработке. «Таким образом, Мариинские училища отвечают условиям жизни не большинства, а незначительного меньшинства населения»[48], − писал автор статьи.

Собственный корреспондент «Нижегородских губернских ведомостей» в Арзамасе отмечал в 1899 г., что наблюдался сильный наплыв учащихся в Екатерининскую женскую прогимназию − так, что учебное заведение не вмещало в себя всех желающих учиться. В прогимназии, основанной в 1862 г., обучали девочек Закону Божьему, арифметике и геометрии, чистописанию и русскому языку, русской истории, всеобщей и русской географии, французскому языку, рукоделию, пению и рисованию. Из-за перегруженности женских учебных заведений в Нижнем Новгороде в Арзамасскую прогимназию поступали девочки со всей Нижегородской губернии, больше всего учениц было из Арзамасского, Лукояновского, Ардатовского и Сергачского уездов, но классных комнат не хватало. «Настоящее помещение прогимназии является очень тесным для 250 учениц, между тем надежд на расширение здания мало ввиду незначительных средств попечительского совета»[49], − писал он. Приведенные факты показывают, что в Нижегородской губернии росло стремление родителей дать среднее образование своим дочерям.

В статье «К вопросу о реформе средней школы» в «Нижегородских губернских ведомостях», опубликованной автором под псевдонимом «М» в 1899 г., подчеркивалась ключевая роль земств и общественности в развитии начального образования в Нижегородской губернии. «В самых глухих уголках нарождаются школы, число их растет. Многие земства действительно работают над заполнением нормальной школьной сети, стремясь к всеобщему обучению, к тому, чтобы дать возможность всему населению <…> пользоваться начальной школой. Сочувствие общества к делу народного образования также заметно проявляется. Весьма многие из школ возникли благодаря частному почину, благодаря материальной помощи или пожертвованиям лиц, сочувствующим делу просвещения народных масс»[50], – отмечал автор.

Главная мысль, пронизывающая статью, – необходимость преодоления изолированности начальной школы от общей системы образования. По мнению автора, оторванность начальной школы от средней привела к тому, что обеспеченные сословия не были заинтересованы в ее развитии, он писал: «Если бы дети людей обеспеченных классов могли пользоваться начальной школой как подготовительной ступенью к среднему образованию (а это возможно только при условии единства системы образования), то положение дела изменилось бы очень сильно <…>. И как бы тогда выиграло дело просвещения, какими бы быстрыми шагами двинулось оно вперед»[51].

С точки зрения автора, возможность семьям и в глуши давать детям образование до перехода их в собственно среднюю школу благоприятно бы отразилась и на жизни в провинции: «И сама жизнь в захолустье стала бы осмысленнее, разумнее, просветлела бы. Теперь здесь царят пьянство, сплетни, картежная игра, бездельничество»[52].

Священник Т.А. Доброзраков в статье «Село Борисовское Нижегородского уезда» подчеркивал важность школьного образования. Он писал: «Грамотность взрослых имеет применение, по преимуществу, в отношении к торговле, а школьная, кроме того, изменяет взгляд молодого поколения как на самую школу, так и на образ жизни крестьян вообще: на хозяйство, воспитание детей и на их обязанности»[53].

[47] *Тихомиров Д.И.* Еще о Мариинских женских училищах… С. 5.
[48] Там же.
[49] *Арзамас.* От собственного корреспондента // Нижегородские губернские ведомости. 1899. № 30. С. 7.
[50] *М.* К вопросу о реформе средней школы // Нижегородские губернские ведомости. 1899. № 52. С. 2.
[51] Там же.
[52] Там же.
[53] *Доброзраков Т.А.* Село Борисовское Нижегородского уезда… С. 206.

Публицист А.С. Коробкин одной из проблем распространения грамотности называл низкое жалованье сельских учителей: «Дело народного образования идет медленно. <…> Толковые учителя, в большинстве бедняки, при скудном жалованье, бегут из школ при первом удобном случае, оставляя их на руки духовенства»[54].

В № 50 газеты «Нижегородские губернские ведомости» за 1893 г. был опубликован отчет о деятельности женской воскресной школы в Нижнем Новгороде с ее открытия в 1891 г. до 1893 г. Учебное заведение находилось в ведении учредительницы Екатерины Рафаиловны Бер, содержалось на ее средства и располагалось в здании городского начального училища при Кутайсовском приюте. Е.Р. Бер, урожденная Племянникова, была супругой владельца с. Знаменское Ардатовского уезда В.Б. Бера, чиновника Казанской судебной палаты.

В отчете было проанализировано состояние женской школы за три года ее работы, выявлены проблемы в образовательном процессе. В частности, неявка некоторых преподавателей на занятия без предупреждения: «Некоторые лица, взяв на себя занятие каким-нибудь предметом с отдельною группою учениц, в течение нескольких воскресений в школу не являлись и заблаговременно об этом не предупреждали, все находящиеся на лицо учителя были заняты со своими ученицами и свободных сил для занятий с группой отсутствующих преподавателей не находилось, что, конечно, вредно отзывалось на ходе преподавания, и ученицы, видя такое небрежное к ним отношение, переставали посещать школу»[55]. В статье указывалась еще одна проблема − нерегулярное посещение занятий ученицами: «Большая часть прислуги зависит от хозяев и потому не всегда может аккуратно посещать школу; иных не пускают родители»[56]. Кроме того, многие женщины приходили в школу один-два раза и больше не появлялись: «Простое ли любопытство привело их в школу, или они увидели, что им почему-нибудь оказалось неудобным посещать ее − остается неизвестным»[57].

Большая часть учениц женской воскресной школы происходила из мещанского и крестьянского сословий. 67 % от общего числа учащихся составляли девочки в возрасте от 12 до 15 лет. Несмотря на то, что общим собранием и решено было не принимать в воскресную школу учениц моложе 12 лет, постановление это не соблюдалось. Девочки, не достигшие возраста 12 лет, составляли 6 % от общего числа учащихся в воскресной школе. «Трудно было отказать им, так как многие со слезами на глазах просили принять их, объясняя, что в городские школы их учиться не пускают, так как в будни они должны сидеть с меньшими детьми, пока матери уходят на работу; другие же прибавляют себе года, чтобы только быть принятыми в школу»[58], − отмечалось в отчете.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют том, что вопросы повышения уровня грамотности женщин занимали умы прогрессивной общественности Нижегородской губернии, предпринимавшей усилия в деле развития земских и воскресных школ.

Заключение. В последней трети XIX в. произошло значительное увеличение общей численности населения губернии − с 1 271 564 чел. в 1870 г. до 1 584 774 чел. в 1897 г. (т.е. на 24,6 %). Женщины составляли 52−53 % населения региона и преобладали во всех возрастных группах, доминируя в группах от 20 до 29 лет (131 557 чел.) и от 50 до 59 лет (64 333 чел.). В этот период отчетливо прослеживалось изменение соотношения между городским и сельским населением в сторону увеличения количества городских жителей с 89 010 до 142 926 чел. (т.е. на 60 %), что было связано с ускорением процесса урбанизации. Некоторые перемены фиксировались и в сословном составе населения: численность дворянства (потомственного и личного) выросла на 24 %; численность лиц духовенства, наоборот, уменьшилась на 22,2 %, что можно объяснить церковными реформами 1860−1870-х гг., разрешившими выход из сословия. Процент городских сословий (почетных граждан, купцов, мещан) сильно вырос к 1897 г. − с 41 848 до 80 230 чел. (т.е. на 92 %). Вероисповедный

[54] *Коробкин А.С.* Очерк города Княгинина и его уезда… С. 215.
[55] Отчет женской воскресной школы в Нижнем Новгороде в 1892−1893 учебный год // Нижегородские губернские ведомости. 1893. № 50. С. 5.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же.

состав населения при преобладании православных жителей (около 94 %) был представлен всеми основными конфессиями. По семейному состоянию преобладающим было население, состоявшее в браке; число разводов было незначительным.

Важным параметром при рассмотрении характеристики населения губернии является вопрос о грамотности населения в целом и женщин в частности. Изучение статистики и публицистики показало, что в период с 1874 по 1890 г. произошли значительные изменения в системе образовании женщин Нижегородской губернии: количество учебных заведений, в которых могли учиться женщины, выросло в 3 раза (с 273 в 1874 г. до 784 в 1890 г.), а число учащихся в них − в 2,8 раза (с 2 806 чел. в 1874 г. до 7 812 чел. в 1890 г.). Улучшению показателей способствовало развитие системы земских школ в сельской местности и муниципальных школ в городах. Вопрос повышения уровня грамотности женщин широко обсуждался в периодической печати (обучение девочек в Нижегородском Мариинском женском училище, в Арзамасской Екатерининской прогимназии, в воскресной школе Е.Р. Бер, роль земств и общественности в развитии женского образования). Грамотные женщины непривилегированных сословий активно включались в предпринимательскую деятельность, занимались промыслами и торговлей, что требовало умения читать и писать, разбираться в финансовых документах.

Литература

Акашева А.А. Нижний Новгород в 1860−1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства: дис. … канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006. 278 с.

Желтова В.П., Иванова Н.А. Сословно-классовая структура России в конце XIX − начале XX века. М.: Наука, 2004. 572 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII − начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 547 с.

Урлина Е.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц // Город славы и верности России. Н. Новгород, 1996. С. 67−70.

Халин А.А., Попова В.В. Динамика сословной структуры городского населения Нижегородской губернии во второй половине XIX в. // Диалог. 2017. № 3 (8). С. 11−22.

References

Akashev, A.A. (2006). *Nizhniy Novgorod v 1860−1890-e gg. Metodika rekonstruktsii sotsiokulturnogo prostranstva* [Nizhny Novgorod in the 1860s–1890s. Methodology for Reconstructing the Sociocultural Space]. Cand. hist. sci. diss. Nizhny Novgorod. 278 p.

Khalin, A.A., Popova, V.V. (2017). Dinamika soslovnoy struktury gorodskogo naseleniya Nizhegorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. [Dynamics of the Estate Structure of the Urban Population of the Nizhny Novgorod Governorate in the Second Half of the 19th Century]. In *Dialog*. No. 3 (8), pp. 11−22.

Mironov, B.N. (2000). *Sotsialnaya istoriya Possii perioda imperii (XVIII − nachalo XX v.). Tom 1* [Social History of Russia during the Empire (18th − Early 20th Century). Vol. 1]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 547 p.

Urlina, E.I. (1996). Niznegorodskiy Mariinskiy institut blagorodnykh devits [The Nizhny Novgorod Mariinsky Institute for Noble Maidens]. In *Gorod slavy i vernosti Rossii*. Nizhny Novgorod, pp. 67−70.

Zneltova, V.P., Ivanova, N.A. (2004). *Soslovno-klassovaya struktura Rossii v konse XIX − nachale XX veka* [The Estate-Class Structure of Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. Moscow, Nauka. 572 p.

В.Н. Шайдуров*

ФИННЫ-ЛЮТЕРАНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX − НАЧАЛЕ XX ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-19
УДК 314.148(470.23)"1851/1910"

Выходные данные для цитирования:
Шайдуров В.Н. Финны-лютеране Санкт-Петербурга: демографическое развитие во второй половине XIX − начале XX века // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 222−238. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-19.pdf

V.N. Shaidurov*

PETERSBURG LUTHERAN FINNS: DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN THE SECOND HALF OF THE 19TH − EARLY 20TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-19

How to cite:
Shaidurov V.N. St. Petersburg Lutheran Finns: Demographic Development in the Second Half of the 19th − Early 20th Century // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 222−238. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-19.pdf]

Abstract. The nature of demographic development of the population of the Russian Empire and its peoples continues to be of scholarly interest. The purpose of this paper is to identify the main demographic characteristics of the Finnish community in St. Petersburg during the second half of the 19th − early 20th centuries. Throughout its entire existence, this community was formed from natives of Finland and Ingrian Finns from the St. Petersburg Governorate. The dynamics of the Finnish population size are analysed based on published materials from the one-day censuses of St. Petersburg (1869−1910). It was established that the significant decline in the number of Finns and their share in the capital's population was primarily driven by changes in the main directions of labour migration. The use of census and parish registers data of the Finnish Lutheran parish of St. Mary's Church in St. Petersburg reveals the link between the emerging gender imbalance (the predominance of women in the community) and the increase in the number of children born out of wedlock. The spatial distribution of Finns across the capital is examined through a comparative analysis of data from its various districts. This reveals a growing concentration in the Vyborg District, correlating with the rise in the number of hired workers. The demand for labour in St. Petersburg contributed to the rising number of literate Finns arriving in the city. The predominance of Lutheran Finns within the community and the dominance of Finnish as the native language led to the conclusion that assimilation processes among the Finns of St. Petersburg were extremely weak. An analysis of parish register data allowed for the calculation of birth and mortality rates and led to the conclusion that the Finnish population experienced a negative natural increase. A comparison of these rates suggests that the migrant population consisted predominantly of single individuals without families in St. Petersburg.

Keywords: St. Petersburg, historical demography, Finnish natives, Finns, Lutherans, population movement, migrations.

The article has been received by the editor on 21.07.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Владимир Николаевич Шайдуров,** доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург − Пушкин, Россия, e-mail: s-w-n@mail.ru
Vladimir Nikolaevich Shaidurov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg − Pushkin, Russia, e-mail: s-w-n@mail.ru

Аннотация. Определение характера демографического развития населения Российской империи и составлявших его народов сохраняет свою актуальность. Цель данной статьи – выявление содержания основных демографических характеристик финской общины Санкт-Петербурга во второй половине XIX − начале XX в. На протяжении всего периода существования она формировалась из финляндских уроженцев и ингерманландских финнов Санкт-Петербургской губернии. На основе опубликованных материалов однодневных переписей населения Санкт-Петербурга (1869−1910) выявлена динамика численности финского населения. Установлено, что значительному снижению численности финнов и их удельного веса в населении столицы в первую очередь способствовало изменение основных направлений трудовой миграции. Использование данных переписей и метрических книг финского лютеранского прихода церкви св. Марии Санкт-Петербурга позволило продемонстрировать связь между возникшим гендерным дисбалансом (преобладанием женщин в общине) и ростом числа рожденных вне брака детей. Сопоставление данных по частям столицы позволило показать в динамике локализацию финнов в городском пространстве: с ростом числа наемных работников выросла их концентрация в Выборгской части города. Спрос на рабочие руки в Санкт-Петербурге способствовал росту числа грамотных финнов, приезжавших в город. Доминирование в общине финнов-лютеран и доминирование финского языка в качестве родного позволили сделать вывод о крайне слабой степени ассимиляционных процессов у финнов Санкт-Петербурга. Анализ данных метрических книг позволил рассчитать коэффициенты рождаемости и смертности и сделать вывод об отрицательном естественном приросте финского населения. Их сопоставление позволило выдвинуть гипотезу, что среди мигрантов преобладали одиночки, не имевшие семей в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, историческая демография, финляндские уроженцы, финны, лютеране, движение населения, миграции.

Статья поступила в редакцию 21.07.2026 г.

Петербургские финны являются одной из этнических групп, редко оказывающиеся в поле зрения историков. Тем не менее в силу своей многочисленности и неоднородности они на протяжении XVIII − первой трети XX в. являлись неотъемлемой частью хозяйственного и социокультурного ландшафта Санкт-Петербурга.

Изучение этнодемографического развития Санкт-Петербурга в имперский период является темой, которая изучена фрагментарно и неравномерно. Лишь в конце 1970-х − первой половине 1980-х гг. это явление стало привлекать специалистов. Так, в ряде работ Н.В. Юхнёвой рассматриваются различные этнические сообщества столицы[1]. Особое внимание следует уделить ее исследованию, в основе которого лежат опубликованные материалы однодневной городской переписи населения 1869 г. Представленные в ней выводы не потеряли своей актуальности, а апробированный инструментарий изучения той или иной этнической общины может быть базисом для современных исследователей.

В начале 2000-х гг. интерес к истории финнов в Санкт-Петербурге присутствовал как в российской, так и в финской историографии, которые в это время вполне дополняли друг друга. Так, вышла в свет работа В.И. Мусаева, посвященная истории ингерманландских финнов[2], которая гармонично раскрывается сквозь призму политических событий в Российской империи − СССР − постсоветской России.

[1] *Юхнёва Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX − начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984.
[2] *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX − XX веке. СПб., 2003.

Отдельные данные о численности финнов в Санкт-Петербурге во второй половине XIX − начале XX в. приводит в своей монографии И.Р. Такала[3]. Как и большинство других авторов, она ограничивается констатацией фактов, не углубляясь в демографические нюансы.

На рубеже XIX−XX вв. финны наряду с евреями, поляками, немцами были частью эмиграционного потока. Его изучению посвящена одна из статей Н.Ю. Петришиной[4]. На основе статистических данных автор представляет разные аспекты «русской» эмиграции. Присутствуют в работе и некоторые данные об эмиграции финского населения.

Обращаясь к проблемам демографического развития населения столичного города, следует обратить внимание на статью Б.Н. Миронова[5], в которой поднимается вопрос о начале демографического перехода в Европейской России. Полученные Б.Н. Мироновым данные по столице и столичной губернии позволили ему сделать вывод о начавшемся демографическом переходе в городе во второй половине XIX в.[6] Однако, на наш взгляд, получены усредненные данные, которые не отражают в полной мере факт начала демографического перехода у этнических меньшинств.

Одной из значимых работ, посвященных истории петербургских финнов, является монография И.Д. Норенковой[7]. В ней представлены особенности поведенческих практик финляндских уроженцев на рубеже XIX−XX вв. на фоне происходивших в их среде демографических процессов.

История финской общины в Санкт-Петербурге больше привлекала внимание зарубежных исследователей, интересовавшихся прошлым своих соотечественников. Большой вклад в изучение финляндских уроженцев в России внес С. Юнгар. В 1974 г. вышла в свет его монография, в которой рассматриваются различные аспекты миграции финнов из г. Або в Россию[8]. Эта тема получила развитие в его совместной с М. Энгманом статье[9].

Финская историография русской истории в это время пополнилась монографией профессора Университета Або М. Энгмана[10]. Благодаря использованию широкого круга источников, введению в научный оборот материалов из архивов Финляндии и Швеции автору удалось представить эволюцию жизни финляндской общины Санкт-Петербурга в XIX − начале XX в.

Демографическое развитие финского населения Санкт-Петербурга во второй половине XIX − начале XX в. не становилось предметом отдельного изучения в отечественной и зарубежной историографии. Тем не менее авторам, обращавшимся в своих работах к проблемам жизни и деятельности общины, необходимо было оперировать соответствующими данными. Однако их полнота и охват недостаточны. Следует сказать, что источники по учету населения, в первую очередь материалы переписей, хорошо известны историкам, занимавшимся изучением финляндской общины[11]. Однако их применение представляется неполным.

Таким образом, имеющаяся историография позволяет представить общий фон развития финской общины в Санкт-Петербурге, однако в ней отсутствуют работы, в которых авторы стремились бы выявить особенности ее демографического развития на основе широкого круга источников.

---

[3] *Такала И.Р.* Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002.

[4] *Петришина Н.Ю.* Русская трудовая иммиграция в США по материалам «Ежегодника России» в 1904−1910 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 21. С. 71−76.

[5] *Миронов Б.Н.* Петербург в авангарде демографического перехода в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67, вып. 3. С. 709−732.

[6] Там же. С. 729.

[7] *Норенкова И.Д.* Культурное пограничье: финляндцы в восприятии петербургского общества на рубеже XIX−XX вв. М., 2025.

[8] *Jungar S.* Från Äbo till Ryssland. En studie i urban befolkningsrörlighet. 1850−1890. Äbo, 1974.

[9] *Энгман М., Юнгар С.* Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809−1917 гг. // Россия и Финляндия: 1700−1917: мат-лы VI Советско-Финского симпозиума историков. Л., 1980. С. 115−138.

[10] *Энгман М.* Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

[11] Там же. С. 140−142; *Норенкова И.Д.* Культурное пограничье… С. 65−72.

Цель данной работы − представить основные демографические характеристики финской общины Санкт-Петербурга во второй половине XIX − начале XX в.

В настоящее время историки вновь возвращаются к уже известным источникам. Однако современные методы и технологии позволяют по-новому использовать материалы городских переписей населения в Санкт-Петербурге.

Основным источником для определения численности, размещения населения в городской среде, его конфессионального состава, общей характеристики ассимиляционных процессов являются опубликованные материалы однодневных городских переписей населения, проводившиеся в Санкт-Петербурге в 1869, 1881, 1890, 1900 и 1910 г.[12] Представленный в табличной форме однотипный материал позволяет провести его группировку по интересующим нас вопросам. Особенностью досоветских переписей является отсутствие критерия «национальность». Этническая самоидентичность опрошенных определялась на основе родного языка. Это несколько затрудняет определение точной численности той или иной этнической общности в Санкт-Петербурге. В нашем случае будут рассматриваться те финны, которые в качестве родного указывали финский язык.

Особо ценным источником, позволяющим детально проанализировать рождаемость, смертность, брачность внутри общины, являются метрические книги. Нами были использованы представленные в Санкт-Петербургскую евангелическо-лютеранскую консисторию копии книг, составленные в церкви св. Марии − центре финского прихода Санкт-Петербурга. При работе с ними стоит вопрос о полноте и достоверности приведенных сведений. Проведенная внутренняя критика метрических книг позволяет дать положительный ответ. В разделе о рожденных и крещеных содержатся в том числе сведения о мертворожденных детях. Например, 7 января 1900 г. у работника финляндского уроженца Арвида Науккаринена и его жены Матильды родился мертвый сын, который был вписан в книгу под номером 26[13]. Подобного рода записи имеются как в этой, так и в метрических книгах за другие годы.

Развитие финской общины Санкт-Петербурга происходило в контексте модернизационных процессов. Динамика численности, сословный состав, внутригородское размещение зависели от преобразований в общественно-политической и экономической сферах. Это позволяет нам строить свое исследование на основе концепции национальной модернизации. Наметившиеся изменения в демографическом развитии, вызванные к жизни модернизационными процессами, следует рассмотреть с позиций теории демографического перехода. Ее применение позволит выявить факты смещения (или их отсутствие) от традиционной модели воспроизводства населения к индустриальной.

В своем исследовании мы основывались на проблемно-хронологическом подходе, который позволил рассмотреть в динамике основные составляющие демографического развития. Наряду с общенаучными методами были использованы специальные методы (историко-описательный, историко-сравнительный, статистические и др.). Использование междисциплинарного подхода позволяет представить более рельефную картину развития петербургских финнов во второй половине XIX − начале XX в.

Одним из источников формирования финской общины в Санкт-Петербурге была миграция. В ней принимали участие как финны, приезжавшие в столицу из финляндских губерний, так и ингерманландские финны, прибывавшие из внутренних губерний. Подобного рода переселения определялись финансовыми возможностями и регламентировались соответствующими статьями Устава о паспортах в его различных редакциях. В правление Николая I финляндские уроженцы всех сословий, за исключением крестьян, могли получить паспорт для проживания в Санкт-Петербурге на срок до одного года[14]. Финны-крестьяне из финляндских губерний получали срочный паспорт до 6 месяцев, а приписанные к Выборг-

[12] Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб., 1872. Вып. 1; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I. Население. Ч. I. СПб., 1883; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г.

[13] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 30. Л. 346 об.

[14] Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857. Ст. 267.

ской губернии − до одного года[15]. Согласно действовавшему законодательству, особо регламентировался паспортный режим для финляндцев из числа ремесленников и работавших по найму[16].

Либерализация паспортной системы во второй половине XIX в. привела к уравниванию в правах представителей всех сословий. Так, Уставом о паспортах (ред. 1903 г.) допускалась выдача паспорта «финляндским уроженцам всех сословий и званий <…> на срок не более одного года»[17]. Все вопросы, связанные с продлением паспортов проживавшим как в Санкт-Петербурге, так и во внутренних губерниях финляндским уроженцам, находились неизменно в ведении Финляндской Паспортной Экспедиции[18].

Для определения численности финского населения в Санкт-Петербурге второй половины XIX − начала XX в. в качестве основного критерия был выбран родной язык. Это позволяет нам представить ситуацию, наиболее приближенную к реальной (табл. 1).

Таблица 1

Численность финского населения Санкт-Петербурга

Год	1869	1881	1890	1900	1910
Обоего пола	15 749	17 416	16 731	15 638	11 872

Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5−243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10.

В середине XIX в. финская община насчитывала ок. 15 тыс. чел. (2,2 %) и входила в «тройку» наиболее многочисленных, уступая лишь русским (77 %) и немцам (6,9 %). Однако с течением времени она сдала свои позиции. В 1860−1890-х гг., когда общая численность городского населения и других этнических общностей увеличивалась, число финнов изменялось незначительно. Так, в 1890 г. они занимали четвертое место, составив уже 1,7 %, уступая русским (86,9 %), немцам (4,6 %) и полякам (2,3 %). В 1910 г. по удельному весу их опережали русские (74 %), поляки (2,6 %), немцы (2,1 %) и евреи (0,9 %), а финская община опустилась на пятую строчку, составляя лишь 0,05 % населения города.

Приближенный анализ численности позволяет выявить динамику ее изменения относительно финноязычного населения Санкт-Петербурга за изучаемый период (рис. 1). Мы имеем дело с волнообразной кривой, имеющей тенденцию к затуханию. Прирост в среднем ок. 10 % с 1869 по 1881 г. и с 1890 по 1900 г. можно объяснить периодами экономического подъема, когда в Санкт-Петербурге появлялись новые рабочие места, которые занимали финляндские уроженцы, именовавшиеся в метрических книгах «работниками» и «работницами», а по факту неквалифицированные рабочие на многочисленных петербургских фабриках и заводах.

В то же время существенное сокращение общины в 1880-е гг. (в 1890 г. она составила 89 % к численности 1881 г.) сопряжено с экономическим спадом 1881−1883 гг. и депрессией, продолжавшейся до конца 1880-х гг.

Резкий спад в начале XX в., составивший почти четверть численности общины, объясняется уже комплексом причин, включавших в себя неурожай 1902 г., экономический кризис 1900−1903 гг. и крайне неудачную попытку русификации Финляндии, в ходе которой во главу угла были поставлены имперские интересы при полном игнорировании мнения коренного населения[19].

[15] Устав о паспортах и беглых… Ст. 269.
[16] Там же. Ст. 273−274.
[17] *Гольденов Д.М.* Устав о паспортах. По офиц. изд. 1903 г., с сенатскими и министерскими разъяснениями и с приведением доп. узаконений и правил. СПб., 1905. Ст. 114.
[18] Устав о паспортах и беглых… Ст. 267, 271, 273.
[19] *Погодин С.Н., Рябова А.Л.* Первый период русификации Финляндии (1899−1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 342.

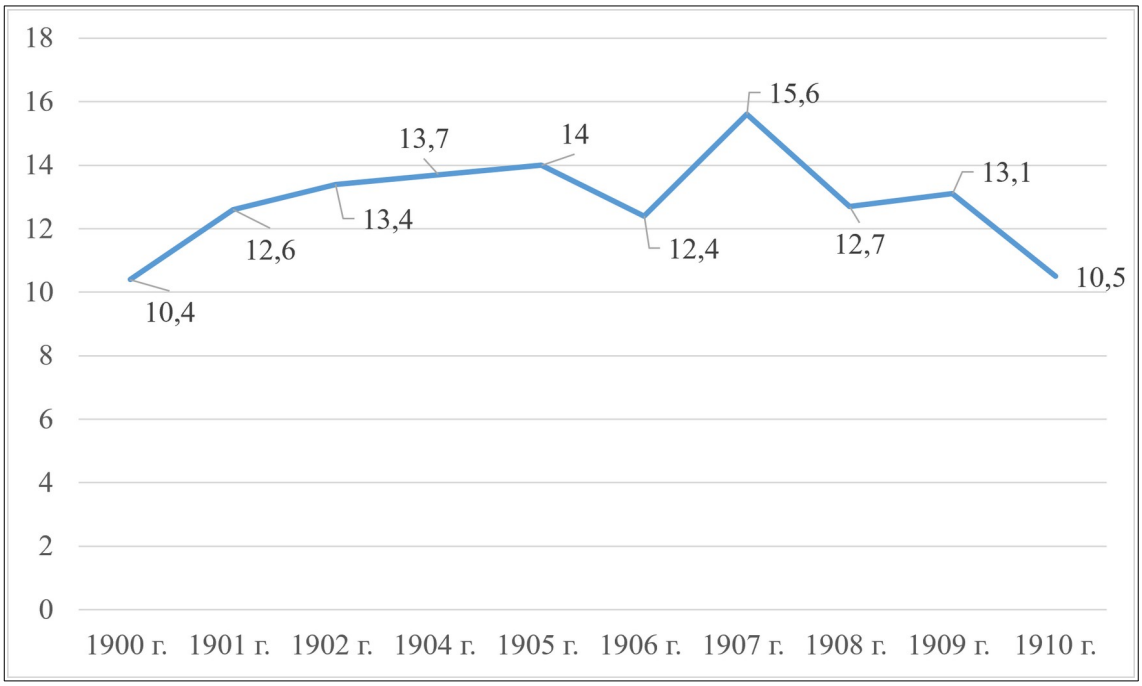

Рис. 1. Динамика численности финноязычного населения Санкт-Петербурга, %
(Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5–243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10)

В 1900-е гг. Санкт-Петербург уже не мог обеспечить потенциальных трудовых мигрантов из близлежащих финляндских губерний рабочими местами. В этой ситуации финны сделали выбор в пользу активизации эмиграции в Северную Америку. Статистические данные за 1900−1910 гг. указывают на то, что из более чем 1,5 млн русских подданных, выехавших в США, финны составили ок. 8,5 %. Пик миграционной активности в абсолютных и относительных данных пришелся на 1903 г., составив 18,8 тыс. или 13,7 %[20]. В среднем Финляндию покидало ежегодно ок. 11,5 тыс. чел. или 0,4 % населения.

Трудовая миграция, несомненно, являлась определяющим фактором, влиявшим на численность финской общины. В то же время нужно определить место естественного прироста. Для определения характера движения населения обратимся к данным переписей и материалам метрических книг финского прихода св. Марии. Эти сведения необходимы для расчета коэффициентов рождаемости и смертности (табл. 2).

Таблица 2

Движение финского населения Санкт-Петербурга в 1869−1910 гг.

Год	Всего рождений	Коэффиент рождаемости, ‰	Всего смертей	Коэффициент смертности, ‰
1869	417	26,5	1 042	66,16
1881	597	34,3	1 028	59,0
1889	643	38,4	731	43,7
1900	482	30,8	560	35,8
1910	356	29,9	450	37,9

Составлено по: РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 165. Л. 52, 88 об.; Д. 248. Л. 53; ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 30. Л. 448, 541 об.; Д. 98. Л. 78, 149; Оп. 2. Д. 7. Л. 386, 499 об.

[20] Племенной состав иммигрировавших в С.-Штаты уроженцев России за период 1900−10 гг. // Статистический ежегодник России 1911 г. (год восьмой). Отдел II. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1912. С. 18.

Как видно из приведенных данных, финскую лютеранскую общину отличал очень высокий уровень рождаемости и еще больший уровень смертности. Коэффициент рождаемости не отличает стабильность. К 1890 г. он растет, однако в дальнейшем отмечается его устойчивое снижение. Коэффициент смертности имеет тенденцию к снижению. С конца 1860-х гг. он уменьшился почти в два раза. На протяжении всего рассматриваемого периода можно констатировать высокий, а в некоторые годы очень высокий уровень рождаемости, который был ниже уровня смертности, что влекло за собой существенный уровень отрицательного естественного прироста.

Подобного рода ситуация, на наш взгляд, может быть объяснена самой природой финской общины Санкт-Петербурга. Ее члены были в определенной массе временными жителями столицы, приходя сюда на заработки. Среди отходников преобладали одиночки, которые крайне редко вступали в брак в Санкт-Петербурге. Данные метрических книг за 1889, 1900 и 1910 гг. указывают на устойчивую тенденцию снижения коэффициента брачности: 8,25; 7,93; 6,91 ‰ соответственно[21].

В отличие от некоторых других этнических меньшинств, финны представляли собой гендерно сбалансированное общество до 1890-х гг. (рис. 2).

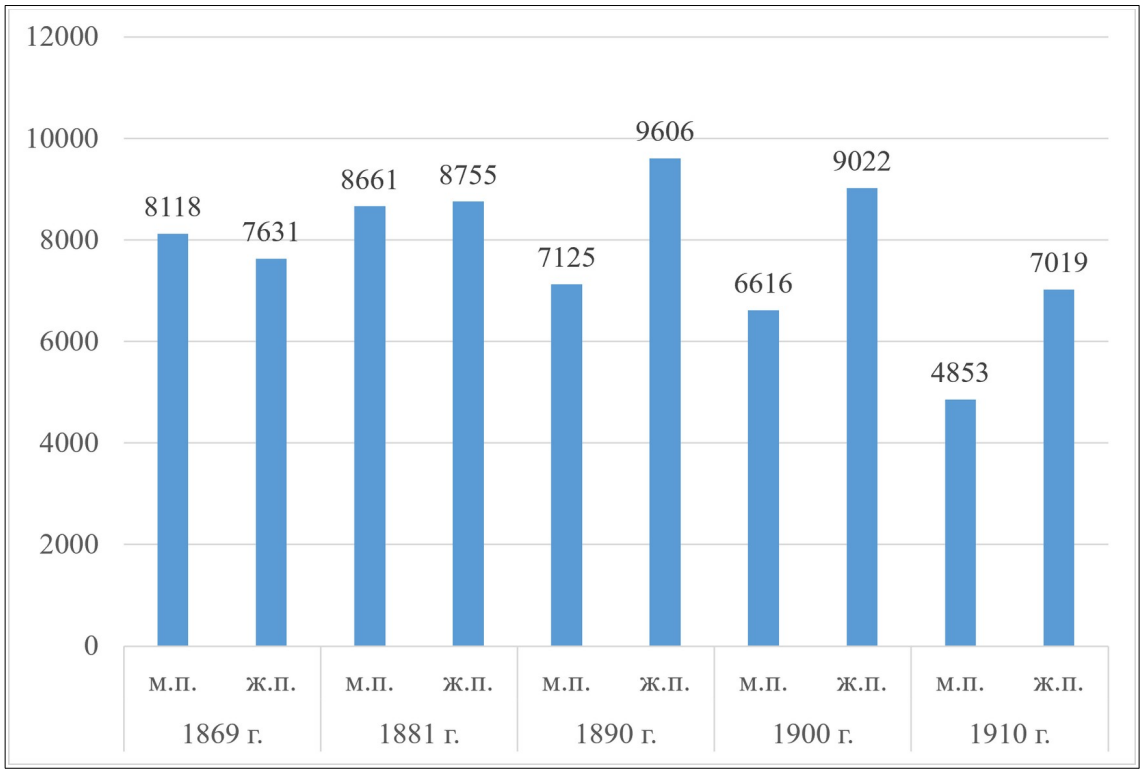

Рис. 2. Гендерный состав финноязычной общины Санкт-Петербурга, чел.
Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5–243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10

По данным переписей 1869 и 1881 гг. доля мужчин составила 51,7 и 49,8 %, а женщин − 48,3 и 50,2 % соответственно. Эти показатели свидетельствуют об относительной стабильности финской общины, сформировавшейся в дореформенный период.

Бурный рост отходничества, спровоцированный преобразованиями в аграрной сфере, экономический бум 1870-х гг. способствовали формированию активно развивавшегося рынка наемной силы как в Санкт-Петербурге, так и в других городах. Как следствие, в столицу устремилось большое число финских девушек и женщин, которые рассчитывали на получение хорошей работы и достойной оплаты труда.

[21] ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 30. Л. 455 об.; Д. 98. Л. 84; Оп. 2. Д. 7. Л. 392 об.

Однако в 1890–1900 гг. отмечается резкое сокращение числа мужчин при одновременном росте женской части финской общины. Согласно переписям, их удельный вес вырос до 57,5 и 57,8 % соответственно. А к 1910 г. этот показатель составил уже почти 59,5 %.

Подобная ситуация во многом объяснялась рядом факторов. Так, мужчины-работники из числа финляндских уроженцев были заняты преимущественно в производственной сфере, на долю которой приходились наиболее серьезные негативные последствия в период кризисов (закрытие предприятий, сокращение рабочих мест). Женщины были связаны с непроизводственной сферой, преимущественно сферой услуг. В условиях экономического кризиса им было проще сохранить свое рабочее место.

В то же время с 1890-х гг. мы наблюдаем не только относительные изменения в гендерном балансе, но и абсолютные численные сокращения у мужчин. Одной из причин была уже упомянутая выше эмиграция. Согласно официальной статистике, среди финнов-эмигрантов мужчины составляли 67,1 %. Почти 90 % приходились на возрастную группу от 14 до 45 лет[22]. Исходя из этого, мы наблюдаем изменение географии гендерной миграции: в то время как мужчины предпочитали уезжать на заработки в Америку, женщины традиционно отправлялись в Санкт-Петербург.

Зачастую в Санкт-Петербург приезжали девицы, которые спустя время рожали незаконнорожденных детей. О том, что это явление в финско-протестантской среде было распространенным, свидетельствует статистика, отраженная в метрических книгах. Так, на 1869 г. доля незаконнорожденных составила 5,75 %[23]. На 1881 г. этот показатель составил уже 12,22 %[24]. Надо сказать, что для протестантов в целом это явление не было типичным. В 1874 г. по Санкт-Петербургской губернии у лютеран на 100 законнорожденных приходилось не более 4 незаконнорожденных младенцев[25]. Этот показатель не был выше и в преимущественно лютеранской Курляндской губернии.

В начале XX в. среди финнов сохранился высокий уровень рождений детей вне брака (рис. 3).

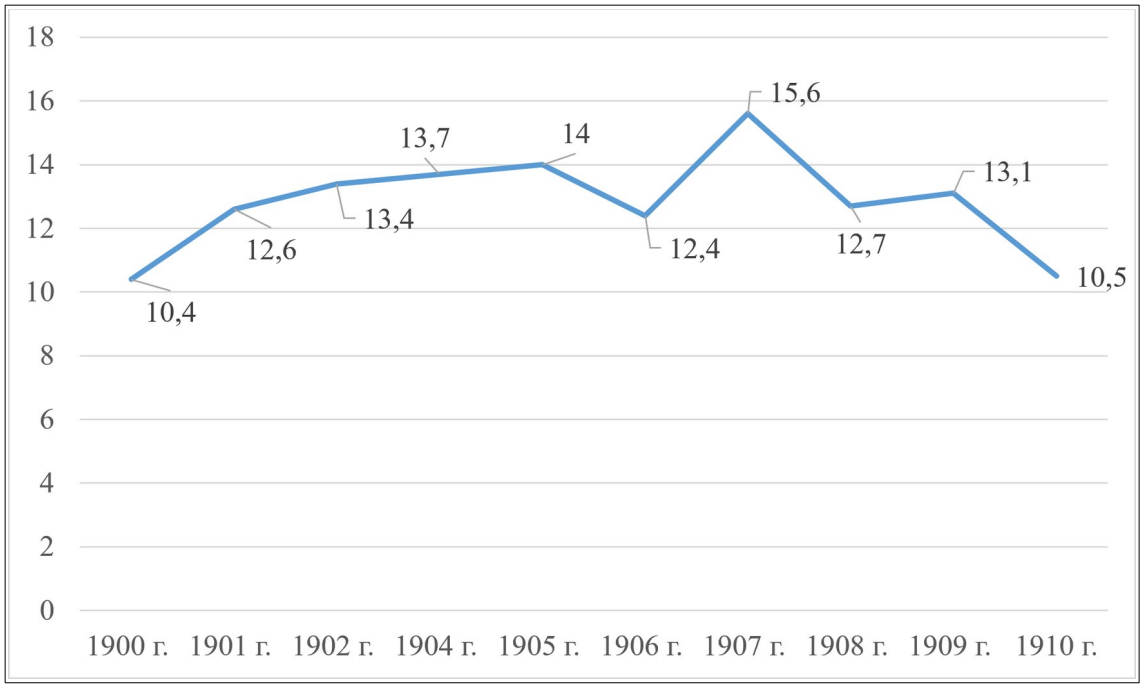

Рис. 3. Динамика удельного веса незаконнорожденных детей у финнов-протестантов в Санкт-Петербурге, %
Составлено по: ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 30. Л. 448; Д. 39. Л. 634, Д. 44. Ч. 2. Л. 458; Д. 55. Ч. 2. Л. 428; Д. 67. Л. 419; Д. 74. Ч. 2. Л. 411; Д. 82. Л. 144; Д. 90. Л. 432; Д. 97. Ч. 5. Л. 400; Д. 98. Л. 78

[22] *Патканов С.* Эмиграция // Статистический ежегодник России 1909 г. (год шестой). СПб.: Издание ЦСК МВД, 1912. С. CLXXXI.
[23] РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 165. Л. 52.
[24] Там же. Д. 248. Л. 381.
[25] Статистический временник Российской империи. Вып. 21. Движение населения в Европейской России за 1874 год. СПб., 1882. С. 24.

Как видно из приведенных данных, в течение 1900−1910 гг. у финнов-протестантов в разные годы каждый 10-й ребенок, а то и чаще, был незаконнорожденным. Рост числа бастардов шел поступательно, за исключением 1906, до 1907 г., после чего наметился спад, который, как нам видится, был связан с дальнейшим сокращением миграции финнов в Санкт-Петербург и наступившей стабилизацией.

Одной из отличительных особенностей финноговорящей общины столицы во второй половине XIX − начале XX в. была ее поликонфессиональность (табл. 3).

Таблица 3

Численность финнов Санкт-Петербурга по вероисповеданию, чел.

Год	Православные		Римско-католики		Протестанты	
	муж. пола	жен. пола	муж. пола	жен. пола	муж. пола	жен. пола
1890	176	210	6	163	6 943	9 230
1900	173	285	22	16	6 421	8 720
1910	135	223	35	34	4 674	6 756

Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 78−79; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 152–153; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 266–267.

На этом факте не стоило бы акцентировать внимание, если бы речь не шла о народе, который практически поголовно исповедовал лютеранство. Принадлежность к другим конфессиям (православие, римско-католичество) свидетельствовала как о случайности, так и о вполне объяснимых явлениях, имевших место в общине.

Заметная доля православных среди финноговорящих объяснялась незначительной русификацией, имевшей место в конце XIX − начале XX в. В нашем распоряжении пока нет данных об их сословном составе, но можно предположить, что это были преимущественно представители привилегированных сословий, проживавших в столице. При этом интересны прямо противоположные динамики изменения численности у православных и католиков: для одних это рост с 2,3 до 3 %, а для других − сокращение с 1 до 0,6 % в 1890 и 1910 гг. соответственно (рис. 4).

Каково было место финнов в общей массе протестантов Санкт-Петербурга в конце XIX − начале XX в., позволяет определить статистика, которая свидетельствует, что их доля не превышала 20 %. Сравнение удельного веса мужчин и женщин по годам (1890, 1900, 1910) указывает на постепенное сокращение в обоих случаях[26]. Так, по нашим подсчетам, доля мужчин-финнов среди протестантов сократилась с 17,7 до 11,7 %, а доля женщин − с 19,7 до 13,1 %.

Как и другие этнические меньшинства, проживавшие в Санкт-Петербурге, финнов отличала определенная сословная пестрота. Данные переписи 1869 г. позволяют реконструировать структуру общины.

На долю привилегированных сословий приходился лишь 1 % петербургских финнов. Самым многочисленным из них был слой дворян (почти 52 % в группе), из которых 36 % составляли потомственные, а 64 % – личные дворяне. Как видно из приведенных данных (рис. 5), дворянские семьи были гендерно сбалансированными, что свидетельствует об их стабильности и постоянном проживании в Санкт-Петербурге.

[26] Переписи… 1890 г. С. 79; 1900 г. С. 153; 1910 г. С. 267.

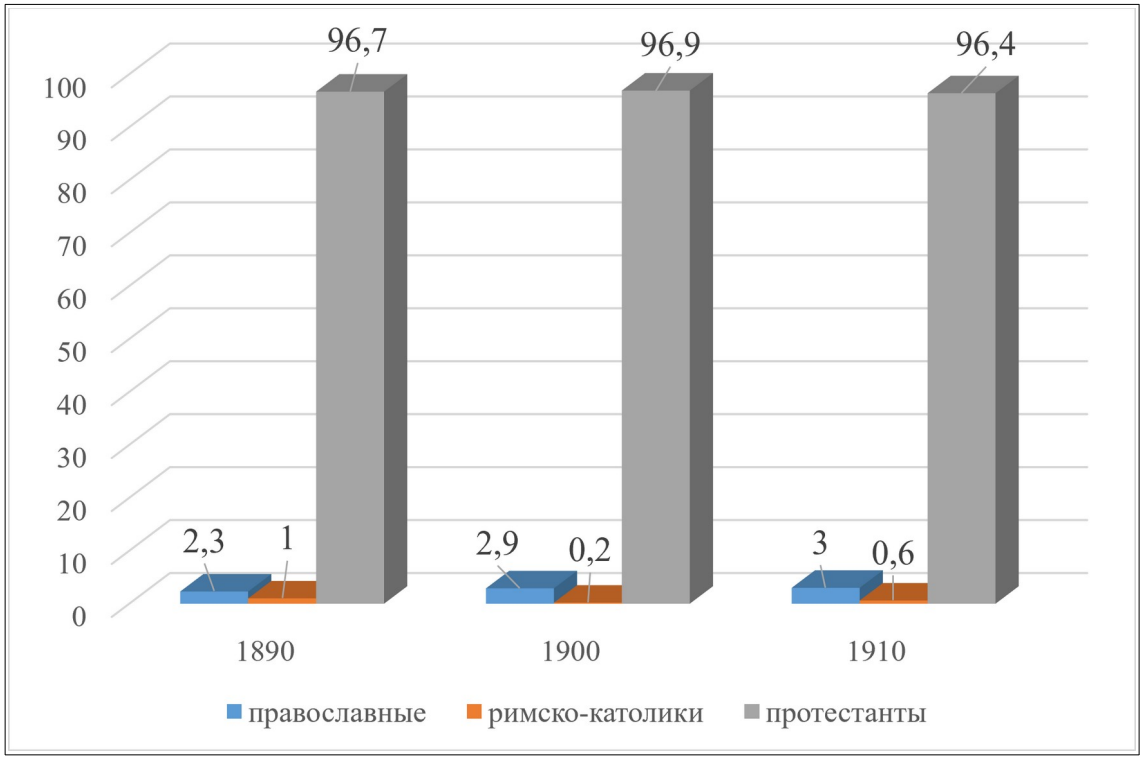

Рис. 4. Динамика удельного веса финнов по вероисповеданиям, %
Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 78–79; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 152–153; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 266–267

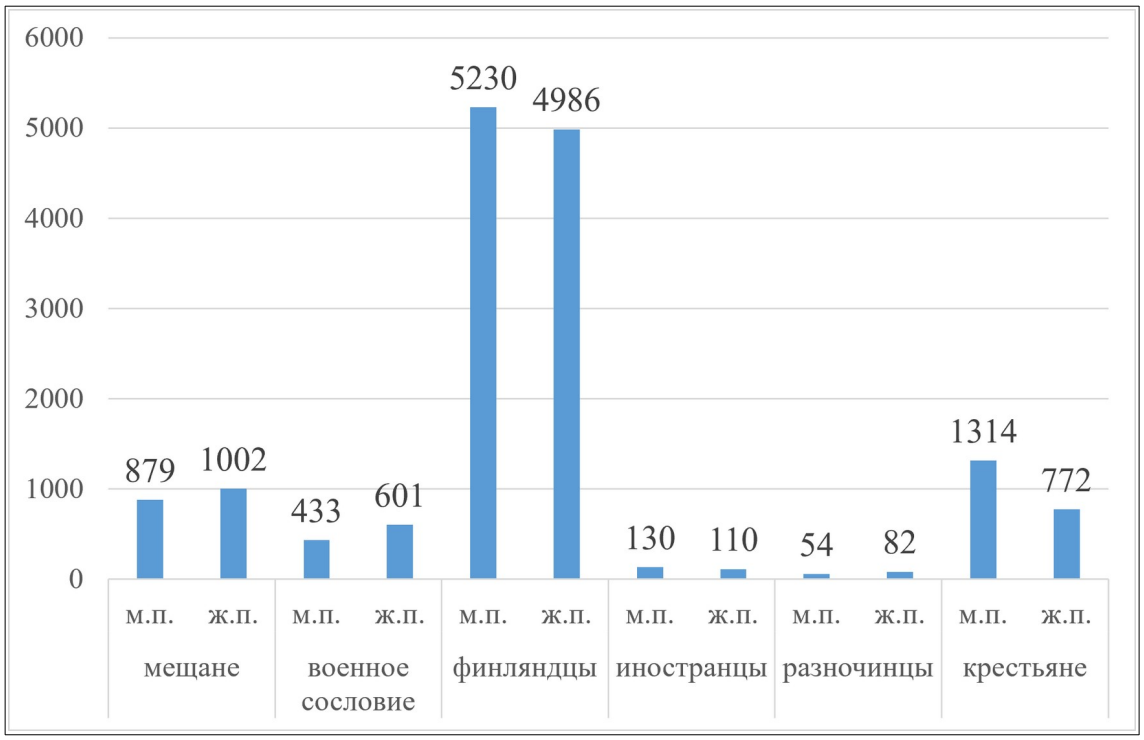

Рис. 5. Сословная принадлежность финнов (привилегированные сословия), чел.
Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 124–127

Представители духовного сословия были связаны с деятельностью церкви св. Марии – единственным храмом для финнов-лютеран в городе. Почетных граждан было немного и они составляли лишь 9 % в рассматриваемой группе. В то же время число лиц, относящихся к купеческому сословию в данном разряде, было значительно (26,9 %).

Численный состав непривилегированных сословий различен (рис. 6). В первую очередь выделяются так называемые «финляндцы» или «финляндские уроженцы» – выходцы

из числа горожан и крестьян губерний Великого Княжества Финляндского. На их долю приходилось почти 65 % от общей численности общины. При этом сословие в столице отличалось гендерным балансом: мужчины составляли 51,2 %, женщины − 48,8 %.

Достаточно многочисленным (ок. 6,5 %) было военное сословие. В него входили преимущественно нижние чины, проходившие службу в полках, расквартированных в Санкт-Петербурге, и члены их семей.

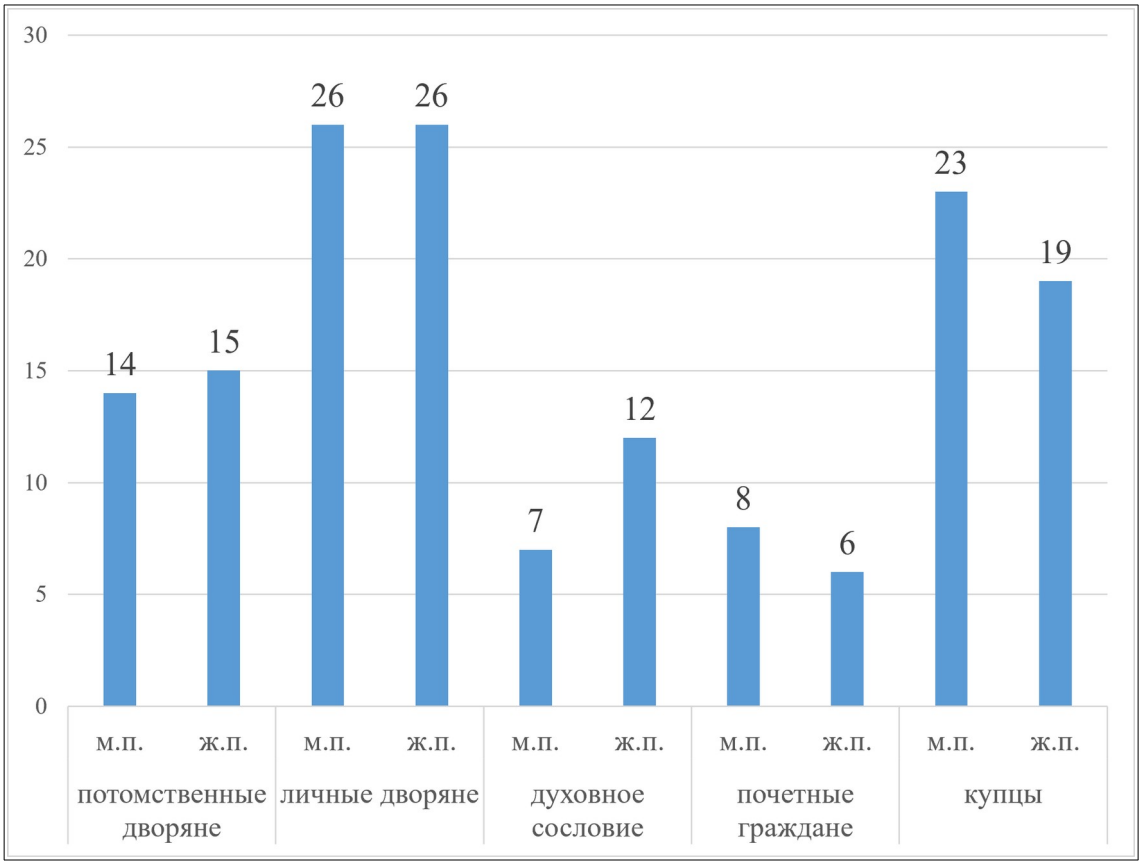

Рис. 6. Сословная принадлежность финнов (непривилегированные сословия), чел.
Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 124−127

Относительно многочисленными были мещанское (11,9 %) и крестьянское (13,3 %) сословия. Исходя из содержания метрических книг лютеранской церкви св. Марии, можно сделать предположение, что проживавшие в городе крестьяне были приписаны к сельским обществам Санкт-Петербургской губернии, а потому являлись ингерманландскими финнами. Численность разночинцев и иностранцев из финнов была незначительной и составляла лишь ок. 1 и 1,5 % соответственно.

Как и прочие этнические общины Санкт-Петербурга, финны не были локально сконцентрированы в какой-то одной части города. В то же время их отличал, например от евреев, армян или мусульман столицы, факт присутствия во всех частях города и составлявших их участков. Распределение финнов в городском пространстве было крайне неравномерным, и этот фактор со временем становился все более отчетливым (табл. 4).

Анализ абсолютных данных приводит к выводу об общей тенденции стабильного сокращения финнов в большинстве частей. Лишь в Литейной, Васильевской и Петербургской частях отмечается прирост, зафиксированный переписью 1881 г., после которого начинается спад, продолжавшийся до 1910 г. Особо следует остановиться на изменении численности финского населения Выборгской части. Здесь, как мы видим, присутствует абсолютный рост. Лишь в 1910 г. зафиксировано его сокращение.

Таблица 4

Распределение финского населения по частям Санкт-Петербурга, чел.

Часть города	1869	1881	1890	1900	1910
Адмиралтейская	719	571	409	356	222
Казанская	2 158	1 925	1 342	1 127	629
Спасская	1 787	1 759	1 705	1 053	627
Коломенская	1 126	1 133	954	758	441
Московская	1 407	1 364	1 226	986	627
Александро-Невская	573	815	742	741	566
Рождественская	1 365	1 264	867	773	560
Литейная	1 013	1 306	1 133	839	1 069
Васильевская	1 783	2 065	1 612	1 568	1 182
Петербургская	1 143	2 183	1 901	1 911	1 696
Выборгская	1 849	3 118	3 596	4 562	3 817
Итого:	14 923	17 503	15 487	14 674	11 436

Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5–243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10.

В то же время динамика относительного размещения финнов по частям города не всегда совпадает с абсолютными показателями (рис. 7). Это можно увидеть на примере Спасской части, в которой в течение всего периода прослеживался спад, тогда как в относительных показателях в 1890 г. отмечен незначительный рост (1 %), который затем сменился спадом. В Петербургской части в 1910 г. в абсолютных цифрах отмечался спад (215 чел.), но в относительных показателях − некоторый прирост (1,8 %). И еще более отчетливо противоположные тенденции прослеживаются на примере самой «финской» части города − Выборгской. Так, исходя из данных рис. 8, мы имеем сокращение населения с 1900 по 1910 г. на 745 чел. Однако относительно всего финского населения города доля проживавших в Выборгской части увеличилась за тот же период с 31,2 до 33,4 %.

Как мы видим, во второй половине XIX в. привлекательность Выборгской части для финнов постоянно возрастала. В начале XX в. здесь проживало около 1/3 петербургских финнов. Подобная тенденция объясняется как близостью к внутренней границе между Империей и Финляндией, так и тем фактом, что в окрестностях этой части было много исторических финских деревень. Конечно, жители последних были ингерманландцами, но общий язык, культура, конфессия способствовали формированию своеобразного финского анклава.

Но и внутри Выборгской части, как можно видеть из данных переписей (рис. 8), размещение финнов по участкам было неравномерным.

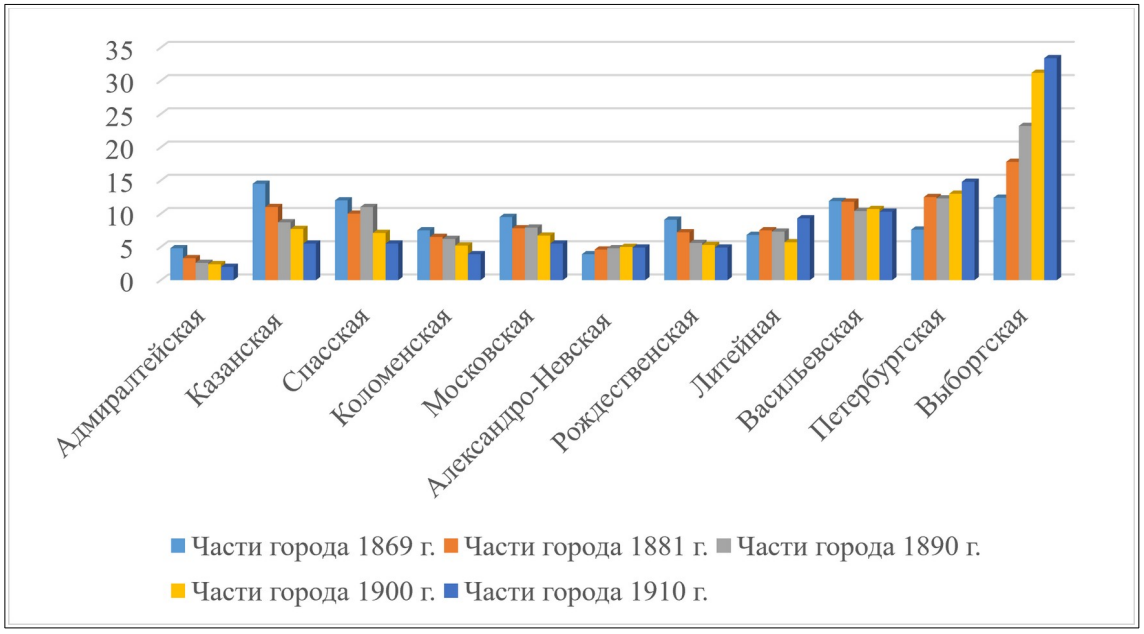

Рис. 7. Распределение финнов по частям Санкт-Петербурга, %.
Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 5–243; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10

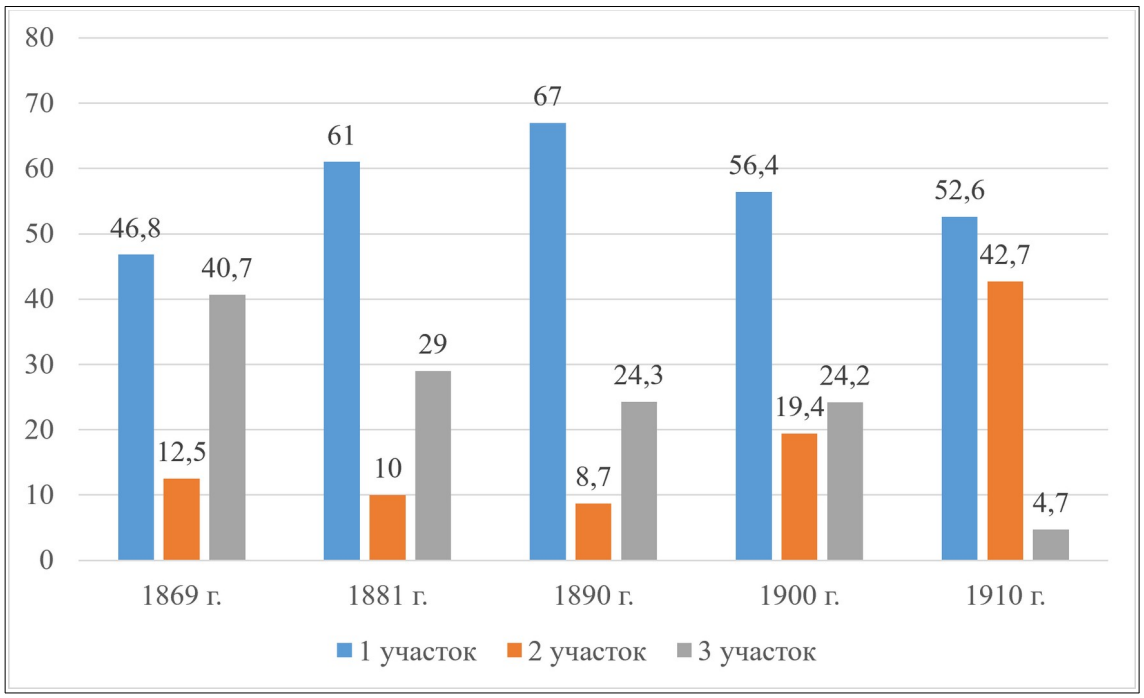

Рис. 8. Распределение финского населения в участках Выборгской части, %.
Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 88; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I: Население. Ч. I. СПб., 1883. С. 214–215, 220–221, 226–227; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 52; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 52; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 10

Традиционно наибольшей популярностью пользовался первый участок, расположенный вдоль правого берега р. Большой Невы от Военно-медицинской академии и Финляндского вокзала на север до Полюстровского проспекта. Интерес ко второму участку с течением времени финны стали проявлять в меньшей степени.

В целом же привлекательность Выборгской части обусловлена расположенными здесь машиностроительными заводами Л. Нобеля, Г. Лесснера, телефонной фабрики Л. Эриксона, железнодорожными мастерскими Финляндской железной дороги. Сокращение доли первого участка и более чем двукратный рост удельного веса второго участка в 1900–1910 гг. можно объяснить оттоком мужского населения, преимущественно занятого на предприятиях тяжелой промышленности и транспорте, и ростом значения женщин, которые утраивались преимущественно на расположенные здесь текстильные предприятия (Самсониевская бумагопрядильная фабрика и др.).

Одним из ценных демографических показателей является грамотность населения. К сожалению, материалы городских переписей не дают возможность определить уровень грамотности финского населения по иным родным языкам, кроме финского. Но в таблицах можно собрать сведения о грамотности на родном языке (финском) членов общины от 6 лет. Для корректного расчета удельного веса грамотных мужчин и женщин в своих гендерных группах мы сократили общую численность мужчин и женщин по каждому вероисповеданию на усредненные 10 %. Именно столько в среднем составляли младенцы и дети в возрасте до 6 лет в 1890–1910 гг. Полученные результаты представлены на рис. 9.

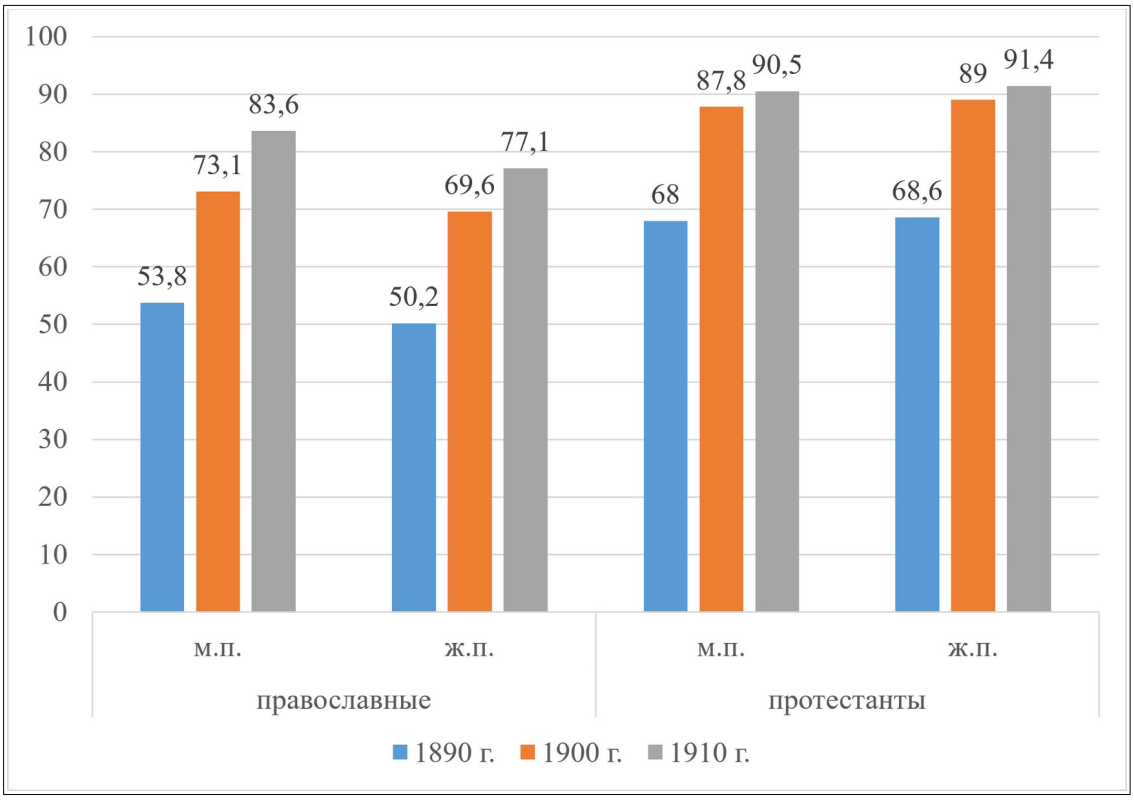

Рис. 9. Грамотность среди финноязычного населения Санкт-Петербурга в 1890–1910 гг., %.
Источник: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 78–79; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 152–153; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 266–267

Оговоримся, что аномально высокий уровень грамотности на финском языке среди римско-католиков (от 95 до 100 %) объясняется в первую очередь крайней малочисленностью конфессиональной группы, о чем уже упоминалось выше. Поэтому основное внимание обратим на финнов из числа православных и протестантов.

Как видно из приведенных данных, в 1890 г. уровень грамотности среди православных финнов был в пределах 50–55 %. При этом он несколько отличался от уровня грамотности среди всех православных жителей столицы, будучи существенно ниже у мужчин и незначительно выше у женщин (53,8 против 75,1 % у мужчин и 50,2 против 48,7 % у женщин). В дальнейшем уровень грамотности в этой группе финнов в целом возрастает, но все равно оказывается ниже среднестатистического уже у мужчин (73,1 против 80 %), тогда как

у женщин сохранялась прежняя ситуация (69,6 против 54,2 %). В 1910 г. выявленная тенденция сохранялась: у финских мужчин уровень грамотности был немного ниже, чем в целом у православных мужчин (83,6 против 85,9 %), тогда как православные финки демонстрировали более высокий уровень грамотности на родном языке (77,1 против 61,5 %). Подобная ситуация может быть объяснена сохранением традиции обучения грамоте по Новому Завету, когда каждый прихожанин, в данном случае православный финн, должен был уметь читать.

Полученные результаты о грамотности среди мужчин и женщин евангелическо-лютеранского происхождения столицы в целом и финского населения в частности представляют иную картину, чем мы видели выше. Все три временных среза показывают более низкий уровень грамотности у финнов-протестантов на родном языке, чем в целом у протестантов. Подтверждением тому являются данные из табл. 5.

Таблица 5

Грамотность протестантов Санкт-Петербурга в конце XIX − начале XX в., %

Год	Мужского пола	Женского пола
1890	87,4	86,5
1900	95,9	95,9
1910	98,7	98,2

Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. I: Население. Вып. 1. СПб., 1891. С. 79; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Население. Вып. 1. СПб., 1901. С. 153; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года. Население. Ч. 1. Пг., б/г. С. 267.

Подобная ситуация вполне может быть объяснима степенью распространения грамотности у городских протестантов, например немцев, и у финляндских уроженцев, приехавших из провинции.

Таким образом, финская община Санкт-Петербурга может быть отнесена к числу «старых» этнических меньшинств, оказавшихся в городском пространстве в начале XVIII в. Во второй половине XIX − начале XX в. она представляла собой динамично развивающийся организм, который обладал специфическими чертами. Община сохраняла свою этническую и конфессиональную неоднородность. В ее составе преобладали финляндские уроженцы, прибывавшие в столицу из Великого Княжества Финляндского, но были в ее рядах и ингерманландские финны, часть из которых приписана к Санкт-Петербургской губернии. Именно трудовая миграция вплоть до 1910-х гг. была основным источником ее пополнения.

Несмотря на пестрый сословный состав, основную массу общины составляли финляндские уроженцы и крестьяне, проживавшие в столице по срочным паспортам. При этом доля представителей других страт была незначительна.

Очень высокий уровень рождаемости в сочетании с высоким уровнем смертности порождал отрицательный естественный прирост финского населения столицы на рубеже XIX−XX вв. На основании этих данных нельзя утверждать, что финское население Санкт-Петербурга вступило в стадию демографического перехода. Тем не менее среди трудовых мигрантов преобладали одиночки из числа еще не вступивших в брак либо состоящих в браке. Следствием этого был низкий уровень вступления в брак. На этом фоне превышение смертности над рождаемостью выглядит вполне оправданным.

Несмотря на экономическую привлекательность Санкт-Петербурга, волнообразное развитие экономики и стремление русифицировать Финляндию способствовали постепенному затуханию миграционного потока. Финны предпочитали имперской столице Америку. Изменение вектора миграционной активности финнов привело к сдвигам в гендерной структуре финской общины Санкт-Петербурга. С рубежа XIX−XX вв. в ней заметно выросла доля женщин.

В отличие от других этнических меньшинств, проживавших в Санкт-Петербурге второй половины XX − начала XX в., финны проживали во всех городских частях. Однако

с 1890-х гг. их основная масса была сконцентрирована в Выборгской части и в 1900-е гг. ее удельный вес продолжал возрастать.

Уровень грамотности среди финнов из числа православных несколько уступал аналогичному показателю среди финнов-лютеран. Тем не менее общий показатель был достаточно высок. Причиной тому стала не только традиция религиозного обучения, но и постоянно возраставшие требования столичного города.

Сохранение доминирующего положения лютеранства и финского языка как родного является наглядным свидетельством крайне слабой степени ассимиляции финнов Санкт-Петербурга.

Литература

Миронов Б.Н. Петербург в авангарде демографического перехода в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67, вып. 3. С. 709−732.

Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX − XX веке. СПб.: Нестор-История, 2001. 400 с.

Норенкова И.Д. Культурное пограничье: финляндцы в восприятии петербургского общества на рубеже XIX−XX вв. М.: Пробел, 2025. 247 с.

Петришина Н.Ю. Русская трудовая иммиграция в США по материалам «Ежегодника России» в 1904-1910 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. 2017. № 21. С. 71−76.

Погодин С.Н., Рябова А.Л. Первый период русификации Финляндии (1899−1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 338−348.

Такала И.Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал Нева, 2002. 172 с.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский дом, 2005. 469 с.

Энгман М., Юнгар С. Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809−1917 гг. // Россия и Финляндия: мат-лы VI Советско-Финского симпозиума историков. Л., 1980. С. 115−138.

Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX − начало XX века. Статистический анализ. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 223 с.

References

Engman, M. (2005). *Finlyandtsy v Peterburge* [Finlanders in St. Petersburg]. St. Petersburg, Evropeyskiy dom. 469 p.

Engman, M., Yungar, S. (1980). Pereselencheskoe dvizhenie iz Finlyandii v Rossiyu v 1809−1917 gg. [The Resettlement Movement from Finland to Russia in 1809−1917]. In *Rossiya i Finlyandiya. Materialy VI Sovetsko-Finskogo simpoziuma istorikov*. Leningrad, pp. 115−138.

Jungar, S. (1974). *Från Äbo till Ryssland. En studie i urban befolkningsrörlighet. 1850−1890*. Äbo, Äbo Academi. 108 p.

Mironov, B.N. (2022). Peterburg v avangarde demograficheskogo perekhoda v Rossii [Petersburg in the Vanguard of Demographic Transition in Russia]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 67, Iss. 3, pp. 709−732.

Musaev, V.I. (2001). *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX − XX veke* [The Political History of Ingermanland in the Late 19th − 20th Century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 400 p.

Norenkova, I.D. (2025). *Kul'turnoe pogranich'e: finlyandtsy v vospriyatii peterburgskogo obshchestva na rubezhe XIX−XX vv.* [Cultural Frontier: Finns in the Perception of St. Petersburg Society at the turn of the 19th − 20th Centuries]. Moscow, Probel. 247 p.

Petrishina, N.Yu. (2017). Russkaya trudovaya immigratsiya v SSHA po materialam "Ezhegodnika Rossii" v 1904−1910 gg. [Russian Labor Immigration to the United States Based on the Materials of the Yearbook of Russia in 1904−1910]. In *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*. No. 21, pp. 71−76.

Pogodin, S.N., Ryabova, A.L. (2016). Pervyy period rusifikatsii Finlyandii (1899−1905 gg.) [The First Period of Russification of Finland (1899−1905)]. In *Rossiya v global'nom mire*. No. 9 (32), pp. 338−348.

Takala, I.R. (2002). *Finny v Karelii i v Rossii: Istoriya vozniknoveniya i gibeli diaspory* [Finns in Karelia and Russia: The History of the Emergence and Demise of the Diaspora]. St. Petersburg, Zhurnal Neva. 172 p.

Yukhneva, N.V. (1984). *Ehtnicheskiy sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga: vtoraya polovina XIX − nachalo XX veka. Statisticheskiy analiz* [Ethnic Composition and Ethnosocial Structure of the Population of St. Petersburg: The Second Half of the 19th − Early 20th Century. Statistical Analysis]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 223 p.

В.Н. Ракачев
Я.В. Ракачева*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1930−1950-Е ГОДЫ: ФАКТОРЫ, ДИНАМИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-20
УДК 314.3:94(470.6)"193/195"

Выходные данные для цитирования:
Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Трансформация рождаемости на Северном Кавказе в 1930−1950-е годы: факторы, динамика, последствия // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 239−250. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-20.pdf

V.N. Rakachev
Ya.V. Rakacheva*

THE TRANSFORMATION OF THE BIRTH RATE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1930−1950: FACTORS, DYNAMICS, CONSEQUENCES

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-20

How to cite:
Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V. The Transformation of the Birth Rate in the North Caucasus in the 1930−1950: Factors, Dynamics, Consequences // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 239−250.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-20.pdf]

Abstract. The article analyzes the transformation of fertility as one of the key demographic processes in the North Caucasus in the 1930s and 1950s. It examines the interaction between universal trends of the demographic transition and specific socio-political factors of Soviet reality (collectivization, the 1932−1933 famine, repressions, deportations of peoples, the Great Patriotic War, and occupation), as well as regional sociocultural characteristics that determined the dynamics of reproductive behavior in the region. Based on a wide range of archival sources, it is shown that the change in the birth rate in the region was nonlinear, intermittent, combining a long-term modernization trend with compensatory demographic reactions to extreme losses and short-term effects of government policy (prohibition of abortions in 1936, stimulating fertility in the late 1940s, the return of deported peoples in 1957). Significant intraregional variability of birth patterns: in Russian-speaking territories (Kuban, Stavropol, Don), modernization processes proceeded rapidly, while in national autonomies (Dagestan, Chechen-Ingushetia, Kabardino-Balkaria), traditional attitudes towards having many children persisted, which led to a differentiation of demographic development by the end of the 1950s. The conclusion is that modernization was incomplete and deformed. The birth rate in the North Caucasus during the period under review, due to the fact that objective changes were distorted by the devastating effects of war, repression and administrative measures.

Keywords: birth rate, demographic modernization, North Caucasus, reproductive behavior, demographic policy.

The article has been received by the editor on 02.07.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Вадим Николаевич Ракачев,** доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, e-mail: midav.sf@mail.ru
Vadim Nikolaevich Rakachev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: midav.sf@mail.ru
Ярослава Владимировна Ракачева, кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com
Yaroslava Vladimirovna Rakacheva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется трансформация рождаемости как одного из ключевых демографических процессов на Северном Кавказе в 1930−1950-е гг. Рассматривается взаимодействие универсальных тенденций демографического перехода и специфических социально-политических факторов советской действительности (коллективизация, голод 1932−1933 гг., репрессии, депортации народов, Великая Отечественная война и оккупация), а также региональных социокультурных особенностей, определявших динамику репродуктивного поведения населения региона. На основе широкого круга архивных источников показано, что изменение рождаемости в регионе носило нелинейный прерывистый характер, сочетая долгосрочный модернизационный тренд с компенсационными демографическими реакциями на экстремальные потери и краткосрочными эффектами государственной политики (запрет абортов 1936 г., стимулирование рождаемости в конце 1940-х гг., возвращение депортированных народов в 1957 г.). Выявлена значительная внутрирегиональная вариативность моделей рождаемости: в русскоязычных территориях (Кубань, Ставрополье, Дон) модернизационные процессы протекали ускоренно, тогда как в национальных автономиях (Дагестан, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария) сохранялись традиционные установки на многодетность, что обусловило дифференциацию демографического развития к концу 1950-х гг. Делается вывод о незавершенности и деформированности модернизации рождаемости на Северном Кавказе в рассматриваемый период в силу того, что объективные сдвиги оказались искажены разрушительными последствиями войны, репрессий и административных мер.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая модернизация, Северный Кавказ, репродуктивное поведение, демографическая политика.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026 г.

Исследования в области демографической истории продолжают оставаться актуальными как для понимания современных тенденций, так и в связи с открытием новых источников и методов их анализа. Вместе с тем, даже при наличии необходимой статистики, ученый неизбежно сталкивается с проблемами сопоставимости данных, необходимостью учета постоянно менявшейся политической, экономической и социокультурной конъюнктуры.

В такой ситуации оказывается исследователь при попытке анализа демографических процессов в один из самых сложных этапов советской истории − период 1930−1950-х гг. Демографическое развитие страны в это время определялось сложным комплексом чрезвычайных факторов как внешнего, так и внутреннего характера, который в полной мере еще не исследован и не осмыслен.

Цель данной статьи − анализ трансформации одного из базовых демографических процессов, определяющих воспроизводство населения − процесса рождаемости на Северном Кавказе в 1930−1950-е гг. Региональный контекст представляется важным, поскольку он в значительной степени определяется социально-экономическими и социокультурными условиями, которые оказывают значительное влияние на вариативность демографических показателей и их динамику.

Территориально исследование охватывает пространство Северного Кавказа[1] с учетом многочисленных административно-территориальных изменений в исследуемый период,

[1] В 1924−1934 гг. это Северо-Кавказский край, включавший Дон, Кубань и Ставрополье с входившими в них автономиями, а также Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую, Чечено-Ингушскую и Дагестанскую АССР (последняя вошла в состав Северо-Кавказского края с 1931 года). В 1934 г. из состава края был выделен Азово-Черноморский край, куда вошли территории Адыгейской АО и нынешних Краснодарского края и Ростовской области. В 1936 г. из состава Северо-Кавказского края были выведены Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР. С 1937 г. Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края прекратили свое существование. На их территориях были образованы Краснодарский край (с входившей в его состав Адыгейской АО), Орджоникидзевский (с 1943 г. Ставропольский) край с Карачаевской (с 1926 по 1943 г.) и Черкесской (с 1926 по 1957 г.) АО (с 1957 по 1992 г. Карачаево-Черкесская АО) и Ростовская область.

которые существенно затрудняют анализ. По возможности выполнялся перерасчет ряда показателей с учетом проводившихся преобразований.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции модернизации и демографического перехода, в том числе применительно к российским условиям. В частности, значимым для нашего анализа является положение, согласно которому демографическая модернизация в России имела незавершенный характер[2], отличалась прерывистостью и нестабильностью, что было обусловлено многократно возникавшими негативными социальными факторами[3]. Источниковую базу исследования составили материалы из фондов региональных архивов и опубликованные данные, к которым применены методы статистического, компаративного и сравнительно-исторического анализа.

Характеризуя динамику рождаемости в 1930−1950-е гг. на Северном Кавказе, необходимо отметить, что она определялась взаимодействием универсальных демографических тенденций, специфических социально-политических факторов и региональных особенностей. С одной стороны, в основе рассматриваемых процессов лежала логика демографического перехода, предполагавшая последовательное снижение смертности, а затем инерционное снижение рождаемости вследствие распространения норм малодетности. С другой стороны, советская модернизация вносила свои коррективы, а этнокультурная специфика региона также оказывала влияние на демографические процессы.

Сам процесс трансформации семьи и репродуктивных моделей в российском обществе обозначил себя в конце XIX − начале XX в[4]. Практика отходничества и другие факторы вели к постепенному переходу от большой патриархальной семьи к малой нуклеарной и, соответственно, к изменению типов демографического поведения в семье[5].

Радикальные преобразования советской власти ускорили эти процессы: Декрет ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» признавал брак добровольным союзом, закреплял его свободный характер и необязательную регистрацию, что ослабляло традиционные требования к семье как институту родительства. Еще более радикальным стало Постановление Наркомздрава и Наркомюста РСФСР от 18 ноября 1920 г., легализовавшее аборты в стационарных медицинских учреждениях[6]. Хотя в 1922 г. в Уголовный кодекс была введена статья об ответственности за аборты вне лечебных учреждений, сама по себе легализация способствовала росту числа прерываний беременности и неизбежно сказывалась на показателях рождаемости[7].

К концу 1920-х − началу 1930-х гг. данные ЦУНХУ уже показывали устойчивое снижение рождаемости. В Северо-Кавказском крае за пять лет (1927−1931) число рождений сократилось почти на треть − на 30,9 %, с 362,4 до 250,5 тыс.[8] При этом по отдельным административным образованиям, прежде всего национальным автономиям, наблюдалась значительная вариативность. Если в Дагестанской АССР, Адыгейской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АО число рождений сокращалось, то в Карачаевской, Черкесской, Чеченской АО, напротив, росло (на 11,9, 22,1 и 9,5 % соответственно). С учетом значительного недоучета демографических событий в национальных автономиях эти темпы в действительности могли быть выше[9]. Наибольшее снижение рождаемости (на 31,8 %) показали территории Кубани, Дона и Ставрополья. Помимо универсального тренда модернизации, значительную

[2] *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 78.
[3] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 9, 11−12.
[4] *Захаров С.В.* История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2022. № 10. С. 9−10.
[5] Демографическая модернизация России, 1900−2000. М., 2006. С. 150−165.
[6] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 681.
[7] Демографическая модернизация России… С. 200.
[8] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 20−21; Оп. 20. Д. 41. Л. 40−41.
[9] Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова определяют недоучет за десять лет с 1927 по 1936 г. в 7,8 %. См.: *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза, 1922−1991. М., 1993. С. 43.

роль сыграли социальная эмансипация, индустриализация и урбанизация, коллективизация и раскулачивание, активные миграции, ломавшие традиционный семейный уклад[10].

Ключевым и наиболее разрушительным фактором стал голод 1932–1933 гг. Хотя его основные последствия пришлись на 1933 и частично на 1934 год аграрный кризис и проблемы с продовольствием проявились уже в 1931 г.[11] Исследования показывают, что в результате голода в регионе наблюдалась значительная избыточная смертность[12], которая сказалась на числе рождений. Пик снижения рождаемости в абсолютных значениях в Северо-Кавказском крае в период голода пришелся на 1934 г., тогда как смертность была максимальной в 1933 г. (табл. 1).

Таблица 1

Рождаемость в Северо-Кавказском крае, 1932–1934 гг.

	Родилось, чел.			Родившихся на 1 000 чел.		
	1932	1933	1934	1932	1933	1934
Город	53 801	42 896	37 925	24,1	17,3	15,6
Село	177 556	138 364	89 029	28,4	18,7	21,6
Всего	231 357	181 260	126 954	26,3	18,0	18,6

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21.

Анализ коэффициентов показывает, что за 1932–1934 гг. рождаемость в городах Северо-Кавказского края сократилась на 35,3 % (с 24,1 до 15,6‰), тогда как в сельской местности – на 24,0 % (с 28,4 до 21,6‰). Таким образом, в относительном выражении город пострадал сильнее. При этом уже в 1934 г. сельская рождаемость стала восстанавливаться. Это может свидетельствовать о том, что пик голода в селе пришелся на 1933 г., а к лету 1934 г. ситуация начала стабилизироваться[13]. В городах спад был более затяжным, возможно, из-за ухудшения продовольственного снабжения. В абсолютных цифрах село потеряло больше рождений (88,5 тыс.), чем город[14]. По оценкам Н.Н. Назаренко и А.В. Башкина демографические потери от снижения рождаемости в регионе в 1933–1934 гг. могли составить около 200 тыс. чел.[15]

Анализ динамики по национальным автономиям позволяет увидеть различия, которые нивелируются при рассмотрении общекраевых данных. Заметное сокращение рождаемости в 1930–1934 гг. наблюдалось в Адыгейской (−50,4 %) и Черкесской (−38,6 %) АО, Дагестане (−38,4 %). Отрицательная динамика была характерна для Кабардино-Балкарии (−1,5 %). В Чеченской, Северо-Осетинской, Карачаевской АО динамика была положительной (+15,1, +14,2, +37,6 % соответственно)[16].

Катастрофические последствия голода вынуждали советское правительство к принятию радикальных мер. В 1935 г. совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения» передало органы загса в подчинение НКВД, ввело единую общесоюзную форму свидетельства о рождении и предусмат-

[10] *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 78–79.

[11] *Ракачев В.Н.* Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2018. С. 98–99, 107–108.

[12] См.: *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России…; *Назаренко Н.Н., Башкин А.В.* Региональные особенности рождаемости и смертности населения Северокавказского региона в период голода 1932–1933 годов // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 183–203.

[13] *Ракачев В.Н.* Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. 2012. № 7. С. 131–134.

[14] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 40–41.

[15] *Назаренко Н.Н., Башкин А.В.* Региональные особенности рождаемости и смертности… С. 197.

[16] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д 19. Л. 1–18, 37; Д. 49. Л. 2–5; Д. 256. Л. 21; Д. 132. Л. 56–60; Д. 406. Л. 58–64; Д. 18. Л. 97–98.

ривало уголовную ответственность должностных лиц за несвоевременную регистрацию демографических событий[17]. Эти меры должны были прекратить недоучет, однако их реальное влияние оказалось двойственным: помимо строгого контроля, они привели к политизации статистики и фальсификациям.

Одновременно ужесточался контроль над репродуктивным поведением. С 1930 г. была введена плата за аборт[18], стоимость которой ежегодно росла (к 1935 г. − в 15 раз)[19]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам <…>» полностью запретило аборты по желанию женщины, ввело уголовную ответственность за их проведение вне больниц и предусматривало меры по поддержке рожениц и многодетных матерей[20].

Проект активно обсуждался в печати[21] и в трудовых коллективах. Идейное обоснование ему дали нарком здравоохранения Н.А. Семашко[22] и юрист А.А. Сольц, который писал: «Нам нужны все новые и новые борцы − строители этой жизни. Нам нужны люди. Аборт, уничтожение зарождающейся жизни, недопустим в нашем государстве строящегося социализма <…>»[23].

Но, несмотря на запретительные меры, статистика показывала неравномерную динамику абортов. Согласно справке ЦУНХУ, в 1932−1933 гг. на Северном Кавказе в селе число абортов на 100 рождений было значительно выше, чем в среднем по РСФСР, однако к 1933 г. большинство показателей в регионе резко снизилось (табл. 2).

Таблица 2

Аборты по областям и республикам РСФСР

Территория	Год	Абортов на 100 рождений		Абортов на 1 000 населения	
		город	село	город	село
РСФСР	1932	93,7	7,8	26,2	2,7
	1933	130,4	10,5	27,9	3,3
Северо-Кавказский край	1932	98,7	31,2	23,8	7,7
	1933	110,5	26,8	19,1	5

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 7.

Вероятно, сокращение абортов на Северном Кавказе было связано с последствиями голода, который регион испытал в наибольшей степени, чем большинство других территорий РСФСР. Вмешательство государства в семейно-брачную сферу было противоречивым[24], запрет на аборты при низкой сексуальной культуре и отсутствии средств контрацепции вынуждало многих женщин идти на незаконные меры, что приводило к болезням и даже к смерти. Причем наибольшее число абортов приходилось на женщин активного репродуктивного возраста (20−29 лет), что служит показателем глубоких изменений

[17] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1935 г. М., 1947. Отд. 1. Ст. 432.
[18] *Денисов Б., Сакевич В.* Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: сб. ст. М., 2014. Вып. 23. С. 192−194.
[19] *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920−1930-е годы. СПб., 1999. С. 286.
[20] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
[21] Декрет счастливого материнства // Медицинский работник. 1938. № 36. 28 июня.
[22] *Семашко Н.* Какой замечательный закон! (К отмене абортов в СССР) // Медицинский работник. 1937. 16 июля.
[23] *Сольц А.* Аборт и алименты // Труд. 1937. № 97. 27 апр.
[24] *Исупов В.А.* История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900−1950-е годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 148. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

репродуктивных установок, снижения влияния религиозных регуляторов и распространения представлений о браке как союзе, не обязательно предполагающем рождение детей[25].

Результаты ограничительных мер не замедлили сказаться на показателях рождаемости. В 1935 г. статистика фиксирует резкий рост рождаемости в регионе − с 138,9 до 264,7 тыс., или на 90,5 % (хотя медленное восстановление началось уже в 1934 г. на 7,5 %)[26]. Это увеличение не могло быть естественным восстановлением, свой вклад внесло и повышение качества текущего учета. По мнению В.Б. Жиромской, после постановления 1935 г. он охватил более 95 % населения[27]. Вероятно, имели место и приписки. Однако в 1936 г. снова наступил спад (на 6,8 %), связанный с исчерпанием компенсаторной рождаемости, а также с засухой и неурожаем в ряде районов Северо-Кавказского края[28]. В 1937 г. рождаемость снова выросла до 329,3 тыс. (+33,5 %). Это был абсолютный максимум за весь период 1930-х гг., что, вероятно, стало результатом запрета абортов. Однако этот эффект был краткосрочным и в 1938 г. рождаемость снизилась на 6,5 %, а к 1939 г. наступила стагнация.

Таким образом, в развитии рождаемости на Северном Кавказе после 1933 г. можно выделить четыре этапа: 1) 1933−1935 гг. − восстановление после голода, связанное с компенсаторным подъемом и улучшением учета; 2) 1935−1936 гг. − краткосрочный спад, отражающий исчерпание компенсаторных рождений; 3) 1936−1937 гг. − пик роста после запрета абортов, когда рождаемость достигла максимума; 4) 1938−1939 гг. − спад и стагнация, возвращение к тренду на понижение.

Если рассматривать ситуацию в разрезе отдельных территорий, обращает на себя внимание резкий скачок рождаемости в 1935 г. в Адыгее на 112,7 %, Кабардино-Балкарии на 200,5 %, Карачае на 75,2 %, Черкесской АО на 135,5 %, Чечено-Ингушетии на 153,7 %, Северной Осетии на 126,9 %, Дагестане на 270,9 %. Этот скачок показывает не столько действительный рост, сколько результаты административных изменений[29] и улучшения учета. В 1936 г. рост продолжился, но был уже не таким высоким (максимум в Адыгее +94,7 %, минимум в Черкесской АО +0,7 %), а Кабардино-Балкария показала снижение рождаемости на 7,7 %[30]. Запрет абортов в 1936 г. привел к росту рождаемости по всем автономиям в 1937 г. (от 20,9 % в Кабардино-Балкарии до 33,6 % в Северной Осетии). Для большинства автономий 1937 г. стал пиком рождаемости за все 1930-е гг., а 1938 г. снова отметился спадом, лишь Ставропольский край и Черкесская АО имели положительную динамику[31]. Таким образом, краткосрочный эффект от запрета абортов был исчерпан к 1938 г. К началу 1940-х гг. Северный Кавказ подошел с неоднозначной ситуацией: рождаемость в целом вернулась к модернизационному тренду.

В отличие от 1930-х гг., где изменения рождаемости были связаны преимущественно с социально-экономическими факторами и административными мерами, в 1940-е гг. определяющую роль сыграли экстремальные внешние условия − военные действия, оккупационный режим, депортации и послевоенный голод.

В 1940 г. общее число рождений по Северному Кавказу составило 358,7 тыс., что на 9,7 % меньше, чем в 1939 г. В отчетах ЦУНХУ среди основных причин названо снижение численности родительского поколения, рожденного в годы Первой мировой, революции и Гражданской войны[32], а также уход мужского населения в связи с событиями 1939−1940 гг.

---

[25] *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927−1959 гг. Тула, 2009. С. 79.

[26] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 58−64.

[27] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России… С. 103.

[28] Спецсообщение УНКВД по Северо-Кавказскому краю об отрицательных проявлениях в связи с недородом в некоторых районах, по данным на 1 сентября 1936 г. − 4 сентября 1936 г. // Советская деревня глазами ВЧК−ОГПУ−НКВД. 1918−1939. Документы и материалы: в 4 т. М., 2012. Т. 4: 1935−1939 гг. С. 300−305.

[29] В 1936 г. в состав Адыгейской АО были включены г. Майкоп, Гиагинский район и Ханский сельсовет, в состав Северо-Осетинской АССР был передан г. Орджоникидзе, Чечено-Ингушская АССР в 1935−1936 гг. увеличилась за счет г. Грозного, Сунженского округа и части Притеречных земель.

[30] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 58−64.

[31] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 195. Л. 37.

[32] Там же. Оп. 329. Д. 540. Л. 162.

в Монголии, Польше и советско-финской войной, что подтверждается значительным уменьшением количества браков[33].

С началом Великой Отечественной войны, мобилизацией мужчин и ухудшением экономической ситуации рождаемость продолжила снижаться. Сокращение рождаемости в годы войны, по мнению В.А. Исупова, стало важным шагом на пути демографической модернизации[34]. Стремительное падение показателей наблюдалось уже в первые месяцы войны. На Кубани к маю 1942 г., в сравнении с данными соответствующего месяца 1941 г. рождаемость сократилась на 68,3 % (в городах − на 63,6 %, в селе − на 69,5 %). Особенно резкое сокращение произошло с апреля по май 1942 г.: в мае родилось на 85,8 % детей меньше, чем в апреле[35]. Значительное снижение рождаемости на селе стало следствием массовой мобилизации, тогда как в городах мужское население еще оставалось на производстве.

В целом за 1941 г. число рождений в регионе сократилось на 16,8 % к уровню 1940 г. Однако наиболее глубокий провал в рождениях пришелся на 1942−1943 гг., когда большая часть Северного Кавказа находилась в зоне военных действий или оккупации, где статистический учет практически прекратился. По тем территориям, где учет остался, за 1942 г. число рождений снизилось на 72,2 %, за 1943 г. еще на 9,4 %. Рождаемость в эти годы составила 23,1 и 25,3 % к довоенному уровню. По автономиям, где сохранялся учет, наименьшее сокращение наблюдалось в Дагестане (−25,1 и −46,6 %), несколько больше в Северной Осетии (−46,4 и −35,8 %) и Чечено-Ингушской АССР (−59,7 и −31,9 %)[36].

После освобождения оккупированных территорий в 1943−1944 гг. началось постепенное восстановление учета и возвращение населения, однако в 1944 г. показатели рождаемости здесь оказались ниже 1943 г. на 15,7 %, что стало, в том числе, следствием необоснованных и незаконных депортаций ряда народов региона. Сокращение рождаемости показали не только автономии, население которых было выселено, но и часть других территорий (Кубань, Дагестан). В целом уровень рождаемости оставался крайне низким − 22−30 % от показателей 1940 г.

Перелом наступил в 1946 г., когда общее число рождений достигло 53,8 % от довоенного уровня (188,4 тыс.), а прирост рождений за год составил 84,4 %. Этот рост носил компенсаторный характер и был связан с демобилизацией, возвращением эвакуированных, реализацией отложенных рождений. Послевоенный рост рождаемости в регионе продолжался до 1947 г. Однако в 1948 г. число рождений снова сократилось на 10,5 % вследствие голода 1946−1947 гг. Снижение наблюдалось по всему региону: от 2,7 % в Дагестане до 23,8 % в Кабарде[37]. В 1949 г. рождаемость вновь выросла и составила 65,9 % от довоенного уровня, но так и не достигла даже 2/3 от показателя 1940 г.

Анализ внутрирегиональных особенностей динамики позволяет выделить территории , являвшиеся лидерами восстановления: в Северной Осетии рождаемость уже в 1946 г. достигла 88,4 % от довоенного уровня, а в 1947 г. превысила его на 12,7 %, к 1949 г. этот показатель составил 99,4 %. Это объясняется непродолжительной оккупацией, отсутствием депортаций, высокой долей городского населения и развитой инфраструктурой, которые обеспечили быструю реэвакуацию. Ростовская область − второй по темпам восстановления регион: в 1949 г. рождаемость здесь достигла 74,5 % от довоенного уровня. К территориям со средними темпами относятся Кабардинская (72,8 %) и Дагестанская (68,3 %) АССР, Краснодарский край (65,7 %). В числе аутсайдеров Ставропольский край, где рождаемость составила лишь 49,2 % к довоенному уровню из-за длительной оккупации, депортации карачаевцев и оттока населения[38]. Адыгейская АО показала специфическую динамику: в 1945 г.

[33] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 148.
[34] *Исупов В.А.* История Западной Сибири… С. 148.
[35] Рассчитано по: Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 10−11.
[36] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7−9, 13−15; Д. 396. Л. 1−2; Д. 545. Л. 1−2; Д. 1015. Л. 1, 6; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 216. Л. 3−4 (в сводке приводятся данные только по освобожденным районам Краснодарского края, там, где был восстановлен загсовский учет; в январе 1943 г. предоставили сводки 54 загса, к декабрю их число составило 581); Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 2, 8−9.
[37] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29−31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1−2.
[38] В эту категорию может быть включена ликвидированная в 1944 г. Чечено-Ингушская АССР.

рост до 134,0 % от 1940 г., а в 1948 г. падение до 57,3 %[39], что требует дополнительных исследований.

За десятилетие, с 1940 по 1950 г. общий коэффициент рождаемости (ОКР) в регионе снизился в среднем на 33,2 % (с 33,1 до 22,1 ‰). При этом региональная дифференциация была значительной. Максимальное падение зафиксировано в Краснодарском крае (−39,4 %) − регионе, наиболее пострадавшем от оккупации и имевшем высокую долю городского населения. Вторую группу (снижение около 30 %) составили Ставропольский край (−32,6 %), Северная Осетия (−31,9 %) и Ростовская область (−31,6 %). Минимальное снижение (менее 25 %) показали Чечено-Ингушская АССР (−8,2 % − самый низкий показатель)[40], Дагестан (−19,5 %), Кабардино-Балкарская АССР[41] (−22,6 %)[42], что объясняется сохранением традиционных репродуктивных установок у горских народов. Если в 1940 г. показатели Северного Кавказа (33,1 ‰) были выше общероссийских (около 31 ‰), то к 1950 г. они опустились ниже (22,1 ‰ против примерно 26 ‰ по РСФСР), что свидетельствует о более глубоких демографических потерях региона[43].

В 1940-х гг. правительство предприняло ряд мер по стимулированию рождаемости: ввело налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан (1941 г.[44]), увеличило помощь многодетным и одиноким матерям, установило звания «Мать-героиня» и др. (1944 г.[45]), возобновило борьбу с криминальными абортами[46] и пр. Однако они дали недолговременный эффект и не смогли переломить модернизационный тренд − рождаемость оставалась преимущественно компенсаторной. Кроме того, некоторые меры и вовсе дестабилизировали семью[47].

В течение 1950−1959 гг. число рождений на Северном Кавказе выросло с 212,3 до 281,9 тыс., или на 32,8 %. Однако рост был крайне неравномерным: он в значительной степени обусловливался демографической компенсацией в национальных автономиях вследствие возвращения депортированных народов, но сдерживался сокращением репродуктивного контингента (в фертильный возраст вступали малочисленные поколения начала 1930-х гг.). В динамике рождаемости на Северном Кавказе можно выделить три фазы: устойчивый рост в 1950−1954 гг. (на 14,3 %), спад в 1955 г. (на 6,7 %) и новый рост в 1956−1959 гг. (на 4,7 %), связанный с возвращением депортированных народов и включением их в статистику.

Дифференциация между территориями усилилась: в одних явно усиливались модернизационные тенденции, в других наблюдался рост рождаемости. Вторая тенденция наиболее наглядно проявилась в Дагестане, для которого на всем протяжении 1950-х гг. был характерен стабильный и устойчивый рост абсолютных показателей − на 83,8 % (с 23,6 до 43,3 тыс.). Это самый высокий прирост среди всех регионов Северного Кавказа. Дагестан не подвергся депортациям, оккупация была непродолжительной, сохранился традиционный сельский уклад (в 1959 г. 77,5 % рождений в селе). В Кабардино-Балкарской АССР рост усилился с возвращением балкарцев в 1957 г., за десятилетие он составил 76,0 % (с 7,5 до 13,2 тыс.). Максимальный рост в конце 1950-х гг. зафиксирован в восстановленной Чечено-Ингушской АССР: возвращение чеченцев и ингушей в 1957 г., массовое воссоединение семей и молодой возрастной состав вернувшихся дали рост за 1957−1959 гг. на 42,9 % (с 17,3 до 24,7 тыс.). В Карачаево-Черкесской АО в 1957 г. с возвращением карачаевцев и объедине-

[39] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29−31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1−2; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
[40] До 1944 г.
[41] С 1944 г. Кабардинская АССР.
[42] Рассчитано по: Население и трудовые ресурсы. Ростов н/Д., 1987. С. 36−37.
[43] Население России в XX веке: ивсторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940−1959 гг. С. 344.
[44] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 42. С. 177-–178.
[45] Там же. 1944. № 37. С. 1−4.
[46] ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 178. Л. 4−5.
[47] *Жиромская В.Б., Араловец Н.А., Чернышева Н.В.* Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг. // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 152.

нием автономий произошел скачок числа рождений с 3,2 до 6,9 тыс. (+117 % за год), а к 1959 г. еще +23,6 %[48].

В Адыгейской АО наблюдался стабильный, но низкий рост − за десятилетие на 28,6 % (с 4,9 до 6,3 тыс.), поскольку население не подвергалось депортациям, но преобладало сельское население. Северо-Осетинская АССР − единственная автономия, где рождаемость колебалась, а рост за десятилетие составил всего 7,9 % (с 8,8 до 9,5 тыс.) − фактически стагнация, вызванная урбанизацией (в 1959 г. 47,5 % рождений в городах) и распространением норм малодетности.

Среди русскоязычных территорий Краснодарский край[49] показал рост рождаемости всего на 7,0 % (с 67,0 до 71,7 тыс.) с падением с 1955 г. − сказывались урбанизация и последствия голода 1932−1933 гг. В Ставропольском крае[50] рост рождаемости составил 21,2 % (с 28,3 до 34,3 тыс.), но динамика была неравномерной. В Ростовской области[51] рождаемость увеличилась на 22,5 % (с 57,4 до 70,4 тыс. с резким спадом в 1955−1957 гг.) преимущественно за счет урбанизации (в 1959 г. 53,5 % рождений в городах − самый высокий показатель по Северному Кавказу)[52].

Обобщая, можно отметить, что в 1950-е гг. на Северном Кавказе четко обозначились две основные модели развития рождаемости. Первая − традиционная (Дагестан, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, отчасти Карачаево-Черкессия) − с высокими показателями, продолжавшими расти за счет сохранения семейно-брачных традиций, многодетности и компенсаторной рождаемости после возвращения депортированных. Вторая − модернизационная (Краснодарский, Ставропольский края, Ростовская область, Северная Осетия) − характеризовалась стагнацией, слабым ростом с периодическими спадами, обусловленными урбанизацией и переходом к малодетности.

Характерной особенностью региона в этот период стал эффект реабилитации репрессированных народов как главный драйвер роста рождаемости в ряде автономий. Резкий скачок рождаемости на 70 % в 1957−1959 гг. объясняется восстановлением Чечено-Ингушской, Карачаевской, Балкарской автономий и возвращением сотен тысяч людей. Это не органический, а механический рост за счет увеличения базы. Если исключить административные эффекты, реальный естественный прирост в русскоязычных регионах не превышал 10−15 %, а основной рост обеспечили национальные автономии.

Северный Кавказ в 1950-е годы оставался глубоко аграрным регионом: доля села в рождениях составляла 68,2 % в 1950 г. и 64,0 % в 1959 г. Однако городская рождаемость росла быстрее: +44,4 % (с 65,3 до 98,5 тыс.) против +30,3 % в селе (с 134,4 до 175,1 тыс.)[53].

Проведенный анализ динамики рождаемости на Северном Кавказе в 1930−1950-е гг. показывает, что данный процесс определялся сложным переплетением универсальных закономерностей демографического перехода и специфических социально-политических факторов советской действительности: коллективизации, голода, репрессий и последствий Великой Отечественной войны. Дополнительную вариативность репродуктивному поведению населения придавали региональные социокультурные особенности.

Общая тенденция снижения рождаемости в регионе носила нелинейный прерывистый характер, сочетая долгосрочный модернизационный тренд с компенсационными демографическими реакциями на экстремальные потери и краткосрочными эффектами государственной политики. Эти потрясения существенно деформировали половозрастную структуру населения и надолго нарушили естественный ход воспроизводства.

Важным инструментом воздействия выступала демографическая политика государства. В 1930−1940-е гг. она была направлена преимущественно на усиление административного

[48] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29−31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1−2.
[49] Без Адыгейской АО.
[50] Без Карачаево-Черкесской АО.
[51] В том числе Ростов − город республиканского подчинения с 1945 по 1957 г. и часть районов Каменской области с 1954 по 1957 г.
[52] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29−31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1−2.
[53] Там же.

контроля над репродуктивным поведением. Однако эффект от этих мер оказался неоднозначным и краткосрочным: они не смогли переломить модернизационные тенденции и давали лишь временные всплески рождаемости.

Таким образом, трансформация рождаемости на Северном Кавказе в рассматриваемый период представляет собой противоречивый процесс, в котором объективные модернизационные сдвиги, разрушительные последствия войн и репрессий, а также административные меры государства предопределили незавершенность и деформированность демографического перехода. Именно эта сложная конфигурация факторов заложила основу для межрегиональных различий, сохраняющихся в регионе вплоть до настоящего времени.

Литература

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993. 142 с.

Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.

Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. 224 с.

Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Денисов Б., Сакевич В. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: сб. ст. / под ред. М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 23. С. 192–194.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Жиромская В.Б., Араловец Н.А., Чернышева Н.В. Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг. // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 139–155.

Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2022. № 10. С. 4–43.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Исупов В.А. История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900–1950-е годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 140–153. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с.

Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Северокавказского региона в период голода 1932–1933 годов // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 183–203.

Население и трудовые ресурсы / отв. ред. Г.С. Гужин. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1987. 240 с.

Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959 гг. / отв. ред. В.Б. Жиромская. 416 с.

Ракачев В.Н. Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. 2012. № 7. С. 131–134.

Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2018. 350 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 4: 1935–1939 гг. 983. с.

References

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Khar'kova, T.L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922−1991* [The Population of the Soviet Union, 1922−1991]. Moscow, Nauka. 142 p.

Aralovets, N.A. (2009). *Gorodskaya sem'ya v Rossii, 1927−1959 gg.* [Urban Family in Russia, 1927−1959]. Tula, Grif i K. 304 p.

Berelovich, A., Danilov, V. (Eds.). (2012). *Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. 1918−1939. Dokumenty i materialy: v 4 tomakh. Tom 4: 1935−1939 gg*. [The Soviet Village Through the Eyes of the Cheka−OGPU−NKVD. 1918−1939. Documents and Materials: In 4 volumes. Vol. 4: 1935−1939]. Moscow, ROSSPEN. 983 p.

Denisov, B., Sakevich, V. (2014). Ocherk istorii kontrolya rozhdaemosti v Rossii: bluzhdayushchaya demograficheskaya politika [An Essay on the History of Birth Control in Russia: Wandering Demographic Policy]. In *Denisenko, M.B., Elizarov, V.V. (Eds.). Razvitie naseleniya i demograficheskaya politika. Pamyati A.Ya. Kvashi.* Moscow, MAKS Press. Iss. 23, pp. 192−194.

Guzhin, G.S. (Ed.). (1987). *Naselenie i trudovye resursy* [Population and Labor Resources]. Rostov-on-Don, Izdatelstvo Rostovskogo universiteta. 240 p.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical-Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 244 p.

Isupov, V.A. (2020). Istoriya Zapadnoy Sibiri v kontekste demograficheskoy modernizatsii (1900−1950-e gody) [The History of Western Siberia in the Context of Demographic Modernization (1900−1950s)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1, pp. 140−153. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (date of access 28.06.2026).

Lebina, N.B. (1999). *Povsednevnaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920−1930-e gody* [Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920s−1930s]. St. Petersburg, Letniy sad. 320 p.

Nazarenko, N.N., Bashkin, A.V. (2022). Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Severokavkazskogo regiona v period goloda 1932−1933 godov [Regional Features of Fertility and Mortality of the Population of the North Caucasus Region during the Famine of 1932−1933]. In *Kavkazologiya*. No. 3, pp. 183−203.

Rakachev, V.N. (2012). Golod i ego demograficheskie posledstviya kak rezul'tat gosudarstvennoy politiki khlebozagotovok na Kubani i Stavropol'e v 1930-kh gg. [Famine and Its Demographic Consequences as a Result of the State Grain Procurement Policy in Kuban and Stavropol in the 1930s]. In *Vlast*. No. 7, pp. 131−134.

Rakachev, V.N. (2018). *Naselenie Kubani i Stavropol'ya v 1930-1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of Kuban and Stavropol in the 1930s−1950s: A Historical-Demographic Study]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 350 p.

Verbitskaya, O.M. (1992). *Rossiyskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 40-kh − nachalo 60-kh gg.* [The Russian Peasantry: From Stalin to Khrushchev. Mid-1940s − Early 1960s]. Moscow, Nauka. 224 p.

Vishnevskiy, A.G. (1998). *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [The Sickle and the Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, OGI. 432 p.

Vishnevskiy, A.G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900−2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900−2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 608 p.

Zakharov, S.V. (2022). Istoriya rozhdaemosti v Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu [The History of Fertility in Russia: From Generation to Generation]. In *Demograficheskoe obozrenie*. No. 10, pp. 4−43.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main Trends of Russia's Demographic Development in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 320 p.

Zhiromskaya, V.B. (Ed.). (2021). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. V 3 tomakh* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays. In 3 vols. Vol. 2: 1940−1959]. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Zhiromskaya, V.B., Aralovets, N.A., Chernysheva, N.V. (2024). Demograficheskie parametry rossiyskoy sem'i v 1950-kh gg. [Demographic Parameters of the Russian Family in the 1950s]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 4, pp. 139−155.

В.Б. Жиромская
Н.А. Араловец*

ЗДОРОВЬЕ И МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ РСФСР В 1950–1960-Е ГОДЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-21
УДК 614:94(470)"195/196"

Выходные данные для цитирования:
Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Здоровье и медицинская помощь населению РСФСР в 1950–1960-е годы // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 251–269. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-21.pdf

V.B. Zhiromskaya
N.A. Aralovets*

HEALTH AND MEDICAL CAREFOR THE POPULATION OF THE RSFSR IN THE 1950S AND 1960S**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-21

How to cite:
Zhiromskaya V.B., Aralovets N.A. Health and Medical Care for the Population of the RSFSR in the 1950s and 1960s // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 251–269. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-21.pdf]

Abstract. The article is based on archival and published sources, which makes it possible to study the health status of the Russian population, the main trends in the dynamics of morbidity and mortality, as well as the organization of healthcare and its effectiveness in the 1950s–1960s. The authors note that during the decade under consideration, the RSFSR and the USSR as a whole had a state healthcare system in place. The established system provided social protection for the population, free medical care, state control over its provision, mass vaccination, and a high level of mobilization in emergency situations. In the early post-war years in the RSFSR, along with infectious and parasitic diseases, diseases of the respiratory and digestive systems, and venereal diseases, there were also circulatory system diseases, oncological diseases, diseases of the endocrine system, psychoneurological diseases, and others. However, during the period under study, in the RSFSR, as a result of improved quality of life, the implementation of sanitary and hygienic measures, vaccination and revaccination, the use of effective methods, and active drug treatment, the spread of infectious and parasitic diseases noticeably decreased, especially among children and adolescents. In specialized clinics, dispensaries, and hospitals, which were actively established during these years, patients with pathologies of the circulatory system, oncological and malignant diseases, disorders of the endocrine system, as well as psychoneurological disorders were provided with assistance. Preventive examinations played a significant role in the fight against these diseases, as they made it possible to identify pathological disorders at early stages and start treatment in a timely manner. In the 1960s, a number of serious problems emerged in the healthcare system in the RSFSR. Her work was not sufficiently effective; the level of funding did not meet the needs of modern medicine and medical personnel. Healthcare institutions, personnel, equipment, materials, and medicines were distributed unevenly across

* **Валентина Борисовна Жиромская,** доктор исторических наук, профессор, лауреат Премии Российской академии наук им. В.О. Ключевского, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: zhyromskaya@yandex.ru

Valentina Borisovna Zhiromskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor, Winner of the V.O. Klyuchevsky Prize of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: zhyromskaya@yandex.ru

Наталья Аркадьевна Араловец, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: aralovets@yandex.ru

Natalia Arkadievna Aralovets, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: aralovets@yandex.ru

** Статья подготовлена в ходе работы над проектом многотомного издания «История России». Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0010 «Общество и его социальная структура в российской истории», НИОКТР 125022002763-0).

The article was prepared as part of the work on the project for the multi-volume publication “History of Russia”. The work was carried out within the framework of a state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia for the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (topic 0149-2025-0010 “Society and its social structure in Russian history”, R&D project 125022002763-0).

the country. There was a shortage of the latest medical equipment. In addition, the gap between cities and rural areas remained significant. Acute social problems persisted, primarily the low level of remuneration for medical workers, the shortage of qualified specialists, etc. The environmental situation was deteriorating. Soil, water, and air pollution was increasing, primarily in large cities, which further complicated the situation regarding public health. Furthermore, during this decade, the socio-demographic consequences of the Great Patriotic War continued to be acutely felt, including the enormous damage inflicted on public health. All of this affected the incidence rate and the quality of medical care provided to the population. As a result, the incidence rate declined slowly, and for some types of diseases it actually increased. The incidence and mortality rates of the population rose, primarily due to diseases of the circulatory system and malignant neoplasms.

Keywords: RSFSR, population, health, morbidity, mortality, healthcare, medicine.

The article has been received by the editor on 06.07.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья основывается на архивных и опубликованных источниках, что делает возможным изучение состояния здоровья российского населения, основных тенденций в динамике заболеваемости и смертности, а также организации здравоохранения и ее эффективности в 1950−1960-е гг. Авторы отмечают, что в рассматриваемое десятилетие в РСФСР и в целом в СССР действовала государственная система здравоохранения. Созданная система обеспечивала социальную защиту населения, бесплатную медицину, контроль государства за ее оказанием, массовую вакцинацию, высокий уровень мобилизации в чрезвычайных ситуациях. В первые послевоенные годы в РСФСР наряду с болезнями инфекционными и паразитарными, органов дыхания, пищеварения, венерическими распространялись заболевания системы кровообращения, онкологические, эндокринной системы, психоневрологические и др. Однако в изучаемый период в РСФСР в результате улучшения качества жизни, проводимых санитарно-гигиенических мероприятий, вакцинации и ревакцинации, использования эффективных методов и активного медикаментозного лечения заметно снизилось распространение инфекционных и паразитарных болезней, особенно среди детей и подростков. В специализированных поликлиниках, диспансерах и больницах, активно создававшихся в эти годы, оказывали помощь пациентам с патологиями органов кровообращения, онкологическими и злокачественными болезнями, нарушениями в работе эндокринной системы, а также с психоневрологическими расстройствами. Существенное значение в борьбе с этими болезнями имели профилактические осмотры, позволявшие выявить патологические нарушения на ранних стадиях и своевременно начать лечение. В 1960-е гг. в РСФСР наметился ряд серьезных проблем в системе здравоохранения. Ее работа была недостаточно эффективна, объемы финансирования не соответствовали потребностям современной медицины и медицинских кадров. Учреждения здравоохранения, кадры, оборудование и материалы, лекарства распределялись по территории страны неравномерно. Отмечалась нехватка новейшей медицинской техники. Кроме того, разрыв между городами и сельской местностью оставался значительным. Сохранялись острые социальные трудности, прежде всего низкий уровень оплаты труда медработникам, дефицит квалифицированных специалистов и т.д. Усугублялась экологическая обстановка. Нарастало загрязнение почвы, воды, воздуха в большинстве случаев в крупных городах, что дополнительно осложняло ситуацию с охраной здоровья населения. К тому же в это десятилетие продолжали остро ощущаться социально-демографические последствия Великой Отечественной войны, в том числе огромный ущерб, нанесенный здоровью населения. Все это влияло на уровень заболеваемости и качество оказания медицинской помощи

населению. В итоге заболеваемость сокращалась медленно. Показатели заболеваемости и смертности населения увеличивались прежде всего от болезней системы кровообращения и злокачественных новообразований.

Ключевые слова: РСФСР, население, здоровье, заболеваемость, смертность, здравоохранение, медицина.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026 г.

Изучение состояния здоровья населения РСФСР и организации медицинской помощи всегда актуально и своевременно. Эти проблемы рассматривались специалистами разных областей знания, в том числе историками. В исторической демографии проблемы заболеваемости и смертности, основных показателей состояния здоровья, входят в такое важное исследовательское направление исторической демографии, как изучение закономерностей и особенностей воспроизводства населения. Однако у историков возникают особые сложности в исследовании здоровья населения из-за малочисленности опубликованных источников и невозможности длительное время работать с архивными данными. Все это в полной мере относится к рассматриваемому историческому периоду 1950−1960-х гг.

Исследователи рассматривали отдельные аспекты этой проблемы. Состояние здоровья населения СССР в послевоенный период, влияние Великой Отечественной войны на заболеваемость и смертность изучались А.С. Георгиевским и О.К. Гавриловым[1]. Одновременно историки показали послевоенные изменения в организации и работе учреждений системы здравоохранения[2]. Рассматривалось здоровье инвалидов и оказываемая им помощь[3]. Серьезное внимание было обращено на эффективность медицинской помощи и ее роль в охране здоровья населения[4]. Наряду с этим отечественные исследователи недостаточное внимание уделяли рассмотрению вопросов здоровья и организации медицинской помощи населению в разные хронологические периоды, включая 1950–1960-е гг.

В 1960-е гг. система здравоохранения в РСФСР, в других союзных республиках и в СССР в целом традиционно строилась на ключевых принципах: «научный характер, бесплатность и общедоступность квалифицированной медицинской помощи, профилактическое направление, участие общественности в здравоохранении»[5].

В РСФСР была развита сеть лечебно-профилактических учреждений. Эти учреждения делились на три типа: амбулаторные, стационарные и комбинированные (объединявшие поликлинику и стационар).

В зависимости от стоявших задач среди лечебно-профилактических учреждений в городах и сельских местностях выделялись больницы от небольших до крупных. Существовали также специализированные диспансеры, в основном противотуберкулезные, кожно-венерические, онкологические, психоневрологические и др. Действовали городские и районные поликлиники, амбулатории, врачебные здравпункты на предприятиях. Функционировали учреждения охраны материнства и детства: родильные дома, женские, детские консультации, ясли, дома ребенка, санатории и курорты. Работали лечебные учреждения скорой и неотложной помощи. Имелись учреждения санитарно-противоэпидемического

[1] *Георгиевский А.С., Гаврилов О.К.* Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975.
[2] 50 лет советского здравоохранения, 1917−1967: сб. статей. М., 1967; *Яровинский М.Я.* Здравоохранение Москвы (1581−2000 гг.). М., 1988.
[3] *Мелехов Д.Е.* Врачебно-трудовая экспертиза и трудоустройство инвалидов Отечественной войны с невро-психическими заболеваниями. М., 1945.
[4] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; *Жиромская В.Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений: историко-демографический аспект, 1946−1960. М.; Берлин, 2020; *Араловец Н.А.* Здравоохранение и здоровье населения РСФСР в 1959−1989 гг. М., 2023.
[5] Большая советская энциклопедия (БСЭ). М., 1972. Т. 9. С. 624.

характера, прежде всего центры санитарно-противоэпидемического надзора, дезинфекционные, противомалярийные станции и др.[6]

Созданная сеть лечебно-профилактических учреждений здравоохранения была сложной и разветвленной. Большинство медицинских учреждений подчинялось Министерству здравоохранения СССР, а также союзным республикам. Вместе с тем, лечебно-профилактические учреждения могли относиться к определенным ведомствам, территориям согласно местам жительства пациентов, производству, исходя из места работы.

1 октября 1963 г. в РСФСР была организована и проведена перепись учреждений здравоохранения. В ходе ее проведения отмечалось 96,5 тыс. медицинских учреждений всех типов (табл. 1).

Таблица 1

Медицинские учреждения, подчиненные Министерству здравоохранения РСФСР по данным переписи учреждений здравоохранения на 1 октября 1963 г.

Вид медицинских учреждений	Всего (тыс.)	В том числе подчинено Министерству здравоохранения	
		число (тыс.)	% к общему числу
Всего по РСФСР	96 531	87 717	90,9
Больницы	13 766	12 390	90,0
Диспансеры	1 340	1 321	98,6
Амбулатории и поликлиники	2 871	1 995	69,5
Здравпункты	20 237	16 518	81,6
Судовые медпункты	979	733	74,9
Фельдшерско-акушерские пункты	50 746	49 945	98,4
Санитарно-эпидемиологические станции	28	2 647	92,3
Станции и отделы скорой медицинской помощи	1 107	1 092	98,6
Санатории	1 146	900	78,5
Профилактории	905	170	18,8
Дома отдыха и пансионаты	566	6	1,1

Составлено по: Краткие итоги переписи учреждений здравоохранения РСФСР на 1 окт. 1963 г. М., 1964. С. 3, 38, 40, 48, 65, 72.

Медицинские учреждения также подчинялись Министерству путей сообщения (МПС), Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов (ВЦСПС), особенно санатории, профилактории, дома отдыха, и другим министерствам и ведомствам. Однако численно их было немного. Так, ВЦСПС подчинялось 1,3 тыс. (1,3 %) медицинских учреждений[7].

[6] БСЭ. М., 1974. Т. 15. С. 632.

[7] Краткие итоги переписи учреждений здравоохранения РСФСР на 1 октября 1963 г. М., 1964. С. 619 (подсчеты авторов).

Таким образом, в СССР в целом и в союзных республиках, включая РСФСР, была создана такая государственная система здравоохранения, где большинство лечебно-профилактических учреждений подчинялись Министерству здравоохранения СССР и союзных республик. Однако созданная сеть лечебно-профилактических учреждений была сложной и разветвленной, с разнообразными ведомственными, территориальными и производственными формами их подчинения. Кроме того, сеть здравоохранения состояла из различных типов медицинских учреждений.

Созданная система медицинской помощи населению гарантировала социальную защиту населению, бесплатную медицинскую помощь, государственный контроль за условиями ее оказания, массовую иммунизацию. Следует отметить и высокую мобилизационную готовность системы здравоохранения, в том числе в чрезвычайных и военных условиях. Правительство принимало государственные меры по улучшению медицинского обслуживания населения. 14 января 1960 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания населения и охране здоровья населения СССР»[8].

В то же время развитие системы здравоохранения шло экстенсивно, в основном за счет увеличения численности больниц, коек, врачей и среднего медицинского персонала. Важно подчеркнуть также укрепление материально-технической базы медицинских учреждений. Однако в системе здравоохранения не было экономических стимулов, повышавших эффективность работы, не формировалась конкурентная среда, не развивались дополнительные платные услуги и система медицинского страхования, что в совокупности снижало общую результативность системы.

В 1960-е гг. в РСФСР имевшиеся противоречия и негативные явления в системе здравоохранения проявлялись особенно сильно. Такие проявления были связаны прежде всего с низкоэффективным управлением здравоохранения, неравномерным распределением медицинских кадров, а также современной техники и аппаратуры по территории всей страны. К тому же существовавшее распределение осуществлялось с заметным перекосом в пользу городов. Здравоохранение не получало необходимого финансирования для эффективной работы. Все это порождало социальные проблемы: низкую заработную плату медработников, общее снижение качества медицинских услуг, острую нехватку медоборудования, включая новейшие образцы. Перепись учреждений здравоохранения 1963 г. показала, что из-за дефицита кадров и отсутствия подходящих помещений в РСФСР не работало 3,4 тыс. лечебно-профилактических учреждений (врачебные и фельдшерские пункты, фельдшерско-акушерские пункты, колхозные родильные дома, здравпункты при предприятиях, трахоматозные пункты). Большинство из них располагались именно в сельской местности и подчинялись Министерству здравоохранения.

В РСФСР значительная неравномерность в размещении сети медицинских учреждений, существенные различия в доступности медицинской помощи населению особенно остро отмечались в Тюменской, Костромской, Саратовской, Калужской, Новгородской и Астраханской областях, а также в Карельской АССР. Кроме того, были весьма ощутимы существовавшие разрывы в уровне медицинского обслуживания между отдельными районами.

Неравномерное распределение медицинских учреждений в отдаленных российских регионах, таких как, например, Сибирь и Дальний Восток, усугублялось значительной удаленностью населенных пунктов друг от друга. Это явление существенным образом затрудняло доступ населения к своевременной, квалифицированной медицинской помощи, что вызывало его острую неудовлетворенность[9].

В 1947−1949 гг. система здравоохранения в СССР была реорганизована: поликлиники и больницы объединялись в единые учреждения. К тому же в областных, краевых, республиканских и центральных районных больницах поликлиника входила в структуру лечебно-

[8] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов за 50 лет (1968). М., 1968. Т. 4. С. 784.
[9] Краткие итоги переписи учреждений здравоохранения… С. 619.

профилактического учреждения и была его неотъемлемой частью. В отличие от них, в городах поликлиника в больнице могла не создаваться. Наряду с этим в эти годы в РСФСР доминировали именно объединенные больничные учреждения. Такое объединение предоставляло возможность пациентам получать стационарную и амбулаторную помощь в одном месте, повышало доступ и качество медицинской помощи населению и считалось оптимальным.

Следует также иметь в виду, что в эти годы в РСФСР отмечалось ухудшение экологических условий жизни населения. Уровень загрязнения окружающей среды, прежде всего в крупных городах, заметно возрастал и сопровождался повышением заболеваемости болезнями системы органов кровообращения и онкологического происхождения, а также смертности от них.

Важно отметить сохранение влияния последствий Великой Отечественной войны на здоровье населения и функционирование пострадавшей в военные годы системы медицинского и санитарно-гигиенического обслуживания населения. Все это отражалось на снижении биологического тонуса большинства российского населения и приводило к ухудшению состояния здоровья.

Данные статистики зафиксировали в РСФСР инфекционные и паразитарные заболевания, новообразования, болезни системы кровообращения, эндокринной системы, органов дыхания, пищеварения, беременности и родов, врожденные аномалии, а также травмы и т.д. В СССР фиксировалось распространение аналогичных болезней.

Инфекционные и паразитарные болезни активно развивались в антисанитарных условиях проживания населения. Наряду с этим, развитие системы здравоохранения и принимаемые меры по улучшению условий жизни российского населения в РСФСР способствовали снижению показателей заболеваемости инфекционными и паразитарными болезнями. Важнейшую роль играла широкомасштабная вакцинация и регулярная ревакцинация, что позволило заметно ограничить распространение наиболее опасных инфекционных болезней, как дифтерия, коклюш, скарлатина, брюшной тиф, паратифы А и В, бруцеллез и трахома, а также ряда других инфекций, прежде всего среди детей в возрасте до 14 лет.

Однако в середине 1950-х гг. фиксировалось увеличение распространения кори в Азербайджане (в 1956 г. к 1955 г. на 116,0 %) и особенно в Эстонии (соответственно на 148,0 %). В эти годы повысилась заболеваемость скарлатиной в Литве (на 101,5 %), Латвии (на 105,9 %), Узбекистане (на 115,2 %), Эстонии (124,4 %) и Азербайджане (на 131,1 %). Отмечалось увеличение распространения коклюша в Киргизии (102,2 %), Армении (150,2 %), Туркмении (236,4 %). Распространение дифтерии фиксировалось на Украине (на 104,9 %), в Армении (109 %), Туркмении (на 114,5 %), Белоруссии (на 115,3 %), Узбекистане (на 127,3 %), Таджикистане (на 133,6 %). Заметно развивался полиомиелит, прежде всего в Таджикистане: РСФСР (на 107,4 %), Эстония (на 122,8 %), Узбекистан (169,4 %), Литва (186,4 %), Азербайджан (188,9 %), Таджикистан (561,1 %). Возрастали брюшной тиф и паратиф в Таджикистане (на 112,2 %) и Эстонии (на 141,5 %). Фиксировался рост сыпного тифа в Белоруссии (на 104,0 %), на Украине (на 111,1 %), в Латвии (на 118,1 %), Казахстане (на 146,8 %)[10]. Таким образом, в середине 1950-х гг., несмотря на общее снижение инфекционных болезней, во многих союзных республиках, преимущественно Средней Азии и Закавказья, отмечалось их распространение, прежде всего полиомиелита.

Проведение в СССР масштабных противомалярийных мероприятий значительно понизило заболеваемость населения *малярией*. В РСФСР это понижение также проявилось. Однако в 1960-е гг. в РСФСР видно увеличение показателей заболеваемости населения вирусным гепатитом (табл. 2).

[10] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 316. Л. 35–38 об. (подсчеты авторов).

Таблица 2

Показатели инфекционной заболеваемости населения РСФСР в 1950–1960-е гг.

Болезнь	Число заболевших на 100 000 человек населения	
	1951−1955	1961−1965
Малярия	57,5	0,06
Вирусный гепатит	102,1	212,2

Составлено по: *Васильев К.Г.* История эпидемий и борьбы с ними в России в XX столетии. М., 2001. С. 186, 189, 190, 213; *Бургасов П.Н.* Состояние и перспективы дальнейшего снижения инфекционной заболеваемости в СССР. М., 1987. С. 68.

В то же время в 1960-е гг. снижалась заболеваемость населения полиомиелитом (табл. 3).

Таблица 3

Уровень заболеваемости населения в городах и сельских местностях РСФСР полиомиелитом в 1950−1960-е гг.

Болезнь	Число заболевших на 100 000 человек населения			
	1959		1965	
	город	сельская местность	город	сельская местность
Полиомиелит	8,4	4,8	0,1	0,1

Составлено по: Васильев К.Г. История эпидемий и борьбы с ними в России в XX столетии… С. 186,189, 190, 213.

Данное снижение заболеваемости объяснялось прежде всего вакцинацией детей в возрасте до 5 лет.

В 1960-е гг. в СССР после длительного перерыва появилась *азиатская холера*: в 1965 г. она фиксировалась в Узбекистане. В эти годы также получили развитие *корь* и *скарлатина*, прежде всего среди детского населения. Осенью и зимой, помимо гриппа, отмечались другие *острые респираторные вирусные инфекции*, а также *инфекции верхних дыхательных путей*.

Наиболее распространенными инфекционными заболеваниями корью, скарлатиной, ветряной оспой, эпидемическим паротитом, полиомиелитом преимущественно болели дети в возрасте до 14 лет. Кроме того, высокий уровень детской заболеваемости был связан с такими болезнями, как дизентерия, инфекционный гепатит, гастроэнтероколит, менингококковая инфекция, церебральный менингит и острые инфекции верхних дыхательных путей. В структуре заболеваемости взрослого населения превалировали малярия, грипп и геморрагические лихорадки (группа вирусных заболеваний)[11].

В РСФСР и в СССР в целом сокращение распространения инфекционных болезней было обусловлено активным медикаментозным лечением в специализированных больницах. Больные опасными инфекциями в основном госпитализировались. Однако решающую роль в борьбе с инфекционными заболеваниями играли профилактические мероприятия, прежде всего массовая вакцинация и ревакцинация населения, вакцинация детей против оспы, дифтерии, коклюша, туберкулеза, брюшного тифа, сибирской язвы, туляремии, гриппа, бруцеллеза, бешенства и т.д.

[11] *Бароян О.В.* Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968. С. 55−57, 62, 92−94, 99, 101, 108−112, 172−173; *Бароян О.В.* Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека: заболеваемость в зарубежных странах. М., 1967. С. 121, 126−127, 129−130, 133−134, 136−138, 167−168, 184−189, 269−271.

Особое место в истории борьбы с инфекционно-эпидемическими заболеваниями занимают локализация и подавление вспышек опаснейших эпидемических заболеваний − оспы и холеры.

Вспышка натуральной (черной) оспы произошла в Москве в декабре 1959 − феврале 1960 г. 29 декабря 1959 г. художник А.А. Кокорекин возвратился в Москву из Индии, где был в командировке. В Индии он присутствовал на похоронах человека, умершего от оспы, и приобрел несколько вещей покойного. Кокорекин был привит от оспы ранее и повторил прививку перед командировкой. Однако реакции на повторную прививку не было, видимо, она была неудачна. Это не насторожило художника. Вскоре по возвращении он почувствовал себя плохо, был госпитализирован в Боткинскую больницу, где и скончался 29 декабря. Диагноз «оспа» не был поставлен, подозревали грипп и тяжелые аллергические реакции на лекарства. Но к середине января 1960 г. инкубационный период у заразившихся от Кокорекина закончился и стали обнаруживаться заболевшие. Тогда и было установлено, что это оспа. Круг общения художника и его семьи был широк. Заболевали и находились под угрозой заболевания его родственники, друзья, коллеги, медицинский и обслуживающий персонал Боткинской больницы, больные, находившиеся в Боткинской, пассажиры, летевшие с Кокорекиным в самолете, сотрудники и посетители магазинов, косметических кабинетов и даже Сандуновских бань − все, кто оказывался в местах посещения семьи художника, его коллег и знакомых. 14 января, когда был установлен грозный диагноз, была разработана беспрецедентная система противоэпидемических мер.

Решением исполкома Моссовета от 15 января 1960 г. была организована городская чрезвычайная противоэпидемическая комиссия. Приказом Минздрава РСФСР была создана республиканская чрезвычайная противоэпидемическая комиссии[12].

Был выявлен круг контактировавших с художником, его семьей и пр., выявлены очаги возможного заражения − семья художника и круг общения членов семьи, Боткинская больница, ряд учреждений и учебных заведений города Москвы, где работали или учились контактировавшие с Кокорекиным.

Все зараженные и потенциально зараженные были на карантине. Около 1 500 человек имели первичные контакты с заболевшими, всего же на карантине находились более 9 000 человек. Многие из находящихся на карантине были размещены в стационарах (прежде всего те, кто имел первичные контакты), остальные находились под наблюдением на дому. Наблюдение продолжалось 14 дней.

Были установлены лица, контактировавшие с художником и выехавшие в другие города. Они также были обследованы. Случаев заражения в других городах не было. Санитарный контроль был установлен на железных дорогах, автомобильных трассах, в аэропортах.

Против натуральной оспы была развернута кампания вакцинации. Миллионы доз противооспенной сыворотки были предоставлены Московской городской санитарно-эпидемиологической станцией, Институтом эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи, Томским и Ташкентским институтами вакцин и сывороток и Краснодарской краевой санитарно-эпидемиологической станцией. 21 января, менее чем за неделю прививочной кампании, было вакцинировано более 8 млн человек[13], в целом около 10 млн человек − 5,6 млн москвичей, остальные − жители Подмосковья. Прививки ставились и взрослым, и детям начиная с 2-месячного возраста. Массовую вакцинацию осуществляли на 3,4 тыс. прививочных пунктах. В работе было задействовано 27 тыс. медицинских работников. Была проведена дезинфекция квартир людей, контактировавших с Кокорекиным и его окружением.

В итоге заболело 46 человек, из них умерло 3[14].

[12] *Редичкина О.В.* Вспышка оспы в Москве в 1959−1960 // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/vspyshka-ospy-v-moskve-v-1959-1960-c9dd9b (дата обращения: 12.04.2026); *Серенко А.Ф.* Заносные вспышки натуральной оспы. М., 1962. С. 68−69.

[13] *Зуев В.А.* Воспоминания: последняя вспышка натуральной оспы в Москве // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2022. № 1−2. С. 179.

[14] *Серенко А.Ф.* Заносные вспышки натуральной оспы… С. 61.

Последний случай заболевания зафиксирован 3 февраля 1960 г. За 19 дней противоэпидемических мер удалось подавить вспышку оспы и не допустить эпидемии.

Вспышка *холеры* произошла в 1965 г. на территории Каракалпакской АССР и в Хорезмской области (Узбекская ССР)[15]. Сначала (в июле) острые кишечно-желудочные расстройства, в ряде случаев со смертельным исходом, диагностировались как отравления. Но в августе был лабораторно подтвержден диагноз «холера». В августе 1965 г. карантин был объявлен на всей территории Каракалпакстана. В Каракалпакскую АССР приехали медики и эпидемиологи из Узбекистана и других республик и регионов СССР. Были введены контрольно-пропускные и санитарно-карантинные пункты, на базе имевшихся стационарных клиник созданы специальные холерные и провизорные госпитали. Проводилась и противохолерная вакцинация, охватившая 80 % населения Каракалпакстана, были организованы санитарные противоэпидемические мероприятия, дезинфекции. В сентябре было объявлено о прекращении случаев заболевания. В итоге случаи заболевания были подтверждены у 536 человек в Каракалпакской АССР и сверх того выявлено 67 вибриононосителей, в Хорезмской области заболело 39 человек[16]. Были единичные случаи заболеваний в Сурхандарьинской и Бухарской областях. В большинстве случаев больные вылечены, однако зафиксировано несколько десятков смертей.

Это была первая вспышка холеры в СССР в условиях VII пандемии холеры Эль-Тор, которая охватила, начиная с 1961 года, уже многие страны мира. Но в СССР распространения этой болезни не было допущено.

В СССР в целом и в союзных республиках сохранялась опасность заболеваемости населения *активными формами туберкулеза*, особенно в городах. Туберкулез, в том числе активный, поражал разные органы: дыхания, кости и суставы, пищевод, глаза и др. В составе этих форм туберкулеза преобладал туберкулез органов дыхания. Число пациентов с диагностированной впервые в жизни формой активного туберкулеза органов дыхания оставалось очень высоким (табл. 4).

Таблица 4

Больные с впервые в жизни установленным диагнозом активной формы туберкулеза органов дыхания в городах и сельских местностях РСФСР в 1950–1960-е гг., в %

Болезнь	1959		1965	
	город	сельская местность	город	сельская местность
Активный туберкулез органов дыхания	81,7	82,8	82,1	86,6

Составлено по: Авцын А.П. Введение в географическую патологию. М., 1972. С. 70; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 944. Л. 4–5 об.; Оп. 44. Д. 2774. Л. 15, 16 (подсчеты авторов).

Наряду с этим в 1960-е гг. заболеваемость населения активной формой туберкулеза сокращалась, особенно в городах (табл. 5).

Снижение показателей заболеваемости населения туберкулезом было обусловлено совокупностью социальных и медицинских факторов. В рассматриваемые годы улучшалось качество жизни населения. Одновременно разрабатывались и применялись эффективные методы лечения. Пациенты с туберкулезом состояли на учете в профильных противотуберкулезных диспансерах, где проходили лечение. В условиях угрозы распространения активного туберкулеза среди населения медики проводили профилактические осмотры и взрослых, и детей. Такие осмотры давали возможность выявлять больных туберкулезом на ранних стадиях.

[15] Холера в СССР в период VII пандемии. М., 2000. С. 29, 33.
[16] Там же. С. 28−60.

Таблица 5

Уровень заболеваемости населения в городах и сельских местностях РСФСР с активной формой туберкулеза, установленной впервые в жизни, в 1960-е гг.

Болезнь	Число заболевших на 100 000 человек населения					
	1960	1965	1960		1965	
	РСФСР	РСФСР	город	сельская местность	город	сельская местность
Активный туберкулез органов дыхания	155,3	117,6	170,3	112,3	137,4	125,3

Составлено по: Заболеваемость населения СССР туберкулезом и смертность от него: стат. сб. М., 1974. С. 3, 5–8.

Люди, страдавшие туберкулезным заболеванием, получали разнообразное лечение: антибактериальными препаратами, искусственным пневмотораксом (введение воздуха в плевральную полость), искусственным пневмоперитонеумом (введение газа). Проводилась хирургическая помощь, особенно больным туберкулезом легких. В эти годы медики использовали торакопластику, пульмонэктомию, лобэктомию и иные виды резекции легочной ткани.

Лечение туберкулеза было длительным. Средняя продолжительность стационарного лечения взрослых и подростков с туберкулезом составляла от 2 до 4 месяцев. По завершении лечебного курса в больнице пациенты в большинстве случаев продолжали терапию в специализированных санаториях.

В очагах распространения туберкулеза специалисты реализовывали комплекс санитарно-гигиенических мер. В их число входила дезинфекция помещений, а также мероприятия по выявлению и изоляции лиц с активной формой заболевания. Особое внимание уделяли случаям, когда больные проживали в общежитиях или многонаселенных квартирах, где находились дети. Тем не менее практика изоляции применялась не в полной мере, что существенно усиливало риски дальнейшего распространения инфекции.

Разнообразие применяемых лечебных подходов способствовало снижению численности пациентов с активными формами туберкулеза.

Одновременно в стране отмечался рост заболеваемости венерическими болезнями. Этому содействовали миграционные потоки: в города прибывали на работу и учебу мужчины и женщины преимущественно молодого репродуктивного возраста. Дополнительным фактором риска выступал невысокий уровень сексуальной культуры в обществе. Наиболее распространенными венерическими заболеваниями были сифилис и гонорея. Следует отметить, что уровень заболеваемости в городских районах заметно превышал показатели сельской местности.

Данные статистики венерологических учреждений РСФСР показывают устойчивую тенденцию в 1960-е гг. к концентрации новых случаев заболеваний в городах (табл. 6).

Таблица 6

Больные с впервые в жизни установленным диагнозом венерического заболевания в городах и сельских местностях РСФСР в 1950−1960-е гг., в %

Болезнь	1959		1965	
	город	сельская местность	город	сельская местность
Венерические болезни	73,6	26,4	87,6	12,4

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 944. Л. 1–2; Оп. 44. Д. 2732. Л. 13, 21 об.; Д. 2745. Л. 2–2 об.; Д. 2774. Л. 1, 3–3 об., 4–4 об., 7, 8.

Таким образом, в 1960-е гг. в российских городах пациенты с впервые установленным диагнозом венерического заболевания численно преобладали среди всех впервые выявленных больных.

Кожно-венерологические учреждения проводили большую работу по обследованию населения, выявлению венерических больных, их контактов, источников заражения. В 1965 г. специалисты российских кожно-венерологических учреждений осмотрели на венерические заболевания: взрослых – 29,9 %, подростков (15−17 лет) – 12,1 %, детей (до 14 лет) – 58,0 %[17]. Пациенты с заразными формами данных заболеваний госпитализировались в первые сутки после установления диагноза. Впоследствии в РСФСР уровень заболеваемости снижался.

Таким образом, в РСФСР уделялось серьезное внимание к профилактике, выявлению и лечению инфекционных и паразитарных болезней, что замедляло их распространение.

В СССР в целом, а также в РСФСР и в других союзных республиках усиливалось загрязнение атмосферы, почвы, воды. Ухудшение экологической ситуации, введение в действие новых промышленных производств, недостаточно оснащенных очистными сооружениями, в том числе аспирационными и фильтрационными системами, способствовали быстрому распространению сердечно-сосудистых и онкологических болезней. Наряду с этим, многочисленные исследования показали комплексное влияние условий жизни и труда, быта, наследственности на их возникновение и развитие.

Исследователи доказали негативное воздействие на сосуды и развитие сердечно-сосудистой патологии злоупотребления алкоголем. Усиление эмоционального напряжения, особенно в крупных городах, также способствовало возникновению и развитию заболеваемости населения сердечно-сосудистыми болезнями. Показателен пример Москвы: у горожан инфаркт миокарда в возрасте 40 лет фиксировался в 2,5–3 раза чаще, чем у жителей других городов.

Среди сердечно-сосудистых патологий основное место занимали ишемическая болезнь сердца и атеросклероз. Факторами их возникновения были заметное увеличение холестерина в составе крови из-за калорийного питания, наличие у больных артериальной гипертонии, курение. Сочетание данных факторов значительно повышало риск возникновения ишемической болезни сердца и атеросклероза – например, ишемической болезни сердца в 18 раз.

Проведенные обследования показали высокий уровень инвалидности населения по причине сердечно-сосудистых болезней. В 1963 г. в Краснодаре на 10 000 рабочих и служащих было 214 инвалидов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. В возрастном составе инвалидов преобладали пожилые люди: мужчин в возрасте 60 лет и старше было 57,2 %, женщин − 71,1 %[18]. Важно отметить, что распространение сердечно-сосудистой патологии определялось увеличением в возрастном составе населения РСФСР пожилых людей.

Данный фактор способствовал развитию и онкологических заболеваний в стране. В СССР на 100 000 человек населения больные с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования составляли в 1960 г. 120,7 %. В СССР широкое распространение получили злокачественные новообразования желудка, гортани, бронхов, трахеи, легких, кожи. В РСФСР широкое распространение имел рак желудка, матки, кожи (табл. 7).

Вместе с тем в 1965 г. видно уменьшение числа пациентов со злокачественными новообразованиями желудка, матки, кожи, пищевода и повышение злокачественных новообразований органов дыхания и других органов.

[17] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 944. Л. 1−2; Оп. 44. Д. 2732. Л. 13, 21 об.; Д. 2745. Л. 2−2 об.; Д. 2774. Л. 1, 3−3 об., 4−4 об., 7, 8.

[18] *Авцын А.П.* Введение в географическую патологию. М., 1972. С. 76, 78−79, 81; *Бедный М.С.* Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979. С. 212, 223; Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни. М., 1975. С. 323; *Якобашвили В.А.* Сердечно-сосудистые заболевания как причина инвалидности рабочих и служащих в Краснодаре // Здравоохранение Российской Федерации. 1965. № 9. С. 17; Отношение человека к здоровью. М., 1984. С. 22.

Таблица 7

Больные злокачественными болезнями в РСФСР в 1950−1960-е гг., в %*

Злокачественные новообразования	1959	1965
Желудка	32,6	29,8
Матки	15,7	9,2
Кожи	13,4	11,0
Бронхов, легких, плевры	7,3	11,7
Пищевода	4,7	4,3
Других органов	10,3	20,5

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 937. Л. 1 об., 3−4 об. (подсчеты авторов); Д. 944. Л. 12−12 об.; Оп. 44. Д. 2774. Л. 24 об. (подсчеты авторов); *Авцын А.П.* Введение в географическую патологию. М., 1972. С. 82, 83.
* % от числа взятых на учет больных с впервые в жизни установленным диагнозом.

Мужчины болели онкологическими заболеваниями в целом реже женщин, за исключением пожилых возрастов. Следует отметить, что мужчины и женщины с онкологическими болезнями были практически во всех возрастах. Однако с повышением возраста отмечалось численное увеличение таких больных. Данная тенденция носила устойчивый характер.

Пациенты со злокачественными болезнями отмечались и в городах, и в сельских местностях. Однако в городах, особенно крупных индустриальных, их число было значительно выше.

Важную роль в раннем выявлении злокачественных заболеваний играли профилактические осмотры как городского, так и сельского населения. Обязательному осмотру подлежали женщины в возрастах 30 лет и старше, мужчины − 35 лет и старше.

Их профилактика, лечение и последующее наблюдение велись в специализированных поликлиниках, а также в диспансерах и больницах. Онкологические больные проходили специальное лечение: только хирургическое, только лучевое, комбинированное (хирургическое и лучевое), химиотерапевтическое и комплексное. Однако в эти годы из разработанных медиками методов лечения злокачественных новообразований преобладали хирургический и лучевой, причем в основном рентгеном[19].

В РСФСР в условиях нараставших экологических проблем, особенно в промышленно развитых городах, развивались заболевания эндокринной системы, в том числе болезни, связанные с увеличением щитовидной железы. Эти заболевания были характерны и для взрослого, и для детского населения. Тем не менее взрослые болели ими чаще детей. В 1965 г. в городах РСФСР среди обследованного населения было выявлено больных с увеличением щитовидной железы: взрослых − 57,8 %, детей дошкольного возраста − 5,3 %, школьников − 36,9 %; в сельских местностях соответственно − 55,8; 0,6; 43,6 %[20]. В 1960-е гг. в РСФСР одной из мер борьбы с увеличением щитовидной железы была йодная профилактика. В СССР применялись аналогичные меры.

Рост числа крупных городов, ускорение темпов жизни, усложнение информационных потоков, психологический дискомфорт влияли на психическое состояние населения, вызывали психоневрологические болезни. Медики отмечали зависимость этого класса заболеваний от изменений характера труда, образа жизни населения. В РСФСР широкое распространение получила шизофрения и алкогольные психозы (алкогольный делирий или белая горячка, алкогольный галлюциноз, алкогольные бредовые психозы). Это явление зафиксиро-

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 934. Л. 4−4 об.; Оп. 44. Д. 2733. Л. 14, 19; Д. 2746. Л. 5−8.
[20] Там же. Оп. 44. Д. 2750. Л. 3−4 об.

вано в данных отчета о деятельности в РСФСР самостоятельных городских и сельских психоневрологических учреждений[21].

Больные психиатрическими заболеваниями получали медицинскую помощь в стационарах, в том числе дневных, а также в поликлиниках, амбулаториях, диспансерах и т.д. Проводились хирургические операции, в том числе на головном и спинном мозге, на периферийных нервах. Кроме того, больные работали в специализированных лечебно-трудовых мастерских и на дому. Следует отметить, что у части больных состояние здоровья улучшалось настолько, что они возвращались к трудовой деятельности. Однако многие больные находились на патронаже (в том числе у родственников, в других семьях, на колхозном патронаже), а также под опекой.

В РСФСР развитие промышленного производства, внедрение новой техники и оборудования, их усложнение увеличивали случаи производственного травматизма. Их изучение показало прежде всего непосредственную связь случаев производственного травматизма с многочисленными нарушениями работниками правил техники безопасности, трудовой и производственной дисциплины, низким уровнем квалификации и профессионализма, а также равнодушным отношением к порученному делу.

В РСФСР министерства и ведомства вкладывали немалые финансовые средства в технику безопасности, на улучшение санитарно-бытовых условий на производстве, а также на предупреждение несчастных случаев и заболеваний на производстве. Тем не менее производственный травматизм оставался серьезной проблемой.

В эти годы в РСФСР смертность населения имела в целом стабильный характер. В конце 1950-х гг. в РСФСР фиксировалась разница в показателях смертности между городскими и сельскими территориями. В 1965 г. эта разница оставалась характерной. Смертность городских жителей по сравнению с населением сельских местностей и РСФСР была ниже. Данные статистики показали, что наиболее высокий уровень смертности был в сельских местностях (табл. 8).

Таблица 8

Показатели смертности городского и сельского населения РСФСР в 1950−1960-е гг.

	Число умерших на 1 000 человек населения					
	1959	1965	1959	1965	1959	1965
	РСФСР		Город		Сельская местность	
Показатели смертности	7,8	7,6	7,0	6,9	8,7	8,6

Составлено по: Основные показатели здравоохранения в СССР (подготовлены в ЦСУ СССР): июль 1968 г. С. 112–113.

В РСФСР отмечались изменения основных классов причин смерти населения. В городах и сельских местностях среди причин смерти доминировали болезни сердечно-сосудистой и онкологической патологии. Однако в городах их показатели были выше (табл. 9). Преобладание в городах и сельских местностях таких причин смерти объяснялось усилением негативных факторов, влиявших на окружающую природную среду и состояние здоровья человека. Вместе с тем, как отмечалось, сказывалось повышение в возрастно-половом составе населения средних и пожилых возрастов. Такое повышение свидетельствовало о старении населения. В эти годы в РСФСР уровень смертности населения от несчастных случаев, отравлений и травм непроизводственного характера был намного выше по сравнению с показателями смертности от болезней органов дыхания, пищеварения, инфекционных и паразитарных болезней. В СССР отмечалось аналогичное явление (табл. 9).

[21] РГАЭ. Ф. 1562.Оп. 27. Д. 933. Л. 3 об.; Оп. 44. Д. 2734. Л. 17 об.; Д. 2754. Л. 3−3 об., 4; Д. 2755. Л. 2−2 об.; Заболеваемость населения СССР туберкулезом и смертность от него: стат. сб. М., 1974.; Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни… С. 266, 283, 328.

Таблица 9

Основные причины смерти населения РСФСР и СССР в 1960-е гг.

Причины смерти от болезней	Число умерших на 100 000 человек населения:	
	РСФСР	СССР
Сердечно-сосудистых	341,7	321,4
Злокачественных новообразований	141,8	124,3
Несчастных случаев, отравлений и травм	102,3,	86,9
Органов дыхания	60,7	70,3
Органов пищеварения	23,1	24,9
Инфекционных и паразитарных	28,9	32,9

Составлено по: Основные показатели здравоохранения в СССР (подготовлены в ЦСУ СССР): июль 1968 г. С. 112–113.

В городах РСФСР особой проблемой был производственный травматизм. Один из факторов этого явления – нарушение техники безопасности. Показатели смертности мужчин и женщин от производственных травм и отравлений повышались в молодых и особенно в средних возрастах.

В РСФСР повышалась продолжительность жизни населения. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла (лет): в 1958−1959 гг. в РСФСР − 67,9, в городах − 67,9, в сельских местностях − 67,8; в 1965−1966 гг. − 69,5, 69,4, 69,1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении выросла в РСФСР на 1,6 года, в городах − на 1,5 года, в сельских местностях − на 1,3 года. Увеличение ее показателей было характерно для мужчин (соответственно 62,9; 63,0; 62,9; 64,3; 64,6; 63,3 года) и особенно для женщин (71,5; 71,5; 71,3; 73,4; 73,1; 73,5 года)[22]. В указанный период также отмечался рост продолжительности жизни населения.

Высокие показатели средней продолжительности жизни населения, снижение уровня смертности, изменения в структуре причин смерти соответствовали развитию нового типа смертности. Этому явлению соответствовали особенности заболеваемости и смертности детей.

Состояние здоровья детей не всегда соответствовало принятым нормам. Осмотры детей в детских больницах РСФСР выявляли детей с пониженной остротой зрения, слуха, аномалиями речи и т.д.[23] Дети часто заболевали, как отмечалось, инфекционными болезнями, особенно корью, скарлатиной, дифтерией, коклюшем, дизентерией, полиомиелитом острым, ветряной оспой, токсической диспепсией и др. Однако заболеваемость детей туберкулезом, в том числе в возрасте до 1 года, а также подростков, была незначительной. В изучаемые годы преодоление туберкулеза было обусловлено применением современных на тот момент методов лечения. Дети в возрасте до 14 лет включительно, у которых диагностировали любые формы туберкулеза, проходили в больничных учреждениях необходимый терапевтический курс. Продолжительность лечения определялась тяжестью и формой заболевания и варьировалась в широких пределах − от менее чем 2 месяца до 8 месяцев и более.

Ключевым элементом противотуберкулезного лечения оставалась вакцинация детей. Охват прививками и ревакцинацией новорожденных показывал устойчивую положительную динамику: в РСФСР доля вакцинированных среди родившихся составила 86,6 % в 1960 г.

[22] Российский статистический ежегодник, 2001: стат. сб. М., 2001. С. 125.
[23] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 935. Л. 4 об.; Д. 936. Л. 4 об.; Д. 944. Л. 10; Оп. 44. Д. 2714. Л. 36.

и выросла до 93,4 % к 1965 г. Близкие показатели фиксировались в масштабах всего СССР – 85,0 % в 1960 г. и 91,4 % в 1965 г.[24]

Дети в возрастах до 1 года и от 1 года до 2 лет болели гастроэнтеритами и колитами (кроме язвенных) неинфекционной этиологии[25].

Данные статистики показали распространение у детей трахомы. На конец 1959 г. в РСФСР число детей до 6 лет среди всех больных трахомой достигало 10,1 %, а детей в возрасте от 7 до 14 лет − 18,5 %. При этом в масштабах всего СССР показатели заболеваемости трахомой у детей были выше, чем в РСФСР: больные дети составляли 12,5 %.

Школьники, особенно старших классов, преимущественно болели гриппом, катаром верхних дыхательных путей, ангиной. Второе место в структуре заболеваемости школьников занимали травмы и болезни носа и носоглотки (ринит). На третьем месте находились болезни органов пищеварения. Обследование школьников также выявило такое заболевание, как ревматизм, однако оно встречалось только у девочек. Наряду с этим у школьников были обнаружены проблемы с сердечно-сосудистой системой, выражавшиеся в повышении артериального давления. В рассматриваемые годы медики связывали возникшие проблемы с избыточной массой тела школьников, курением, а также с умственной или физической перегруженностью и т.д[26]. У детей диагностировались и онкологические болезни.

Диспансерное наблюдение рабочих-подростков свидетельствовало о распространении болезней носа и носоглотки, отитов, ревматизмов, эндокринной системы, заболеваний органов пищеварения, инфекционных болезней[27].

Наряду с этим в РСФСР смертность младенцев в возрасте до 1 года сохраняла высокие значения, особенно в сельских местностях, однако ее показатели понижались (табл. 10).

Таблица 10

Смертность младенцев в возрасте до 1 года
в городах и сельских местностях РСФСР в 1960-е гг.

Смертность младенцев в возрасте до 1 года	Число умерших младенцев в возрасте до 1 года на 1 000 родившихся живыми					
	1960	1965	1960	1965	1960	1965
	РСФСР		город		сельская местность	
Показатели смертности	36,6	26,7	34,9	26,6	38,1	26,4

Составлено по: Демографический ежегодник России, 2002: стат. сб. М., 2003. С. 183.

В городах РСФСР младенцы в возрасте до 1 года в основном умирали от заболеваний органов дыхания, инфекционных, а также токсической диспепсии. В то же время показатели смертности младенцев от воспалений легких самые высокие. Высокий уровень их смертности также зависел от болезней, обусловленных здоровьем матери: родовых травм, преждевременного рождения, врожденных пороков развития и т.д. Важно отметить, что в 1960-е гг. уровень младенческой смертности от этих причин смерти сокращался (табл. 11).

Ухудшение экологической обстановки, особенно в городских районах, стало одним из факторов роста младенческой смертности от патологий, нетипичных для раннего возраста − в частности, от заболеваний кровеносной системы и онкологических болезней. При этом в сельской местности показатели смертности младенцев от этих заболеваний превышали городские и среднереспубликанские значения по РСФСР.

[24] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2773. Л. 12−54; Д. 2775. Л. 1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28, 34; Оп. 47. Д. 1539. Л. 140−149, 212 (подсчеты авторов); Заболеваемость населения СССР… С. 60.
[25] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2773. Л. 12−54; Д. 2775. Л. 1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28, 34.
[26] *Алексикова Р.Я.* О заболеваемости учащихся старших классов школ-интернатов Ленинграда // Здравоохранение Российской Федерации. 1965. № 11. С. 11−12.
[27] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 927. Л. 5, 17.

Негативное воздействие неблагоприятной экологической среды затрагивало в первую очередь эндокринную систему новорожденных, что особенно остро проявлялось в городах. Следствием этого стал рост смертности младенцев от эндокринных нарушений, а также от расстройств обмена веществ и аллергических заболеваний.

Таблица 11

Основные причины младенческой смертности в городах РСФСР в 1950–1960-е гг.

Болезнь	Число умерших младенцев на 1 000 родившихся
1959	
Очаговое воспаление легких	128,3
Токсическая диспепсия	34,7
Дизентерия	23,7
Гастроэнтероколит	9,2
Грипп вирусный эпидемический	8,2
Коклюш	3,1
Корь	2,5
Сепсис	5,0
1965	
Пневмония первичная	21,4
Токсическая диспепсия	8,7
Дизентерии (все формы)	6,3
Грипп	5,8
Коклюш	0,3
Корь	0,7
Сепсис	4,0

Составлено по: Демографический ежегодник России, 2002: стат. сб. С. 183; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 927. Л. 5, 17.

Таким образом, в 1960-е гг. структура причин младенческой смертности существенно изменилась: наряду с традиционными инфекционными заболеваниями значительную долю составили онкологические патологии, а также болезни кровеносной и эндокринной систем. При этом общая динамика младенческой смертности имела тенденцию к снижению.

Сокращение показателей заболеваемости и смертности среди детей во многом объяснялось развитием системы медицинского обслуживания. Большинство детей в возрасте до 1 года получали необходимую медицинскую помощь. К тому же младенцы ежемесячно посещались медицинской сестрой для осмотра, иммунизации против оспы, дифтерии и коклюша. Детям в возрасте до 1 года также делали туберкулезную пробу Пирке, что выявляло микобактерии туберкулеза в организме.

Дети в возрасте до 14 лет включительно обслуживались обычно в детских больницах, поликлиниках (амбулаториях), детских отделениях больниц, необъединенных поликлиниках, что положительно сказывалось на демографических показателях.

Таким образом, в 1950-е и особенно в 1960-е гг. отмечались изменения в заболеваемости населения, выражавшиеся в снижении уровня заболеваемости инфекционными и паразитарными болезнями и увеличении сердечно-сосудистыми и онкологическими, в том числе у детей. Об этом также свидетельствовали особенности смертности населения. Понижение показателей заболеваемости и смертности населения, в том числе, были связаны с организацией медицинской помощи населению. В этот период также блокированы вспышки опаснейших эпидемических заболеваний − оспы, холеры, и не допущено эпидемий. Отмеченные изменения сказывались на состоянии здоровья населения, в том числе репродуктивного. Все это оказывало влияние на воспроизводство населения не только в 1950−1960-е, но и в последующие десятилетия. Однако проявление негативных тенденций в развитии системы здравоохранения, прежде всего дефицит квалифицированных медицинских кадров и современного медицинского оборудования, особенно в сельской местности, замедляло снижение смертности и наносило урон здоровью населения, что нашло отражение в осложнении эпидемической ситуации в стране на рубеже и в первой половине 1970-х гг.

Литература

Авцын А.П. Введение в географическую патологию. М.: Медицина, 1972. 328 с.

Алексикова Р.Я. О заболеваемости учащихся старших классов школ-интернатов Ленинграда // Здравоохранение Российской Федерации. 1965. № 11. С. 11−13.

Араловец Н.А. Здравоохранение и здоровье населения РСФСР в 1959−1989 гг. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Центр гуманитарных инициатив, 2023. 522 с.

Бароян О.В. Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека: заболеваемость в зарубежных странах. М.: Медицина, 1967. 347 с.

Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М.: Медицина, 1968. 303 с.

Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М.: Статистика, 1979. 224 с.

Бургасов П.Н. Состояние и перспективы дальнейшего снижения инфекционной заболеваемости в СССР. М.: Медицина, 1987. 112 с.

Васильев К.Г. История эпидемий и борьбы с ними в России в XX столетии. М.: Медицина, 2001. 256 с.

Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М.: Медицина, 1975. 250 с.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 318 с.

Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений: историко-демографический аспект, 1946−1960. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 310 с.

Зуев В.А. Воспоминания: последняя вспышка натуральной оспы в Москве // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2022. № 1–2. С. 178–181.

Мелехов Д.Е. Врачебно-трудовая экспертиза и трудоустройство инвалидов Отечественной войны с неврно-психическими заболеваниями. М.: Медгиз, 1945. 124 с.

Отношение человека к здоровью / Д.Н. Лоранский, Л.В. Водогреева. М.: ЦНИИСП, 1984. 33 с.

50 лет советского здравоохранения, 1917−1967: сб. ст. / гл. ред. Б.В. Петровский. М.: Медицина, 1967. 698 с.

Российский статистический ежегодник. 2001: стат. сб. / ред. В.Л. Соколин и др. М.: Госкомстат, 2001. 679 с.

Серенко А.Ф. Заносные вспышки натуральной оспы. М.: Медгиз, 1962. 121 с.

Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни: колл. моногр. / А.Д. Адо, И.И. Беляев, Д.И. Грядовой и др. М.: Медицина, 1975. 352 с.

Холера в СССР в период VII пандемии / под ред. В.И. Покровского. М.: Медицина, 2000. 470 с.

Якобашвили В.А. Сердечно-сосудистые заболевания как причина инвалидности рабочих и служащих в Краснодаре // Здравоохранение Российской Федерации. 1965. № 9. С. 16–20.

Яровинский М.Я. Здравоохранение Москвы (1581–2000 гг.). М.: Медицина, 1988. 270 с.

References

Ado, A.D., Belyaev, I.I., Gryadovoy, D.I. (1975). *Filosofskie i sotsialno-gigienicheskie aspekty ucheniya o zdorove i bolezni*: *kollektivnaya monografiya* [Philosophical and Socio-Hygienic Aspects of the Doctrine of Health and Disease]. Moscow, Meditsina. 352 p.

Aleksikova, R.Ya. (1965). O zabolevaemosti uchashchikhsya starshikh klassov shkol-internatov Lenindrada [On the Morbidity of Senior Schoolchildren in Boarding Schools in Leningrad]. In *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii.* No. 11, pp. 11–13.

Aralovets, N.A. (2003). *Zdravookhranenie i zdorov'e naseleniya RSFSR v 1959–1989 gg.* [Healthcare and Public Health in the RSFSR in 1959–1989]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk; Tsentr gumanitarnykh initsiatsiv. 522 p.

Avtsyn, A.P. (1972). *Vvedenie v geografiyu patologiy* [Introduction to Geographical Pathology]. Moscow, Meditsina. 328 p.

Baroyan, O.V. (1967). *Ocherki po mirovomu rasprostraneniyu vazhneyshikh zaraznykh bolezney cheloveka: zabolevaemost v zarubezhnykh stranakh* [Essays on the Global Distribution of Major Human Infectious Diseases: Incidence in Foreign Countries]. Moscow, Meditsina. 347 p.

Baroyan, O.V. (1968). *Itogi poluvekovoy borby s infektsiyami v SSSR i nekotorye aktyalnye voprosy sovremennoy epidemiologii* [The Results of Half a Century of Fighting Infections in the USSR and Some Current Issues in Modern Epidemiology]. Moscow, Meditsina. 303 p.

Bednui, M.S. (1979). *Mediko-demograficheskoe izuchenie narodonaseleniya* [Medical and Demographic Study of the Population]. Moscow, Statistika. 224 p.

Burgasov, P.H. (1987). *Sostoyanie i perspektivy dalneyshego snizheniya infektshionnoy zabolevaemosti v SSSR* [The State and Prospects of Further Reduction of Infectious Diseases in the USSR]. Moscow, Meditsina. 112 p.

Georgievskiy, A.S., Gavrilov, O.K. (1975). *Sotsialno-gigienicheskie problemy i posledstviya voyn* [Social and Hygienic Problems and Consequences of Wars]. Moscow, Meditsina. 250 p.

Loranskiy, D.N., Vodogreeva, L.V. (1984). *Otnoshenie cheloveka k zdorovyu* [Human Attitude to Health]. Moscow, TsNIISP. 33 p.

Melekhov, D.E. (1945). *Vrachebno-trudovaya ekspertiza i trudoustroystvo invalidov Otechestvennoy voyny s nevrno-psikhicheskimi zabolevaniyami: posobie dlya vrachey VTEK* [Medical and Labor Expertise and Employment of Disabled People of the Patriotic War with Neuropsychiatric Diseases: Benefits for VTEK Doctors]. Moscow, Medgiz. 124 p.

Petrovskiy, B.V. (1967). *50 let sovetskomu zdravookhraneniyu, 1917–1967: sb. statey* [50 Years of Soviet Healthcare, 1917–1967: Collection of Articles]. Moscow, Meditsina. 698 p.

Pokrovskiy, V.I. (Eds.). (2000). *Holera v SSSR v period VII pandemii* [Cholera in the USSR during the 7th Pandemic]. Moscow, Meditsina, 470 p.

Serenko, A.F. (1962). *Zanosnye vspyshki naturalnoy ospy* [Imported Outbreaks of Smallpox]. Moscow, Medgiz. 121 p.

Sokolin, V.L. et al. (Eds.). (2001). *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2001: statisticheskiy sbornik* [Russian Statistical Yearbook. 2001: Statistical Collection]. Moscow, Goskomstat. 679 p.

Vasil'ev, K.G. (2001). *Istoriya epidemiy i borba s nimi v Rossii v XX stoletii* [The History of Epidemics and Their Control in Russia in the 20th Century]. Moscow, Meditsina. 256 p.

Yakobashbili, B.A. (1965). Serdechno-sosudistye zabolevaniya kak prichina invalidnosti rabochikh i sluzhashchikh v Krasnodare [Cardiovascular Diseases as a cause of Disability among Workers and Employees in Krasnodar]. In *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii.* No. 9, pp. 16–20.

Yarovinskiy, M.Ya. (1988). *Zdravookhranenie Moskvy* (1581−2000 gg.) [Moscow Healthcare (1581−2000)]. Moscow, Meditsina. 270 p.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The Main Trends in Russia's Demographic Development in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 318 p.

Zhiromskaya, V.B. (2020). *Shiznennyy potentsial poslevoennykh pokoleniy: istoriko-demograficheskiy aspect, 1946−1960* [Life Potential of Post-War Generations: Historical and Demographic Aspect, 1946−1960]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 310 p.

Zuev, V.A. (2022). Vospominaniya: poslednyaya vspyshka naturalnoy ospy v Moskve [Memories: The Last Smallpox Outbreak in Moscow]. In *Byulleten Natsionalnogo nauchno-issledovatelskogo instituta obshchestvennogo zdorovya imeni N.A. Semashko.* No. 1–2, pp. 178−181.

Я.А. Кузнецова*

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ В 1990−2000-Е ГОДЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-22
УДК 314.5:94(571.1/.5)"199/200"

Выходные данные для цитирования:
Кузнецова Я.А. Брачное поведение населения сибирских регионов в 1990−2000-е годы: демографический аспект // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 270−285. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-22.pdf

Ya.A. Kuznetsova*

MARITAL BEHAVIOR IN THE SIBERIAN REGIONS IN THE 1990S−2000S: THE DEMOGRAPHIC DIMENSION**

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-22

How to cite:
Kuznetsova Ya.A. Marital Behavior in the Siberian Regions in the 1990s−2000s: The Demographic Dimension // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 270−285. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-22.pdf]

Abstract. The article examines the changes in the marital behavior of the population in Siberian regions during the 1990s and 2000s and based on the data from the official population censuses of 1989, 2002, and 2010 and the current vital statistics. The analysis of major demographic trends indicates that the marital structure − as one of the most critical elements of family formation, during this period was shaped by a combination of nationwide social, economic and demographic crises, structural demographic shifts across the generations, and also region-specific migratory and urbanization processes. The population declines in these regions, driven by negative natural growth and a massive outflow of people from depressed northern areas in the 1990s, was partially offset by an influx of Russian-speaking migrants into the West Siberia and the arrival of young people enrolling in universities in Tomsk, Novosibirsk, and Krasnoyarsk. Consistent with nationwide trends, these regions experienced gender and age imbalances within the population. Concurrently, a positive dynamic was observed within the structure of younger male and female cohorts. The analysis of changes in the marital structure reveals instability and a decline in registered marriages, a significant rise in informal unions, and a shift toward marrying at a later age. Collectively, these factors accelerated yet simultaneously distorted the long-term demographic modernization of Siberia throughout the 20th century, altering the transition from a traditional to a modern model of the institution of family and marriage.

Keywords: Siberia, Russia, population, migration, urbanization, depopulation, gender and age imbalances, marriages and divorces, marital behavior.

The article has been received by the editor on 19.09.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе данных официальных переписей населения 1989, 2002, 2010 гг. и текущего учета рассмотрены изменения в брачном поведении населения сибирских регионов в 1990−2000-е гг. Анализ основных демографиче-

* **Янина Александровна Кузнецова,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: scriptor_iisoran@mail.ru
Yanina Alexandrovna Kuznetsova, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: scriptor_iisoran@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Факторы стабилизации региональной семейно-демографической системы: ретроспективный анализ (конец XIX − первая четверть XXI вв.)» (FWZM-2025-0002)».
The article was made on the topic of the state assignment “The Stabilizing Factors of the Regional Family and Demographic System: A Retrospective Analysis (Late 19th − First Quarter of the 21st Century)” (FWZM-2025-0002).

ских тенденций показал, что брачная структура как один из важнейших элементов формирования семьи в этот период складывалась под воздействием как общероссийских кризисных явлений в социально-экономическом и демографическом развитии, структурных демографических сдвигов в поколениях, так и специфичных для регионов миграционных и урбанизационных процессов. Сокращение численности населения регионов в результате отрицательного естественного прироста и массового оттока населения из депрессивных, в том числе северных районов в 1990-е гг. частично компенсировалось миграционным притоком русскоязычного населения в регионы Западной Сибири, а также притоком молодежи в вузы Томска, Новосибирска, Красноярска. Как и по всей России, в регионах отмечены гендерные и возрастные диспропорции в населении. При этом в структуре молодых возрастов мужчин и женщин наблюдалась положительная динамика. Анализ изменений в структуре брачности свидетельствовал о нестабильности и снижении уровня зарегистрированных браков, а также значительном росте неофициальных союзов, откладывании браков на более поздний возраст. Все эти факторы ускорили и одновременно исказили длившуюся весь XX в. демографическую модернизацию в Сибири и процесс перехода от традиционной модели института семьи и брака к современной.

Ключевые слова: Сибирь, Россия, население, миграции, урбанизация, депопуляция, гендерные и возрастные диспропорции, браки и разводы, брачное поведение.

Статья поступила в редакцию 19.09.2026 г.

Продолжающийся процесс трансформации семьи как одного из важнейших исторически сложившихся социальных институтов общества является предметом многочисленных исследований демографов, социологов, экономистов. На протяжении многих веков семья как «ячейка общества» и фактически единственная принятая в советском обществе правильная модель взаимоотношений обеспечивала обществу передачу норм, традиций, духовно-нравственных ценностей, а главное – обеспечивала воспроизводство этого общества.

На сегодняшний день понятие семьи стало более многогранным: меняются формы отношений, ценности и функции, которые семья выполняет для человека. Меняется и растет средний возраст вступления в брак, создания семьи и рождения детей, которые откладываются молодежью, сфокусированной больше на образовании, карьере и личностном росте. Более того, наблюдается не только откладывание этих событий, но и сознательный отказ от них в пользу других жизненных приоритетов.

Для многих современных людей совместный быт, проживание и родительство перестают быть связанными с официальной регистрацией отношений, т.е. с браком, как это было ранее. Более распространенными становятся формы сожительства, свободных отношений, при этом откладывается рождение первых детей, растет количество внебрачных рождений, что существенно сокращает воспроизводство населения.

Как показывает анализ, изменения, происходящие в современном семейном, брачном и репродуктивном поведении людей, являются закономерными в условиях второго демографического перехода, и начались они более полвека назад. Инерционность процессов демографической сферы, включающей брак и семью, специфична, наличие или отсутствие глубоких трансформаций можно выявить лишь на основе анализа долговременных тенденций.

В 1960-е гг. итоги Всесоюзной переписи 1959 г. констатировали резкое снижение уровня естественного прироста населения в стране. Пытаясь выявить причины сокращения рождаемости, известные советские демографы Б.Ц. Урланис, Д.И. Валентей, А.Я. Кваша, А.Я. Боярский и другие[1] обратили внимание на ряд новых демографических тенденций

[1] *Урланис Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; *Валентей Д.И.* Теория и политика народонаселения, М., 1967; *Кваша А.Я.* Демографическая политика в СССР. М., 1981; Демографическая политика: сб. науч. тр. М., 1974; и др.

в обществе: резкий рост числа разводов и непрочность брачных союзов, переход от традиционной многодетной семьи к малодетной, откладывание вступлений в брак и рождение первых детей на более поздний возраст. 1970−1980-е гг. стали для советских демографов и социологов периодом исследований широкого спектра проблем в области семьи и брачного поведения. В работах демографов семья рассматривалась прежде всего как инструмент для повышения рождаемости в стране, поднимались вопросы сохранения и укрепления семьи, в том числе через экономические меры поддержки (льготы, пособия и др.), разработку государственной демографической политики, пропаганду семейного образа жизни и т.д. Тем не менее именно в этот период были разработаны первые программы социологических опросов, изучались закономерности формирования, развития и причин распада семьи, мотивации молодых людей относительно брака и деторождения. Это исследования Л.Е. Дарского, В.А. Беловой, Г.А. Бондарской, А.Г. Волкова[2]. Известный советский социолог семьи А.Г. Харчев внес значимый вклад в изучение брачно-семейных отношений, повторных браков, возрастных характеристик брачности[3]. При этом понятие семьи определялось им также в духе советского времени − как необходимый институт для воспроизводства поколений и социализации их в обществе.

В 1990-е гг. среди известных исследователей необходимо отметить работы советского и российского социолога семьи С.И. Голода, который один из первых исследовал процесс трансформации брачного и семейного поведения населения на основе анализа новых моделей отношений, изменения традиционных норм и ценностей семьи второй половины XX в., акцентировал внимание на интимных и эмоциональных потребностях молодых людей и супружеских пар в современный период[4].

В 2000-е гг. одно из важных и дискуссионных направлений в изучении вопросов семьи и брака в России было положено в работе С.И. Голода «Моногамная семья: кризис или эволюция?» (1995, 2002), в которой автор характеризует трансформацию современного отношения к семейному образу жизни и браку как закономерную реакцию на модернизацию общества и адаптацию на происходящие структурные изменения. Эту парадигму в разной степени поддерживали многие демографы, социологи и экономисты, в том числе А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, Т.А. Гурко, А.Р. Михеева. Другие исследователи − А.И. Антонов[5], В.М. Медков, А.Б. Синельников, исходя из классической модели семьи и заложенных в нее основных функций − воспроизводстве поколений, которые она постепенно теряет сегодня, считают это проявлением деструктивных кризисных тенденций и нарушением целостности семьи, требующим вмешательства государства.

Эта до сих пор открытая дискуссия показывает, насколько сложными и противоречивыми были последствия демографического кризиса 1990-х гг. в стране, и обусловливает необходимость более тщательного исследования и переосмысления событий второй половины XX столетия. В связи с распадом советской системы период характеризовался не только глобальными социально-экономическими, политическими и духовно-нравственными потрясениями в обществе, но и структурными демографическими сдвигами, выпавшими на этот период, когда в репродуктивный возраст сначала вступило малочисленное поколение 1970-х гг. (третья волна «демографического эха войны»), а в 2000-е гг. – многочисленное поколение 1980-х гг.

Несмотря на общие тенденции в стране, демографические процессы имели свою специфику в регионах. Сибирь отличалась не только отдаленностью, территориальными масштабами и суровыми климатическими условиями, но и историей формирования населения,

[2] *Дарский Л.Е.* Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование. М., 1972; *Белова В.А.* Число детей в семье. М., 1975; *Белова В.А., Дарский Л.Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972; *Волков А.Г.* Семья глазами демографа. М., 1989.

[3] *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М., 1964, 1979.

[4] *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. М., 1998.

[5] *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи в России XXI века: размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000.

уровнем социально-экономического развития, степенью урбанизации и многонациональным составом, что вызывало широкий интерес региональных исследователей к изучению населения. Нельзя не отметить весомый вклад историков-демографов Н.А. Араловец, Ю.В. Гончарова, В.А. Зверева, Л.Н. Славиной, В.А. Исупова, Н.С. Коробейниковой и других в разработку широкого круга демографических проблем Сибири, изучение семьи и брачного поведения населения в разные исторические периоды. Н.А. Араловец, Ю.М. Гончаров, В.А. Зверев исследовали особенности традиционного брачного и репродуктивного поведения, а также трансформацию ценностных установок в сельских и городских семьях Сибири второй половины XIX − первой половины XX в.[6] В ряде публикаций В.А. Исупова рассмотрена брачная структура как фактор повышенной рождаемости в условиях демографического взрыва в населении Сибири в период 1920-х гг., а также изучены тенденции брачности и причины кризиса института семьи в военные годы. Более подробно процессы брачности и разводимости в Западной Сибири в годы войны рассмотрены в работах Н.С. Коробейниковой. Как пишут авторы, война и массовая мобилизация мужчин оказали неоднозначное влияние на семейно-брачное поведение сибиряков, период характеризовался в целом сокращением, а также смещением мужской и женской брачности в более молодые возраста, нестабильностью военных браков, что имело свои последствия в послевоенные годы[7]. Л.Н. Славина, специалист по истории сельского населения Восточной Сибири второй половины XX в., также рассматривала вопросы эволюции семьи и брака в контексте демографической модернизации, отмечала сохранение в селах традиционных семейных ценностей и всеобщей ранней брачности до конца советского периода[8].

Сибирский регион имел достаточно серьезную научную базу социально-экономических исследований, центром которой была сформированная еще в 1970-е гг. школа социологии и демографии при Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН). Среди исследований необходимо выделить ряд значимых работ А.Р. Михеевой, С.В. Соболевой, О.В. Чудаевой и других[9], в которых на основе макро- и микроанализа в сопоставлении не только с российскими, но и зарубежными странами рассмотрены проблемы демографического развития Сибири в период 1980−2000-х гг. На основе статистического учета по Сибирскому федеральному округу проанализированы особенности перехода к современному типу воспроизводства населения, в том числе национальных регионов, трансформации семьи и брака через призму модернизации. На основе разработанных социологических опросов выявлена специфика брачности и разводимости, распространение сожительства, изменение ценностей, норм в семьях, а также отношение к отцовству и материнству в Новосибирской области. Исследователи приходят к выводу о схожести тенденций этих процессов с центральными регионами России, а также европейскими странами, несмотря на сохранение в национальных регионах традиционных ценностей и норм поведения и отношения к семье и браку.

Исследования семьи, брака и специфика демографических процессов в 1990−2000-х гг. в национальных регионах Сибири также представлены в отдельных работах демографов В.А. Кышпанакова, Е.Е. Тиниковой, этносоциологов Г.С. Гончаровой, Л.Я. Савельева,

[6] *Зверев В.А.* Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск, 2014; *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX − начала XX в. Барнаул, 2002; *Араловец Н.А.* Городская семья в России во второй половине XX в. М., 2015.

[7] *Исупов В.А.* Брачность населения Западной Сибири как феномен социальной мобильности (конец XIX в. − конец 1920-х гг.) // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2014. № 10 (484). С. 172−180; *Исупов В.А.* Кризис института брачности в городах РСФСР в годы Второй мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 16−26; *Коробейникова Н.С.* Обратная сторона войны: брак, семья и рождаемость в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939−1945 гг.). Новосибирск, 2016.

[8] *Славина Л.Н.* Сельское население Восточной Сибири (1960−1980-е гг.). Красноярск, 2007; и др.

[9] *Михеева А.Р.* Брак и семья в Сибири: современные тенденции // ЭКО. 2006. № 11. С. 138−155; *Соболева С.В.* Демографические проблемы Сибири (1990−1994) // Семья на рубеже веков: мат-лы обл. науч.-практ. конф. Новосибирск, 1995. Вып. 1. С. 78−84; и др.

Ю.В. Попкова[10]. На основе ряда статистических показателей и разработанных социологических методик анкетирования исследователи выявили рост этнически смешанных и незарегистрированных браков, изменения в семейных традиционных ценностях разных народностей и отношение к браку. Авторы резюмируют, что семья у народов Сибири трансформируется по общему вектору модернизации, но с этнической спецификой.

Данная статья посвящена изучению трансформации брачного поведения населения Сибири как одного из главных компонентов формирования семьи, проходившей в условиях системного социально-экономического кризиса и структурных демографических сдвигов в 1990−2000-х гг. в таких крупных регионах Сибири, как Алтайский, Красноярский края, Иркутская, Новосибирская, Омская и Томская области. В связи с поставленной целью в исследовании на основе теории урбанизации и второго демографического перехода будет проведен анализ основных демографических характеристик в населении, в том числе в гендерных и возрастных структурах, прослежены изменения в соотношениях брачности и разводимости населения в изучаемый период.

Исследование опиралось на опубликованные демографические работы по смежной тематике, статистические данные Всесоюзной (1989) и Всероссийских переписей (2002, 2010), а также текущий учет для более развернутого анализа и выявления специфических особенностей.

В 1990-е гг. регионы Сибири, как и вся Россия, были погружены в глубокий социально-экономический кризис, ставший катализатором ряда негативных демографических тенденций: резкое сокращение рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, повышение уровня смертности, ухудшение здоровья населения привели к долговременному тренду в развитии населения − отрицательному естественному приросту. Депопуляционные процессы в сибирских регионах усугублялись масштабным миграционным оттоком населения в более благоприятные для жизни центральные и южные районы страны и за границу. Этот процесс миграций исследователи называют «западным дрейфом» – термином, введенным Ж.А. Зайончковской. При этом на протяжении второй половины XX в. Сибирь с ее гигантскими промышленными и транспортными стройками и высокими «северными» надбавками к зарплате была центром притяжения молодого трудоспособного населения, имела устойчивый прирост и отличалась более интенсивным урбанизационным развитием. В начале XX в. сибиряки составляли 7,7 %, к началу XXI в. – 17,7 % всего трудового потенциала страны[11].

В 1990-е гг. Сибирь стала своеобразной транзитной зоной, частично компенсируя потери за счет притока мигрантов с отдаленных дальневосточных и северных регионов, а также начавшегося в этот период притока мигрантов из бывших союзных республик Казахстана и Средней Азии, особенно в Новосибирскую, Омскую области, Алтайский и Красноярский края. К 2010 г. на фоне экономической стабилизации миграционный отток снизился, положительное сальдо отмечалось в Новосибирской, Томской областях и Красноярском крае[12]. Это были не только трудовые мигранты, но и молодежь, приезжающая на обучение в исторически сложившиеся научно-образовательные центры Томска, Новосибирска, Красноярска, переживающие в 1990−2000-е гг. настоящий бум по количеству коммерческих вузов и филиалов, открытых в городах.

Отрицательный естественный прирост и миграционные колебания неоднозначно воздействовали на численность населения сибирских регионов (табл. 1).

---

[10] *Тиникова Е.Е.* Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX − начале XXI вв. // Исторические исследования. 2019. № 9. С. 81−92; *Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тюгашев Е.А.* Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения и межэтнические установки // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 62−69; *Гончарова Г.С., Савельев Л.Я.* Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2004; *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии в постсоветском периоде (1992−2022 годы). Абакан, 2022.

[11] *Романов Р.Е.* Динамика численности трудовых ресурсов Сибири в условиях демографической и экономической модернизации макрорегиона (конец XIX − начало XXI в.) // Молодой ученый. 2018. № 39 (225). С. 142−153.

[12] Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. М., 2010.

Таблица 1

Изменения численности населения регионов Сибири между переписями 1989–2010 гг.
(в % к данным предыдущей переписи)

Регион	Все население			Городское население			Сельское население		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Российская Федерация	7,0	–1,3	–1,5	13,7	–1,4	–1,0	–8,0	–0,9	–2,9
Алтайский край	4,7	–0,9	–7,1	12,7	–9,1	–4,5	–4,7	10,3	–10
Красноярский край	12,6	–2,4	–4,6	17,9	1,4	–3,9	0,2	–12,5	–6,9
Иркутская область	10,4	–8,6	–5,9	14,8	–9,9	–5,6	–4,5	–3,3	–7,0
Новосибирская область	6,1	–3,1	–0,9	10,9	–2,4	1,8	–5,9	–5,2	–9,6
Омская область	9,5	–2,9	–4,5	17,8	–1,4	–12,2	–4,7	–6,1	–1,0
Томская область	15,6	4,4	–0,5	21,4	3,5	–7,5	4,4	6,4	2,7

Составлено и рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 59; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8 (дата обращения: 05.08.2026 г.).

По переписи 1989 г. прирост городского населения вследствие активных миграций и урбанизационных процессов в ряде регионов превышал общероссийские показатели. В 1990-е гг. была зафиксирована убыль населения во всех регионах за исключением Томской области, в которой наблюдался рост как городского населения, так и сельского. Урбанизация в Томской области носила уникальный характер. В отличие от соседних регионов, городское население области концентрировалось вокруг столицы и научного центра Томска, а также крупнейшего закрытого города Северск благодаря поддержке атомной отрасли. Процесс субурбанизации и рост пригородных зон привели к стабилизации сельского населения Томской области. В преимущественно аграрном Алтайском крае значительный рост сельского и сокращение городского населения были связаны не только с притоком населения, но и с административно-территориальными изменениями, когда часть населенных пунктов была переведена в сельские. В сельском населении значительные потери нес Красноярский край, при этом в городском населении зафиксирован рост, наблюдался процесс так называемой «вынужденной» урбанизации, когда население массово стало покидать депрессивные северные районы края (кроме Норильского промышленного района), а также сельские и малые городские поселения, формируя вокруг столицы и промышленного центра – Красноярска – крупную агломерацию[13]. В Иркутской области наблюдалась самая высокая убыль городского населения, а также сельского, вследствие массового оттока в другие регионы. Сокращением населения характеризовалась и Новосибирская область – крупный промышленный район притягивал население из других регионов и стран ближнего зарубежья, особенно в столицу региона г. Новосибирск, но не компенсировал его полностью. Период 2000-х гг. в сибирских регионах также характеризовался сокращением населения, но более умеренным, что отчасти объяснялось оживлением экономики, проведением целенаправленной демографической и социальной политики в стране. Однако убыль сельского и городского населения в ряде регионов была достаточно высокой относительно общерос-

[13] *Задорин А.В.* Население Красноярского края в 1970–1990-х гг. Воспроизводство, расселение. Красноярск, 2016. С. 66–67.

сийских показателей. К 2010 г. самая высокая убыль городского населения наблюдалась в Омской области. Если в 1990-е гг. сокращение населения в области компенсировалось за счет мигрантов из Казахстана и Средней Азии, то в 2000-е гг. поток иссяк и область вошла в фазу непрерывного сокращения населения. Прирост городского населения отмечен только в Новосибирской области, а сельского − в Томской.

Кардинальные изменения в численности населения привели к трансформации возрастной структуры изучаемых регионов (табл. 2). Как и по всей стране, наблюдалась тенденция старения населения: сокращение населения моложе трудоспособного возраста (детей) и рост населения старше трудоспособного возраста (людей пенсионного возраста).

Если в 1980-е гг. в Сибири сохранялся прогрессивный тип возрастной структуры, при котором доля численности детей превышала долю людей пенсионного возраста, то с 1990-х гг. происходит переход в регрессивный тип. Так, в 1989 г., исходя из итоговых переписей, средний возраст в 1989 г. в Сибири (по Сибирскому федеральному округу) составлял 30,6 года, по России в целом − 34,2 года. В 2010 г. средний возраст увеличился, но оставался ниже, чем по стране, и составлял 37,7 и 39,0 года соответственно. По Сибири этот показатель был неоднородным и имел территориальные различия. Средний возраст был моложе в основном за счет национальных регионов с сохранявшимся высоким показателем рождаемости. В изучаемых регионах средний возраст был ближе к российскому. Например, в Новосибирской области в 1989 г. он составлял 34,3 года, в 2010 г. − 39,2, в Красноярском крае − 32,2 и 37,7 соответственно.

Таблица 2

Распределение населения регионов Сибири по возрастным группам
(в % ко всему населению)

Год	Население в возрасте					
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
	Российская Федерация			Красноярский край		
1989	24,5	57	18,5	27,2	58,8	14,5
2002	18,6	60,7	20,7	19,6	63,2	17,2
2010	16,1	61,5	22,1	17,1	63,1	19,8
	Алтайский край			Новосибирская область		
1989	26,5	55,5	19,0	25,0	57,3	16,8
2002	18,3	61,6	20,1	17,7	61,8	18,9
2010	16,5	60,7	22,8	15,3	62,4	22,3
	Иркутская область			Томская область		
1989	28,4	58,1	14,2	27,0	58,7	13,2
2002	21,1	62,2	16,7	18,4	64,7	15,0
2010	18,9	61,5	19,5	16,8	63,6	19,6
	Омская область					
1989	27,6	56,4	14,9			
2002	19,5	61,8	16,9			
2010	16,3	62,6	21,0			

Составлено по данным распределения населения по возрастным группам Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 гг. [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. URL: https://www.demoscope.ru/ (дата обращения: 09.08.2026 г.).

В 1989 г. в сибирских регионах численность населения моложе трудоспособного возраста была заметно выше, в 1990-е гг. произошло резкое снижение показателя, к 2010 г. число детей в регионах сократилось примерно в 1,5 раза. Перепись 2010 г. учитывала численность детей, родившихся в период 1993–2010 гг., на который приходился самый глубокий спад рождаемости за всю послевоенную историю. Самая низкая доля детей зафиксирована в Новосибирской области. Миграционная прибыль обеспечивала области, как развивающемуся промышленному центру, трудоспособное население, но рождаемость была низкой, так как население было преимущественно городским, ориентированным на одно-двухдетную семью. На протяжении 1990-х гг. во всех регионах наблюдался рост численности трудоспособного населения, которую пополнили многочисленные поколения родившихся в 1950–1960-е и в 1980-е гг. На пенсию стали выходить малочисленные поколения, рожденные в годы войны. Но к концу 2000-х гг. обозначилась тенденция старения возрастной структуры населения и увеличения доли пожилых людей во всех изучаемых регионах. Таким образом, приток численности населения снизу был гораздо выше, чем отток сверху.

Данные табл. 3 демонстрируют рост гендерной асимметрии населения за три переписных периода как в регионах, так и по всей стране.

Таблица 3

Гендерное соотношение населения регионов Сибири
(на 1 000 мужчин приходится женщин)

Регион	Все население			Городское население			Сельское население		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Российская Федерация	1 140	1 147	1 159	1 145	1 165	1 183	1 125	1 099	1 093
Алтайский край	1 121	1 146	1 165	1 138	1 183	1 204	1 101	1 106	1 119
Красноярский край	1 058	1 125	1 143	1 084	1 149	1 174	990	1 051	1 051
Иркутская область	1 066	1 135	1 156	1 083	1 159	1 184	997	1 047	1 054
Новосибирская область	1 142	1 155	1 151	1 161	1 179	1 172	1 087	1 088	1 084
Омская область	1 126	1 153	1 163	1 149	1 182	1 192	1 080	1 090	1 092
Томская область	1 053	1 120	1 126	1 063	1 140	1 144	1 029	1 080	1 086

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Госкомстат России, М., 2011. С. 61.

В 1989 г. заметные диспропорции были зафиксированы в Новосибирской и Омской областях, Алтайском крае. В 1990-е гг. резкий рост доли женского населения наблюдался в большинстве регионов. Исследователи отмечали самый большой разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в городском населении Сибири, что было связано с высокими показателями смертности трудоспособных мужчин по внешним причинам (отравление, травматизм, преступность, самоубийства и т.д.) и увеличением числа женщин старшего поколения[14]. В 2000-е гг. диспропорции в гендерной структуре населения регионов продолжали расти. К 2010 г. среди всех регионов высокие показатели отмечены как в городском, так и в сельском населении Алтайского края. В сельском населении других регионов сохранялась та же динамика, но более умеренная. В Красноярском крае показатель

[14] *Григорьев Ю.А., Баран О.И.* Гендерные различия в смертности и продолжительности жизни в Сибирском федеральном округе // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2017. № 1. С. 43–45.

остался на том же уровне. Диспропорции в первую очередь были выражены в старших возрастах, в молодых возрастах возрастная структура более сбалансированная.

Наличие молодых возрастных когорт − «потенциальных» женихов и невест, состояние «брачного рынка» – играет важное значение для формирования брачной структуры (табл. 4).

Таблица 4

Гендерное соотношение в молодых возрастных группах населения регионов Сибири (в промилле)

Регион	Мужчин-ровесников (15–29 лет) на 100 женщин						Мужчин старше на 5 лет (20–34 года) на 100 женщин					
	1989		2002		2010		1989		2002		2010	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
Российская Федерация	101	108	100	91	100	108	114	126	107	96	109	112
Алтайский край	98	111	95	84	97	103	107	127	104	94	104	117
Иркутская область	104	112	98	89	99	105	121	132	107	91	109	110
Красноярский край	101	113	97	88	98	105	129	145	111	89	113	122
Новосибирская область	97	116	98	88	104	112	105	128	105	94	108	117
Омская область	96	102	97	84	99	105	112	121	101	88	104	109
Томская область	109	109	98	81	99	104	113	133	104	89	108	117

Рассчитано и составлено по данным распределения населения по полу и возрастным группам Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 гг. [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. URL: https://www.demoscope.ru/ (дата обращения: 26.08.2026 г.).

В связи с этим автор сделала расчеты в соотношении женщин (15−29 лет) и мужчин-ровесников (15−29 лет), а также мужчин (20−34 года). В 1989 г. зафиксированы диспропорции в городском населении в соотношении женщин и мужчин-ровесников в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях, что связано с направлением молодых людей на промышленные стройки в Тюменскую область, на Дальний Восток, в том числе на север Красноярского края, в Иркутскую, Томскую области. Как видно из табл. 4, в более старших возрастах в городах и селах, особенно в Красноярском крае и Иркутской области, наблюдался значительный перевес мужского населения за счет промышленных зон. Однако в 1990-х гг. во всех регионах доля мужчин-ровесников как в городах, так и в селах стала снижаться, а мужчин старшего возраста сократилась только в сельской местности, тогда как в городской их доля была выше, из-за активной миграциеи и концентрации в городах молодого мужского населения. К концу 2000-х гг. доля ровесников-мужчин в городском населении несколько возросла, но женщин было больше, за исключением Новосибирской области, что, скорее всего, связано с высокой долей мужчин-мигрантов. В 2010 г. в регионах, как и по всей стране, было отмечено преобладание молодых мужчин в обеих когортах в сельском населении. Перевес мужского молодого населения в селах был также связан с активной миграцией молодых женщин, уезжавших из сельской местности и небольших городов за образованием, более широким выбором профессий и улучшением качества жизни.

В старшей когорте мужчин также еще оставались родившиеся в многочисленном поколении 1980-х гг., а потенциальные невесты уже в малочисленном поколении конца 1980−1990-х гг. Таким образом, структура бракоспособных возрастов мужчин и женщин в сибирских регионах в этот период претерпевала изменения, характеризовалась некоторой асимметрией и мужским перевесом, но в целом имела потенциал к формированию молодых брачных союзов.

В 1990 г. уровень брачности в регионах был выше общероссийского показателя, что обеспечивалось еще относительно стабильным экономическим положением регионов, а также миграциями и начавшимся притоком населения с приграничных территорий, наличием более сбалансированной возрастной структуры (рис. 1).

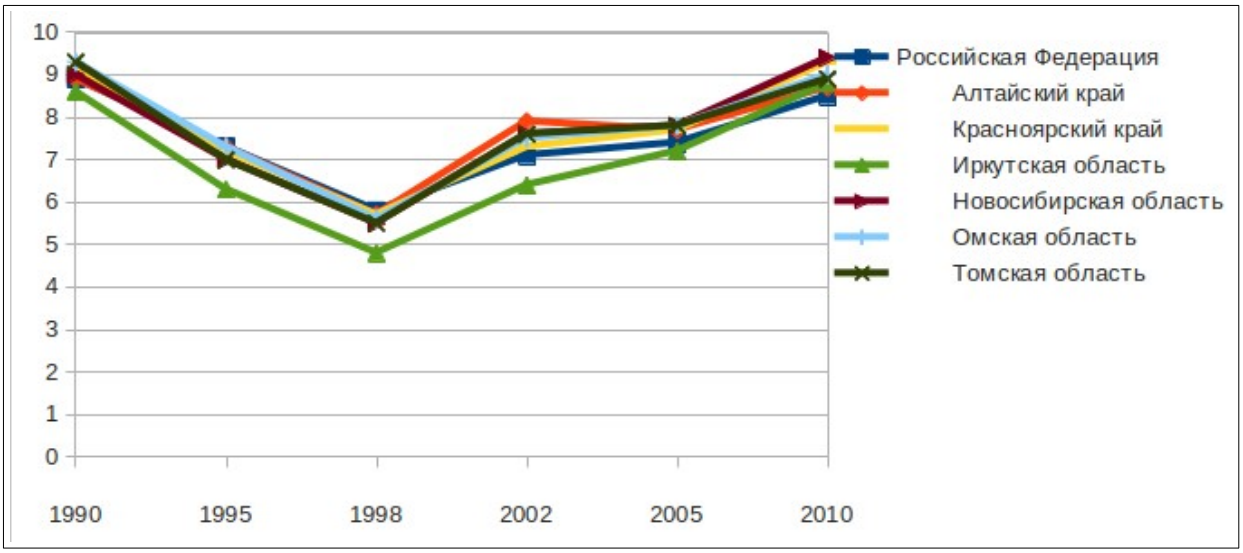

Рис. 1. Коэффициент брачности населения регионов Сибири в 1990−2010 гг. (в расчете на 1 000 населения).
Составлено по базе данных ЕМИСС

Самый высокий показатель браков наблюдался в Омской, Томской, Новосибирской областях и в Красноярском крае. Вследствие высокой убыли молодого городского и сельского населения, а также характерного перевеса мужского населения, сконцентрированного в моногородах, и отсутствия других источников обновления возрастной структуры Иркутская область характеризовалась более низким уровнем брачности в 1990-е гг. С середины 1990-х гг. уровень брачности во всех регионах начал снижаться, а в 1998 г. он упал до критического уровня, что было характерно в условиях продолжавшегося системного социально-экономического кризиса и начавшегося дефолта в стране. В 2000-е гг. уровень брачности вновь стал расти, в том числе за счет вступления в брачный возраст многочисленного поколения 1980-х гг., а также за счет повторных браков. К 2010 г. практически во всех регионах был достигнут уровень 1990-х гг., самый высокий уровень брачности был зафиксирован в Новосибирской области и Красноярском крае. Приток молодежи в крупные города обеспечивался наличием многочисленных вузов и ассортиментом рабочих мест, а стабилизация экономической ситуации позволила активизировать региональные программы поддержки молодых семей и предоставление субсидий на покупку жилья.

Уровень разводов в 1990 г. в ряде регионов превышал показатель по стране и продолжал расти до середины 1990-х гг. (рис. 2). Как видно на графике, самый низкий уровень разводов также отмечен в Иркутской области, что объяснялось не «крепостью браков», а их отсутствием в связи с наличием диспропорций в половозрастной структуре населения. Самый высокий уровень разводов в середине 1990-х гг. наблюдался в Томской области. Многочисленные браки, заключенные в 1990 г., не прошли проверку на прочность на фоне нарастающего экономического кризиса.

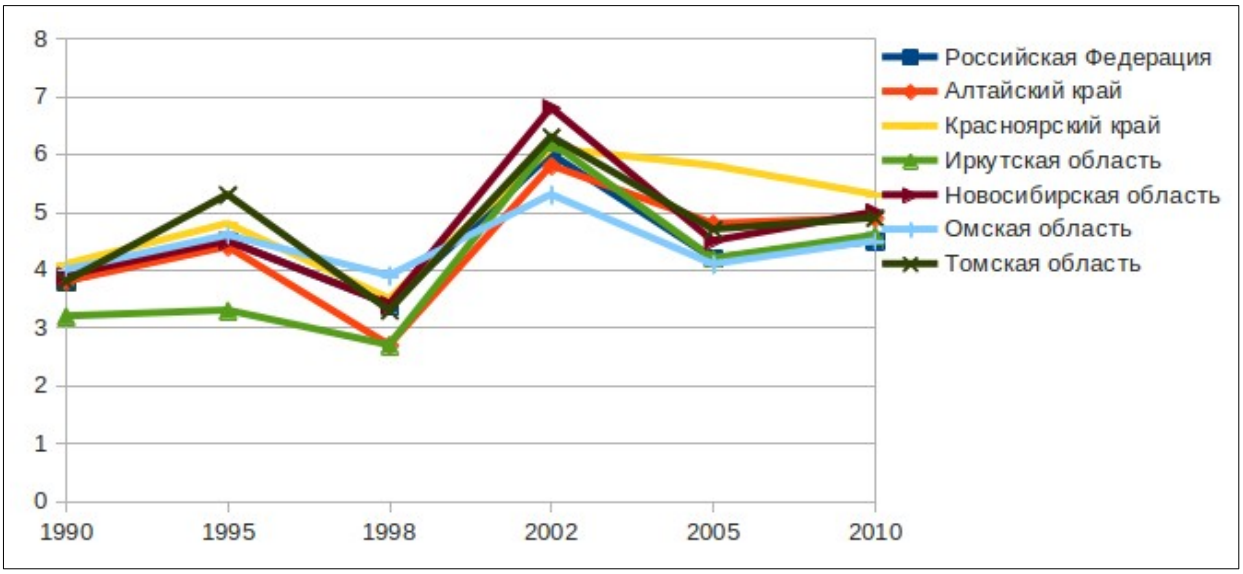

Рис. 2. Коэффициент разводимости населения регионов Сибири в 1990–2010 гг. (в расчете на 1 000 населения).
Составлен по базе данных ЕМИСС

В 1998 г. наблюдалось резкое сокращение разводов во всех регионах. Экономическая нестабильность и финансовый кризис 1998 г. привели к тому, что население в условиях стресса и неопределенности стало откладывать радикальные изменения в семейном положении, в частности развод. В 2002 г. был зафиксирован самый высокий уровень разводов как в регионах, так и в целом по стране. Исследователи аргументируют это рядом причин. Упрощение процедуры развода через ЗАГС в 1996 г. позволило расторгать браки без суда при взаимном согласии и отсутствии несовершеннолетних детей. С началом паспортной кампании и заменой советских паспортов на российские семейным парам, которые фактически разошлись в 1990-е гг., потребовалось официально подтвердить свой гражданский статус. Кроме того, до 2002 г. учитывались только официально расторгнутые браки, реальный распад семей скорее всего шел теми же темпами, но не попадал в статистику. Самый высокий показатель разводов в 2002 г. наблюдался в Новосибирской и Томской областях. К середине 2000-х гг. уровень разводов стал постепенно снижаться, а рост уровня брачности с 1998–2010 гг. «разбавил» показатель, т.е. доля разводов относительно браков сократилась. При этом Красноярский край и Новосибирская область демонстрировали одновременно высокие показатели уровня браков и разводов, что объяснялось пересечением ряда ключевых факторов: наличие многочисленных бракоспособных молодых контингентов способствовало росту числа брачных союзов, при этом динамичный образ жизни в высокоурбанизированных регионах и упрощенная процедура развода вели к нестабильности браков.

Важным показателем, характеризующим семейно-брачные отношения в обществе, является коэффициент устойчивости браков (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициент устойчивости браков в регионах Сибири
(число разводов на 1 000 браков)

Регион	1990	1995	1998	2002	2005	2010
Российская Федерация	2,34	1,63	1,71	1,18	1,76	1,89
Алтайский край	2,34	1,66	2,11	1,36	1,61	1,78
Красноярский край	2,22	1,50	1,63	1,20	1,33	1,75

Окончание табл. 5

Регион	1990	1995	1998	2002	2005	2010
Красноярский край	2,22	1,50	1,63	1,20	1,33	1,75
Иркутская область	2,69	1,91	1,78	1,03	1,72	1,92
Новосибирская область	2,31	1,56	1,62	1,12	1,73	1,88
Омская область	2,33	1,59	1,44	1,42	1,90	2,0
Томская область	2,45	1,32	1,67	1,21	1,66	1,82

Составлено и рассчитано по базе данных ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru (дата обращения: 28.08.2026 г.).

В 1990 г. устойчивость браков сохранялась по всем регионам, в Томской и Иркутской области этот показатель был выше других. Однако в отличие от Томской области, где наблюдался миграционный приток, в Иркутской области этот коэффициент складывался вследствие структурного фактора (низкие показатели уровня браков и разводов на фоне убыли населения и возрастных диспропорций). К середине 1990-х гг. коэффициент резко снизился в Томской области почти в два раза, что объяснялось высоким показателем разводов среди молодых студенческих пар. К 2002 г. коэффициент достиг самого низкого уровня как в стране, так и во всех сибирских регионах, когда на 1000 браков приходилось порядка более 800 разводов. Наиболее низким показателем и нестабильностью брачных союзов характеризовалась Новосибирская область. В Алтайском крае и Омской области, где сельское население составляло высокую долю, устойчивость браков была выше. К 2010 г. на фоне постепенного выравнивания уровней брачности и разводимости коэффициент устойчивости браков в регионах, как и в стране, соответственно вырос. Но из всех регионов только Омская область практически вернулась к уровню 1990 г., вследствие сокращения разводов показатель устойчивости браков заметно вырос и в Новосибирской области.

В период 2002−2010 гг. в регионах отмечена более высокая доля незарегистрированных союзов, чем в целом по России (табл. 6).

У данного показателя, впервые зафиксированного переписью 2002 г., есть специфическая особенность, подробно описанная в работах социологов и демографов. Речь идет о субъективном восприятии статуса неофициального брака мужчинами и женщинами (мужчина считает, что он свободен, а женщина – что она в браке), поэтому ответы не всегда совпадают. Судя по составленной таблице, взгляды на статус сожительства и официального брака у мужского и женского населения сибирских регионов также имели некоторые расхождения.

Высокая доля сожительств среди всех регионов у мужчин и женщин зафиксирована в Иркутской области. В условиях катастрофического спада производства, масштабного оттока населения, высокой смертности мужчин и половозрастной диспропорции, сокращения жилищного фонда, сожительства стали для населения не выбором, а скорее формой адаптации к реальным условиям. Иркутская область характеризовалась также самой высокой долей внебрачных рождений по России − 46 %[15]. В Омской области отмечен более низкий показатель доли сожительств, хотя он также превышал общероссийский, как и в Алтайском крае. В то же время высокий уровень урбанизационных процессов в Красноярском крае, Новосибирской, Томской областях, в которых отмечалась концентрация активного молодого населения, высокая доля сожительств свидетельствовала об изменениях ценностных установок в брачном и семейном поведении, откладывании браков на более поздний срок. В 2010 г. в данных регионах уровень неофициальных союзов несколько сократился, чему способствовали государственные и региональные программы поддержки молодых семей.

[15] Внебрачная рождаемость по субъектам Российской Федерации, 2002−2018 [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_exmar_reg_2_5.php (дата обращения: 29.08.2026 г.).

Таблица 6

Соотношение доли официальных браков и незарегистрированных союзов (сожительств) в регионах Сибири (% от числа всех браков)

Регион	Официальные браки				Сожительства			
	2002		2010		2002		2010	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Российская Федерация	90,2	90,2	86,7	86,7	9,8	9,8	13,2	13,2
Алтайский край	85,7	85,7	82,7	82,8	14,3	14,3	17,3	17,2
Красноярский край	84,2	84,3	80,1	80,4	15,8	15,6	19,9	19,6
Иркутская область	82,6	82,8	78,4	78,7	17,4	17,2	21,6	21,3
Новосибирская область	87,3	84,5	84,0	84,2	12,7	12,5	16,0	15,8
Омская область	87,8	87,9	83,1	83,2	12,2	12,1	16,9	16,8
Томская область	85,4	85,6	82,1	82,4	14,6	14,4	17,9	17,6

Рассчитано и составлено по данным распределения населения по брачному состоянию, полу и возрасту Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 2002, 2010 гг. [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. URL: https://www.demoscope.ru (дата обращения: 08.09.2026 г.).

В проведенных А.Р. Михеевой демографических и социологических исследованиях неофициальных союзов в Сибири подчеркивалось, что форма сожительств была характерна не только для молодежи, но и для более старших возрастов. Значительная часть таких союзов наблюдалась не в городах, а в сельской местности. При этом модель сожительства становится более предпочтительной по ряду причин, среди них высокая доля разведенных, не желающих вступать в повторный брак официально. Наряду с распространением сожительств как «пробных» браков среди молодежи также были и долгосрочные союзы, для которых штамп в паспорте не был принципиальным[16].

Таким образом, брачное поведение населения сибирских регионов в 1990−2000-х гг. в целом демонстрировало общероссийские тенденции, но трансформация происходила за счет пересечения ряда внешних и внутренних факторов. Распад советской системы, глубокий социально-экономический кризис и спад производства в регионах привели к негативным демографическим тенденциям, сокращению рождаемости, росту смертности, особенно среди мужского населения, и естественному сокращению численности населения, сопровождавшемуся также мощным миграционным оттоком из Сибири. Деформация гендерной и возрастной структуры населения в регионах была вызвана не только убылью населения, но и структурными демографическими сдвигами в поколениях (третья волна «демографического эха войны»). При этом наличие специфических особенностей в развитии регионов, отличавшихся уровнем и степенью урбанизационных процессов, территориальной структурой расселения и миграционной мобильностью населения, а также отраслевой специализацией экономического сектора, вносили свои коррективы в демографические показатели, в том числе в половозрастную и брачную структуры населения. Значительное воздействие на формирование и состав населения продолжали оказывать миграционные процессы. Начавшийся в 1990-е гг. миграционный приток населения в Сибирь из стран ближнего зарубежья частично компенсировал сокращение населения и дисбаланс в половозрастной структуре Новосибирской, Томской, Омской областей и Алтайского края. В Алтайском крае и Омской области наличие значительной доли сельского населения также обусловливало

[16] *Михеева А.Р.* Брак и семья в Сибири… С. 150.

более устойчивое традиционное брачное поведение населения. Красноярский край, Иркутская и Томская области с их северной периферией и мобильным, преимущественно мужским населением характеризовались ростом миграционного оттока, направлявшегося в более благоприятные регионы, в том числе в Западную Сибирь. Высокий уровень урбанизации, наличие экономического и научно-образовательного потенциала в Томской, Новосибирской области и Красноярском крае притягивали молодежь, что способствовало омоложению возрастной и брачной структуры населения. Снижение уровня зарегистрированных браков и значительно высокая доля неофициальных союзов, отмеченные во всех сибирских регионах, с одной стороны, указывали на трансформацию брачного поведения не только молодого, но и более старшего поколения урбанизированных регионов, с другой стороны – наличие весомого числа сожительств и внебрачной рождаемости в депрессивных регионах, особенно в селах, свидетельствовало не о модернизации, а скорее о социальной дезорганизации. Все эти факторы не только ускорили, но одновременно значительно исказили и размыли картину демографической модернизации в Сибири, длившуюся весь XX в., наличие противоречивых тенденций не дает возможность однозначно утверждать о переходе сибирских регионов от традиционной модели института брака к современной и требует более глубокого анализа.

Литература

Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века: размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Грааль, 2000. 416 с.

Араловец Н.А. Городская семья в России во второй половине XX в. М.: ИРИ РАН, 2015. 356 с.

Белова В.А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975. 176 с.

Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972. 144 с.

Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения, М.: Высшая школа, 1967. 184 с.

Волков А.Г. Семья глазами демографа. М.: Знание, 1989. 65 с.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. М.: Петрополис, 1998. 272 с.

Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX − начала XX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 384 с.

Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 288 с.

Григорьев Ю.А., Баран О.И. Гендерные различия в смертности и продолжительности жизни в Сибирском федеральном округе // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2017. № 1. С. 42−45.

Дарский Л.Е. Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование. М.: Статистика, 1972. 197 с.

Демографическая политика: сб. науч. тр. / под ред. В.С. Стешенко, В.П. Пискунова. М., 1974. 212 с.

Задорин А.В. Население Красноярского края в 1970−1990-х гг. Воспроизводство, расселение. Красноярск, 2016. 115 с.

Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск: НГПУ, 2014. 278 с.

Исупов В.А. Брачность населения Западной Сибири как феномен социальной мобильности (конец XIX в. − конец 1920-х гг.) // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2014. № 10 (484). С. 172−180.

Исупов В.А. Кризис института брачности в городах РСФСР в годы Второй мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 16−26.

Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.

Коробейникова Н.С. Обратная сторона войны: брак, семья и рождаемость в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939−1945 гг.). Новосибирск: Апельсин, 2016. 225 с.

Кышпанаков В.А. Население Хакасии в постсоветском периоде (1992−2022 годы). Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2022. 172 с.

Михеева А.Р. Брак и семья в Сибири: современные тенденции // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2006. № 11. С. 138−155.

Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тюгашев Е.А. Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения и межэтнические установки // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 62−69.

Романов Р.Е. Динамика численности трудовых ресурсов Сибири в условиях демографической и экономической модернизации макрорегиона (конец XIX − начало XXI в.) // Молодой ученый. 2018. № 39 (225). С. 142−153.

Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960−1980-е гг.). Красноярск: КрасГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. 472 с.

Соболева С.В. Демографические проблемы Сибири (1990−1994) // Семья на рубеже веков: мат-лы обл. науч.-практ. конф. Новосибирск, 1995. Вып. 1. С. 78−84.

Тиникова Е.Е. Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX − начале XXI вв. // Исторические исследования. 2019. № 9. С. 81−92.

Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136 с.

Харчев А.Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964. 325 с.

Харчев А.Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 368 с.

References

Antonov, A.I., Sorokin, S.A. (2000). *Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka: razmyshleniia o semeynoy politike, o vozmozhnosti protivodeystviya upadku sem'i i depopulyatsii* [The Fate of the Family in Russia in the 21st Century: Reflections on Family Policy and the Possibility of Counteracting Family Decline and Depopulation]. Moscow, Graal. 416 p.

Aralovets, N.A. (2015). *Gorodskaya sem'ya v Rossii vo vtoroy polovine XX v.* [The Urban Family in Russia in the Second Half of the 20th Century.]. Moscow, IRI RAN. 356 p.

Belova, V.A., Darskii, L.E. (1972). *Statistika mneniy v izuchenii rozhdaemosti* [Statistics of Opinions in the Study of Fertility]. Moscow, Statistika. 144 p.

Belova, V.A. (1975). *Chislo detey v sem'e* [The Number of Children in a Family]. Moscow, Statistika. 176 p.

Darskiy, L.E. (1972). *Formirovanie sem'i. Demografo-statisticheskoe issledovanie* [Family Formation. A Demographic and Statistical Study]. Moscow, Statistika. 197 p.

Golod, S.I. (1998). *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskiy analiz* [The Family and Marriage: A Historical and Sociological Analysis]. Moscow, Petropolis. 272 p.

Goncharov, Yu. M. (2002). *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX − nachala XX v.* [The Urban Family in Siberia in the Second Half of the 19th − Early 20th Century]. Barnaul, Izdatel'stvo AltGU. 384 p.

Goncharova, G.S., Savelyev, L.Ya. (2004). *Semeyno-brachnye otnosheniya u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy* [Family and Marriage Relations among the Peoples of Siberia: Problems, Trends, and Prospects]. Novosibirsk, Nonparel. 288 p.

Grigorev, Yu.A., Baran, O.I. (2017). Gendernye razlichiya v smertnosti i prodolzhitelnosti zhizni v Sibirskom federalnom okruge [Gender Differences in Mortality and Life Expectancy in the Siberian Federal District]. In *Byulleten Natsionalnogo nauchno-issledovatelskogo instituta obshchestvennogo zdorovya imeni N.A. Semashko.* No. 1, pp. 42−45.

Isupov, V.A. (2014). Brachnost' naseleniya Zapadnoy Sibiri kak fenomen sotsial'noy mobil'nosti (konets XIX v. − konets 1920-kh gg.) [Marriage Rate of the Population of Western Siberia as a Phenomenon of Social Mobility (Late 19th Century − Late 1920s)]. In *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal.* No. 10 (484), pp. 172−180.

Isupov, V.A. (2023). Krizis instituta brachnosti v gorodakh RSFSR v gody Vtoroy mirovoy voyny [The Crisis of the Marriage Institution in the Cities of the RSFSR during the Second World War]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 2 (79), pp. 16−26.

Kharchev, A.G. (1964). *Brak i sem'ya v SSSR: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Marriage and the Family in the USSR: An Experience of Sociological Research]. Moscow, Mysl. 325 p.

Kharchev, A.G. (1979). *Brak i sem'ya v SSSR: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Marriage and the Family in the USSR: An Experience of Sociological Research]. Moscow, Mysl. 368 p.

Korobeynikova, N.S. (2016). *Obratnaya storona voyny: brak, sem'ya i rozhdaemost' v gorodakh Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939−1945 gg.)* [The Other Side of the War: Marriage, Family, and Fertility in the Cities of Western Siberia during the Second World War (1939−1945)]. Novosibirsk, Apelsin. 225 p.

Kvasha, A.Ya. (1981). *Demograficheskaia politika v SSSR* [Demographic Policy in the USSR]. Moscow, Finansy i statistika. 200 p.

Kyshpanakov, V.A. (2022). *Naselenie Khakasii v postsovetskom periode (1992−2022 gody)* [The Population of Khakassia in the Post-Soviet Period (1992−2022)]. Abakan, Hakasskiy gosudarstvennyy universitet imeni N.F. Katanova. 172 p.

Mikheeva, A.R. (2006). Brak i semya v Sibiri: sovremennye tendentsii [Marriage and Family in Siberia: Modern Trends]. In *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal.* No. 11, pp. 138−155.

Popkov, Yu.V., Kostyuk, V.G., Tyugashev, E.A. (2007). Narody Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii: tsennostnye predpochteniya i mezhetnicheskie ustanovki [The Peoples of Siberia in the Sociocultural Space of Eurasia: Value Preferences and Interethnic Attitudes]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya.* No. 5, pp. 62−69.

Romanov, R.E. (2018). Dinamika chislennosti trudovykh resursov Sibiri v usloviyakh demograficheskoy i ekonomicheskoy modernizatsii makroregiona (konets XIX − nachalo XXI v.) [Dynamics of the Number of Labor Resources of Siberia in the Conditions of Demographic and Economic Modernization of the Macroregion (End of the 19th − Beginning of the 21st Century)]. In *Molodoy uchenyy.* No. 39 (225), pp. 142−153.

Slavina, L.N. (2007). *Sel'skoe naselenie Vostochnoy Sibiri (1960−1980-e gg.)* [Rural Population of Eastern Siberia (1960s−1980s)]. Krasnoyarsk, KrasGPU imeni V.P. Astaf'eva. 472 p.

Soboleva, S.V. (1995). Demograficheskie problemy Sibiri (1990−1994) [Demographic Problems of Siberia (1990−1994)]. In *Sem'ya na rubezhe vekov: materialy oblastnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Novosibirsk. Vol. 1, pp. 78−84.

Steshenko, V.S., Piskunov V.P. (Eds.). (1974). *Demograficheskaia politika* [Demographic Policy]. Moscow. 212 p.

Tinikova, E.E. (2019). Brachnost' i razvodimost' naseleniya gorodov Yuzhnoy Sibiri v seredine XX − nachale XXI vv. [Marriage and Divorce Rates among the Population of the Cities of Southern Siberia in the Mid-20th − Early 21st Century]. In *Istoricheskie issledovaniya.* No. 9, pp. 81−92.

Urlanis, B.T. (1963). *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR* [Fertility and Life Expectancy in the USSR]. Moscow, Gosstatizdat. 136 p.

Valentey, D.I. (1967). *Teoriya i politika narodonaseleniya* [Theory and Population Policy]. Moscow, Vysshaya shkola. 184 p.

Volkov, A.G. (1989). *Sem'ya glazami demografa* [The Family through the Eyes of a Demographer]. Moscow, Znanie. 65 p.

Zadorin, A. V. (2016). *Naselenie Krasnoyarskogo kraya v 1970–1990-kh gg. Vosproizvodstvo, rasselenie* [The Population of the Krasnoyarsk Territory in the 1970s–1990s: Reproduction and Settlement]. Krasnoyarsk. 115 p.

Zverev, V.A. (2014). *Ludi detnye: vosproizvodstvo naseleniya sibirskoy derevni v kontse imperskogo perioda* [People with Children: Population Reproduction in the Siberian Village at the End of the Imperial Period]. Novosibirsk, NGPU. 278 p.